

Юрий Михайлов

В ожидании августа

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ЮРИЙ МИХАЙЛОВ

В ожидании августа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53837003

SelfPub; 2020

Аннотация

В повести "В ожидании августа" автор обозначил водораздел, который поделил жизнь героев до августа 1991 г. и после, показал, как одни чиновники "победили" других и тем самым развалили могучую страну. В романе "Ты похож на астероид..." автор рассказывает о становлении семьи в новых, капиталистических условиях, когда ломается всё старое, а на замену, кроме власти денег и жажды наживы, ничего не предлагается. Повесть "Колесницу" около десяти лет читают в книге и в интернете, отзывы положительные.

Автор – ровесник Победы, член Союза писателей России, лауреат национальной литературной премии "Писатель года" за 2012 г.

Содержит нецензурную брань.

В ожидании августа

Глава-1.

Конец второго дня противостояния у здания на Краснопресненской набережной. Ночь – влажная и душная после дождя. Вместе с журналистами Сергей ходил возле мрачного исполина, отражающегося огнями в маслянистой воде Москва-реки. Машину, договорившись с водителем, оставил в переулке за американским посольством, работающим без остановок и перерывов по случаю падения советской власти.

Десятки встречающихся в темноте сквера и похожих на тени людей о чем-то говорили, жгли костры, ели хлеб с колбасой, пили водку, бегали проворные активисты, зазывая народ то на Садовое кольцо, чтобы перекрыть дорогу танкам, то к зданию на набережной, чтобы противостоять войскам спецназа, защитить штаб революции от штурма. Кричали: «Ре-во-лю-ци-я! – Слушали себя и снова кричали, – "Революция!" Походило на истерию.

Сергей до тошноты, до рвоты ощутил прилив тоски. Невесомых размеров, она наваливалась на него со всех сторон, входила в каждую клеточку мозга. Он незаметно отошел от журналистов, остановился у группы курящих и, не спеша, пьющих водку прямо из горлышка, мужиков, дождался, когда подойдет его очередь и, наконец, глотнул крепкого зелья. Потом еще и еще раз. Поперхнулся, сильно закашлялся.

– Что, с непривычки? Ни фига, привыкнешь! – Одобрительно похлопал его по спине тощий мужичок в очках, похожий на туриста-одиночку, шатающегося по северным просторам. Мужик сунул ему прикуренную сигарету в рот.

– Мы что сейчас делаем? – Спросил Сергей.

Турист заржал громко, запрокидывая голову и так рьяно мотая ею, что через сгнившие передние зубы во все стороны стали разлетаться куски хлеба и колбасы:

– Рассмешил! – Орал он. – Мы сейчас водку пьем! И нам пофигу, что будет потом. Видали чудака!?! – Обратился он к соседям. – На баррикады пришел... Ха-ха-ха-ха... Один скорпион долбает другого, один катран дерет второго... А мы водку на халяву пьем, сир-ви-ладом закусываем, финским, из самых дорогих ресторанов припёрли...

– Кончай базлатъ, – строго сказал мужчина, одетый в профессиональную куртку охранника или егеря, хотя было жарко и все, шаг за шагом, отодвигались от костра. – Ты кто? – Спросил он Сергея.

– Корреспондент...

– Понятно, вопросы задавай трезвым, а не этим..., – и он посмотрел в сторону туриста.

– А где трезвые? – Парировал турист. – Вон у кустов складывают трезвых..., – и он опять заржал во все горло.

Сергей пошел по скверу, под темными деревьями оранжевыми точками светились горящие сигареты. Справа на тропинке стояла тяжелая, с чугунными ножками, скамейка. На

ней спал мужчина, но Сергей всё-таки присел на свободный край импровизированной постели. Дыхание перехватило, ему не доставало воздуха, грудь сжало так, что он боялся пошевелиться. В какой-то момент показалось, что в сердце суют ученическую ручку с железным пером, раскаленным докрасна. Раздается шипение, кровь пузырится, мясо запекается по краям ранки от чудовищной температуры нагретого железа...

Он сидел, не шевелясь и уже не чувствуя боли, понимал: что-то произошло, но ему было все равно. Ощущал только одно: постепенно холодеют ноги и руки. Сердце переместилось под самое солнечное сплетение, где за счет движения диафрагмы Сергею легче дышалось. Он вдруг ясно осознал, что всем, кто находится вне зоны притяжения этого дома на Набережной, на все наплевать. Нет милиции, которая почему-то сама решила, что не будет вмешиваться в «политические разборки». Нет спецназа и других пятых-десятых внутренних войск, которые отвечают за сохранение порядка. Значит, въезд в столицу колонны невооружённых солдат на БТРах – спектакль, блеф, провокация, которая устроена кем-то специально?

Сергей со всей очевидностью вдруг понял, что столичная власть сдалась. Небольшая группа, видимо, рота-две солдат мотострелковой части, просто захлебнется в районе Садового кольца, дома на Набережной, высотки СЭВ. Или их просто растерзают. «Их-то за что предали?» – Подумал он. В это

время к нему подошел водитель:

– Слава Богу, я вас нашел, – сказал он. – Пойдемте, машина рядом, удалось подогнать ближе...

Здание Кабинета Министров (Кабмин), куда они подъехали, оцеплено жидкой цепочкой военных, на въезде и выезде дорогу закрывали два БТРа. Сергей действовал механически: кому-то показывал удостоверение советника Премьера, потом прошел в вестибюль здания, долго стоял на площадке лифта, собираясь с мыслями: сначала рассказать об увиденном или сразу пройти в цокольное помещение, где располагался медпункт, чтобы дежурный врач осмотрел сердце. В то время он не знал, что такое скачки давления, «загрудина» с тупой болью, почему вдруг становится так холодно, что челюсти невозможно удержать от тряски... На лифте он поехал на премьеровский этаж.

В приемной кроме дежурного секретаря, видимо, отставного офицера КГБ, худого и будто прокаленного на огне, подтянутого и застегнутого на все пуговицы, стояли у окон и сидели в креслах люди. Сергей поздоровался, негромко спросил у дежурного о Премьере.

– А вас искал начальник охраны, завсекретариатом спрашивал, – так же тихо проговорил мужчина.

Сергей понял, что Премьера в здании нет. Он отыскал кабинет охраны из двух комнат, довольно просторных, с собственным туалетом и душем, со всеми видами правительственной связи. Стас, полковник «девятки» (9 управление

КГБ, занимающееся охраной высшего руководства страны), пожал руку, спросил о доме на Набережной, о раскладе сил.

– Все плохо, Стас, – сказал Сергей. – Город бросили все. Если сегодня толпа пойдет на штурм Кабмина, защитить его некому. Люди на Набережной, в основном, выпившие, настроены агрессивно. С ними никто не общается, не работает. Испуг от ожидаемого и поэтому такого страшного поначалу штурма прошел. Ночь кончается, с рассветом приходят силы...

– Я соединю тебя с Премьером, ты ему все это расскажи. Только помни: два дня назад у него был кризис, давление за 220 скакнуло. Он еле живой...

– Я могу и сам ему позвонить, – сказал Сергей.

– Не сможешь, мои ребята отвечают на все звонки.

Стас набрал номер по обычной телефонной связи, поговорил с кем-то, видимо, из сотрудников, положил трубку на аппарат.

– Сейчас перезвонят, посиди, покури, Иваныч.

Было видно, как устал полковник: глаза красные, волосы всклокочены, рубашка несвежая. На столе стояла пепельница, забитая окурками. Курили несколько человек: рядом с дорогими фильтрами лежали окурки крепкой «Примы», папирос «Беломор-канал».

Зазвонил телефон первой правительственной связи. Стас поднял трубку, долго слушал собеседника на том конце провода, сказал:

– С ним хотел поговорить сам Премьер, – и протянул Сергею трубку.

– Сергей Иванович, это супруга Евгения Павловича Евгения Иванна. Здравствуйте. Я прошу вас, поаккуратнее. Врачи диагностировали подозрение на инсульт. Слава Богу, удалось купировать болезнь, но нет вообще никакой гарантии. Вы понимаете всю сложность ситуации? Но он хотел с вами поговорить. Минуту, я передам трубку...

И вот, наконец, голос Премьера:

– Слушаю, Серёжа.

Раньше он не называл Сергея Ивановича по имени.

– Вы в курсе ситуации, оцениваете ее? – Спросил Сергей.

– Да.

– Надо детализировать?

– Думаю, нет...

– Тогда у меня два предложения. Первое: я приезжаю сейчас со съемочной группой, и мы записываем ваше обращение к народу. Вы единственный – и реальный, и легитимный – Премьер-министр СССР берете всю ответственность за происходящее в стране на себя, распускаете ГКЧП, заводите войска в казармы, говорите народу, что митинги заканчиваем, начинаем работать. Главное, чтобы народ в стране почувствовал, что есть власть, есть Премьер, тот человек, который работает, все видит, отвечает за все. Это, скорее, для регионов, не для столицы...

Пауза, длинная.

– Второе что, в отставку? – Не спросил, сказал Премьер.

– Да, вы говорите по телевидению и радио, мировым информагентствам, что отказываетесь от ГКЧП, собираете заседание Кабинета Министров СССР и объявляете о своей отставке. Но на этом же заседании вы, данным вам правом главы легитимного Кабмина, убираете из ГКЧП ваших министров: обороны, внутренних дел, председателя КГБ и до заседания Верховного Совета СССР, где вас утверждали, продолжаете исполнять обязанности Премьер – министра...

– Нет, Серёжа, – сказал он, – не смогу я так. Неприлично... Да и поздно уже. Береги себя. Извини...

Связь прервалась.

Глава-2.

Двое работников прокуратуры в штатском вошли в кабинет Сергея Ивановича. Сказали, что они следователи по особо важным делам, расследуют дело о ГКЧП. Формат встречи – предварительный: лучше до ареста всё рассказать и показать самому.

– Дашь показания?! Нам надо на Премьера. Будучи его советником в ранге министра, ты не мог не знать, что он замышляет. Тогда мы гарантируем тебе свободу, вернешься к семье... – Первым начал разговор прокурор, маленького роста, с детскими ладошками и круглым безбровым лицом.

Молчание. Сергей Иванович испуган, но не на столько,

чтобы биться в истерике, просить пощады, сдавать непонятно кого и, главное, непонятно, за что. Поэтому он молчит.

– Все просто, старик, ты крайний. Ты знаешь о Премьере всё, досконально. Ты выдал мировой прессе сообщение о безоговорочной поддержке ГКЧП Кабмином. Ты один заставил всех поверить, что ГКЧП – легитимен, что его решения поддерживали все края, область, республики, в общем, вся страна. Заварил ты кашу круто, сядешь крупно... За измену родине можешь и под расстрел загреть.

"Не прошло и трёх дней с ареста Премьера, – думал Сергей, – всё покатило к черту, к дьяволу. Господи, помоги мне. Что мне делать, как себя вести? Информация в правительственном ТАССе, звонки журналистов – всё это чушь собачья... За это не расстреливают и даже не судят. Что хотят от меня прокурорские следователи? Чтобы я сдал Премьера? Как я могу его сдать, не зная о ГКЧП. Я лишь одно знаю, что введение ЧП – стопроцентно правильное решение. И нисколько не жалею о том, что в оголтело – демократической газете напечатал переданный мне Премьером готовящийся проект Союзного Договора. После его принятия точно в две недели не стало бы СССР".

"Что это они там говорят, на кого я посягнул, кому изменил? – До Сергея долетают обрывки монологов то одного, то второго прокуроров, расположившихся возле его ушей, но чьи речи не прорывались до сознания. – Кто такой Валентин Борисович Мальцин? Ему я точно не присягал. Ну и что, что

он руководитель. Я тоже руководитель, и россиянин, и страну люблю не меньше его..."

– Ты реагировать-то будешь? – Громче обычного вдруг сказал маленький юркий прокурор, обдав Сергея кислым запахом перегара. Он все старался приладить полуоторванный рукав к плечу пиджака в крупную клетку, из-под которого просвечивала синяя служебная рубашка.

«Боже, как же надо нажраться, чтобы иметь такой перегар и такой бомжовый вид!», – Сергея буквально передернуло, но он вдруг вспомнил, что у него в холодильнике есть хорошие запасы к столу.

– Принести «Боржоми»? – Спросил он юркого, – это здесь, в комнате отдыха.

– Мы еще не заработали ни чай, ни «Боржоми», – сказал второй прокурор, крупный хохол, говорящий с жутким малороссийским акцентом, гнусавя крупным носом, настолько пористым и красным, что он походил на елочную игрушку из папье-маше.

– Хорошо, поручите мне сделать это в порядке исключения, – сказал Сергей, – ведь вы все-таки в моем кабинете находитесь, значит, являетесь моими гостями.

Он встал, сделал несколько шагов, и, выждав паузу и не услышав окрика, пошёл к двери, расположенной сзади письменного стола, в углу огромного, с малое футбольное поле, кабинета. Прокуроры, видимо, опешили от такой наглости, сидели, молчали, смотрели на него. Сергей демонстратив-

но открыл дверь комнаты отдыха настежь, зашел туда и тут же громко хлопнул дверцей холодильника. Через минуту он вернулся с «Боржоми» и почти полной бутылкой армянского коньяка 10-летней выдержки. За лимоном он решил сходить позже, во второй заход.

Разлил коньяк по стаканам, пододвинул их к краю стола, где лежали руки прокуроров, проговорил:

– За Отчизну, за народ, за право его выбора, – и, не чокаясь, медленно поднес стакан к губам. Пил вкусно, глоточками, смакуя прекрасный коричневый напиток. Поставил стакан на стол, посмотрел на прокуроров.

– Вам привет из Армении, прекрасный коньяк, грех не пригубить по глоточку...

Задуманную фразу Сергей не успел закончить. Прокуроры одновременно взяли свои стаканы и залпом осушили их. «Ну, вот и славно, – сказал сам себе хозяин кабинета, – сейчас дело пойдет веселее».

– Я мигом, лимон забыл. А вы пока пейте «Боржоми», хотя, конечно, жалко такой коньяк разбавлять водой.

Сергей Иванович снова прошел в комнату отдыха, достал из холодильника приготовленные в буфете бутерброды с колбасой, настоящей, копченой, свиной, лимон, порезанный на блюде тонкими ломтиками и плотно завернутый в целлофан, вторую бутылку, правда, уже ординарного коньяка «три звездочки», и со всем этим хозяйством вернулся к столу. Там было заметное оживление: прокуроры о чем-то

тихо, но, энергично жестикулируя, разговаривали. Он услышал последнюю фразу хохла: «Наикраше прохфилактика – це турма»

Сердце Сергея сжалось, а в голову вдруг полезли дурацкие стишата: «За измену родине – пиф-паф, ой-ёй-ёй, умирает зайчик мой!.. А дети, мои родные, им-то, за что все это? Как им–то объяснишь-расскажешь, что демократическая диктатура–еще гнуснее пролетарской. А, гори все...»

– Мужики, предлагаю тост за вас, за ваши семьи, детей ваших. Здоровья им, счастья! За спокойствие в стране. За наш великий и могучий СССР!

Он быстро разлил по стаканам остатки старого коньяка, поднял свою долю высоко над головой и задержал движение руки, медля и раздумывая, чокаться с ними или не стоит дразнить гусей. Хохол первым протянул свой стакан, смачно выругался, грохнул посудиною по стаканам Сергея и своего напарника и залпом выпил божественный напиток. Он разорвал целлофан, выхватил тонкий ломтик лимона, который казался в его мясистых пальцах трепещущей оптической линзой, и протянул хозяину кабинета. Сергей буквально подавился напитком, еле сумел допить коньяк, поставил стакан на стол и подставил свою ладонь под лимон. Прокурор ловко свалил на ладонь прозрачный кусочек с желтой корочкой, облизал пальцы огромным синеватым языком и достал сразу два бутерброда с сырокопченой колбасой.

– Отдохнете здесь, на маленьком диване, или в комнате отдыха? – Спросил Сергей хохла, крепко стоявшего на ногах.

Прокурор махнул рукой на открытую дверь запасной комнаты:

– Побудка через три часа. Далеко не уходи. На звонки не отвечай. С нами тебе безопаснее...

Сергей налил ему еще полстакана водки из последней бутылки «Столичной», которую пришлось доставать из холодильника после выпитых двух бутылок коньяка, положил рядом последний бутерброд с колбасой и пошел в комнату отдыха. Достал белье, разорвав упаковки, постелил на разобраный диван два комплекта простыней, разложил подушки, одеяла не стал засовывать в пододеяльник, набросил их на постель сверху. Вернулся в кабинет, увидел, как большой прокурор пытается разбудить маленького, юркого, который уснул, сидя в приставном кресле, положив голову на край письменного стола.

Сергей помог хохлу поднять бездыханное тело, они дотащили прокурора до дивана и буквально бросили на постель. Укрывать одеялом не стали. Хохол взглянул на советника Премьера трезвыми глазами, спросил:

– Тебе есть куда залечь?

– Бежать, – сказал, не спросил Сергей, пожал плечами. – Наверное, да, к родственникам.

– Це – дурь... Надо залечь, чтоб не могли найти несколько

дней. Вся кровь в революциях случается в первую неделю. Во французскую, в русскую... Так что, думай. Прибери—ка здесь всё, бумаги, то да сё... А водку принеси сюда, посижу пока, покурю, потом сосну час-другой. У нас революция, ненормированный рабочий день.

Сергей Иванович вдруг абсолютно ясно осознал, что хохол говорит на чистом русском языке, что глаза его трезвы и что спать он собрался только из-за солидарности с маленьким прокурором. Он занес в комнату отдыха бутылку «Столичной» водки, пустой стакан.

— А с пропуском как? — спросил Сергей. — На входе милиция с автоматами...

— Я подпишу тебе пропуск на выход из здания и вход на три дня. Мы тебя пока не будем трогать. Вечером мы уйдем в гостиницу, нас уже поселили в составе прикрепленных к прокурорской бригаде. — Хохол говорил медленно, абсолютно трезвым голосом. — Пока мы отдыхаем — займись бумагами, кое-что я бы уничтожил... Сам знаешь. А потом решай, что тебе надо делать... Понял меня? Арестовывать тебя будем не мы. Абвгдейка...

И заржал, довольный своей шуткой, при этом нос его трясся как спелая груша, готовая от любого порывом ветра оторваться от ветки.

Вот и всё. Закончился спектакль. Сменилась власть. На сцену вышли скоморохи. Сергей, стоя у огромных размеров окна, наполовину закрытого белыми ниспадающими шёлко-

выми занавесями, смотрел на изумительной красоты здание филиала МХАТа и думал о двух своих мальчиках. Он знал, что если его арестуют, они не пропадут с женой, на крайний случай, в ближайшие день-два, уедут к бабушке в поселок. Деньги пока есть, на полгода им хватит. «Может, и мне, бросив все, уехать с ними? Хохол, не скрывая, говорил об этом шаге... – Мелькнула мысль, заставившая Сергея Ивановича вздрогнуть. – Нет, – гнал он её, – нехорошо, неприлично так себя вести...»

А грудь прихватывало всё сильнее. За эти дни ему ни разу не удалось забыть о сердце: оно сжималось и ныло даже во сне. "Надо зайти в медпунк... Надо! На-до!"

Сердце будто услышало его внутренний голос, стало подкатываться к горлу...

Глава-3.

По мере движения «Скорой помощи» к больнице, доктор, сидящий рядом с носилками Сергея Ивановича, все больше заводился, грассируя так, что закладывало уши. Он уже стал кричать о безответственности пациентов, хамском отношении к своему здоровью, о морге, в котором с удовольствием примут такого к..., как его нынешний больной.

– Где вы почувствовали боль... вперррвые? – Спросил доктор.

– У дома на Краснопресненской набережной, ночью, два-

дцатого августа...

– Лежите-молчите!

– Но вы же спрашиваете.

– Я пррроверрряю ваше состояние, чтобы вы не заснули.

Длинная пауза, молчание длится уже неприлично долго.

Сергей не выдержал, наклонил голову набок, спросил доктора:

– Что, серьезно, инфаркт?

– Уверррен! Но анализы покажут... Стрррашно, что на ногах. Вам сколько лет?

– Сорок...

– Самый тот возррраст. Ломаетесь быстррро, адаптации никакой... Я знал старрриков, членов пррравительства, которррые наблюдались по поводу рррака 15-17 лет... И хоть бы что. А на днях один член пррравительства умеррр у меня в палате. В палате! Ему было чуть за 50... Вот так!

– Бог даст, – Сергей про себя закончил фразу, – обойдётся.

– На бога надейся, – подытожил доктор. – Подъезжаем.

Сейчас все по пррравилам. Дежурррные санитаррры вас на носилках доставят в ррреанимацию. Тихо, ни слова, только слушайте и молчите! Вы пациент, мы – врррачи! Вы в больнице. Мы вас любим, но и все на этом.

Машина сходу вскочила на широкий пандус, почти въехала в больничный корпус. Открылись задние двери «Скорой», доктор проверил капельницу, двое молодых ребят, видимо, студенты-практиканты, ловко и аккуратно вытащили

Сергея Ивановича из машины, почти бегом повезли внутрь здания. В вестибюле-палате приемного покоя, огромных размеров комнате, отделанной мрамором, они подвезли его к столу и усадили на дежурного доктора.

– Отдыхайте, – сказал тот, не поднимая головы от бумаг. – Так, я понял: на пациента у нас никаких документов нет.... Где вы были на стационаре последний раз? Понял, в ЦКБ. Запрос придет через день, а то и два...

В это время в комнату вошёл доктор, привезший Сергея Ивановича.

– Ладно, Сань, потом оформим его, – сказал грассирующий доктор. – На четвертый этаж больного. И по полной программе! Я поднимусь следом.

Остановились у двойных дверей палаты. Студенты ждали реаниматолога и медсестру, которые, оповещенные звонком снизу, не торопясь, шли от дежурного пульта.

Студенты осторожно въехали в палату, перетащили Сергея на кровать. Подошедшая медсестра стала быстро снимать с него одежду: костюм – раз и нету, рубашку и майку сняла аккуратно, легко, поднимая руки больного по очереди, трусы он попытался снять сам. Не тут-то было...

– Лежите тихо, – сказала медсестра, – не мешайте мне...

– Учитесь эскулапы, – сказал реаниматолог студентам, молча наблюдавшим за медсестрой. – Сейчас поставим капельницу, возьмем анализы и все такое...

– Это реанимация? – спросил Сергей.

– Да. Приказано вас поместить сюда. В холле будет находиться дежурный, чтобы к вам никто не забрел случайно. Этот отсек полностью изолирован...

Врач сам поставил капельницу, подключил все приборы, экран, как в телевизоре, засвистел, повздыхал и стал тихо попискивать.

– Пока все, – сказал врач, – в туалет и т.п. – нажатием этой кнопки. Придут, поставят утку... И без стеснений, церемоний. Дело больничное, дело обычное... Ничего не пытайтесь делать сам, уроните капельницу – беда...

Доктор полуобнял медсестру за плечи, и вместе со студентами они пошли к выходу. Сергей склонил голову к окну, белые шелковые занавески закрывали треть его размера, видно было только яркое голубое небо и часть зеленой кроны какого-то дерева, стоящего на улице. Слезы сначала душили его, прорываясь сквозь сопротивление, а потом, когда он перестал сдерживать мышцы лица, потекли свободно, нос задышал ровно. Сергей ничего не мог с собой поделаться, лежал, повернув голову к окну, и плакал...

Прошло время, прежде чем Сергей научился не замечать процедурную медсестру с тонкой и длинной иглой, которая каждые четыре часа, днем ли, ночью ли, приходила к нему с уколом. Она сама открывала одеяло, тихонько переворачивала больного на спину и делала укол в живот, который стал уже синим в районе пупка и с желтыми разводами по бокам.

Сергей смирился со всеми сложностями жизни тяжёло-

го больного, научился пользоваться уткой и глицериновыми свечами, переносным телевизором без программ, только с использованием кассет с фильмами, передвижной тумбочкой с журналами двухлетней давности. Сначала он возмущался, говорил, что задыхается без информации, что это не только его работа, но и жизнь. «И смеррртть, – сказал доктор, с которым он, наконец, познакомился поближе и которого звали Юрий Евсеевич. – Вам не надо знать, что на улице творрррится. Это не для вашего давления. Мы не можем его стабилизиррровать... Поэтому вы до сих поррр в ррреанимации»

Лукавил доктор: они прятали его от посторонних глаз. Вот только, кто давал команду?

Сергей услышал какие-то голоса, потом шаги нескольких человек, явно приближающихся к его палате. Поворот ключа в замочной скважине, в предбанник кто-то входит, но пока к больному не идет, стоит, видимо, дожидаясь то ли старшего, либо пока соберется вся группа. Сергей закладывает руки за голову, прикрывает веки, старается выровнять дыхание.

– Кажется, спит...

– Пора, пора будить! – негромко, но властно произносит какой-то дребезжащий голос.

Сергей открывает глаза, видит, что в палате стоят три человек: двое в белых халатах, третий – в халате, наброшенном

на плечи. Юрия Евсеевича с ними нет.

– Как вы себя чувствуете? – Спрашивает, видимо, врач, но чужой, не с кардиологии. Здесь не так разговаривают с больными после инфаркта, в лоб о здоровье не спрашивают.

– Хорошо, – отвечает Сергей.

– Это похвально... Похвально.

Пауза. Она становится длинной, все трое переминаются с ноги на ногу. Один, тоже, похоже, врач, говорит:

– Давайте присядем, стульев хватит на всех...

Человек в накинутом на плечи халате говорит:

– Вы знаете, что вашего начальника арестовали? – Больной кивнул. – Инкриминируется измена Родине... Вы понимаете, Сергей Иванович, как все непросто складывается? В том числе и для вас?

– Что я должен понимать? Если я не видел Премьера с 15 августа, что я должен понимать?

– Вы, почему не доложили, кому надо, о сходке гекачепистов!? Почему не насыпали песок в двигатель ЗИЛа начальника? Почему?! – Голос гражданского человека, сопровождаемого врачами, крепчал. – Вы влияли на него, как никто из окружения. Он слушал вас, как политика, идеолога, наконец...

Гость вскочил со стула, лицо покраснелось, глаза косили и казались безумными. Он почти визжал:

– Зарыть всех вас надо! Уроды! Против народа попёрли... Головы вам всем поразбивать надо, как бешеным собакам...

И мы это сделаем!

– Я это уже слышал, – тихо сказал Сергей, – это из выступления премьера одной из союзных республик... А вы знаете, что он собирался в Японию, чтобы сдать все Курильские острова? Лишь бы заручится международной поддержкой... Как бы вы с его головой поступили?

– Да, я... Да мы щас тя в "Матросскую тишину"... К твоим корешам! Ты будешь помнить меня... Я полномочный представитель этого премьера... Мы те устроим небо в клеточку!

– Ми-ну-точ-ку... Минуту!! – Вдруг резко сказал доктор – не кардиолог. – Больному плохо... Резко пошло давление... Черт, кто отключил капельницу? Где весь медперсонал?!

– Вы же сами сказали, чтобы нас никто не сопровождал, – быстро произнес второй доктор. Он дотянулся до тревожной кнопки сигнализации у кровати больного, долго жал на нее, тихо чертыхаясь. Топот ног по коридору Сергей услышал так четко, как будто его уши приложили к полу. Потом топот перешёл в удары по ушным перепонкам, и он закрыл глаза.

– Надо носить готовый шприц, твою мать! – Заорал доктор, насилувавший тревожную кнопку. – Дайте-ка сюда, я сам все сделаю!

Сергей почувствовал укол не кожей, а почему-то самим сердцем, которое вдруг затихло, перестало сообщаться с ушными перепонками, молоточки больше не били в колокола, встроенные в уши...

...Что было потом, для Сергея – неизвестность. Он не

знал, был ли он без памяти, сколько прошло часов или минут, и что за окнами – утро или вечер. Но за окнами – светло, была та же больничная палата, а рядом с кроватью сидела медсестра, которая чаще других приходила делать укол в живот.

– Лежите и молчите, – сказала она, увидев, что Сергей открыл глаза. – Вам было плохо, очень... Пришлось поворачиваться.

И без перехода, но тише на полтона:

– За вами приходили с арестом... В коридоре стоял наряд в штатской одежде, на улице – зарешёченный микроавтобус. – Она уставилась в окно, потом перевела взгляд на двери, на Сергея не смотрела. – Вам, наверное, что-то надо предпринять... Кому позвонить? Скажите номер телефона. Я все сделаю, прямо сейчас. Но вас должны забрать отсюда немедленно. Иначе будет поздно...

Сергей заметался: он не знал, кому, кроме жены, позвонить. Кто может, бросив все, сразу приехать к нему в больницу? Дачные соседи? Исключено, там семья... И вдруг в мозгу всплыла фамилия Афанасьева Ивана Васильевича. «Да, только Иван Васильевич может понять эту ситуацию, – подумал Сергей. – Пусть не поможет, посоветует, что делать и то хорошо». И он назвал хорошо запомнившийся когда-то номер домашнего телефона лётчика в отставке, но такого живого, бодрого, сильного и независимого. Они дружат больше двадцати лет. Медсестра встала, подошла к краю кровати,

прошептала:

– В ящике, у ванной, одежда, в которой вас привезли... Не забудьте документы, я выложила их на полку. Я буду дежурить у пульта весь день. Юрий Евсеевич на этаже, он поможет с выходом. Он верит вам, я верю ему... Как зовут, кому звонить?

– Иван Васильевич...

Она вышла. Сергей оглядел палату. Капельница капала, автоматический пульт работал, фрамуга – открыта, прохлада пробивалась утренняя, не вечерняя. "Боже, сколько продлится эта пытка?" – Подумал он и стал ждать ответа от лётчика.

Глава-4.

– Серрргеий Иваныч, – мужской голос с характерным «р» прорвался до сознания больного. – Вам поррра... Пррриехали за вами... Сейчас я сниму капельницу... Вот так, спокойно. Одевайтесь, пррроходите вниз, там вас ждёт пррродственник. Вам можно погулять, даже пррроводить его за воррррота, напррриимеррр, до машины... Поняли, да? Вррременный пррропуск, на всякий случай, деррржите... Уничтожьте его потом. Берррегите себя, дорррогой. Ррродственник все знает, я ему все сказал. Вот спрррей... Нитррроглицерррин, он вам поможет, если что да вдррруг...

Врач вышел, не оглядываясь, из палаты. Сергей спокой-

но, без волнения, встал, достал из шкафа костюм, рубашку... Здесь же, на полочке, лежали документы. Оделся, зашел в туалет, сунул в карман зубную щетку, смочил водой лицо и насухо вытер его полотенцем. По коридору шёл, не спеша, машинально постукивая кистью руки по косякам дверных проемов больничных палат. «Две, три, семь, – считает он двери, – так, холл, следующим будет дежурный блок, там медсестра. Но мне от нее ничего не надо... Интересно, посмотрит она на меня? Не смотрит, голову наклонила... Идем дальше. Народ запуган... Какая же это либеральная революция, какая же это демократия?! Так, дальше будет лифт?... Есть лифт. Вызываем, ждем, садимся. Вниз...»

На первом этаже, оборудованном под холл-приёмную, с диванами, декоративными скамейками, киосками с прессой и сувенирами, с просторным гардеробом и кадушками с экзотическими цветами, безлюдно. Сергей встал у выхода, немного растерянно смотрел на пустое помещение. Никто не появлялся, Ивана Васильевича нет. «Так, что делать? – Думал Сергей, абсолютно уверенный, что лётчик должен быть где-то рядом. – Выйдем на улицу, может, я быстро собрался и слишком рано выскочил...». И в это время из массивных входных дверей появился Иван Васильевич. Он увидел больного, заулыбался, пошел к нему, широко раскинув руки:

- Боже мой, как ты попал сюда? Что ты здесь делаешь?
- Здравствуйте Иван Васильевич, спасибо, что откликнулись...

– Я не откликнулся, я тут же приехал... Но не на своей машине. Опять встала, чертова инвалидка. Пришлось такси вызывать. А так бы еще быстрее приехал.

Они крепко обнялись, не целуясь, стояли и постукивали друг друга по спине.

– Я проведу тебя за ворота, – зашептал Иван Васильевич, – первым садись в такси, назад. Я – постою, пораскураиваю трубку. А ты делай вид, что копаешься в сумке, будто я тебе что-то привез архиважное, что надо захватить с собой...

– Понял, – так же тихо проговорил Сергей. – Я готов... Пойдемте потихоньку. Боже, какое же вам спасибо...

Они вышли на улицу, мраморные ступеньки блистали чистотой, можно было смотреться в свое отражение. Сошли по лесенке вниз, мимо стоянки машин, мимо сквера с желтыми осенними цветами, так прямо пахнувшими вечерами и по утрам. Далее шли две липовые аллеи: одна к корпусу для процедурного обслуживания, вторая – к выходу из больницы. Они специально прошли полдороги ко второму корпусу, остановились, будто что-то вспомнили, и повернули на аллею, ведущую к воротам. Шли, разговаривая громко, но практически, ни о чем. Сергей смотрел на лётчика, видел его скуластое лицо, искрящиеся весельем светло-карие глаза, трубку, короткую, темно-вишневого цвета.

– Подходим, – сказал Иван Васильевич. – Спокойно. Ты помалкивай. Если охрана спросит, я буду говорить. На минуту, кое-что в машине надо забрать...

У проходной стоял человек в помятой форме, отвечал за выходящих. Он равнодушно посмотрел на двоих мужчин, нажал какую-то кнопку и турникет у дверей закрутился, готовый выпустить сколько угодно людей. Двери, еще одни двери. Еще один мужик в форме. Он даже не посмотрел на выходящих, так и продолжал писать шариковой ручкой какое-то слово на клеточках кроссворда.

Афанасьев прошел к машине, стоящей в двадцати метрах от проходной, Сергей проследовал за ним. Сердце его забилось, спокойствие куда-то ушло, грудь стало пощипывать, дыхание затруднилось, особенно на вдохе. «Господи, помоги, не дай мне расслабиться, потерять силы...» – Заговорил он про себя. Подошел к машине, чистой и опрятной «Волге», открыл заднюю правую дверцу и влез внутрь. Иван Васильевич тут же сел на сиденье с водителем и сказал:

– Вперед. Можем ехать. И чем быстрее, тем больше сверхтарифа...

– Понял, – сказал водитель, – поехали.

Через 10 секунд «Волга» набрала скорость не меньше 70 километров в час. Это был рывок, потом поворот направо, снова поворот направо, и они уже оказались на скоростном шоссе. 90..., 100 км в час! Их уже невозможно было догнать.

– На площадь «Три вокзала», – почти небрежно бросил лётчик водителю. – Отдохни пока, про спрей не забывай, – и он оглянулся на Сергея.

– Все нормально... Вы закончили книгу?

– Не успел. Был снова занят... Кстати, ты и посмотришь профессионально... Я буду рад, если ты сможешь, добьешься ее, проклятушую... Как она мне надоела, все жилы вымотала.

– Хорошо, это мне в удовольствие...

– Все-все, отдыхай, я молчу...

Машина развернулась под мостом у Москвы – реки, пошла в обратную сторону. Проскочили набережную, стену Кремля, далее на мост через Яуз, Солянка, Политехнический музей, Маросейка, Басманные улицы... Выскочили у Казанского вокзала.

– Стоим, – сказал Иван Васильевич и достал деньги. Отсчитал сумму, ровно в два раза большую той, которую показывал счетчик, вручил водителю. – Есть удовлетворение?

– Спрашиваете!

– Ну и хорошо. Желаю удачи. Прощайте, молодой человек. Выходим? – Повернулся он снова к Сергею.

Вышли, закрыли дверцы машины, пошли по направлению к вокзалу. Перед входом встали, лётчик прикурил трубку, сказал:

– Посмотри, ушло такси?

– Да, отъехало сразу, как мы вышли...

– Отлично, теперь, не спеша, переходим к Ярославскому вокзалу.

– Ну, конспиратор, Иван Васильевич...

– Школа, юноша. Берия научил! Сей горький опыт не про-

пьешь. Хорошо, что ты сумку не забыл прихватить. Я и не вспомнил о ней. Сейчас мы поедem до Прошкино, электричкой.

– Я знаю Прошкино, с сыновьями ездил в их музей авиации.

– Вот-вот, туда и направляемcя. Там у меня друг служит и живёт... Познакомлю, рад он нам будет.

– А Вы с ним говорили?

– А конспирация, прослушки... Не нарцисс, не завянет от неожиданных гостей... Это мой самый старинный, самый лучший друг. Маршал авиации, правда, на заслуженном отдыхе. И гарнизон у него закрытый. Хрен, кого пустят, если сунутся.

Так за разговорами они дошли до Ярославского вокзала, купили билеты в кассе, на табло узнали, что на Прошкино электричка отправится через семь минут.

– Надо быстро, Серёжа, – заторопился лётчик, – давай, наконец, перейдем на «ты» и по имени, а?

– Давайте, только я буду долго привыкать, а вы сразу и бесповоротно, Сергей.

Они уселись на скамейку вагона в середине состава, у окна. Иван Васильевич открыл сумку, покопался в газетных кульках, достал бутылку минеральной воды, два раздвижных стаканчика рыболова-спортсмена, все передал в руки соседа и еще долго рылся в сумке пока не нашел бутылку коньяка.

– Мы понемногу, за удачу... Вот еще жена успела несколь-

ко бутербродов сунуть, пригодились...

Электричка дернулась, застыла, выслушала начальные слова объявления о том, как она поедет, и поехала. Голос из радиорубки еще пытался что-то донести до пассажиров, а колеса уже стучали на стыках, промелькнули слова, выложенные на насыпи из цветов: «Счастливого пути!», склады станции «Москва-3», яркая зелень парка Сокольники и маленькая знаменитая на всю страну речка Яуза. Сергей и Иван Васильевич заедали первую стопку коньяка бутербродами из подкопченного коровьего языка.

– Я с таким интересом читал главы из вашей книги, – сказал Сергей. – Господи, какое время... Первооткрыватели, Арктика, мужественные люди. Что-то от Джека Лондона, Хемингуэя. Но мне постоянно было жалко ушедшее время, романтику... Давайте выпьем еще немного, я, похоже, на нервной почве совсем ослаб, захмелел.

– Сейчас пройдет... Прелесть в первой рюмке. Сиди и наслаждайся, чувствуй, как согревается душа, как хочется куда-то поехать, позвонить любимому человеку, немножко погрустить. Потом можно уже и не пить... Я не буду спрашивать тебя ни о чем. За глупость своих начальников мы не должны отвечать. Но, в целом, твой начальник все делал правильно. Думаю, что страну мы уже не удержим... Это печально. А раз так, значит, надо отступить, переждать... Как твое сердце?

– Врачи пытаются убедить меня, что это все серьезно.

Боль в груди, слабость – все это есть. Но вчера вдруг ко мне приходят с арестом... Врачи явно на моей стороне: отключили меня уколом, я проспал, наверное, больше суток.

– Все, больше ни слова. Отдыхай! Что тебе рассказать?

– Об Арктике, покорении Северного полюса...

– Я умру от рака...

– ?!

– Мне цыганка нагадала... Но не сейчас. Сейчас мы выпьем и поговорим.

Они сделали по глотку коньяка, закусили, стаканчики поставили на лавку между окном и коленом. Иван Васильевич достал трубку, зажал ее зубами, не разжигая, шумно втянул воздух.

– Как удивительна жизнь!.. Как удивительна..., – сказал он.

– И все свершилось ровно в одну вашу жизнь. От покорения Северного полюса до обыденной работы в космосе. А почему вы не стали Героем Советского Союза?

– О, это отдельная история..., как-нибудь в другой раз расскажу... Но здесь замешаны вождь народов и женщина. А наши чиновники – дуболомы – перестраховщики так перепугались, что вообще навсегда выкинули меня из всех списков награждаемых.

Остановились на перроне какой-то станции прямо напротив трех милиционеров, которые, не спеша, пошли к дверям вагона.

Иван Васильевич зашептал:

– Если что, ты молчишь, в разговор не встречаешь. Вообще, лучше усни, спокойно и безмятежно. Мы родственники, едем в музей авиации. Я покажу удостоверение Почётного Полярника...

Милиционеры шли медленно по проходу, электричка была послеобеденной, полупустой. На скамейке Сергея и полярника вообще никого не было. Так, подошли, старший – офицер, лейтенант, смотрит на Ивана Васильевича, тот оказался первым в поле зрения. Полярник наклонил голову к Сергею, что-то рассказывает ему про баньку на Северном полюсе, про спирт, который они хранили десятками литров и применяли от обледенения самолетов. А Сергей забыл, что ему надо спать, слушал, смеялся, и все это получалось естественно. Главное же, и он это почувствовал сразу, у него не сбивалось дыхание, не колело в груди. «Что это? – Думал он. – Сердце успокоилось, все пришло в норму? Или так хорошо и спокойно с Иваном Васильевичем, что я не волнуюсь?».

Лейтенант чуточку развернулся, посмотрел на Сергея, тому показалось даже, что он кивнул ему, но подозрительности в его глазах не было. Милиционер отвел глаза, пошел дальше по проходу, сержанты из патруля побрели за ним, даже не взглянув на двоих чудаков, которые держали в руках раскладные стаканчики рыболовов – спортсменов, забыв наполнить их коньяком.

Глава-5.

– Я человек академический, матом почти не ругаюсь, за десяток лет преподавательской работы стал мягче, разумнее, может, даже интеллигентнее. – Красивым баритоном говорил Георгий Александрович, высокий суховатый на вид мужчина, лет восьмидесяти, элегантно, словно римский патриций, завернутый в простыню. Он сидел с прямой спиной, как это нередко делают люди, долгие годы продержавшие в руках штурвал самолета. Кисти рук, сцепленные в слабый замок, покоились на деревянном отполированном столе с приставленными к нему тяжелыми табуретками. Во всю величину столовой доски стояли, «скромно, чем Бог послал»: нефильТРованное пиво в жбане, водка, недопитая бутылка коньяка, простые деревенские стограммовые стопки, миски с креветками и бордово-красными раками, пучками и кучками разместились укроп, разовая редиска и пупырчатые огурчики. На деревянном резном подносе, в самом центре стола, возлежали штук пять крупных копченых лещей, настолько свежих, что с них капал жир.

Напротив патриция сидел Сергей Иванович, тоже завернутый в простыню, мокрый и красный, поскольку только что вышел из парилки. Иван Васильевич, третий участник застолья, бывший полярный лётчик, еще парился за плотно закрытой дверью.

– Отличная у Вас баня, настоящая, русская... Я не очень люблю финские, хотя мне приходилось часто париться именно в саунах, – сказал Сергей. – Я работал в молодежной газете, вместе с делегацией поехал на празднование дней Северного колота в Рованиеме. Конечно, нас повели в настоящую финскую баню. Парились, плавали в ледяной воде бассейна. Потом уселись за несколько столиков, легких, пластмассовых, стоящих прямо у воды. Естественно голые, даже простыни не брали, потому что были молоды, потому что собирались попить немного пивка или клюквенного морса, снова искупаться и в парилку, где нас ждали русские березовые веники. Мы их заказали заранее, зная, что финны вообще игнорируют любой веник.

За крайним столиком разместился Паша Хилтунен, металлург – комсомолец из Кандалакши, косая сажень в плечах, под два метра ростом. И хотя он финн наполовину, рост у него – явно русский...

Обычно пиво приносили двое ребят-официантов. А тут двери распахнулись, и в вестибюль вошли четыре молодые женщины, на них – только мини-бикини.

Мы умерли... Советские люди, комсомольцы... Сами понимаете наше состояние. Мертвая пауза длилась секунды... Потом – рёв Паши, который вместе со столиком летит в бассейн. Стоит в воде, пытается прикрыть свое хозяйство не тонущей пластмассой. Девушки, не обращая на него внимания, расставили на столиках длинные стаканы, бутылки, разложи-

ли легкие бутерброды, сложили подносы на кафельную стойку и пошли в парилку. Мы умерли второй раз. Что делать? Заканчивать париться? На выход? Или подождать, пока те выйдут? Решили следом за Павлом залезть в бассейн. А вода ледяная...

– Так, вылезаем и в парилку, – слышим голос нашего гида, стоящего в дверях бассейна. – Здесь парилка совместная. Но ведите себя по-джентльменски, парни...

Рассказчик сделал паузу, неожиданно коротко закончил рассказ:

– Ничего, выдержали... Но экзамен на внимательность не сдали: гид тоже чуть позже зашел в парилку, но, в отличие от нас, в плавках...

– Ха-ха-ха..., ха-ха-хё-х, – уже до слез смеялся патриций. – Не может быть... Какая прелесть!

В это время из парилки, наконец-то, буквально выполз Иван Васильевич, кряжистый мужчина с редкими волосиками на могучей, лобастой голове. Он делает дыхательные упражнения, не спешит заворачиваться в простыню и смотрит на своего товарища, недоумевая, что могло так рассмешить его.

– Ваня, давно я так не смеялся! Ну, Сергей, ну, насмешил... Подожди, отойду и перескажу тебе сию байку... А сейчас давайте выпьем!

– Если я сейчас снова выпью, то свалюсь, безнадежно, – сказал Сергей. – Лучше я ещё раз постою под холодным ду-

шем.

Старые друзья остались у стола вдвоем.

– Вань, не пойму я, за что его хотят арестовать? Ведь он или святой, или ребенок... До него даже не доходит, что ему могут впаять «измену Родине»... Ведь он уверен, что все делал правильно. И он, действительно, по моим, например, меркам, делал все правильно. Служил Родине, второму человеку в государстве, правительству, наконец, народу...

– Это ничего не значит, Жора. Они проиграли вчистую дело, которое начали. А дело – святое. Помнишь, референдум в марте? Почти 100 процентов народа во всех союзных республиках проголосовали за сохранение СССР. Вот это и был их мандат, выданный народом. Вот их козырь, идеология и крест, и я точно знаю, что Сергей говорил Премьеру, на что делать акцент... Но тот был изначально пассивен. Не хотел становиться лидером. Понимаю. Ответственность, кишка тонка... Все понимаю. Но он сейчас берет на себя ответственность? Он прикроет этого парня? Легче легкого найти стрелочника... Надеюсь, ты меня понимаешь?

– Я не политик, военный. И скажу так: более бездарного поведения, чем поведение несколько дней назад нашего военного министра, трудно себе представить. Сегодня новая власть истошно вопит: «Смерть путчистам!», «Разобьем головы собакам-путчистам!» Я большего позора не видел! Неужели России на роду писано, чтобы ею управляли дураки, палачи и алкаши?

Знаешь, что такое путч, в классическом, в скобках, военном, представлении? Чили! Это путч... Аргентина – тоже. Тысячи жертв и замученных на стадионах-тюрьмах... Не дай, Бог, конечно, это ужасно... А у нас, какой путч!? За три дня ни одной вразумительной команды не прозвучало! Сопляки – мальчишки, подстрекаемые старыми провокаторами из недовольной партийно – чиновничьей номенклатуры во главе с пьяным секретарём обкома и братвой – кооператорами, которые машинами возили из своих баров и ресторанчиков на Набережную водку и жратву, полезли под танки. Конечно, кровь – это ужасно, непростительно. Но это и момент истины...

– Так-то оно так, да нас не спросили, Жора. Это факт. На нас с тобой упала судьба этого мальчишки, по возрасту – не самого старшего сына. Это второй факт. И я спасу его не потому, что он в ранге министра, один из умнейших идеологов страны. Жора, прости за пошлый пафос: он стал моим другом задолго до ГКЧП, когда был простым журналистом... А у него еще двое сыновей, жена. И я прошу тебя помочь ему, как когда-то помог мне спастись от ищеек Берии.

– У нас с тобой нет больше Северного полюса... И острова Рудольфа...

– Зато у тебя есть академия, которую закончили десятки генералов и даже маршалы, твои выпускники и ученики...

– Не суетись. Пока нам и здесь неплохо. Гарнизон наш, без нашего разрешения ни один в чужой форме не въедет,

так? Так! Его не будем светить, пусть сидит у меня в лесном домике. Там с гектар земли отгорожено, поставим дядьку – двоих, как на охраняемом объекте. Книг завезем, едой набьем холодильник... Пусть довыздоровливает. Вот так, мой боевой товарищ. Это по-военному, не ваша гражданская богадельня.

– Его, может быть, нужно доктору показать...

– Не проблема. У нас и здесь есть медсанчасть с правами госпиталя, и в Сокольниках у меня товарищ начальником госпиталя служит. Спрячем Сергея там, никто и знать не будет.

– Хорошо, дорогой Георгий Саныч, мой старый и верный друг, спасибо. Я могу оставить его на тебя? Мне надо вернуться в Москву, у Саши непростая ситуация, хотя она еще и встает, и даже ходит... В общем, ты все знаешь, Жора.

– Я дам команду, тебя довезут на моей машине... Посиди еще немного, я что-то стал скучать по тебе, по нашим временам... Ведь мы с тобой, фактически, остались вдвоем. Помнишь, как тебя представлял мой замполит на общем собрании слушателей? «Слово предоставляется Герою Советского Союза, генерал-полковнику авиации... Ха-ха-ха-а. Я даже не успел встрять, поправить его. А потом специально промолчал, думал: пусть пройдет зал, который приветствовал тебя стоя. Ты все эти регалии заслужил. И как ты разочаровал тысячный зал, когда сказал, что ты – рядовой ВС в отставке, что флаг-штурманом был, но это не военная должность. И что

званием Героя Советского Союза тебя не награждали. Мне снова стало так горько и обидно, что захотелось плакать... Вань, кто сделал это?

– Контора Лаврентия Павловича... Наш куратор – полярный академик... Да, ерунда все это. Хорошо, что ты меня спас, что живым остался, что в лагеря не попал... Давай выпьем, Жора. Хотя я уже давно так помногу не пью. Силы не те.

– И я не пью... Только в обед – лафетничек, после сна, на полдник – второй, но уже домашней настоечки или наливочки. И на ужин – третий. Спать ложусь рано, встаю – тоже рано. Это уже служба, не выдержишь.

– А лафетничек-то какой?

– Петровский, поболее соточки граммов, дома покажу. И долгое время – только водочка. А теперь вот еще и настойками увлекся. Угощу тебя можжевелевой, тминной и клюквенной, но наливкой. Сам делаю. Жене очень нравится, с удовольствием принимает. Вот и твоей Саше надо было на все домашнее переходить. Тогда бы и желудок сохранила... Все, молчу-молчу, прости. Вы же не на природе, не за городом живете.

– И не на маршальскую пенсию... Ты же знаешь мою пенсию? Только гонорарами и существую да плюс членство в редколлегии одного журнала.

– Вот, твою мать, героя-лётчика держат на рядовой пенсии. И ты молчишь, не хочешь, чтобы за тебя похлопотали...

– Ладно, Жора, не заводишься. Это ведь не первый разговор. Столько лет прошло, все забылось, быльем поросло...

Они налили в стопки водку, посмотрели друг на друга, чокнулись и со словами «Будь здоров!» выпили и крикнули, со вкусом.

Из душевой комнаты вышел Сергей, не подходя к столу, стал вытираться полотенцем.

– Он, правда, болен? – Шёпотом спросил Георгий Александрович. – Держится молодцом, не подумашь, что инфаркт перенес...

– Мне его лечащий врач – какой замечательный мужик – сказал, что он умрет тихо, не вскрикнув, скорее всего, во сне. Вот такая у него ишемия сердца. Только когда, неизвестно, может, и сорок лет еще протянет. Как жизнь сложится, сколько стрессов будет и т.д.

– Давай-ка, чаем его напоим, подогреем чайник-то... Есть малина, клубника, даже ежевичное варенье есть. Пусть поест, для сердца – это бальзам.

– Мне пора, Жора.

– Понимаю, собирайся потихоньку. Пить больше не будем, поводов нет... За Сергея не беспокойся. Подумай, только серьезно, как отследить ситуацию с его семьей, как им передать весточку о нем. Но помни: он под колпаком. Я смогу прозондировать ситуацию только по приезде в Москву. И то еще думать буду, каким образом это сделать...

Сергей подходит к столу. Полярники смотрят на его про-

порциональную, ладно скроенную фигуру: ни капли жира, ровные мышцы на груди и животе, мощные ноги с разработанными икрами. На руках мышцы чуть захирели, отвисли, но, видимо, несколько лет назад они знали хорошие нагрузки. Для чиновьего люда – это нетипично.

– Сергей, мне надо в Москву... Жена приболела, то да се... Жора все знает, мы с ним все обсудили по тебе...

– Да, я понимаю, Иван Васильевич... Надо, значит, надо...

– Ничего не обещаю, но я постараюсь найти выход на твою семью, чтобы передать им весточку от тебя.

– Спасибо... За все спасибо. Я понимаю, что уже, наверное, сидел бы в тюрьме, вместе со своим шефом... Но я отказываюсь понимать, за что... Хотя это тема отдельная. Не сейчас. Надо понять: кто пришел и куда, кто кем стал, и кто сохранился, несмотря ни на что... Вы меня понимаете?

– Сергей, постарайся меньше забивать голову, – довольно резко сказал Иван Васильевич. – Для твоей же пользы. И помни о сердце. Вот список лекарств, твой доктор все расписал, как, когда и поскольку таблеток принимать. На коринфар нажимай осторожно, я его тоже принимаю, зараза еще та...

И чтобы как-то загладить повышенный тон, полярник добавил:

– Георгий Александрович мне расскажет о твоём поведении, особенно с медперсоналом женского пола...

Потом они стали одеваться, было уже не до чая. Вышли из бани, стоящей в углу большого дачного участка, заросшего крупными соснами и елями. Ни грядок, ни цветов не было видно: сплошная лужайка с не подстриженной тимофеевкой, выросшей кое-где до колен. И огромные деревья, сохранившие прелесть девственного леса. Дом стоял на противоположной стороне от бани, двухэтажный, просторный, с окнами, практически, по периметру всего деревянного чудовища.

– Чувствуешь, Собакевичем пахнет? – Спросил Георгий Александрович. – Но мне нравится такой простор, такой вологодский сруб, такое количество воздуха. Я так намучился в летчицких кабинках самолетов, что сам нарисовал эскиз дома. И жене нравится. Вот скоро приедет от внуков из города, познакомлю вас.

Черный «ЗИМ» – ветеран отечественного автомобилестроения – не стал заезжать во двор дачи, разместился прямо у массивных ворот, обитых кованым железом. Сергей со стороны наблюдал за друзьями – ветеранами, по всему выходило, что за старшего здесь был рядовой ВС Иван Васильевич. Он мог ворчать на маршала, даже покрикивать, но глаза его были теплыми, дружескими. Их пикировки напоминали разговор двух братьев, которые за длинную жизнь узнали друг о друга все: и хорошее, и плохое.

– Это Саше, – маршал протянул большой пакет, почти доверху набитый какими-то продуктами, – поцелуй ее от ме-

ня...

– Ты заразен буржуазными пережитками. Не хватало, чтобы и моя жена переняла через поцелуй твои куркулевские замашки...

– Звони мне, но помни о секретности...

– Я буду азбукой Морзе передавать тебе сообщения...

– Ха-ха-ха-а... Господи, как дети, не к добру... Давай прощаться...

Они обнялись: высокий стройный маршал и коренастый полярник. Два друга, прожившие вместе 50 лет.

– Я боюсь за него, – тихо сказал Иван Васильевич в ухо маршалу.

– Я тоже. Я отправлю его по нашим каналам во Вьетнам. Или лучше на Кубу... Точно, на Кубу. Там не пропадет, будет выпускать на военбазе газету...

"ЗИМ" умчался, шурша широкими шинами. Сергей сказал, что он чуточку подышит, осмотрит участок и зайдет в дом. Маршал стал говорить, как он заваривает чай.

– Впрочем, соловья баснями... Пойду исполнять. Тебе настойки или наливочки?

– Наливки. А чай, если есть, с лимоном.

– Все есть... Не задерживайся, будем говорить о командировке... Тайной миссии...

Сергей уже шел к двум стройным корабельным соснам, стоявшим отдельно от других посадок. На высоте 7-8 метров на стволы были надеты широкие резиновые жгуты из-

под протекторов, скрепленные мощными болтами. На них накинута длинная цепь, которая спускалась почти до земли. На цепи положены толстые короткие доски, закрепленные снизу замками. «Для детей прилажены по высоте, низковато для взрослого человека, – подумал он. – Вот бы сюда младшего сына. Да и старший бы не отказался покачаться. Здорово можно полетать».

Он все время думал о детях, о жене. Знал, что соседи по даче не дадут их в обиду. Но так было до его ухода из больницы. А сейчас он кто? «Преступник в бегах, – думал Сергей, – и власть начнет терзать семью: она не может не знать, где скрывается глава семейства. Надо, наверное, заканчивать эксперимент с беготней. Придти домой, повидаться с семьей и дожидаться следователей... Да, но придут не следователи, а мордовороты, группа захвата. Переломают кости, потом спишут на сопротивление властям. Они рассчитаются и за побег, и за ту нервотрепку, которую я им устроил... Нет, надо подождать весточки от Ивана Васильевича. Вдруг ему удастся связаться с семьей? Вдруг обо мне все забыли? Кому я нужен, винтик, болтик, шуруп, гайка...»

Сергей машинально сел на доски, попробовал поджать ноги вниз и вбок, и качели отреагировали, пошли вперед, отклонились назад, снова вперед...

Вот он уже летает выше елочек, молодых березок, обрамляющих дорожку, ведущую к бане. Он ритмично, в такт движения качелей, отбивает фразы: «Надо жить... Надо очень

стараться выжить... Ради семьи, ради детей, памяти товарищей, оказавшихся в тюрьме. Надо рассказать правду обо всем произошедшем ... Надо ждать... Надо научиться умению ждать...»

Он чувствует прелесть полёта, свободы, ощущает биение сильного здорового сердца...

Глава-6.

Фаворит любил сосиски в натуральной оболочке. Он подал их в большом количестве с ядреной горчицей, не очищая от кишок, в которые они заворачивались. Бунгало пахло пряностями и вареным мясным фаршем. Второй этаж, на котором Фаворит расположился, продувал бриз с морского залива, а прохлады добавляли мощные кондиционеры, установленные в нишах деревянного пола.

– Евгения Палыча помнишь? Жив – здоров... Вышел по амнистии. Живет тихо, словно мышка. А ты как здесь? О тебе перед моей поездкой сюда сказал советник посла Володя Кастро. Он что, действительно, сын Фиделя? И как ты с ним познакомился?

В дверь постучали, через секундную паузу зашел официант с подносом в руках, на котором возвышалась бутылка кубинского рома, расположились высокие граненые стаканы, ломтики ананасов, бананы, розовые кусочки экзотического плода с местным названием «фрутобомба». В желез-

ном ящичке хранился колотый лед. Официант быстро заговорил по-испански:

– Сеньоры, вот заказ... Мне надо убрать со стола... Где очистки после сосисок? Где шкурки?

– Большое спасибо, – по-испански сказал сосед Фаворита по столу, – очисток не будет... Разольем мы сами, вы – свободны...

Официант собрался уходить, но все еще машинально продолжал искать шкурки от сосисок, оглядывал пол, диван, третье, стоящее свободным, плетеное кресло.

– Минутку, – сказал Фаворит, – Гавана-клуб энд айс! Дубль!! – И заржал, довольный произведенным впечатлением.

– Ничего, дорогой, – снова по-испански сказал сосед Фаворита по застолью, – мы сами разольем... И айс, и дубль сделаем. Вы свободны.

Официант вышел, осторожно прикрыв за собой дверь. До напарника Фаворита донеслось: «Масетос», – так на Кубе называют «новых русских».

– А ты по-испански рубишь! Выучил?

– Да, хороший язык, довольно давно выучил, подзабыл основательно, но здесь легко восстановил.

– Ну-ну, расскажи, как ты здесь живешь?

– Политический обозреватель центральной кубинской газеты. И уже второй год обслуживаю пустующее собкоровское место российского информационного агентства. Правда, по-

что бесплатно, говорят, что у них в хозяйстве нет денег.

– Чушь, я в этом разберусь, дам команду! Ты про нас пишешь? Мне посол сказал, что ты во много раз делаешь сейчас больше, чем все наши госорганы и СМИ, вместе взятые, чтобы сберечь любовь кубинского народа к нашей стране...

– Они по-прежнему любят советский народ, СССР... Да, это так. Но они уже точно знают, что большой страны нет, что есть Россия, которой самой трудно. Что у нее в год умирает больше людей, чем рождается, и что только на пятом году новой власти в России появился человек, это вы, который был министром СССР и который строил им огромный комбинат, но не успел достроить. И он прилетел теперь к ним во главе большой делегации и готов решать проблемы, потому что он Фаворит, любимец президента и его преемник. Главное в том, что он сказал на трапе самолета: 5 миллионов тонн нефтепродуктов он даст кубинскому народу. И заберет у него сахар, который не берет Америка и все ее сателлиты – суки проклятые. И не в счет погашения долгов за нефть. А купит за живые деньги... Вот обо всем этом и еще о многом-многом другом я и пишу в своей колонке в газете...

– Я знаю, что газету начинают читать с твоей колонки, мне мой помощник рассказал и показал газеты. А потом Володя подтвердил все это, сказал, что ты – легендарная личность здесь, что с тобой дружит Фидель Кастро и что Рауль любит выпить с тобой русской водки...

– Коменданте Фидель иногда приглашает меня на эксклю-

живное интервью. Это, как правило, сенсации для внешнего пользования. Я – не кубинец, мне верят иностранные журналисты, аккредитованные здесь. И мне верит кубинский читатель... Это дорогого стоит. А с товарищем Раулем мы встречаемся на даче Союза молодых коммунистов страны. Там много интересных ребят, спортсменов, чемпионов мира, знаменитых артистов, с которыми он любит общаться. Там же я познакомился и с Володей Кастро. Он приемный сын Фиделя, но это довольно известная история...

– Да, я знаю. Что ж, давай выпьем. Положи мне льда в это го***. Как они пьют этот ром? В такую жару...

– В холодильнике есть наша водка и черный хлеб. И банка русской селедки. В общем, весь джентльменский набор.

– Нет, это подарок тебе. Не будем распечатывать... Ну, за встречу! Я тебя хорошо помню. Для нас это было шоком: ты запускаешь операторов телевидения в зал заседания Совмина... Все подтягиваются, даже Премьер. Как ты убедил Евгения Палыча давать репортажи с заседаний? Уму непостижимо... Но это абсолютно правильный ход. Только так можно добиться поддержки народа. Он должен знать, чем занимается уполномоченная им власть. И тогда он поверит ей...

– Вот я точно такими словами и говорил Премьеру, почти слово в слово... Значит, убедил, как и вас.

– За тебя! За то, что ты все эти годы отстаивал честь и доброе имя нашей страны... Той, великой, из которой мы все вышли, но которую потеряли... Но мы живы, мы у руля,

и мы еще можем создать такую же мощную страну!

Фаворит залпом выпил полстакана рома, чуть не проглотил кусок льда, выплюнул его в стакан, выматерился и стал поедать ананас. В воздухе висели напряженность, недосказанность, недоговоренность. Фаворит чувствовал это напряжение, отводил глаза, но первым не начинал разговора.

– Ты, конечно, дома не был все эти годы... Я знаю, что к тебе только раз смогла выбраться жена. Да и то инкогнито, по неофициальным каналам. Но ты ведь знаешь, что дело закрыто, на уровне решения законодательной власти все получили амнистию и реабилитацию...

– Я официально не получал обвинений, значит, не получал и амнистии. Я знаю теперь точно, что меня должны были тихо убрать. Но это уже подробности, сейчас они ни к чему...

– Не буду крутить вокруг да около: ты готов так же, как прилетел сюда в одном костюме, завтра улететь со мной на моем самолете? Просто сесть в самолет первого вице-преьера правительства и вернуться на родину?

– Что я там буду делать, кроме, конечно, соединения с моей семьей? Как это все оформить...

– Никак... Ты был в длительной командировке. Выполнял задание правительства. Паспорт у тебя есть СССРовский? Считай, что все сделано... И последнее: я хочу предложить тебе работу у меня в аппарате. Мне все равно нужен советник, черт-дьявол, руководитель пресс-службы, что ли назы-

вается... В общем, сформулируешь сам, как это должно называться. И я, думаю, мы всем позатыкаем глотки в момент!

– Когда вы улетаете?

– Придешь в аэропорт, в зал VIP-персон, охрану я предрежу. И всё. Больше никто ничего знать не будет. На борту, если кто из моих коллег спросит, скажешь, что ты – корреспондент, старинный друг моей семьи. Воспользовался оказией, чтобы быстрее добраться до дома.

– А по прилету, пограничники, службы...

– Мы летим на Внуково-2, там обходимся без границы.

– Хорошо... О гарантиях не прошу: вы меня пригласили на работу, это мои гарантии... Я подумаю о вашем предложении... Скажите, что было в августе 91-го?

– Полное го***... Но мое министерство, мои предприятия поддержали государственный комитет по ЧП. А это ни много, ни мало около полутора миллионов работающих. Плюс семьи. Это не шуточки... Но в Москве у меня кроме пяти вагранок – ничего нет. Мы хотели объединиться с железнодорожниками, это еще почти миллион. И министр точно знал, что его люди поддержат Советский Союз. Мы могли бы к дому на Краснопресненской набережной вывести до 200-300 тысяч человек в течение двух часов, пришлось бы, правда, закрыть на время метро. Но это даже к лучшему, бежать бы было некуда пьяной толпе. С рабочими не пошутить, это страшная сила...

Фаворит замолчал, сидел, положив огромные ручища на

стол, играл массивными ножами из сервировочного набора. Как эти два ножа попали на холостяцкий стол, было загадкой.

– Ну, и что же помешало вам?

– Я лично понял, что за всем этим бардаком стоит наш дорогой президент, как будто отдыхающий на море и как будто не ведающий о том, что творится в столице. Я твердо знал, что все предварительные документы по ГКЧП согласовывались с ним. Мне в страшном сне не могло бы присниться, что Премьер или министр обороны пойдут против живого руководителя страны. Мы не так воспитаны. Власть может убрать только высший коллективный орган, типа Политбюро, Верховного Совета, которые ее, власть, и назначали. Понимаешь, о чем я говорю?

Помолчал и продолжил также горячо:

– Президент знал обо всем, знал, что есть желающие убрать его, но их меньшинство, и они трусливы как крысы. Знал он и о том, что порядок в стране надо наводить. И за это его поддерживало большинство в руководстве страны. Но они не были популярны у горлохватов – перестроечников, кооператоров, новых и старых цеховиков, барыг, людей с новыми деньгами. А президент и им тоже хотел нравиться. Поэтому молчал, выжидал до последнего: кто кого в этой банке сожрет. Вот такая вот истина. Рад, что первым пинка под зад получил именно этот президент. Я бы, на мой характер, застрелился после того, что над ним учудил Мальцин.

Впрочем, что я говорю. Я сам вот теперь служу у него, фактически руковожу правительством, выполняю его поручения напрямую. В общем, херня какая-то творится...

– Как вы думаете, за что они меня так...?

– Прости, но ты – чудака на букву "м", если не понял..., – он довольно долго молчал, соображая, как бы поаккуратнее загладить ту бестактность, которую допустил.

И без перехода:

– Ты – идеолог, трактовал линию поведения второму человеку в государстве... Вы были, на тот момент, единственным легитимным и законным органом власти в государстве. Поверь, все прекрасно понимали, что если бы пришло Распоряжение Кабмина защитить правительство от бесчинств толпы (а это реально была толпа), я первым бы отдал команду рабочим коллективам – владимирцам, тулякам, калининцам, липчанам и т.д.– срочно прибыть в Москву. И, поверь, они бы и прибыли, и навели порядок. Ты что думаешь, этого не понимал Мальцин?

А ты знал Героя Социалистического Труда Братюка с НЛМК? Легендарная личность! Он мне после августа 91-го не раз говорил, что ждал моей команды, что две сотни автобусов стояли под парами. А вот почему ты не уговорил Премьера взять все в свои руки?! Ведь я знаю, что ты ему именно такую линию поведения выработал: все взять в свои руки. Эх, если бы, да кабы! Вот тебе и мстили за всё это. Все, брат, утомил ты меня... Давай-ка, выпьем водочки. Охерел

я совсем от этого рома!

Он сам подошел к холодильнику, открыл дверцу, вынул бутылку «Столичной» с ярко-красным рисунком на белой этикетке. За столом открыл ее, ополоснул граненые стаканы прямо водкой, вылив остатки в короб со льдом.

– Ну, Сергей Иванович, за нашу дальнейшую совместную работу. Молча, стоя и до дна, – и налил граммов по двести в каждый стакан.

– За нашу будущую работу, – повторил сосед Фаворита и выпил наполненный стакан быстрыми, даже слишком торопливыми глотками. Фаворит посмотрел на него, сказал:

– Давно, Серёга, не пил русскую водку–то, по-русски?

– Давно, – едва отдышавшись, просипел журналист, – здесь так и по столько не пьют...

Фаворит поднял массивный стакан, красиво держа его в ладони с оттопыренным мизинцем, и глоток за глотком опорожнил содержимое, не морщась, не захлебываясь, с достоинством человека, знающего толк в экспортной русской водке...

Шансы на успех на выборах были не только призрачны. Их не было вовсе. Только 2-3 процента будущих избирателей поддержали бы действующего президента. Такого еще не знала новая Россия.

Он стоял в условленном месте у выездных ворот Белого

дома, в котором после расстрела парламента в 93-м разместилось правительство. Бронированный «Мерседес» остановился прямо перед его ногами, дверца мягко открылась, и он увидел Фаворита:

– Влезай, мы, кажется, можем опоздать... Затрахали меня на малом Совмине...

И без перехода:

– Гоните мужики! Мы должны быть в КДСе...

Поехали так быстро, как могла позволить себе машина с мигалками и сиреной. Старший смены охранников, сидевший рядом с водителем, с кем-то говорил по рации, просил кого-то подержать перекресток, потом часть Нового Арбата, потом въезд в Кремль со стороны Боровицких ворот. К Кремлевскому Дворцу съездов машина домчалась за семь минут. Вошли в двери дворца напротив служебного входа, где внутри небольшого зала ждал офицер из службы охраны президента. За стойкой гардероба стоял крепкий старичок, видимо, ветеран КГБ. Зал-вестибюль – небольшой, стояли старинные диванчики, в проемах нескольких окон, наглухо закрытых металлическими жалюзи, выставлены то ли стулья, то ли мини-кресла.

– Присядь, – сказал Фаворит пассажиру из «Мерседеса», – тут в чем суть. Я представлю тебя президенту... Ну, как главного рекламщика его предвыборной кампании. Об этой встрече никто не знает, кроме моего друга – руководителя одной из служб президента. Если получим добро, сегодня же

я представлю тебя членам штаба по выборам. С президентскими полномочиями... Тогда пусть пляшут, ворочают морды, скоты! Думали, что их деньги все могут? Посмотрим... Готовь ребят. Позаменяем, нахер, всех на ТВ, радио... Гниды, шакалы вонючие, алчные...

И без перехода:

– Ты молчи, если не спросит. Я все сказал ему, он знает, в какой он ж***. Слава Богу, поверил... Да еще здоровье совсем ни в дугу. Выборы – не для его состояния... Но выхода нет. Он просил меня... Я – обещал!

Массивная дверь медленно стала открываться, в нее проскочил маленький круглый охранник, которого все звали Коля. За ним, дождавшись, пока дверь откроется полностью, вошел высокий пожилой человек в длинном кашемировом пальто, прекрасного покроя, с коротким мехом норки, завезенным на подкладку. Это был президент. Гардеробщик выскочил из-за стойки, стал аккуратно снимать с него пальто.

Президент одернул костюм, достал из кармана расческу, подошел к зеркалу в полный рост, тщательно причесал белые с полосками цвета папируса волосы. Развернулся медленно от зеркала, сказал:

– Здравствуйте. У меня минут 15 времени перед выступлением...

Эти слова, скорее, были адресованы спутнику Фаворита, потому что длинноногий любимец президента уже успел энергично потрясти руку старика и отойти в сторону. Спро-

вождающий Фаворита подошел к президенту совсем близко, увидел протянутую руку, и они поздоровались.

– Вот вы какой... Эээ, мне говорили про вас. Что ж, все бывает, время такое... Хорошо, что все закончилось. Да... Шт-эээ вы думаете, сможем выстоять? Я плохо верю в победу... Но мне все говорят: больше некому отстоять демократию, – обратился он к журналисту.

А тот смотрел на абсолютно больного старого человека, чьи биологические и энергетические ресурсы полностью израсходованы. Характерные пожёвывания челюстями, багровые подтеки от скул до шеи и за ушами выдавали в нем часто и много пьющего гипертоника. Глаза усталые, почти выцветшие и потухшие практически ни на что не реагировали. Ему не были интересны новые знакомства, он не ждал от людей ни новых мыслей, ни идей. Он скучал в этой жизни давно и безысходно. Ему наскучило даже обладание безграничной властью.

«Такие плохо кончают, – думал про себя спутник Фаворита, – тихой смертью в мертвецком сне во время очередного запоя или под ножом хирурга во время тяжелейшей операции на сердце. Он не подьмен на новый президентский срок. Его нельзя возить по городам и весям... И что делать? Что я скажу ему? Главное, что я скажу Фавориту?»

– Шт-эээ, плохо дело? – Как будто прочитал его мысли больной президент. – Вы скажите честно, не скрывайте...

«Больной президент» – так мысленно назвал его спутник

Фаворита – сделал шаг к дивану, медленно и осторожно опустился на шелковую обивку, оперся руками о сиденье.

– Стоит мне затевать все эээ-то?

– Не стоит... – ответил собеседник. Он стоял в двух шагах от сидящего на диване старика, и ему казалось, что они одновременно с президентом чувствуют, как боль из левой стороны груди уходит к подмышке, как медленно немеет левая рука, и колючие искорки бегут к пальцам. Так было и в ту памятную ночь августа...

Президент поморщился, всем видом давая понять, что разговор окончен, но сказал:

– Эээ-та почему?

– Надо попробовать вылечить сердце... Вы можете не... Вы, скорее всего, не выдержите даже первого тура выборов...

Наступила пауза. Фаворит дышал шумно и часто, приблизившись к президенту вплотную. А тот опустил глаза, в которых собеседник успел разглядеть не страх, даже не мимолетный испуг – скуку.

«Он знает о своем физическом состоянии, – думал напарник Фаворита, – и ему на мои откровения наплевать. Или он ждал бодрых заверений? Мне, в конце-то концов, все равно, что он обо мне думает. Вот, что он о себе думает? Это сейчас самое главное... Фаворит меня убьет... Но и это сейчас не главное...»

Президент стал подниматься с дивана так тяжело и некра-

сиво, что подбежавший к нему Коля – охранник постарался закрыть его своим телом от чужих глаз. На плечо охранника он оперся одной рукой, а второй продолжал держаться за диван. Рывка не получилось, он застыл в позе человека, сраженного острым приступом радикулита. И в это время Фаворит, отодвинув своего протеже, стал двумя руками буквально тянуть вверх, отрывая от дивана Больного президента. Он все-таки сумел подняться, переминаясь с ноги на ногу, выровнял тело относительно пола, сделал три – четыре шага к дальним дверям, ведущим в президиум на сцене КДСа. Вдруг остановился, затем, передвигаясь мелкими шапками вокруг своей оси, повернулся к собеседнику и сказал:

– Вас как эээ-зовут?

– Сергей.

Президент улыбнулся и пошел боком, потихоньку вырывая на середину проходного зала.

Они никогда больше не встречались.

"Ты похож на астероид..."

Часть 1

Глава-1.

Моего деда зовут Николай Иванович, его внука, то есть меня – Саша, кузнечика мы назвали – Кузя. Он, как и его

длинноногие друзья, любил зелёную траву в тени большущей яблони и зарослей белой акации в нашем саду. Моя бабушка, Татьяна Васильевна, каждый раз, как подходит к ней, тихо напевает: "...Белой акации гроздь душистые ночь напролет нас сводили с ума". Она влюблена в неё, но ворчит, что та разрослась на целый квартал, потеснив всех соседей.

Мой отец – сын дедушки, был шаловливым и непослушным в детстве, угробившим, по словам бабы Тани, её здоровье. Дед Коля так не считает, говорит, что мой отец – отличный редактор, но, поскольку он "обалдуй, то у него всё наскоком получается". Он шутит такими словами, это я точно знаю. Отдельно хочу сказать о младшей сестрёнке – пятилетней Дарье, такой дурочке и крикунье, что слов нет. Но я всё равно сильно люблю её, сам не знаю, почему. Как скажет, хитрюга: "Саа-ша, я тебя обожаа-ю..." – я готов всё-всё отдать ей. Она сейчас у второй бабушки – врача, которая со знакомым логопедом исправляют её речь. А так мы, вообще-то, живём в другом городе, мама и папа работают, а нас с сестрёнкой подбрасывают на лето по очереди к своим родителям.

Короче, про Кузю хотел рассказать. Он появился в конце весны. Дед Коля с бабой Таней – пенсионеры, уже всю жизнь жили в деревне, у большой реки, где моторные лодки да рыбалки по утрам. Сидели они на открытой веранде дома, попивали чай с мятой. Видят, как на полуметровый по высоте порог заскакивает большущий кузнечик, тёмно-зелёный с ко-

ричневыми шипами на лапах. Страшный, бабушка дар речи потеряла, чай забыла ко рту поднести. А дед успокоил:

– Вот и гость. Пусть за сверчка будет, не пугайся, это к достатку в доме, давай-ка последим за ним...

А что тут следить? Тот спокойно так, не прыгая, почти вразвалочку, проковылял к углу веранды и скрылся в щели между вагонкой.

– Значит, сюда он не первый раз наведывается, – сказал дед, – где-то у него проход есть в комнаты. Послушаем, запоёт или нет...

Молчал и вечером, и утром зелёный квартирант, но к каждому заходу солнца за горизонт прыгал на веранду и шёл в свой угол. Дед понял, что кузнечики всё-таки не сверчки, не живут, а только ночуют в доме, утром – на луга уходят. Но всё равно привыкли они к Кузе, стали считать его своим соседом. И если он не приходил на ночлег, то огорчались, ждали на освещённой веранде допоздна. А потом он совсем исчез. И к нашему приезду в гости они забыли про Кузю, не до того было: внуков-то видели раз в году, готовились к встрече.

Но за неделю до моего приезда, рассказал потом дед, смотрел он телевизор, после фильма потянулся к торшеру, чтобы выключить свет, и тут что-то колючее попало под руку. Испугался, отдёнул пальцы, видит, сидит на перекладине, ведущей к абажуру, здоровенный кузнечик, очень похожий на Кузю, только ещё большего размера.

– Ну, ты и вымахал, – сказал дед, – и где тебя носило всё

это время?

Кузнечик сидел неподвижно и смотрел на деда. Тот протянул палец, погладил красавца по спинке. Терпит, не сдвинулся с места, потом поднял передние лапки и будто стал ими гладить длиннющие задние ноги. Я сказал тогда деду: "Что-то фантастическое есть в огромных кузнечиках, будто это посланцы "зелёных человечков" с других планет". Он со мной согласился.

Видел я Кузю всего несколько раз: всё-таки мне, хоть и десятилетнему почти, ложиться после 22 часов поздновато. А он приходил на ночлег в сумерках, перестал пользоваться лазом, скакал через тёплую веранду прямо в гостиную, забирался на торшер и смотрел с дедом и бабушкой телевизор. У стенки стояла небольшая тарелочка с выемкой для воды, рядом хозяева складывали мини-кусочки огурцов и яблок. Ел он или нет – не знаю, дед говорил, что сосед сидел на блюдечке подолгу, видимо, ждал, когда выключат свет. Но точно знаю: не певец был Кузя, ни разу в доме не выступил с концертом.

В середине августа, незадолго до моего дня рождения, решили с дедом наловить рыбки, приготовили снасти, всё выставили на открытую веранду. А надо сказать, что в конце нашего двора на толстенной ёлке жила ворона, которая не каркала, а крякала, словно дикая утка. Летела по небу и крякала так, что у охотников сердце замирало, думали, наверное: неужели утки начали собираться в стаи, рано вроде бы

ещё? Так вот, эта нахалка раз-два в неделю, строго на рассвете, спускалась во двор и обследовала все закоулки, включая даже веранду. Соберёт крошки, попьёт кошачьего молока и взлетит на довольно пологую крышу дома: каталась она, лёжа на спине, помогая себе лапами, как рулём. Сам видел этот цирк, не вру.

Короче, в то утро дед, как всегда, встал первым, стал готовить завтрак, стеклянную дверь не открывал, увидел через неё, как по веранде расхаживает ворона. Подошла к углу и давай долбать клювом по вагонке. Дед вспомнил о Кузе, загремел ключами, но было уже поздно. Если бы он раньше открыл дверь, ворона не посмела бы ходить по веранде, кузнецик спокойно бы доскакал до двора, а там попробуй поймай его в траве. Дед разглядел, как, держа Кузю в клюве, ворона с разбега взлетела в воздух, курс держала прямо на мохнатую ель.

Мог ли ошибиться дед, тем более, без очков? Мог, конечно. Но квартирант больше не приходил к нам вечерами. Жалко Кузю, но дед сказал: таков закон природы, ему миллионы-миллионы лет и тут уж ничего не поделаешь...

Потом приехала Даша, она очень любит всё живое, особенно котят и щенков. Мы решили не рассказывать ей про Кузю, бабушка вздохнула: "Зачем огорчать пятилетнего ребёнка. В мире и так столько жестокого..."

Лето напугало погодой: перевалило за макушку, а купались в реке только местные мальчишки. Дедушка Коля обещал сводить меня и Дашу на самодельный пляж: "как только, так сразу..." Я понимал его юмор, куда пойдёшь, если вода – не выше семнадцати градусов. И вот второй день – солнце, дожди прекратились сразу, к ночи затих ветер, но трава мокрая и к пляжу практически не спуститься, берег глинистый, обрывистый, едешь по нему, как на коньках. Всё же решили сходить, дед выстругал палку, на больную ногу надел двойной наколенник (ещё мальчишкой разбился, играя в футбол), собрали коврики, полотенца, совки да формочки для песка (это всё для Даши), а удочки решили не брать: сделаем разведку боем, будет видно, что взять на подкормку рыбы.

Ива – от кустов до мощных деревьев – фактически спрятала берег реки, только на повороте в затон вода намыла метров сто чистейшего песка. До десяти утра там хозяйничали рыбаки, ловили на донки, блеснили судака, но как только песок прогрелся на солнце, они ушли: дети буквально бежали на излюбленное место, над рекой – крики, визг, брызги воды во все стороны.

Мы долго не решались зайти в воду, дед помалкивал, разминал ногу, а бабушка Таня обтёрла Дашу мокрым полотенцем. Она вообще была против купания после такого холода. Наконец, дед взял меня за руку, повёл к повороту в за-

тон, где с горы нёсся быстрый родниковой поток. Зачерпнул ладонями сверкающую на солнце хрустальную воду и начал меня обтирать. От холода перехватило дыхание, но выдержал пытку: всё-таки мужчина. После этого дед сказал:

– Вот теперь иди в реку...

Фантастика! Вода казалась теплее парного молока. Я, не раздумывая, нырнул, проплыл метров пять под водой, потом грёб по-собачьи, осилил ещё метров десять. И никакого холода не испытывал. Но плаваю я вообще-то плохо, всё время занимает секция большого тенниса, в бассейн некогда сходить. Вот мы и решили с дедом удивить родителей, к концу лета показать им рекорды по дальности заплыва.

Даша так и не решилась окунуться, присела раз-другой в воду, только трусики замочила. Дед не плавал, зашёл в воду по пояс, вымыл лицо, плечи, руки, туловище. А бабушка, будто противореча себе, заплыла довольно далеко, почти до фарватерных буйков. Солнце припекало, обсохли быстро. Мы с дедом сходили на валуны, посмотрели, чем прикармливают и на что после холодов ловят рыбу. Во всю шло тесто с подсолнечным маслом, опарыши, хотя и на червя брали окуни и плотва. Решили завтра устроить большую рыбалку, встать с восходом солнца.

На гору поднимались долго, серпантин обманывал нас своими изгибами, но так было легче идти, особенно дедушке. Я рассказывал ему о последней игре, появившейся в компьютере, вижу, слушает внимательно, а вот понимает из то-

го, что я говорил, далеко не всё. Ну, что тут сказать: его время ушло, техника сильно шагнула вперёд, он со своим стареньким ноутбуком отстал и, похоже, безнадёжно. Бабушка о чём-то разговаривала с Дашей.

Метрах в двух впереди нас из лопухов на довольно широкую дорожку выползла лягушка, которая буквально тащила полуметрового ужа, вцепившегося ей в заднюю левую лапу. Чёрный, с яркими жёлтыми пятнами сзади головы, он извивался, стараясь обхватить лягушку кольцом. Но слишком мал обжора, не рассчитал силы, пожадничал: было видно, что лягушка в пять раз больше его головы. Но добычу он не выпускал, выделявал туловищем потешные кренделя, стараясь удержать в схватке хотя бы равновесие. Не тут-то было: по ноге жертвы бежала кровь, и всё же она упорно тащила ужа к луже.

– Дедушка! – заверезжала Дашка, – что он делает? Кто это напал на бедненькую лягушку? Укусил её до крови...

Она была готова расплакаться от жалости к четвероногой жертве. Бабушка громко сказала:

– Николай, прекрати это безобразие, творящееся на глазах детей!

– Это не безобразие, – ответил дед, а сам улыбается, – это, ребятки, естественный отбор. Так устроено природой: выживает сильнейший. Но здесь явно не рассчитал свои силы уж, придётся помочь лягушке...

Он стукнул палкой по земле, рядом с туловищем ужа, но

не захотела змейка отпускать вкусный обед. Тогда бабушка подцепил образованное ужом кольцо и довольно сильно швырнул его на дорогу. лягушка оказалась на свободе, заметно приволакивая окровавленную ногу, она поползла к луже. А уж проворно скрылся в зарослях лопуха.

– Бедненькая лягушечка, – запричитала Даша, – живи спокойно. Пусть твоя ножка скорее выздоравливает...

– Твои объяснения слишком жестокие и неуместные для детей, – тихо сказала бабушка.

– Они должны знать правду, – ответил дед, – в том числе и о живой природе.

Мы все четверо подошли к луже, увидели, как лягушка сидит в воде, на её лапке уже не было крови. Дедушка сказал:

– Заживёт всё быстро, хладнокровные почти не чувствуют боли. А ящерица вообще полхвоста оставляет в руке человека, если тот вдруг ухватил её за хвост. Но отрастает он заново за несколько дней.

Эти слова успокоили Дашу, и бабушка всю дорогу до дома рассказывала ей про лягушек.

А я спросил деда: мог бы уж заглотать лягушку. Он посмотрел на меня и кивнул, сказав, что мальчишкой видел ужа ещё меньшего размера, заглотавшего в гнезде перепелиное яйцо. "Бедняга, как-то боком-боком, перекатился к ямке и залёг там, надеясь, что скорлупа скоро лопнет и растворится", – дед говорил тихо, чтобы его не слышали Даша и баба Таня.

Я понимал, что дедушка ведёт со мной взрослый разговор, честный, без вранья. Взял его за вторую, свободную от палки, руку, и мы стали догонять наших женщин.

Глава-3.

Ужинаю, потом играю на компьютере, читаем вдвоем с дедом и спать. Я люблю эти часы, когда все вместе. А сейчас едим бабушкины блинчики с творогом, рассуждаем, я говорю:

– Как жалко, что люди умирают. Особенно хорошие люди. Их жальче всего...

– Правильно говорить – жалко... Кого особенно тебе жалко, Саша? – спрашивает бабушка Таня.

– Юрия Гагарина, Пушкина, Ивана...

– Какого Ивана?

– Маминого папу. Но мы его все звали Иваном...

– А бабушку Тамару как вы зовёте?

– Тамара, – я понимаю, о чём говорит баба Таня, мне самому как-то неудобно вторую бабушку называть просто по имени, но она так захотела... И сделала. Дашке, конечно, пока всё по барабану, а мне совсем нет, особенно на улице, особенно при пацанах. Вот поэтому я стараюсь никак не называть бабушку Тамару.

– А Пушкина можешь почитать? – просит дед, которому захотелось увести наш неприятный разговор.

– Конечно... – и начинаю читать: "Мой дядя самых честных правил..."

Читаю минут пять. Мог бы и больше: много чего из "Евгения Онегина" запомнил, когда мне читали его папа, потом мама и даже сам дедушка. Память у меня отличная. Мы с ним на спор читаем книжки постранично: он начинает, замолкает, а я спокойно продолжаю говорить текст почти слово в слово. Дед гордится мной да и мне приятно.

– Ты рассказывай, а заодно и кушай, блинчики-то остывают, – настаивает бабушка.

– Я к тебе на блины приехал, да? – шучу, бабушка улыбается, но отвечает серьёзно:

– Ты можешь и не только в гости. Можешь оставаться у нас с дедом, хоть навсегда...

– Нет, надо ехать, но когда дождёмся Дашу (она ещё не вернулась от второй бабушки). Школа, теннис... А кстати, – спрашиваю, – вы играете в "Монополию"? Мы играем и довольно часто.

– С кем? – говорит дотошная бабушка.

– Папа, мама, я... А Дашка нам мешает, приходится кой-кому или не играть, или играть в полсилы... Часто мама так делает... Ты готов поиграть со мной? – спрашиваю деда.

– Я всегда – завсегда... – шутит он, но понимает серьёзность вопроса, говорит без смеха:

– Конечно, мне трудно будет, но ты, как всегда, поможешь, да?

– Помогу. Но ты отстал, тебя надо накачать по компьютеру. Кстати, баба Таня – быстрее понимает, потому что у неё нет претензий и своих представлений. Я учу – она понимает. А ты вечно с какими-то вопросами. А тут надо просто запоминать...

– Спасибо, очень толково объяснил, – не удержался дед. Я понял, что опять нечаянно обидел его.

Мы пошли к компьютеру, бабушка начала мыть посуду. Я чувствовал, что какой-то осадок остался после моих слов, сказал, типа, с извинением:

– Зря ты обижаешься... Я же не обижаюсь на папу, когда он учит меня на компьютере. А ты – отец моего папы, помнишь его маленьким?

– Представь себе...

– А что представлять-то, вполне понятно... И ты его также учил, воспитывал и даже ругал?

– Да, но никогда не наказывал, как в мультиках показывают...

– Причём здесь мультики, дедушка... Ты вообще не такой, как все. Ты вообще космический, всех любишь, никого не ненавидишь, ты вообще похож на астероид...

– ???

– Да, точно, все о тебе помнят и все тебя боятся, на всякий случай. И все тебя уважают. Мало ли, что вздумает сказать дед. А ты правда генерал в отставке?

– Нет, я сугубо мирный человек, но работал с премьер-ми-

нистром той, большой страны...

– И здоровался за руку с президентом?

– Было дело, но давно...

– Мне Димка, ваш сосед, с которым ты ходил на выставку, рассказывал: на ВДНХ к вам за перегородку, где стояли посетители, вместе с охраной перелез премьер – министр и долго с тобой разговаривал, а Димку спросил, как он учится. Тот рассказал об этом в школе, парни балдели...

– Это на что-то может повлиять в наших с тобой отношениях? – усмехнулся дед.

– Не думаю, но просто об этом никто не знает, а жаль. Чаще слышишь: "Зачем расстраивать деда". И вспоминают о твоём больном сердце. Хочешь, я буду приезжать, когда тебе вдруг будет плохо? Просто буду жить у вас пока тебе не станет хорошо...

– Отлично, будем рыбачить, гулять по лесу, собирать ягоды и грибы, будем вести здоровый образ жизни...

– А что, приемлемо! А вообще-то, дедушка, ты должен знать: я люблю тебя до космоса и выше...

– А что может быть выше космоса?

– Так это я же самый! Который любит тебя выше космоса...

– Поверь, и я люблю тебя выше космоса! – сказал дедушка Коля.

Он вышел с тёплой веранды, думая, что прикрыл за собой дверь, а она осталась приоткрытой. Я услышал, как он

сказал бабушке, типа того, что интересное поколение растёт. Очень открытое, не стесняется своих чувств. Но и жёсткое, надо дотягиваться до их уровня развития, до современных технологий, что ли...

– Узнай, пожалуйста, Таня, как работают компьютерные курсы... – на этих словах дедушки я уснул.

Глава-4.

Об этом я не говорил даже с отцом. Но точно знаю, при встрече обязательно поговорю с дедушкой Колей. В школе заканчивались занятия. Мы знали с Артёмом, что будем делить первое место по оценкам. Он, вообще-то, посмелее меня, всегда с деньгами, с планшетом и крутым мобильником. Да и секция самбо сказывается: наглеет просто на глазах. Всё ему хотелось первым среди пацанов стать. Недавно ещё двое друзей от меня откололись, всё ближе к Тёмке жмутся, будто их кто-то обижает и они ищут защиты. У меня, конечно, нет секции единоборств, хотя большой теннис – тоже неплохо, под правую руку лучше не попадайся. Я терпел выходки и мелкие пакости соперника, старался не реагировать на них. Но в мае – полный облом в наших отношениях случился.

Учится в нашем классе новенькая девочка, переехала в город с родителями, папа – военный, служит в гарнизоне. Зовут её Екатерина. Я первый познакомился с ней, спросил, можно ли называть её Катя. Она согласилась. Потом подру-

лил Тёмка, начал выступать, назвал её Кэт. Девчонка страшно красивая, но стеснительная, не отшила спортсмена сразу, и, по-моему, даже заискивала перед ним. Вот это меня огорчило: ну, какая она Кэт, и что за чушь несёт Артём? А она слушает... Я не стал вмешиваться в разговор, отошёл к ребятам на баскетбольную площадку.

Девчонки не больно-то приняли новенькую, и она всё больше одна оставалась или с Тёмкой, слушала музыку из мобильного. Со мной хорошо разговаривала, но коротко, старалась побыстрее уйти. А я начал потихоньку скучать без неё, мне хотелось подольше побыть с ней, погулять по набережной, зайти в павильон с мороженым, сходить в кино. Не тут-то было, за ней приезжали отец или мама и увозили из школы: до гарнизона идти почти три километра по лесной дороге.

Артём в глаза смеялся надо мной, его дружки подтрунивали над моим вниманием к Кате. Я не хотел ссоры, отступал, но многие принимали мои шаги за трусость. Всё решилось в минуту: Артём сымитировал падение под учебный стол, схватился за ногу, застонал. Катя стояла рядом, бросилась к нему на помощь. К этому времени в класс зашли почти все ребята, увидели, как Тёмка обнял склонившуюся над ним девочку и стал целовать прямо в губы. Она пыталась вырваться, но сильные руки крепко держали её.

Я, не раздумывая, схватил его голову и сильно ударил по железной ножке стола. Артём взвыл от боли, Катю отпустил,

быстро встал на ноги и пошёл на меня мелкими шагами, при-танцовывая. Руками искал моё туловище, ухватил руку, сделал обманное движение, потом – подсечку, и я грохнулся за-тылком об пол. Круги перед глазами, но боли не чувствовал, вскочил, тоже сделал обманное движение и его челюсть очу-тилась у моей правой руки. Летел он метра три, плохо при-землился, ударившись о батарею отопления под окном. Ко-гда я выходил из класса, он всё ещё лежал на полу. Катя шла за мной, в коридоре нас встретила учительница английского языка Бэлла Наумовна, спросила, что это мы разгуливаем. Катя стала быстро говорить о том, что произошло. "Ладно, – сказала англичанка, – пошли в класс, пока никому не гово-рите об этой истории..." В общем, учительница помирила нас с Артёмом, внешне вполне пристойно получилось, даже родителей не пришлось вызывать в школу. Так, повздорили двое из-за девочки, с кем не бывает?

Я чувствовал себя вполне уверенно, точно не боялся сам-биста, знал, что смогу дать отпор. Меня смущала Катя: то ли она так испугалась за себя и меня, что, волей-неволей, опять стала заискивать перед Артёмом. То ли она влюбилась в него и ей не хотелось терять его внимания. Она просто тянулась к нему, искала глазами на переменах, бежала на зов, как со-бачка-дворяжка. А мне было какво? Я ведь, кажется, влю-бился в Катю: думал о ней в школе, особенно дома и даже на тренировке в спортзале. За рассеянность уже не раз получал втык от тренера. Он сказал:

– Саша, что с тобой? Встряхнись! Уж, не влюбился ли ты?

По успеваемости меня признали первым, Артём по итогам за пару контрольных и годовой диктант отлетел на пятое место. И что самое позорное для него: впереди оказались аж три девчонки. Хотя, в принципе, успеваемость в классе всем была по барабану. Перебиваются "so-so" на тройку и замечательно живут. Балдеют за планшетами, покупают в складчину новые версии игр, в общем, всё "ok". Но учебный год кончался и родителям не всё равно, как наша успеваемость.

Я слышал, у Артёма с отцом, владельцем ярмарки бытовой техники, был большой скандал, не ожидал тот, что сын вылетит из отличников. Катю, в связи с частыми переездами, не аттестовали, за лето предложили сдать экзамены по математике и русскому языку. Она подошла ко мне, попросила подготовить её к переэкзаменовке. А я уже знал, что уезжаю с отцом к деду и довольно скоро. Но пообещал и в этот же день мы просидели в библиотеке школы больше двух часов. Я сказал, что нужен репетитор, но по её реакции понял, что денег в семье нет. Кстати, это можно было понять по старенькому "Жигулёнку", на котором родители приезжали за ней в школу. Я предложил свои накопления на ноутбук, около десяти тысяч рублей. Она отказалась, без продолжения этого разговора.

На последнем занятии учителя приходили, в основном, чтобы попрощаться с нами до осени. Артём сидел сзади меня, крутил в руках какой-то старенький планшет. Когда са-

мая строгая в школе учительница Леокадия Ивановна (кличка Лика), подходила к моему столу, он буквально подбросил мне планшет. Я глянул на экран, опупел: одни голые женщины. Учительница сказала, посмотрев на меня:

– Не можете даже на прощальный урок придти без компьютеров, – и тоже опустила глаза на экран.

Что было дальше? Лучше не рассказывать. Папа вроде бы поверил, что меня подставили, а мама до сих пор считает, что я мерзавец. Тяжело было, особенно в первые день-два. С Артёмом разбираться – бесполезно: он открестился не только от планшета, но и сказал, что я постоянно показываю всем пацанам в классе картинки из женского душа. И вскоре улетел с родителями в Турцию. Не знаю, если бы не отец, ходивший к директору, что со мной было: наверное, отчислили бы из школы. Но про драку с Артёмом из-за Кати я не сказал ни слова. Может быть, и зря: ноги отсюда росли, без сомнения.

Вот с такими мыслями я прилетел к деду Николаю. Сказал, что мне очень надо с ним поговорить, один на один. После обеда, когда баба Таня прилегла отдохнуть, мы с дедом ушли на реку, к причалам. Тишина стояла послеобеденная, знойная, молчали лодки, не шли по руслу пароходы и баржи. Только волны тихо плескались о деревянные сваи. Рассказал я деду эту печальную историю, и впервые мои родственники узнали про драку.

– Ты чувствуешь себя победителем? – почему-то спросил дед. Ответил я сразу, не раздумывая:

– Конечно! Все это видели и признали. И я не боялся и не боюсь его, хотя головой врезался прилично.

– Ну, одно это – уже хорошо... А как Катерина отреагировала на обвинения с планшетом в твой адрес?

– По-моему, поверила мне... Да все поняли, что Артём сподличал, подбросил чей-то старый планшет. Одна Лика, ну, учительница, ничего не хотела слышать, кричала, что за порнографию можно и срок тюремный схлопотать.

– Понятно, – не спеша, сказал дед, – хорошо, что отец верит тебе. Я тоже верю тебе, на сто процентов. А с папой я поговорю, чтобы он убедил маму оставить тебя в покое. В знак полного доверия, я, как и раньше, оставляю тебе компьютер без ограничений и запоров на программное обеспечение. С игровым диском разбирайся сам, там столько всего, что на пять каникул хватит... Второе, теннис хорошо, но придётся накачать мышцы, надо хотя бы раз-два в неделю походить на бокс или дзюдо, последнее даже лучше, на мой взгляд. Третье, нехорошо совать человеку под нос деньги, это обижает, мало ли причин у него может быть на этот счёт. Ты Катю, несомненно, обидел, надо найти повод, чтобы исправить свою ошибку. Лучше самому позаниматься с ней...

– Дедушка, так у меня времени не оставалось, уже билеты на самолёт лежали, чтобы лететь к вам, всё было распланировано по часам.

– Понятно, тогда бы объяснил, думаю, она поняла бы и не остался на душе осадок. Или бы попросил отца перенести

вылет на недельку...

– Представляю реакцию мамы, у неё тоже билеты лежали: ко второй бабушке лететь с Дашкой.

– Поговорил бы с отцом, может, он и понял бы тебя, как мужчина мужчину, придержал бы вылет.

– Да, ты, наверное, прав. Зря я сделал из этой истории слишком большой секрет, с папой даже не поговорил, думаю, он бы меня понял.

– Даже не сомневаюсь, – сказал дед, встал со скамейки, взял меня за руку и направился к большущей моторной лодке "Доре", причалившей ко второму, нижнему, ярусу причалов. В ней сидело четверо профессиональных рыбаков, вернувшихся с утренней путины. Всё дно лодки – завалено рыбой: судак, сазан, лещ, несколько гигантских щук... Тут же по рыбе ползали крупные раки, тёмно-коричневые с седыми пятнами-проплешинами на панцире.

Когда возвращались домой, неся на самодельном кукане приличных размеров щуку, а в пакете – пяток гигантских раков, дед сказал, что мои проблемы растают словно дым от костра. Но предупредил, что мстить Артёму не стоит, может, он уже и сам пожалел, что сделал такую подлость. Ещё сказал, что внимание девочки надо заслужить и что она должна в безопасности себя чувствовать с тобой. "Ты в школе первый её защитник, а потом уже – семья и все остальные", – добавил он.

С бабушкиного мобильника, древнего, как Русь, я позво-

нил Кате по её домашнему номеру телефона. Я ушёл на второй этаж, выбрался на крышу и мы здорово поговорили. Ей разрешили сдать экзамены в конце августа, экстерном. "Если папу опять не бросят куда-нибудь на край земли, – пошутила она совсем невесело, – то в сентябре увидимся..."

Я сказал:

– Давай в сентябре сядем за один стол, я буду помогать тебе, а ты мне?

– Конечно, я мечтала, что ты скажешь мне эти слова... Звони, а пока – до осени, до встречи за одним столом.

У меня наступило время замечательного настроения. Улыбалась бабушка Таня, большой палец показал дед Коля, а в медном тазу для варенья, куда поместили раков, они, похоже, для меня устроили целое представление: заползали друг другу на спины, пытаюсь добраться до высоких краёв, шуршали панцирями и даже щёлкали клешнями. Я предложил:

– А давайте выпустим раков на свободу?

Решили: пусть поживут до утра, всё-таки второй раз идти на реку – далековато. Дед принёс старое корыто, налили из бочки дождевой воды (без хлорки) и выпустили раков в плавание.

А я сказал, один на один, деду:

– Спасибо, дедушка, с тобой очень хорошо и легко жить.

Он, улыбаясь, ответил: "Цыплят по осени считают, а?"

Глава-5.

Отец – строгий, но мы с Дашкой любим его, потому что он почти всё время с нами. Он работает дома с ноутбуком, планшетом и мобильником. Дверь в комнату не закрывает, говорит: наши голоса лучше помогают добывать хлеб. Иногда, редко, он срывался, кричал, что ему надоела вся эта чертовщина с "коммуникациями, конъюнктурой и вкусовщиной". И что он сдохнет от этого ремесла, так ничего и не сделав путного. Он доставал из холодильника баночное пиво, потом приезжал друг, они весь вечер курили и спорили "за жизнь". Когда мы уже спали, он вызывал такси и отправлял друга домой. А утром папа нас будил, мыл, кормил, одевал и развозил в садик и школу. И всё время говорил: "Тише, не будите маму, пусть поспит..."

Я уже после первого класса хожу из школы домой один: десять минут, две остановки на маршрутке. Иногда за мной заходит мама, тогда мы отправляемся на набережную, раньше времени забираем Дашку из садика и едим мороженое в кафе. Мама пьёт кофе, не курит, хотя ей, наверное, страшно хочется, но она дала слово папе и держит его. А что с другим её обещанием делать, я пока не знаю. Вот сегодня зашли в кафе, усадила нас за столик, говорит: "Посмотрю, может, маленькие шоколадочки есть..." – и направляется к бару. А бар – это большущий прилавок с фужерами, рюмками и бутылками, тихая музыка, официант, улыбающийся всем. Я вижу, как она опрокидывает в рот рюмку, наверное, с вод-

кой. Берёт с прилавка шоколадку, дожидается пока официант нальёт в пузатый фужер коричневую жидкость и идёт к нам. Дашка начинает канючить:

– Мамочка, дай и мне попить глоточек!

– Ты уже и пить захотела? – немножко раздражённо спрашивает мама, – а я думала заказать сок, когда съедите мороженое. Потерпи, сейчас я сделаю заказ... – и снова идёт к бару, выпивает ещё одну рюмку водки, говорит громко:

– Вместе с мороженым подайте и сок, – к нам не подходит, направляется в туалетную комнату. "Щас будет курить, – угадываю её желание, – тайком, уже не может без сигареты".

Пока я смотрел на маму, Дашка наклонилась к фужеру, подняла его двумя руками и сделала глоток. "Господи, – подумал я, оборачиваясь к сестре, – что за визг?" Глаза её наполнились крупными слезами, рот открыт, воздух глотает, как рыба, выброшенная на берег. Я отломил кусочек шоколада и сунул ей на язык, подальше, чтобы она не смогла выплюнуть. Замолчала, смотрит на меня дикими глазами, облизывает губы будто шершавым языком.

– Это лекарство такое противное... – объясняю спокойно, и уже более сурово, – не лезь никуда без спроса, отравиться можешь. И маме не говори, что хлебнула из фужера. Иначе – попадёт, накажет она тебя!

Мама увидела вскрытую шоколадку, поделила её на троих, себе взяла маленький кусочек, положила в рот и запила жидкостью из фужера, на верное, коньяком. Заметила, как

мы внимательно смотрим на неё, подняла брови, чуть качнула красивой головой с белыми волнистыми волосами, спросила:

– Что-то не так, милые мои?

Я заметил, что у неё слова становятся длиннее, понял, что это опьянение, но пока ещё лёгкое. Тут же сказал, чтобы соседка моя по столу не ляпнула что-нибудь:

– Жарко, мам, пойдём на набережную, к реке...

– Хочу на аттракцион! – выпалила Дашка, – и селфи хочу с собачкой, ну, с той, с которой дяденька даёт фотку сделать...

– Мороженое и сок несут, ешьте, не спешите, у нас много свободного времени, – сказала мама и пододвинула к себе вазочку с зелёным шариком из фисташки.

Ели молча, у меня почему-то совсем пропал аппетит, сок я даже не допил. Было очень тревожно за маму, вспомнил, как весной мы еле дошли до дома, хорошо, помог старый папин товарищ с работы. Он уложил маму в постель, дождался отца, они сели в его комнате, а дверь, по привычке, осталась открытой. Папа сказал:

– Её спасает сон, она сейчас проспит почти день. Потом я приведу её в норму: аспирин, кофе, минералка, душ... Но вообще-то – это беда. С ней нередко оказываются дети, их можно потерять...

– Надо её работой занять, реши, наконец, эту проблему, – как-то резко сказал папин друг.

– Она – отличный биолог, с аспирантурой, практически

из-за детей и меня потеряла профессию. Ты прав, Жора, спасибо, за помощь. Прошу, никому: это навредит и Юльке, и семье.

– Юр, ты меня знаешь не первый год: давай возьму её в науку, в издательстве ни одного специалиста-редактора такого профиля, – сказал папин товарищ.

...Я очнулся от маминого голоса:

– Саша, сходи с сестрой в туалет, вымойте рот, пописайте, а я пока расплачусь с барменом, – сказала мама, не глядя на нас. "Значит, ещё выпьет водки, – подумал я, – а может, и покурит. Так, надо повнимательнее быть", – лихорадочно заработала мысль.

– Саш, а у тебя яички, как у собачки? – спросила Дашка, сидя на унитазе, который я протёр бумажным полотенцем.

– Даш, ты – дура, что ли? – отвечаю, кстати, не первый раз, – не смотри на меня, это писсуар для мужчин...

– А разве ты мужчина уже? – она вытерла бумагой писулю и пошла мыть руки. Я, как мог, помог ей, но детского умывальника здесь не было.

Маму мы увидели на улице, как обычно, она спросила:

– Руки помыли? Хорошо, молодцы. Идём домой, а по дороге – парк аттракционов...

По длине произнесённых ею слов я понял: мама на пределе. Сказал солидным голосом:

– Домой пора, уроков – море разливанное... Давайте на маршрутку сядем, через пять минут – дома.

Даша стала канючить, ей собачку приспичило повидать. Мама потрепала меня по волосам, сказала:

– Доставь нам удовольствие, поиграй с девочкой на аттракционах, а я посижу на лавочке, полюбуюсь на вас.

Мы увлеклись немного: Дашка попросила покачаться на качелях, потом был корабль с красивыми парусами и рулевым устройством, лабиринт из труб, в котором чередовались спуски и подъёмы... В общем, когда мы подошли к маминной широкой лавке с высокой спинкой, она спала, её подбородок лежал на груди. Сумочки в руках не было. А там и деньги, и телефон, и, главное, ключи от квартиры. Я сделал вид, что ничего не произошло, сказал сестрёнке, чтобы она помолчала: мама устала, весь дом без нас перемыла, пусть поспит, а папа сейчас приедет за нами.

Даша нашла веточку, присела на корточки, стала что-то рисовать на земле. По своей клавишной "Нокии" я дозволился до отца, сказал тихо, чтобы не слышала сестра: "Пап, мы у парка аттракционов, мама спит, сумочки нет... Приезжай скорее". Он попросил поискать сумку под лавкой, она могла и упасть. Увидел её под ногами у мамы, достал, осмотрел, нашёл ключи, кошелёк с деньгами. Всё это время отец ждал на телефоне, потом сказал:

– Сидите рядом с мамой, как ни в чём не бывало, не подпускать к ней никого. Я – скоро буду. Держись, сын!

Даша рисовала зверюшек, я присел справа от мамы, взял её руку, положил себе на колени. Я знал, что в обиду её не

дам, отгоню любого, пусть только посмеет кто приблизиться. Но мне страшно становилось от мысли, что именно сейчас могут подойти люди из нашего дома или, тем более, друзья-одноклассники. Что тогда делать? Мысленно звал отца, просил его приехать, как можно скорее. Почему-то вспомнил поездку с папой в дальний район области. Там пришлось заночевать у местного фермера, пузатого говорливого дядьки, построившего в деревне, на пересечении дорог, "мотель". Запомнил старый плакат для шофёров, вывешенный в столовой на самом видном месте: девочка прижимает к груди куклу, лицо испуганное, в глазах – крупные слезинки. Внизу – подпись: "Папа, не пей! Ты – за рулём!" Я подумал уже сейчас, сидя на лавочке: вот если бы мы купили маме машину, то у нас всё бы было в порядке. Боялся произносить слова "пить – не пить", просто вдруг поверил, что с купленной для мамы машиной у нас всё было бы хорошо.

Отец привёз нашатырный спирт, быстро привёл маму в чувство, попросил меня не отпускать Дашу ни на шаг, и все четверо пошли к машине. Мама еле передвигала ноги, что-то бормотала себе под нос. Но вела себя тихо, не выступала и не ругалась с папой. Я нёс её сумочку, ключи переложил в карман, второй рукой крепко держал сестрёнку. Она устала, притихла, наверное, поняла, что с мамой не всё в порядке, поэтому ей лучше помалкивать. А я рассуждал сам с собой и не мог понять, как человек может пить вино, такую мерзкую гадость. Как бы поговорить об этом с папой, послушать, что

он скажет, чтобы на душе стало спокойнее. Я был уверен, что у нас всё будет хорошо, вот только проспится мама, мы купим ей машину, и она забудет кафе-мафе, бары-шмары. И ещё думал я: надо поговорить с дедушкой Колей, рассказать ему обо всех моих тревогах. Но тогда я подведу папу, ведь он его сын, и отец будет его ругать.

Вечером, когда мы смотрели мультики, по скайпу вышли на связь баба Таня и дедушка Коля. Папа, поговорив совсем немного, развернул планшет на нас, и мы по очереди отвечали на их вопросы. Я очень боялся, чтобы Дашка что-нибудь не лягнула. Но она лишь сказала, что мама устала и спит, потому что мы долго играли в парке аттракционов. Дед приглядывался ко мне внимательнее обычного, спросил: "Саша, у тебя всё в порядке? Точно у тебя ничего не произошло?"

Я сказал:

– Всё "ок", есть хорошие отметки, нормальные тренировки, но есть и вопросы, которые меня беспокоят. О них мы поговорим при встрече...

– Опять про космос? – пошутил дед, но мне показалось, что он понял, как мне не до шуток.

– Расскажу, когда-нибудь... – ответил я.

Дед промолчал: что можно сказать по скайпу. Потом папа отправил нас на кухню пить молоко, и мы слышали, как два отца разговаривали на повышенных тонах.

Раджан или попросту Радж был не только сыном хозяйки дачной усадьбы, он заправлял мальчишками всей улицы. Мама у него – местная южанка, отец – индус, торговец компьютерной техникой. По-русски говорил плохо, сына выучил английскому, что никак не давалось его жене. В то лето мы – папа, мама, Дашка и я – снимали у них флигель вместе с тремя другими соседями. У нас приличные условия были, а одна семья жила в зимней бане, ещё две – в комнатах на втором этаже дома, имевшего столетнюю историю. На первом – с кухней, ванной и туалетом – обитали Радж с мамой, отец, занятый торговлей на рынках, почти постоянно находился в городе. Худенький, даже щуплый, он казался в два раза меньше своей жены, почти двухметровой наследницы купеческих владений: дом с дореволюционных времён принадлежал её прадеду.

Поскольку мой папа тоже занятый человек, работавший в те времена сутками напролёт, а мама возилась с моей маленькой сестрёнкой, то я довольно часто жил сам по себе. Радж ценил меня как полезного и свободного для контактов человека. Но, тем не менее, терпеть не мог меня на улице, поскольку я ни в чём не давал ему спуска, не только сопротивлялся его командирским замашкам, но довольно успешно высмеивал его глупые фантазии перед пацанами. Мускулами он был в отца, проигрывал мне не только мозгами, поэтому постоянно натравливал на меня уличных "солдат-дуболомов

Урфина". Попадало ли мне? Ещё как, особенно, когда объединялись двое или трое из них. Мама замечала мои синяки и шишки, жаловалась папе, тот обнимал меня вечерами, в свободную от работы минуту, выслушивал какие-то мои небылицы и говорил: "Ничего, сын, до свадьбы заживёт..." Нет бы прошёлся со мной по улице туда-сюда (а он – высокий, широкоплечий), просто бы прошёлся, и то я, думаю, у многих бы отпала охота приставать ко мне. Но он приезжал домой так поздно, что все пацаны давно видели пятые сны.

Радж классно знал комп, отец менял ему планшеты, мобильники и ноутбуки, как носки марки "неделька". Правда, техника была не новая и имела какую-то, без сомнения, криминальную историю, но не пойман – не вор. Второе, чем владел русский индус, как факир, игорными картами. Обыкновенными, какие я видел у дедушки Коли и бабы Тани. Мы иногда вечерами, в каникулы, играли в "подкидного дурака". Радж знал приёмчики, когда карты выскакивали именно те, которые нужны были для подсчёта очков. Он обыгрывал партнёров не только в "дурака", за что тоже брал деньги, но частенько играл с мальчишками в "очко", "тысячу" и даже пытался научить их игре в "покер", но безуспешно, мозги у тех никак не включались. Тогда он обыгрывал их на деньги в шашки, шахматы и даже в настольный теннис.

Играли в карты, как всегда, на берегу мелкой, но стремительной речки, на небольшом мысочке, спрятанном от посторонних глаз высоким камышом. Перед выходом на реку

я стоял на веранде дома Раджа, видел в открытые двери, как он подходил к большущему дивану, выдвигал на полметра нижний ящик, вытаскивал оттуда две или три пятисотрублёвые купюры и с усилием задвигал его назад, скрипя колёсиками. Диван тоже был старинный, купеческий, смастерили его ещё до отечественной войны. Он насколько раз предлагал мне стать его помощником, чтобы овладеть знаками обозначения: например, увидев козырного "туза" у противника, я должен почесать нос, "короля" – ухо и тд. Но я отнекивался, а потом сказал категорически: "Нет". Это его насколько не расстроило, по-моему, он нашёл помощника и без меня. Но я уверен, выигрывал бы он всегда: в карманах, в загнутых рукавах рубашки, под ремнём брюк – везде у него были спрятаны карты.

Короче, я принёс ему из копилки почти десять тысяч рублей, он спокойно засунул их в потайной карман джинсов, сказал:

– Не вздумай жаловаться, играли честно, а карточный долг порядочные люди всегда отдают, – и добавил, – читай классиков, Сашок...

Что было делать? Отцу не мог сказать о своём горе, по крайней мере, почти неделю он был не в том расположении духа, что-то на работе не ладилось. О маме я просто молчу: она бы сума сошла, если бы узнала, что её сын играет в карты. К счастью, о копилке меня давно уже никто не спрашивал, наверное, ждали моего дня рождения в середине лета,

чтобы подбросить ещё немного деньжат. Именно в это время на пару дней заскочил к нам дедушка Николай: он один отдыхал в сердечном санатории, недалеко от нас. Мы гуляли с ним по берегу речки, кроме пескарей, вьюнов да уклеек здесь не водилась другая рыба, поэтому даже не стали снаряжать удочки. Он спросил о житье-бытье, сказал, что они с бабушкой не смогут приехать на мой день рождения: для пенсионеров накладно стало ездить на дорогущих ныне поездах. Позвал меня и Дашу в гости на новогодние каникулы, сказал, что на реке расчистят каток с освещением.

Я бодрым голосом попытался рассказать, что у меня всё в порядке, но на его вопрос о копилке для компа вдруг ни с того ни с сего взял да и пустил слезу. До сих пор стыдно вспоминать, но уж лучше деду всё рассказать, чем отцу с матерью. Он попросил незаметно как-то познакомить его с хозяином домашнего Лас – Вегаса. Короче, на ловца и зверь бежит: Радж припёрся после завтрака, когда мама увезла Дашу в парк, отец уже уехал на работу, а мы с дедом играли на веранде в шахматы. Потом собирались на футбольном поле пансионата для чернобыльцев попинать мяч, олимпийский, привезённый дедом из столицы.

– Здравствуйте, молодой человек, – дружелюбно приветствовал Раджу дедушка, – мне о вас много интересного рассказали. Вы прекрасно в карты играете, всю улицу, если не весь посёлок, обыграли...

– Чё, верите-то! Врут все! Вот с Сашком любим в шахма-

ты сразиться, но он слабоват против меня, проигрывает...

– Слышал, что в шахматы и на денежки играете? – перебил его дед, – может, составите компанию? У меня тысяча завалялась после отпуска. Ставлю её на кон. А потом, молодой человек, если проиграете, принесёте все деньги Александра, которые он почти два года копил на ноутбук. Если выиграете вторую партию, я вам отсчитаю ровно десять тысяч рублей. А ещё честнее будет, если и вы денежки принесёте прямо сейчас...

Радж молча вышел с веранды, сходил в зимнюю баню, вернулся с железной коробкой из-под советского монпансье. Там лежала часть скопленного от карточных игр капитала. Когда дед выиграл у него партию, примерно, на двадцатом ходу, (я так волновался, что даже не помню все ходы), индус отсчитал десять тысяч и, отдав их дедушке Коле, сказал:

– Вторую партию не играем и сдачи не надо. Учись, Сашок, у своего деда. А ноут, как хорошему соседу, я закажу тебе у отца, подешевле будет, но в надёжности не сомневайся. Желая, значит, дедушка Коля, много здоровья. Мне бы так научиться играть в шахматы... Я бы всех пенсионеров на сквере обчистил, хи-хи-хии, – тоненько засмеялся он, закрыл яркую крышку железной банки и пошёл к укромному местечку в зимней бане, где держал схрон. Дедушка молчал, передал мне деньги, сверху положил сэкономленную им в отпуске тысячу.

– Итак, ты не играл – не проигрывал, – сказал он, усажи-

ваясь на ступеньки веранды, – это болезнь, сынок. Она ещё аукнется и твоему соседу, и всем, кто с ним связан. Один мой хороший знакомый проиграл всё, оставалась только его ничемная и никому ненужная жизнь. Он, действительно, никому не был нужен, даже его детям...

Когда мы пошли на футбольное поле, я крепко держал деда за руку. У него была жёсткая и очень холодная ладошка. Я загадал: если она согреется раньше, чем мы дойдём до пансионата, дедушка проживёт долго-долго. Ладошка не согрелась...

Глава-7.

Даша разболелась, мама осталась с ней дома, а мы с отцом полетели на похороны деда. Я не понимал ещё до конца, что произошло. Не знал, что обозначают слова "смерть человека", за мою жизнь у нас никто не умирал. Папа говорил с бабушкой Таней по телефону (она не захотела включать скайп), продолжая держать мобильник в руке, сел на кухне у окна и стал смотреть на хмурое воскресное утро. Долго молчал, потом сказал: "Отец умер, сердце остановилось во сне, мама даже не знала. Но почему... почему так рано... почему?" – он буквально застонал.

Наша мама промолчала, мне всегда казалось, что она боялась и недолюбливала деда. Мило улыбалась при встречах, никогда не говорила о нём с папой, а уж тем более, со мной.

Правда, несколько раз сказала, типа: "Ты упёртый, как дед" или "Упаси нас бог, иметь в роду ещё одного чиновника..." А отец не так давно при мне очень серьёзно поругался с дедом: что-то не сложилось со столичной квартирой, где мы все были прописаны, но жили – в съёмной, по месту работы папы. Он кричал в скайп: "Это всё, что долбанное государство дало тебе за труды, та же хрущоба только выведенная на десятый этаж! Как жить там всем вместе, как?" А дед, я хорошо слышал, ответил:

– Никогда, ни у кого ничего не просил и не собираюсь сейчас, уйдя в отставку, этого делать. Когда нас с матерью не будет, тогда полностью распорядитесь ею. Других квартир у меня нет...

– А другие? По две-три квартиры прихватили! – успел буквально крикнуть папа, но дед отключил компьютер. Всё ещё по инерции он продолжал кричать, – упёртый, как осёл: ни получить, ни заработать, ни скопить – ничего не захотел делать. Принципы, видите ли, важнее...

– А я что говорила, – сказала мама, – весь он в этом. Да и ты – хорош, на собственную квартиру не можешь заработать...

Дальше началась откровенная ругань, и я ушёл в комнату. Думал, почему так ведут себя с дедушкой родители, что он сделал им плохого? И почему они не хотят с ним жить, тем более, полгода они с бабушкой – в деревне, на реке, в собственном доме? Ведь на лето они привозят нас с Дашкой к

ним, а сами уезжают, куда захотят и не считают это плохим делом. Так и остался для меня вопрос без ответа.

На вечерний рейс билетов давно не было, отцу пришлось идти к начальнику аэропорта, и нас поместили только на утренний. Он позвонил бабушке уже по скайпу, извинился, что раньше не может вылететь, спросил, чем надо помочь, что привезти? Баба Таня, вся в чёрных одеждах, сказала, что ничего не надо, что поминки будут в кафе, а сожжение дедушки, как предложили его бывшие коллеги по работе, она отменила: он давно ещё сказал, чтобы захоронили его в землю. Попросила меня подойти к экрану, увидела, заплакала, сначала платком закрыла глаза, а потом, не выдержала, зарыдала так громко и страшно, что у меня из глаз просто побежали слёзы. Бабушка пыталась что-то сказать и не могла, получалась почти непонятная речь:

– Ма-ма-льчик наш... как он лю-лю-бил... тебя и Д-да-шу... души не ча-ял. Приез-жай скорее, де-ду-шка так много не ус-спел тебе с-ска-зать... Но я всё помню, всё пере-д-дам тебе...

Папа отодвинул меня от экрана, заговорил:

– Мама, мама! Успокойся, береги себя... Мы скоро прилетим, утром встретимся... Я все хлопоты возьму на себя. Ты только не переживай, не убивайся, береги сердце, мама...

Вечер прошёл в сборах: упаковывали огромную сумку на колёсиках, мой походный рюкзак да целую сетку свежей и вяленой рыбы принёс сосед-рыбак, узнавший про наше горе.

Папа по компу заказал машину на прокат, её должны подготовить к нашему прилёту. Потом ездил на работу, сказал маме, что у кого-то перехватил сотню тысяч рублей. Мама ответила: вот, опять дети останутся без новой одежды, в чём пойдут в школу и садик. Папа вспылил, сказал, что сейчас завалит её совершенно приличной одеждой и обувью, какую уже не вмещает ни одна антресоль. А потом меня с простуженной Дашей отправили спать.

Она несколько раз спрашивала про дедушку Колю, которого просто обожала, и всё не могла понять, как умирают люди, зачем и почему они это делают. Но уснула быстро, хотя слышала плач бабы Тани, разговор с ней отца, переживала, наверное, от того, что ничего не может понять. А как ей объяснишь? Вот был дедушка Коля и вдруг его не стало, положат в гроб его, заколотят гвоздями и опустят в могилу, глубокую яму, засыпят навечно землёй, и мы больше не увидимся никогда. Никогда? Мне вдруг так страшно стало от этого слова, что я не мог лежать в кровати, встал, на цыпочках, чтобы не разбудить сестру, подошёл к окну, сначала облокотился, а потом с ногами забрался на подоконник, стал размышлять, глядя на ночные фонари и чёрные контуры старых пирамидальных тополей. Я видел фильмы с мертвецами, похороны всякие вспоминал, но я не мог представить деда в гробу, не мог: сразу першило в горле и носу, из глаз снова текли слёзы.

Дверь открылась, вошёл отец, поправил одеяло на Даше,

потрогал её голову, направился к окну, обнял меня, поцеловал в лоб, стоял и молчал. Потом прижал к груди, заговорил тихо:

– Как тяжело, сынок, так тяжело... С этой дурацкой квартирой я довёл отца до могилы. Не иди на поводу у крика и эмоций, никогда. Дед так много пережил, был под следствием в 91-м году, изгнан со всех должностей, стал инвалидом с двумя перенесёнными инфарктами. Вот так отблагодарило его новое правительство за службу государству. Ох, папа, дорогой ты мой! Уже давно никто так не живёт, как ты пытался жить в стране, где деньги решают всё. А у тебя их никогда не было, а могло быть и очень много... Что сейчас говорить об этом? Но ты должен знать, Саша: я очень любил твоего деда и своего отца, я никогда его не предавал, он всегда был моим другом. Помни об этом, сынок. А сейчас давай спать. Помнишь, баба Таня рассказывала тебе сказку про Бабая: придёт, узнает, что ты не спишь, засунет в мешок и унесёт с собой. Бабушка учила детей в селе русскому языку, там и нашёл её дед Николай. Вот, похоже, и за ним пришёл Бабай. Только этот не вернёт его обратно...

Хоронили деда Колю на обычном кладбище, чем страшно были возмущены его сослуживцы. Правда, их было совсем немного и говорили они о Новодевичьем или, на худой конец, о Ваганьковском кладбищах. Но баба Таня молчала, ничего не объясняла, сказала лишь какому-то представителю правительства со странным именем – Бабай Констан-

тинович: "Так захотел Николай. Я лишь выполнила его волю. Если вы пройдёте здесь вдоль забора, то увидите могилу первого и последнего премьер-министра страны, ему тоже, в своё время, не нашлось места в престижном пантеоне... Об этом мой муж помнил всю оставшуюся жизнь".

Говорили речи, немного и недолго, пошёл мелкий, почти грибной дождь, саван на лбу деда намок, холодильник мои губы, когда я целовал его, прощаясь навсегда. Меня крепко держала за руку баба Таня, она будто боялась, что я потеряюсь в толпе прощавшихся. Священник быстро и монотонно читал над дедом молитву, потому что он был крещённый, как и я, крестившийся в знаменитом Угличском монастыре. Когда уже закапывали могилу, к бабушке подошла её подруга по дому, сказала:

– Таня, дорогая моя, поплачь, не держи в себе, это плохо может кончиться...

Бабушка ответила:

– Проводим всех, останемся, Маруся, с тобой вдвоём, да ещё Саша с нами, вот, тогда и поплачем...

Подошёл представитель правительств, выразил соболезнование, добавил:

– Можно, пройду с молодым человеком по аллее? – и посмотрел на меня, – я верну вам внука, Татьяна Васильевна, не пройдёт и пяти минут...

– Меня зовут Бабай Константинович Доброволин, – сказал он, как только мы отошли от могилы, – по маме – я тата-

рин... Всё остальное – неважно. Кстати, можешь звать меня Бобо, так проще. Сколько тебе лет? Двенадцать... Когда подрастёшь, будешь звать меня Боб... Ты знаешь, Саша, я очень многим обязан твоему деду, да честно сказать, это он меня сделал большим человеком. Слушай меня внимательно: вот моя специальная визитка, спрячь её, там мой домашний телефон, он, обычно, не меняется. Можешь звонить в любое время. Я помогу всем, чем смогу. А ты знаешь, что очень похож на своего деда? Он был кристально честным и порядочным человеком, жил на одну зарплату, хотя создавал для других империи из новых газет и журналов... Итак, про нас, живых: за тобой – нужен хороший присмотр. И я готов это сделать. Помни о нашем разговоре. А сейчас пойдём к бабушке, она уже волнуется. И, пожалуйста, никому ни слова, а то придёт Бабай и унесёт тебя в мешке... – он улыбнулся.

– Да, – сказал я, – он уже унёс дедушку. И это – навсегда... Что же вы не защитили его? Где вы были и как это допустили?

– Какие вопросы, речь – не мальчика... Давай поговорим, когда пройдёт траур. Или лучше, когда ты немного подрастёшь. Обещаю, я всё тебе расскажу, ты, конечно, должен знать о своём дедушке... Идём к бабе Тане? Береги её, Саша.

Папа совсем позабыл про меня, крутился, как белка в колесе: платил деньги священнику, спорил с могильщиками, измерял землю для будущей ограды, рассаживал всех в автобусе и по машинам. Бабушку и меня посадил в прокатную

машину, и во главе колонны мы поехали в кафе. Туда при-
было ещё меньше народу, стол для поминок не заполнился
и наполовину. Я сел слева от бабушки, рядом со мной – па-
па. Снова говорили что-то хорошее про дедушку, пили вино,
ели холодные закуски и большие бифштексы.

Я совсем не мог есть, ко мне потихоньку подкрадывалась
тоска: вспоминал, сколько удочек было у нас с дедом, о чём
мы говорили на рыбалках, как он изображал героя фильма
"Неоконченная пьеса...", смешно бежавшего по обрыву над
рекой, как играли в шахматы и как он учил меня записывать
ходы, про Кузю и схватку лягушки с ужом... "Господи, – ду-
мал я, держа в своей руке под столом руку бабушки, – а ей-то
теперь как жить? Что она будет делать без своего Коленьки?"
В мозгу зрела одна мысль: надо пожить у бабы Тани столько,
сколько ей будет хорошо со мной. "Школа есть у дома, мне
не надо репетиторов, особых режимов и особого питания,
теннис подождёт... – уже не мог думать ни о чём другом, –
главное, я буду рядом с ней, нам будет веселее вдвоём. Надо
поговорить с отцом. Но вперёд – поговорить с бабушкой"

Наклонившись к худенькому плечу бабы Тани, я дотянул-
ся до уха и стал шептать:

– Хочу сделать предложение, думаю, оно тебе понравит-
ся...

– Хорошо, мой мальчик. Потерпи до дома, там и погово-
рим...

Она крепко сжала мою руку под столом. "Дома, так до-

ма", – подумал я и мне стало намного легче. Я был уверен, она скажет "да".

Глава-8.

Мама, конечно, слышать не захотела о моей жизни у бабушки. А отец не смог сам решить простой, на мой взгляд, вопрос, начал звонить ей, советоваться, потом отослал меня на кухню к бабе Тане и по скайпу говорил один. Но я слышал, как мама довольно строгим голосом учила его: надо поговорить с бабушкой о возможном переезде нас – её, папы, Дашки и меня – в дедушкину квартиру. Папа молчал, лишь сказал: время траура не для таких разговоров и что у бабушки будут свои взгляды на эту проблему. Мама стала его ругать, ну, упрекать опять же, что он ничего не может решить сам.

Я прошёл на кухню, увидел, что бабушка сидит у окна, смотрит на улицу, а глаза у неё ничего не видят. Дом был старый, наверное, с дырками, и разговор папы с мамой она слышала не хуже меня. Почему-то совсем не отреагировала, когда я прижался к ней, положил руку на плечо и стал целовать в голову, закрытую чёрным, пропахнувшим церковным воском, платком. Она третий день после похорон дедушки Коли ходит в церковь, молится. Мы с папой тоже раз пошли с ней, в церкви было интересно, но тоскливо: дома и на улице ещё как-то забываешь о деде, а там он весь перед тобой. Будто стоит рядом с иконой Николая Чудотворца (первый раз я

увидел её в музее), но спиной ко мне, вроде бы хочет повернуться и посмотреть, а не может... Я ошибаюсь, наверное, от этой тоски везде вижу дедушку.

Наконец, бабушка поняла, что я рядом, наклонила мою голову и, поцеловав в лоб, сказала:

– Ничего, сынок, ничего, мой маленький, я выдержу и одна, а на Новый год обязательно приезжай. И Дашеньку возьми с собой.

Не зря моя мама зовёт её "товарищ комиссар": бабушка может и виду не подать, как ей тяжело и больно. Но я-то всё вижу. И вдобавок, понял две вещи. Первое: плетью обуха не перешибёшь, так говорит папа о нашей маме. Аргументы у неё железные: ребёнку, особенно в таком возрасте, нужны родители. Потом – школа с экзаменами, теннис, изостудия. Конечно, по её словам, неплохо бы иметь всё это не в провинции, а в столице, но, что делать, утверждает она, нас там не ждут. И второе: мои родители, не разрешив мне пожить у бабушки, притворяются, будто не видят, как тяжело ей сейчас. Это меня огорчает больше всего. Даже больше планов мамы: старую квартиру деда продать, вместо неё купить коттедж на природе, для бабушки – выменять комнату в коммуналке.

Я долго думал, как рассказать обо всём этом бабе Тане, но понял, что нельзя лезть с такими проблемами, это её просто доконает. А как быть? Ведь мы уже упаковали вещи, отец не смог остаться даже на девятый день после похорон: Дашка

разболелась. Бабушка, в основном, молчала, со мной разговаривала, но сухо, лишь отвечала на вопросы, которые я пытался задавать, чтобы чуть-чуть расшевелить её. А вечером на домашний телефон позвонил Бабай Константинович, она называла его Бобо. Вдруг сказала, что сын дома и, зайдя к нам в комнату, передала папе трубку. Я понял из их разговора, что речь идёт о завтрашнем дне и что нам, папе и мне, надо встретиться с бывшим помощником деда в кафе гостиницы "Националь".

Думал, пойдём в ресторан с огромными окнами, с разноцветными конями на стенах, будто летящими по воздуху, возле которых мы прогуливались с отцом, дожидаясь Бобо, а попали в уютное, но явно не для всех, кафе с обычными столиками на четверых и шустрым молодым официантом. Помощник шёл уверенно, поздоровался за руку с каким-то мужчиной с бабочкой, тот проводил нас в угол продолговатого зала. Мне заказали мороженое, любимое, фисташковое, и натуральный сок из ананасов, груш и ещё чего-то. Мужчины взяли по чашке кофе. Я мысленно назвал Бобо "министром", ну, это те, кто чем-то руководят в Москве. Он сказал, извинившись больше передо мной:

– Простите, я закурю... Одну и без затяжек, – пододвинул к себе пепельницу, долго мял сигарету пальцами, щёлкнул длинной и тонкой, похожей на золотую, зажигалкой, затянулся, дым выпустил в сторону от меня.

– Вас зовут Юрий Николаевич? – обратился он к папе, –

очень приятно. Меня можно называть Бобо. Я много лет проработал или вместе, или рядом с вашим отцом, – посмотрел на меня, – и дедом, сейчас представляю самую большую компанию СМИ (я потом объясню, сказал он мне, что это такое). Мы встречались с Николаем Ивановичем не так давно, к несчастью, он не был готов к трагическим для него событиям, но всё же успел затронуть тему будущего его внука, а это значит и вас, Юрий...

– Мы ни о чём подобном не говорили с отцом, – почему-то резко сказал папа, – это наше семейное, внутреннее дело...

– Конечно, не спорю, но всё же прошу выслушать меня до конца, – в это время официант принёс на подносе заказ. Расставил чашки с вкусно пахнущим кофе, мне пододвинул вазочку с мороженым и бокал тёмно-зелёного густого сока. Бобо помешал ложечкой напиток, отхлебнул маленький глоток, забыв, наверное, положить сахар. Отец смотрел на него, до кофе не дотронулся. А я вдруг сразу понял, о чём "министр" хочет говорить. Дедушка думал о нашем будущем и просил его помочь нам. Да и отец это понял, но почему-то злился и еле сдерживал себя.

Конечно, я не помню всю речь Бобо, расскажу, что уловил. Короче, решением правления, компания приобрела на моё имя пакет акций, более двух процентов. До моего совершеннолетия ими может управлять отец, но с запретом выводить их за границу, продавать и ещё что-то, что связано с непрофильными тратами (Бобо сказал, примерно, так: с одобре-

ния правления, мой папа может приобрести любую недвижимость, но не яхту или самолёт, отправить меня и Дашку на учёбу за границу, не меняя нам гражданства). И ещё важное он сказал: квартиру, в которой живёт наша баба Таня, надо оставить в покое, это её просьба. Она доживёт свой век там, где прошла почти вся её жизнь. В общем, таких условий до моего совершеннолетия получилось довольно много. Может быть, поэтому реакция отца была резкой:

– Знаете что, уважаемый Бобо Константинович, не лезьте в мою семью. Я вас ни о чём не просил и не собираюсь просить. Мы уж как-нибудь разберёмся без ваших акций... И вообще, кто вам дал право так себя вести?

– Да, Юрий Николаевич, мне никто не давал такого права кроме вашего отца. И я лишь пересказал вам содержание юридического документа, который наша компания подписала с Николаем Ивановичем. Это и есть расширенный вариант. Но отец предвидел возможную реакцию с вашей стороны и попросил подработать второй, более короткий, вариант соглашения. А именно: внук, Александр Юрьевич, вступает в наследство по достижении своего совершеннолетия. Всё, никаких больше отступлений и вариантов. Вам здесь остаётся лишь дожидаться взросления сына, а что будет через шесть лет, одному богу известно... И хотите вы или компания, или не хотим мы этого, ничего изменить будет уже невозможно. Выбор за вами, подумайте, посоветуйтесь, с кем считаете нужным, но недолго: свидетельство о смерти

отца даёт право немедленного вступления в силу соглашения. И чтобы вы знали, вот приблизительная стоимость акций, – достал маленькую электронную книжку с карандашом на проводе и вывел на листке девятизначную цифру. Мне показалось, что первой стояла цифра два.

– В доллары переведёте сами? – закончил он речь, откинулся на спинку стула, стал пить кофе маленькими глоточками.

Отец побледнел, просыпал на стол песок из пакетика, долго мешал ложкой чёрную жидкость. Я спокойно доедал мороженое, иногда запивая его соком. Вдруг папа сказал:

– Нам надо ехать в аэропорт.

– Я вызвал машину, она будет в вашем полном распоряжении. Вот визитка моего секретаря, звоните в любое время: как владельцу пакета акций, вашему сыну положено обслуживание за счёт компании...

– Дожил, – сказал отец, – становлюсь приживалкой у собственного сына.

– Вы не правы, Юрий Николаевич, вы становитесь своеобразным регентом над сыном, если согласитесь на первый вариант. Думайте, я жду вашего ответа три дня. Иначе в силу вступит второй вариант с итогами через шесть лет...

– Спасибо вам, за всё, особенно, за признание заслуг моего отца: лучше поздно, чем никогда...

– Он всё знал, – перебил папу "министр", – все правила игры, но никогда не отступал от своих принципов, – потом ещё

добавил, – система процентов и откатов была не для него, большого государственного деятеля. Сначала мы по-тихому посмеивались над ним и только с годами начали понимать, что такое безупречная репутация.

Домой ехали на "Мерседесе". Водитель сказал, что будет ждать на стоянке у дома, напомнил, что теперь усложнилась процедура контроля, надо приехать в аэропорт пораньше. "Знаем без вас", – пробормотал под нос отец, но вслух поблагодарил его и мы пошли к бабе Тане. С порога он заявил:

– Вот познакомься, мама, привёл миллионера. К восемнадцатилетию, твой внук станет обладателем капитала в двести миллионов, если акции ещё не вырастут...

– Я знаю, – сказала баба Таня, – Николай говорил об этом... Я думаю, он правильно поступил. Тебе надо подписать бумаги первого варианта, с пользой расходовать капитал, который вернули отцу через его внука.

– Не обижайся, скажи: мне он не мог передать эти долбаные акции?! – вспыхнул, почти закричал папа, а мне показал рукой на дверь в кухню.

– Не гони Сашу, – сказала холодно бабушка, – там всё слышно да и он теперь должен знать об этой ситуации. Во-первых, отец не предполагал, что акции так вырастут в цене: он думал завещать их внуку на продолжение учёбы, на непредвиденные обстоятельства. Не дай бог, но на нём тогда остаётся и младшая сестра. Во-вторых, мы столько денег угробили на тебя, начиная с выпускного класса школы и по

сей день... – папа что-то хотел возразить, но бабушка не дала ему открыть рта, – вопрос решён! Поставим на этом точку: или ты остаёшься разумным отцом при деньгах сына, или он сам распорядится ими со временем. А сейчас давайте собираться в аэропорт, скоро рейс...

Отец долго кричал о несправедливости родителей по отношению к нему, о том, что внуки руки не подадут им при встрече. На что баба Таня только и сказала:

– Деду уже не подашь руки ни при каких обстоятельствах да и я не вечная, скоро отправлюсь на встречу с ним.

Я ушёл на кухню, туда же перебралась и бабушка.

– Всё уладится, – сказала она, – это честно заработанные деньги, которые дедушка Коля решил передать тебе, как внуку и как брату младшей сестрёнки. А папа подумает, посоветуется с твоей мамой, вернётся и подпишет бумаги. Вот тогда, – закончила разговор баба Таня, – и я буду спокойна за тебя, за Дашу, за вашу семью.

Глава-9.

Мне так нравилась Катя, что иногда от желания видеть её, вдыхать запах школьного рюкзака, из которого она доставала книжки и тетрадки, дотрагиваться до руки или плеча, прикрытого распущенными тёмно-каштановыми волосами, у меня кружилась голова. Она уже так привыкла к моему столу в классе, что останавливалась точно у него, даже если

шла спиной, разговаривая с кем-то из подружек. Улыбаясь и показывая ровные белые зубы, шутила:

– Привет, Саня! Ты сегодня такой красивый и серьёзный, что-то случилось?

Недавно она прочитала роман Каверина – "Два капитана", только и рассказывала о нём почти всю неделю, незаметно для всех стала называть меня Саней. Я давно прочитал книгу, но хорошо помнил, что героиню звали Екатерина. Катя, как и обещала, перебралась в классе за мой стол, а поскольку это случилось так давно, то никто и не вспоминал о перемещении новой ученицы. Хотя, какая она новенькая: казалось, что мы вместе уже сто лет. Она по-прежнему жила на выселках, в военном гарнизоне, и мне не очень хотелось вот так сразу отпускать её после школы. Я понял, что и ей не хочется садиться в старенький "Жигулёнок" отца. Тот видел наши прощания, наверное, что-то придумал, в один из дней Катя сказала:

– Мы можем пройтись до последней остановки трамвая, папа или мама будут ждать меня там. Это удобно им, и мы прогуляемся, как говорит папа, мозги проветрим после занятий...

– Классно, – сказал я, не скрывая радости, – а кто у тебя отец?

– Военный... Но я не так много знаю о его службе. Вообще-то он закончил Ленинградский политех, инженер по ИТ. Служил год офицером запаса, из-за жилья (дали новую боль-

шую квартиру) остался в армии. А теперь уже и младший брат появился, и папа привык к службе да и мы освоились с переездами. Сейчас он – старший офицер КП, только что досрочно получил звание майора...

– А что такое КП?

– Вроде бы, командный пункт... А я уже поучилась в четырёх школах: в Забайкалье, на Урале, в Заполярье и вот здесь. Я так рада, что встретила тебя, Саня. У меня почему-то нигде не было настоящего друга, как ты. Даже среди девочек: только начнёшь привыкать к школе, как опять переезжаешь.

– Так и здесь, значит, всё может быть ненадёжно? – сказал я, выдав своё огорчение.

– Нет, я поняла: у папы есть перспектива, может до полковника дослужиться.

Мы шли по плохо очищенному от снега тротуару, в двух метрах от нас по рельсам грохотали красно-жёлтые трамваи, которые через четыре остановки делали "кругаля" у парка культуры и отдыха, граничащего с набережной широкой и полноводной реки. Здесь на десяток километров тянулись узкие самодельные пляжи, засыпанные сегодня белым глубоким снегом, а летом – не протолкнёшься: на специально оборудованный горпляж без машины не доберёшься, а маршрутки ездили, кому как из водителей вздумается.

На конечной остановке трамвая, почти всегда у диспетчерской будки, стояли "Жигули", похоже, они когда-то име-

ли цвет кофе с молоком. За рулём сидел военный с мужественным лицом, в окно кабины был виден погон с большой звёздочкой. Стоя у машины, Катя махала мне рукой, открывала дверцу и буквально падала на заднее сиденье, кричала: – До завтра, Саня!

Я провожал девушку взглядом до самого поворота дороги к гарнизону, тоже махал рукой и шёл на остановку трамвая. Четыре посадки пассажиров в вагон, небольшой путь, но я многое успевал передумать за это время. Главное, о чём я думал в первые минуты прощания: о любви к Кате, хотя не знал, что это такое и старался не произносить это слово вслух. До нашего прощального школьного звонка ещё далеко, но мы можем летом поступить в колледж, а там уже никто не запретит нам быть вместе. Я почему-то заранее знал, всё будет хорошо: она тоже любит меня.

Потом я думал о том, как быстро мы забыли дедушку Колю: прошло не так много времени, а о нём уже никто не вспоминает. Только Дашка иногда подходит к столу отца и берёт в руки небольшую деревянную рамочку, в которую тот вставил старую фотографию деда, одетого в альпинистскую штормовку, с ледорубом в руках. Внизу надпись: "Хибины, пик Юмъечорр, апрель 1969г." Дед здесь молодой, заканчивал институт, ещё не был женат на бабе Тане. Дашка целует фото, что-то шепчет, типа: "Дедуля, любименький мой..." Я тоже часто смотрю на это фото, но мне больше нравится другое, где двое улыбающихся людей стоят, обнявшись, на

фоне пушки военного корабля, а по белому полю внизу ручкой написано: "Камчатка. Премьер-министр и я. Май 1991г." Этот снимок я выпросил у бабы Тани, когда мы приезжали к ней на новогодние каникулы. Она отдала мне и шкатулку с бейджиками об аккредитации деда в десяти странах мира, где проходили фестивали молодёжи. И его фото с Фиделем Кастро в Гаване, на котором написано размашисто по – испански, типа того, что они никогда не забудут такого мужественного comandante, каким был Николас, и спасибо ему, от имени кубинского народа...

Сидя на пластмассовом кресле в трамвае, я вспоминал, как чуть до развода не дошло дело у папы с мамой и как она буквально вытолкала его в аэропорт для подписания документов в столице. Он вернулся через два дня, от него пахло коньяком, сказал мне грустным голосом:

– Не прав я, сынок, нельзя допускать, чтобы так нами командовали, не надо было визировать мне компромиссный вариант с акциями... Пусть бы шло так, как задумал дед: к совершеннолетию на твоём счёте лежало бы уже около пятисот миллионов, так сказал Бобо Константинович, а он знает, что говорит. Тогда можно обсуждать любой вариант нашей жизни. Отправил бы я тебя учиться за границу, хоть в Кембридж...

– Пап, а на фига мне, Кембридж! – сказал я, – мне и здесь хорошо. Вы с мамой, Дашка, друзья и Катя – тоже здесь, а без неё я никуда не собираюсь уезжать.

– Я понимаю тебя, сын, – рассуждал отец, – мы все, мужчины нашего рода, однолюбы. Но вам-то с девушкой ещё рано задумываться, школу надо, по крайней мере, закончить...

– Мы в колледж поступим, а там даже жениться можно...

– Так ты меня и дедом сделаешь досрочно? А Катя-то согласна? Впрочем, не слушай мой бред, выпивши я, а это нехорошо делать при детях. Я рад одному: появились деньги, стало, что терять, значит, и мама забудет о вине, чтобы не потерять всё... Ничего, что я говорю с тобой про это?

– Нормально, пап. Терять семью никому нельзя, а уж тем более, маме. Она работает и у неё уже хорошо получается...

Зимой, на каникулах, отец с мамой ездили к бабе Тане, прихватив меня с Дашкой. За две недели они сумели оформить покупку дачного участка: на берегу реки два жилых строения в триста квадратных метров со всеми удобствами да земли двадцать соток.

– А ты знаешь, что там – самая дорогая земля, дороже дома? – говорил он мне, один на один, по возвращении, – это наше самое удачное вложение...

– Пап, это, значит, нам предстоит переезд? Но я – не готов! Я не могу оставить Катю. Я против...

– Подожди, сын, мы же всё это обсудили: нам надо, не выписываясь от бабы Тани, жить рядом с ней, работать и учиться будем в столице... Я не понимаю, что опять с тобой творится? А если бы Катя завтра поехала с отцом на новое место его службы? Ты что поехал бы за ней? Или бы она оста-

лась у нас, в семье? Нет, так нельзя, пока так нельзя ставить вопрос. Будете писать друг другу письма, на каникулы она прилетит к нам со своей мамой, оплатим гостиницу, поводишь их по музеям, театрам, выставкам... Ты что, маленький мой?! А если бы я отправил тебя в частную школу в Англию, как предлагал Бобо? А ведь я думал об этом и тогда бы вы точно виделись только на летних каникулах. Но, вдумайся, как стремительно взлетели бы перспективы твоей жизни, образования, возможности закончить самые престижные университеты мира? Но я, понимая твоё состояние, согласился: никакой заграницы, ты будешь с нами и сможешь видеть Катю после каждой учебной четверти. Но переезжать мы будем, мы семья, и баба Таня хочет чаще видеть тебя с Дашей...

Я тогда не стал говорить отцу: не надо прикрываться именем бабушки, после смерти деда Коли я просился переехать к ней жить, хотя бы временно. И что? Как отреагировала мамочка? А папочка её поддержал, а ведь мог просто оставить меня у бабы Тани, как бы забыть с последующим переводом в школу, кстати, по моему настоящему месту жительства. Но я знаю, насколько для отца – это болезненный вопрос, поэтому не стал ничего говорить. Я давно уже не видел любви и ласки между отцом и бабой Таней, что-то нехорошее творится у них в душах, не могут то ли обиду друг другу простить, то ли мама наша стоит у них посередине, но знаю, что отец не прав. Это ведь мама, единственная, только твоя.

С моей остановки трамвая до дома я добирался быстро, шёл знакомыми переулками, вдыхая полной грудью весенний, уже тёплый и влажный воздух, предвестник пробуждения, новой жизни. Я говорил себе: "Ничего, Санёк, мы ещё поборемся... Да и Катя – моя. А впереди у нас – целая жизнь".

Глава-10.

Марсель (среди своих, Марс) упился водкой и мне пришлось выводить его на улицу. Представитель консульства предупреждал ребят из общаги университета, где прописали Марса, что у того какое-то генетическое несоответствие с "раша водкой". Ну, не пей тогда, как лошадь, какие проблемы? А то мутят воду: самая пьющая, но не пьянеющая нация, французская культура питания... Да чистейшую, как слеза, водочку от "Кристалла", на дармовщину пьют и финны на пару со шведами, и якобы профи, а на самом деле, дурные в подпитии англичане, и даже суетливые японцы.

"Не пьянеющая нация..." – чертыхаясь, я крепко держал за поясницу Марса. Хорошо, спасал мой рост в 180 сантиметров да сильные руки теннисиста – почти профессионала. Чуть позже, когда уже прошли пост охраны и раздалось негромкое журчание воды в фонтанах, злость ушла, подумал: "На кой чёрт, льют без толку воду? Ведь скоро зима... Всё у нас, как в шарашкиной конторе". Посмотрел на фран-

цуза, он начал мёрзнуть, мелко дрожать: пальто-пиджак – выше задницы, перчаток нет, вельветовые брюки в дудочку не закрывают голые лодыжки ног. Вот, бедолага, ещё повезло, что кроссовки – утеплённые, с массивной толстой подошвой. Присели на гранитный бордюр фонтана, я сказал по-французски:

– Дыши, Марсель, хорошо дыши. Сейчас пройдем круг по скверу, проветримся и тогда – домой. А пока посиди минутку, не падай, мне надо позвонить...

Набрал домашний телефон бабы Тани, она стала плохо слышать, долго не снимала трубку, хотя громкость я лично ставил на всю катушку. Наконец, раздался почти металлический, похожий на устаревшего робота, голос:

– Алло, вас слушают.

– Ба, это я... Александр, как официально ты зовёшь меня по телефону... Тут такое дело: сегодня меня не жди на ночь, французы устроили вечер знакомств, официальный переводчик ушёл, остался я один с языком, просто беда, все говорят или по-русски, или по-английски. И никто по-ихнему...

– Не шути так, Саша, ты – студент лучшего в стране университета, это ко многому обязывает...

– Да я шутю... Знаю-знаю, не обижайся, ба, утром позвоню, скажу, когда приеду... Будет скучно или вдруг что-то, не дай бог, не так, набирай мобильник, у меня всегда включён.

– Я приготовила борщ, домашние котлеты... – упорно продолжала монолог бабушка, будто, не слыша меня.

– Ба! Пощади, есть хочу, как из пушки, котлет хочу и борща!

– И, пожалуйста, не выпивай! Твой нервный срыв может повториться, даже с безобидной рюмки, тогда ты не сможешь управлять эмоциями, сынок...

Я понимаю корректную в выражениях бабушку, но она-то волнуется, видимо, не зря: за пять последних лет мама дважды лежала в клинике. И только нам известно, что это – уже край, которому предшествовали недели, а то и месяцы "пития". Я-то привык ко всему, выкручивался, как мог. А каково было Дашке: последний раз отец положил мать в "богодельню" при монастыре, когда дочери исполнилось десять лет. Я не раз говорил ему: "Давай, пока ты возишься с мамой, мы переедем к бабе Тане". "Ну, что ты, сынок, она старосоветская, не поймёт, да и здоровье у неё не то", – думал, она не знает о нашей беде. Знала баба Таня да и дед Николай, наверное, знал, но молчали, боялись обидеть нас, надеялись, что семья справится общими силами. Не справилась...

– Да-да, я всё помню, ба. Целую тебя и спасибо, за заботу...

Она всегда первая кладёт трубку, так ей легче прощаться со мной, когда остаётся одна в старой, уже обветшалой квартире, хотя я регулярно, раз в квартал, заказываю службу, появляются сноровистые тётки и буквально вылизывают все комнаты и кухню, кроме кабинета деда Коли. Это святое место, пыль вытирает сама хозяйка, иногда столетним пыле-

сосом "Урал" я чищу ковёр и прикроватные коврики. Так уж получилось, что именно к бабушке Тане пять лет назад из столичной частной клиники, где я провалялся пару месяцев, привёз меня отец. И все годы до поступления в университет я жил с ней, учился в соседней с нами языковой (французский – английский) школе, ходил в секцию тенниса при ЖЭКе, которую вёл никому ныне ненужный легендарный чемпион союза. Вечерами мы с ребятами подрабатывали в экскурсионном бюро на Красной площади, водили группы туристов, получали почасовую оплату. В общем, жить было можно.

А моя семья все эти годы живёт в Подмосковье, мама не работает, отец так и не стал писателем: его не издают, он нервничал, потом привык, перестал появляться на людях, завёл в инете пару сайтов, куда пишут домохозяйки и пенсионеры, просят "подправить" их новеллы про кошек и собачек, а также свои воспоминания, на замену обещают читать его произведения в семьях. С усадьбой, как мама любит называть наш дом с участком земли, страшно не повезло: агентство недвижимости на стадии оформления документов попало в сводки органов полиции, и вот невероятно долго мы судимся с объявившимися вдруг родственниками внезапно умершего хозяина. Хорошо, вмешался Бобо Константинович, подключил своих волкодавов из юркоманды, те сумели вырвать коттедж и четырнадцать соток земли из двадцати, заявленных тогда на продажу. Мы отгородились от всплыв-

ших вдруг соседей высоченным забором, но я видел, с какой космической скоростью те начали строить "клоповник" для сдачи жилья на летний сезон. Представляю, что ждёт нас впереди...

После дряг с жильём и переезда в новый дом, на что ушла половина денег, отец потерял контроль над акциями. Таковы были условия соглашения, которые он подписал. Но, наконец-то, этим летом мне исполнилось восемнадцать, мы встретились с Бобо в том же кафе, что и с отцом когда-то, но уже только вдвоём. В двух словах, расскажу о главном: он написал в электронной книжке цифру 2,5 и уточнил, помедлив, "млн. \$", улыбнулся, давая возможность перевести сумму в рубли. Предложил положить деньги в швейцарский банк и жить на проценты, заверил, этого хватит и на содержание семьи, и бабы Тани, и на учёбу. Второе: не трогать акции, их рост в ближайшее время будет фантастический, можно увеличить капитал вдвое, если не больше (заработает шельф северных морей). Но тогда придётся жить поскромнее, научиться крутиться, но, заверил он, тогда точно познаешь все прелести студенческой жизни. Я сделал выбор в пользу семьи: деньги были нужны не только на моё образование, хотя я вполне проходил, как бюджетник. Подростала Даша, в деньгах нуждался отец и особенно – больная мама.

– Алекс, я замёрз, – лязгая зубами сказал француз, – мы можем перестать сидеть, надо ходить. О чём всё думаешь?

– Марсель, ты обманул нас или представитель консульства

наврал? – ответил я, удивившись, как хорошо стал говорить по-русски наш уважаемый гость. Кстати, один из наследников крупнейшей парфюмерной компании, вдруг решивший получить юридическое образование в нашей стране. У его семьи – представительство фирмы в столице, оно обслуживает все страны бывшего СССР.

– Нет-нет... Ты понял моё произношение?

– Говорят: ты слышишь моё произношение. Кстати, мы можем говорить на французском.

– Мне плохо-хо-хо... Я лучше молчу. Но скажу: в ту неделю мы едем в офис, я представлю управляющего, родственника, пусть имеет на тебя виды... Всё потом объясню. Сейчас идти спать...

– Идём. Обнимать тебя больше не буду, у охранников – соберись, надо прошагать мимо них без сучка и задоринки...

– Отличная фраза, надо понять смысл и запомнить!

Мы пошли вдоль зелёных кустов сирени, сверкающих от мелкого морозящего дождя, вдруг посыпавшегося с неба. Аллея, освещённая подсветкой и сохранившая летнюю свежесть листьев, вела к главному входу в общежитие с двухместными жилыми блоками для студентов: туалет, душ, кухонька. Пока я за крохотным столом для тостов и чайника готовил две чашки кофе, Марс не только успел раздеться, сбросив одежду на пол, но и уснуть сном праведника. Перешагнув кучу дорогих тряпок, сел за письменный стол, стал размышлять: таблетку для сна принимать страшно, за эти

годы столько их выпито, что бедная печень, наверное, скоро будет пищать. Два-три глотка виски давно выветрились, в холодильнике стояла начатая бутылка коньяка, но я помнил о маме, нашем семейном дамокловом мече.

Включил настольную лампу, открыл книгу. От чтения становится легче: через час-полтора по времени я засыпаю, иногда сплю до утра. Но почти каждую ночь ко мне приходит Катя... Я уже не различаю с прежней чёткостью черты её лица, хотя слышу голос, вопросы, которые она задаёт, чувствую, как молчит, ожидая ответа. Катя погибла у меня на глазах.

Весной в речном затоне у парка дольше всего держится лёд: нет движения воды. А на довольно крутом спуске к реке с поздней осени намыывают ледяную горку длиной метров сто, на ней катаются на "ватрушках" не только дети, но и взрослые с удовольствием дурачатся вечерами, хотя освещения, как такового, там нет. Мальчишки знают: в начале апреля по затону проходит тяжёлый буксир ледокольного класса, который буквально взламывает ледяной панцирь. Делает он проход почему-то ночью, правда, тогда служба парка вывешивает объявление о полынье, иногда обносит склон и ледяную горку верёвкой с полосатыми флажками.

В тот день два последних урока отменили: учитель Веньямин Борисович прямо на физре сломал ногу. Завуч не стала рассказывать класс по другим учителям, отпустила домой. Мы с Катей надели куртки, я взял рюкзаки и повёл её, как обычно, к парку, на конечную остановку трамвая. В запасе

у нас оказалась куча времени, больше часа до приезда кого-то из её родителей на "Жигулях". Мы обошли трамвайный круг, аллея вела к реке, на склоне, под нами, искрилась на солнце ледяная гора. Слева – высоченные сосны с подлеском, справа – частые кусты орешника, куда в конце лета приходят за орехами многие горожане. По середине – двухметровый по ширине намытый ровной водой спуск, ведущий в заросший сугробами затон. Из-за подлеска и кустов практически нельзя было разглядеть полынью от буксира, которая разрывала ледяную гору в самом её конце.

Катя дурачилась на небольшом деревянном настиле, попросив поснимать её на телефон, выбрала небольшую картонку, одну из многих, которые складывали у кустов, разбежалась и с криком: "Догоняй! Слабо!" – понеслась по ледяной поверхности склона. Я убрал телефон, схватил первую попавшуюся коробку, сложенную по швам, и тоже поехал за ней, правда, на животе. Несколько раз поднимал голову, видел её полусогнутую спину, чувствовал, догнать уже не смогу, упустил время. Последний раз посмотрел вперёд и не увидел Катю. Раскатанная поверхность горы стремительно несла меня в покрытую клочьями белого тумана полынью. В голове билась одна мысль: "Где Катя? Почему её нет?"

На полной скорости врезался в небольшой бруствер из мокрого снега и раскрошенного речного льда, как-то боком перелетел его и свалился в воду. Надутая куртка держала меня на поверхности, начал крутиться вокруг своей оси, но

так и не увидел девочку. Подумал: Катя, видимо, ударилась о речной лёд, наверное, потеряла сознание, куртка – матерчатая, сразу потянула её ко дну. Я стал растёгивать куртку, пластмассовый хомутик не поддавался, тогда собрал силы и дёрнул за верхние края молнии. Она раскрылась, поролон буквально вытолкнула меня из куртки. Начал нырять, всё сильнее чувствуя, как миллионы игл впиваются в тело, ноги почти не слушались, не хотели шевелиться, начали тянуть вниз. Я решил отплыть от ледяной кромки, поискать Катю в воде на чистом пространстве. Нырнуть на глубину получилось всего два раза, в какой-то металлической с серебристым оттенком воде я не увидел её. Понял: ещё пару минут продержусь на плаву и пойду ко дну. До кромки льда я не доплыл, лишь почувствовал уходящим сознанием, что кто-то тащит меня за воротник пиджака, потом – мрак. Очнулся в "скорой помощи", увидел врача, спросил:

– Где Катя? Её спасли? – я боялся узнать, что она утонула.

– Скажи потом спасибо лыжнику, – почти крикнул доктор, перекрывая шум мотора, – он вовремя заметил тебя и вытащил в последнюю минуту твоей жизни... Ты о Кате спросил? – вдруг спохватился мужчина в синей форменной куртке и такой же по цвету шапочке, – а кто это? Ты один был в полынью? Нет!?! – он постучал в кабину водителя, – стой, срочно свяжись с базой, МЧС, полицией! Там ещё и девочка была, видимо, его одноклассница.

Катю вытащили водолазы через несколько часов после мо-

его спасения. Как потом рассказал отец, она разбила голову о торосы, угодила под большую льдину, а глубина здесь доходит до семи метров. Как можно было её спасти? Рассудком я всё понимал, врачи обстоятельно внушали мне, что моей вины в её гибели нет. Но ведь я любил Катю и этим всё сказано. Сейчас модно говорить: наблюдался у невролога. Про себя скажу прямо: попал в "дурдом", через несколько недель в тяжёлом состоянии отец перевёз меня в частную клинику. По всем бумагам – я чист, никаких психических отклонений, лишь стресс, переутомление, нарушение сна. Лечение успешное, никаких последствий, а, на самом деле, до сих пор не могу спать и разговариваю с Катей. Но баба Таня сказала: – Время лечит, сынок. И эта первая любовь пройдёт, помучает и успокоится. Будем просить у девушки отпустить тебя, ведь впереди ещё целая жизнь...

Часть 2

Глава – 1.

Баба Таня уходила из жизни тяжело, в страданиях, это все понимали и, в первую очередь, она сама: онкология не отпускала её, хотя доктор в больнице недоумевал по поводу того, что в таком возрасте старики, как правило, прогоняют болезнь, порой, на 10-15 лет даже забывают о ней. А я был благодарен отцу, он на время оставил дела и перебрался к

нам, жил в кабинете деда Коли, куда я заходил с разрешения бабушки. У меня было тяжёлое время: чтобы поскорее выпустить специалистов для создаваемого следственного комитета, нам разрешили сдавать госэкзамены по ускоренной программе. Не секрет: курс у нас серьёзный, многие ребята отслужили в армии, прошли горячие точки, так что никто не сомневался в их готовности пополнить, как у нас шутили, ФБР местного разлива. Мы знали и несколько кандидатов, отобранных для службы в ФСБ, но они шли на дальнейшую учёбу без болтовни и лишнего шума. И было, кстати, немало, особенно провинциалов, настолько цепких по жизни, которым не больно-то хотелось одевать полицейскую форму, искали места в фирмах, адвокатских конторах, чтобы сразу получать хорошие деньги, снимать жильё и кадрить женщин с пропиской.

Утром я забежал в комнату бабы Тани, сел на стул у кровати, взял её жёлтую, невесомую руку, сказал:

– Ну, что, филолог, благодаря тебе я лучше и грамотнее всех заполнил запросы в органы власти... Бабуль, ты, наверное, здорово помогала деду в его чиновничьих делах?

– Боже упаси, Саша... – оживлялась она на секунду при упоминании имени деда, – он меня вообще не посвящал в свои дела. Я о его последней награде – ордене Дружбы – узнала только через год, когда мы поехали на приём в Японское посольство... Смотрю, на парадном пиджаке рядом с синеньким орденом Почёта висит новый, какого-то зелено-

ватого цвета орден. Он сказал, что его наградили за укрепление мира и дружбы...

– Ты не скучай без меня, ладно? У меня две консультации и сразу примчусь домой. Будем обедать... Куриного бульона ещё полкастрюли осталось, обедаловку устроим: я твои любимые ежи принесу, у нас теперь свою кулинарию открыли, прямо на выходе из столовой...

В комнату заглянул отец, ухватил концовку разговора про ежи, не мог смолчать:

– А помнишь, мама, как ты их готовила, особенно на даче? Я впервые тогда ел ежи из рыбьего фарша... Всё-таки отец у нас отличный рыбак был!

– Боже мой, мальчики мои, как я рада, что вы у меня есть. Какое счастье видеть вас в свой предсмертный... – баба Таня замолчала, склонила на подушках голову к окну, по щеке потекли слёзы, застревая в морщинках жёлто-серого цвета.

– Ма-ма, мама... – сын тоже готов был расплакаться, – пожалуйста, не говори так, пожа-луй-ста. Давай, дадим Саше спокойно сдать госы, получить диплом... Мы вывезем тебя на дачу, ты поднимешься, мы ещё на реку будем ходить.

– Ми-лы-е мои, я счастлива... Несмотря ни на что. Я подожду уходить. Подержу в руках диплом Саши, прочитаю твою новую книжку, сынок. Дождусь поступления Даши в институт и тогда уже можно будет оставлять вас с лёгким сердцем... Пока вы оба здесь, а я в здравом уме говорю: дедушкину квартиру, Юра, я завещаю твоим детям, Саше и Даше.

Дом на реке с участком – твой. Вы с женой привыкли жить на природе, в коттедже. А уж как распорядитесь жильём дальше, это ваше семейное решение будет. Ты не обиделся, сынок?

– Ну, что ты, мама, у нас большой дом, река, небольшая, правда, но пескари водятся, машина, худо-бедно, пошли мои книжки, на ТВ приняли сценарий, не уверен, что доведут дело до ума, но вдруг и мне, наконец-то, повезёт? – сына душили слёзы.

Я встал со стула, усадил его вместо себя, сказал:

– Чтой-то все рассопливились, а, бабуля? Убегаю, ждите меня к обеду. Пап, телефоны скорой для укола – на столике, в прихожей, если что, звони, построже с ними, а то они к больным пенсионерам не очень торопятся... Всё, целую, пока-пока...

– Александр Юрьевич? Вы – к Бобо Константиновичу? Минутку... – высокий, элегантный молодой человек, с пучком смоляных волос, собранных на затылке, приподнялся из-за перегородки, приветливо посмотрел на меня, жестом приглашая присесть на диванчик без спинки, вдруг по-английски заговорил в микрофон, нацепленный на ухо, – минутку, да, вас ждут, включаю конференцию, по договорённости, записывается... – простите, – обратился снова ко мне, – партнёры вышли на связь совсем неожиданно, я только успел

собрать членов правления... Агриппина, займись нашим акционером.

Подошла китаянка со странным для неё именем Агриппина, притронулась к локтю, мило улыбаясь, повела в бар, что располагался справа от приёмной начальника с табличкой: "Председатель совета директоров Б.К.Доброволин". Я попросил чашку кофе, достал телефон, стал звонить отцу. Почувствовав по голосу, что он в панике, сказал:

– Ну, что ты раскис, пап! Да у меня бабуля сто раз улетала, делали укол, а то и два, и она возвращалась... Это период обострения, всё пройдёт... Как увозят?! В онкоцентр? Отец, это окончательное решение? Езжай туда! Я щас же приеду... – он что-то пытался говорить об экзаменах, но я сказал, что всё остальное – ничто сейчас, надо вытаскивать бабулю.

К моему столику подошёл Бобо. Он постарел... Нет, так нельзя говорить о восточном человеке: он возмужал, заматерел настолько, что стал похож на типичного абрека с картин классиков живописи. Обнял меня, прислонился небритой щекой к лицу, сказал:

– Спасибо, что ты приехал... Мы вылетаем к ночи. В Мурманске умер председатель совета директоров нашей крупной компании. Саша, совету я предложил твою кандидатуру, на замещение, ибо уверен в тебе, как в самом себе.

– А баба Таня? Я звонил отцу, скорая отправляет её в онкоцентр...

– Минутку, потерпи... Агриппина, найди Чеснокова, –

сказал он девушке, продолжавшей стоять на некотором расстоянии от нас, – сколько Татьяне Васильевне? Семьдесят четыре? Мы всё сделаем для неё, – говорил он, протягивая руку к телефону, – Володя, ты можешь в свою клинику принять бабушку нашего акционера? Да, ей – семьдесят четвёртый... Было обострение, пока непонятное для медиков. Она на скорой сейчас, собираются в онкоцентр её везти... Твои службы перехватят и всё сделают? Хорошо, спасибо, брат, твой должник. Обнимаю... – он вернул телефон, посмотрел на меня, – ты хороший внук, Саша. Вот только с дедом Колей мы промахнулись, не смогли уберечь его сердечко... Об экзаменах – не волнуйся, сколько тебе осталось? Два? Вот и сдашь позже, с основным потоком. Или ты в следственном комитете собрался работать? Шучу, не обижайся.

– Бобо, я что-то не врубаюсь... – довольно резко перебил я собеседника, – какой Север, какой совет директоров? Ты же знаешь, что с бабой Таней я живу все эти годы... Она не переживёт мой отъезд.

– Ты – внук, любящий и любимый, – Бобо тоже заговорил довольно жёстко, – это хорошо. Но у неё есть сын, твой отец, он должен быть с матерью или она должна быть с ним. Все эти годы он жил за счёт нашей компании, Александр, и это нормально, дед Николай подумал и о нём. Но сейчас наступил такой час, что тебе надо строить свою жизнь, закреплять себя в роли хозяина, думать о будущем нашей компании. Там, на Севере, непростая ситуация: мы вышли на раз-

работку шельфа, в гонке должны победить мы, а не соседи. Мы уже имеем первые результаты, гигантские. И это только в прибрежной части океана...

– Ты же говорил о крупной медиакомпании? – спросил я напрямик Бобо, – а тут речь о разработках шельфа, о нефти, газе...

Он улыбался, морщинки сбежали к его глазам, молчал, раздумывая, что мне ответить. Сказал:

– Оборот металлургического гиганта в Липецке – десятки миллиардов долларов, так? "СТИНОЛ" – холодильники, которые они выпускают, называются у них продукцией ширпотреба. Вот и наша медиакомпания – продукция ширпотреба... ха-ха-ха-хёх, – каким-то лающим голосом засмеялся Бобо, – надо чем-то себя подстраховывать, а? Я лечу с тобой, Саша, чартером, два часа с лишним в пути, успеем обо всём поговорить... Допивай кофе и заходи в мой кабинет, там руководители холдинга, коротко обсудим процедуру твоего назначения...

Наверное, я многого не понял из разговоров в кабинете Бобо, узнал лишь точно: совет директоров на Севере надо удержать за головной компанией. Меня сначала представят, как исполняющего обязанности руководителя совета, чтобы со временем утвердить на общем собрании акционеров председателем. В принципе, от меня не так много и требуется на этом посту: есть правление компании по разведке шельфа северных морей, его председатель, несколько заместителей.

Главное, что дошло до меня, заключалось в следующем: всем партнёрам и заинтересованным лицам мы должны на собрании просто и ясно объяснить, что пришло время назвать истинного хозяина компании, у которого сейчас сосредоточено в руках более пятидесяти процентов акций. Всё. И вот этот молодой человек, господа хорошие, живой хозяин – Александр Юревич...

Я даже не знал, что в лесопосадке на окраине столицы есть такой медицинский центр, который обслуживается академией. Приехал я туда примерно через пару часов, как бабу Таню и отца привезли на скорой. Её осмотрели специалисты, затем помыли, переодели, сделали уколы и она уснула. Отец разместился в гостевом блоке рядом с палатой своей мамы. Когда я открыл дверь, он лежал на кровати поверх одеяла и плакал. Неприятная картина, мне было страшно жалко его, но я не стал успокаивать, прижимать рано поседевшую голову отца к груди, а довольно твёрдо сказал:

– Пап, успокойся. Я не звонил тебе, не тревожил и не вызывал по ночам, когда у бабу Тани были обострения и жуткие боли. Искал выход, иногда мне помогал Бобо Константинович, присылал медика из частной клиники, бабушке вводили обезболивающие и мы продолжали тихо – мирно жить... Ты же знаешь: чему быть, того не миновать. Но лечащий врач мне сказал, что болезнь может уснуть, только

не надо провоцировать её, люди в старости десятков и больше лет живут в таком состоянии. Я знаю, что Бобо определил её в лучшую клинику, деньги на лечение – есть, это я тебе гарантирую. А мне сегодня ночью надо лететь на Север, принимать компанию по разведке полезных ископаемых, там скончался председатель совета директоров... Сотни людей, буровые суда, вспомогательный флот, базы по всему побережью океана... И вот контрольный пакет акций – теперь у меня. Понимаешь, пап? Это наше будущее, моя жизнь, которую завещал дедушка Коля.

– Боже мой, боже... – забормотал отец, – что я буду без тебя делать, сын?

– Жить, пап, вдвоём с твоей мамой, в знакомой квартире, помогать ей, ухаживать... Да полно, если встанет на ноги, а бабуля всё сделает, чтобы это случилось, то ещё будет за тобой ухаживать. Дашку притащи сюда, пусть в мою школу переведётся, лучшая языковая, не хило закончить такую, а? И будет всем вам счастье, – я улыбался, что нельзя было сказать об отце.

Мне был неприятен разговор в подобном тоне, но я специально допустил такую фамильярность. "Так раскисать, струсить перед болезнью, – думал я, обвиняя отца в безволии, правда, злости на него не было, я знал, как он любит свою маму, – и в то же время – за последний год они вдвоём с моей матерью только раз зашли к бабе Тане, через два дня после её дня рождения". Я перестал с ними разговаривать, повод

для молчания был хорошим: готовлюсь к экзаменам, не до бирюлек. Думаю, отец понял причину такого охлаждения к нему, мучился, но боялся заговорить первым, объяснить. Да и что он мог сказать? Что у него кончаются деньги, которые мы когда-то, после разговора с Бобо Константиновичем, поделили поровну? Что ему скоро не на что будет жить, кормить-учить Дашку, обслуживать нашу маму с её закидонами? Что надо, наконец, принимать мужские решения? Я говорил ему о немецком банке, в который компания определила мою половину денег, только с процентов по вкладу мне с бабушкой хватало на приличную жизнь. Он никого не хотел слушать... Но это – его проблемы, взрослого человека, отца семейства.

Вышел из гостевого блока, попал в царство полутеней и полутонов: на большущей сине-белой кровати лежала маленькая старушка, прикрепленная к капельнице, над её головой стрекотал аппарат, белая лента кабеля уходила за двери, в дежурный медблок. Баба Таня спала, я улыбнулся: хороший знак. Сколько раз за годы нашей совместной жизни мне приходилось вот так наклоняться к её постели, слушать дыхание и ощущать такую сильную любовь к ней, что щемило сердце. А утром она говорила:

– Плоховато сегодня спала, слышала, как ты ходил по квартире... Не пей много воды на ночь, пожалей мочевой пузырь, Саша.

– Поправлял одеяло на твоей кровати... – я улыбался ей.

– Ой, выдумщик, ой, не выдумывай! – смеялась тихонечко бабушка, – да я бы тебя за километр почувствовала...

Я подошёл к подушкам, посмотрел на жёлтое с восковым отливом лицо бабы Тани, не удержался, погладил её высокий лоб, поцеловал в висок и резко направился к выходу. В дверях стоял отец, он, конечно, видел моё прощание с бабушкой. Молчал, как-то жалко смотрел на меня. Я сказал:

– Позвоню, как долетим. Держи мобильник при себе... – неловко, вскользь прижал отца к плечу и буквально выбежал из палаты.

В самолёте было с десятков мест: два удобных глубоких кресла перед журнальным столиком, на противоположном борту – шесть мест для пассажиров. Бобо сел в кресло по ходу полёта, напротив себя посадил первого замминистра, предварительно познакомив меня с ним. С председателем правления холдинга, хозяином расчётного банка, владельцем зарубежных компаний и телохранителем он познакомил меня в своём кабинете. Ужасно красивая стюардесса принесла вина, красного французского, уже разлитого по фужерам, много конфет, зефира и других сладостей, почти полную коробку маленьких орешков, видимо, они нравились Бобо. Он поднял фужер, приглашая нас выпить за взлёт и посадку, пригубил вино и стал есть орехи. Я отдал фужер стюардессе, достал планшет, начал читать Гавальду. Вспомнил Марсея,

его первую попойку с нами, русскими, на первом курсе университета. Он всё-таки познакомил меня со своим родственником в представительстве парфюмерной компании, но дело дальше знакомства не пошло: тому нужен был не только менеджер, но и любовник. Я сказал Марселю, что за такие подставы у нас бьют морду. Он не сразу понял, на что я обиделся: "Ну, послал бы его! Или дал по уху... Делов-то. Но уволить я его пока не могу... Кстати, он сын моей тётушки, ха-ха-ххии, – он смеялся искренне и от души, – какие у вас тут строгие правила!" Я подумал в сердцах: "Что с них возьмёшь – французы..."

– Саша, присядь ко мне, – услышал голос Бобо Константиновича. Рядом с ним никого не было, самолёт больше часа был в полёте, многие – дремали в креслах. Сел ещё в теплое кресло, смотрю на шефа, его коричневые с чёрными крапинками глаза смеются, услышал сквозь гул мотора, – с крещением тебя, со вступлением в нашу семью... То, что вина не стал пить, молодец, но демонстрации устраивать не стоит, надо уметь делать вид, что ты – спец во всём...

– Водки бы я выпил, вина – не хочу...

– Хорошо, твоя воля, – Бобо поднял палец, стюардесса вынесла длинную тонкую рюмку водки, – сосредоточься, сейчас я скажу главное. Мы с тобой вдвоём летаем первый и последний раз, нам нельзя погибать одновременно. Ты стал моим официальным партнёром и преемником, у нас с тобой на двоих пятьдесят процентов акций плюс одна акция. Я ждал

так долго, больше десяти лет, чтобы сказать тебе об этом. Весь мой бизнес с твоим приходом стал абсолютно легальным. И никому теперь дела нет, как он создавался. Ты понимаешь меня, Саша? – я молчал, практически ничего не понимая в хитросплетениях русского сермяжного бизнеса, – ладно, в этом мы, не спеша, с тобой разберёмся. Сейчас второе хочу тебе сказать. Неприятное. Страшное. Мы захоронили пустой гроб якобы с телом здешнего председателя совета директоров. Мы не смогли найти его на платформе, куда он вылетал с инспекцией. Видимо, его смыло волной. А море – плюс три-четыре градуса и там найти человека нереально... Для всех – он умер в вертолёте, сердечная недостаточность. Но ты – должен знать всё. У него было два недостатка: он был чудовищно жаден до денег и много пил, грязно и запойно. Но он – ас в работе на шельфе, специалист – от бога. Мы с тобой полетим на буровую разными вертолётами, может, узнаем, как всё было. Но, скорее всего, ничего не узнаем, – он глотнул вина, пододвинул мне коробку с орехами. Я взял пару зёрен, да, это были кедровые орешки.

– С моей родины, – он кивнул на коробку, – мы мальчишками высоко залезали на кедрячи, помогая взрослым заготавливать орехи. Но об этом я расскажу тебе в другой раз: про мою маму, детский дом, про приёмного отца – Константина Натаныча... А на сегодня – хватит.

Стюардесса, очаровательно улыбаясь, проводила меня до кресла, пристегнула ремень безопасности, сказала:

– Через двадцать минут посадка...

Глава – 2.

Садись на полосу, будто падали между сопками со сре-
занными пиками, грязно-серыми, покрытыми хвойными де-
ревями, напоминающими ёлки или карликовые сосны, ре-
шившими найти в расщелинах небольшие островки земли,
за которые можно зацепиться и жить. "Бетонка" показалась
невероятно короткой, а, может, лётчики были такими асами,
что уместились на этой дистанции. Стюардесса легко откры-
ла входную дверь, почти к самому борту самолёта подъехали
два чёрных "Лексуса", другие машины я не успел рассмот-
реть.

– Ваш автомобиль – второй, – услышал слова, сказанные
мне в ухо телохранителем, увидел, как Бобо быстро садит-
ся в первый лимузин. Со мной в салон уселись банкир и
предправления, думаю, им тоже заранее сказали, с кем они
едут. Остальных разобрали другие машины. Вся процедура
заняла считанные минуты, сделав небольшой круг на полосе,
кавалькада помчалась по узкому асфальту среди скал. Пер-
вый раз присутствуя на подобном мероприятии, я неотрыв-
но смотрел в боковое окно, улыбался. Банкир, заметив мою
улыбку, на полном серьёзе сказал:

– Вдруг начнётся обстрел, тут же наклоняйся к ногам, ста-
райся вжаться в пол... – помолчал, заметил философски, –

главное – не дать понять, куда расселись первые лица, а весь эскорт за раз не расстреляешь...

– Я тебя умоляю, – сказал, скорчив гримасу, предправления, – если хорошо заплачено, гранатомётами разнесут всё в ключья, – он выругался, посмотрел на меня, добавил, – извиняюсь, я – моряк, говорю, что думаю и напрямик. Не против, если я закурю, командир наш – не пьёт, не курит, измучил меня в самолёте, – я кивнул, хотел спросить о сумке и портпледом с костюмом, которые остались на борту, но он, будто прочитав мои мысли, добавил, – не волнуйся, вещи привезут на нашу базу...

В окно бьёт свет, как будто мы прилетели днём, впечатление такое, что из-за горизонта вот-вот выглянет солнце. Недалеко от шоссе виднеется река, широкая, полноводная, спокойная, будто на ней совсем отсутствует течение, берега тоже зеленеют хвоей, но уже кое-где пробиваются лиственные посадки, низкорослые, вдвое меньшего размера, чем в средней полосе.

– Тулома, красавица, – сказал мой собеседник, раскуривая сигарету, – боже ж мой, какая здесь сёмга водится... Просто поросята резвятся в воде.

Мы почему-то не поехали в город, свернули с дороги влево, миновали мост и выскочили на другой берег реки. Через какое-то время промчались сквозь посёлок, состоящий из деревянных красивых домиков финской постройки, очутились почти в среднеполосном лесу с соснами, елями, осина-

ми и берёзами, остановились у деревянной лестницы, спускающейся к водной глади. Нас окружили шесть-семь молодых людей в пятнистой форме, телохранитель Бобо кивком головы указывал, к кому из гостей они прикреплены. Мне достался русоволосый крепыш среднего роста с умными серыми глазами, представился:

– Сергей, 29 лет, женат, есть сын. Служил на Кавказе, в спецназе, закончил военное училище, в своё время, был комиссован...

Я тоже назвал себя, он, молча, выслушал, добавил:

– Я знаю главное: вы – новый хозяин фирмы, для меня этого достаточно, чтобы охранять вас двадцать четыре часа в сутки. Идёмте, ваши апартаменты – на втором этаже. Скоро подвезут вещи, отдохните, будут ужин (или ранний завтрак, не поймёшь), баня, бассейн – с подогревом, можно искупаться до и после парилки. Вы любите пар?

– Да, наверное, – сказал я, – но я так редко бываю в бане, что даже не знаю, что ответить...

– А ничего не говорите... Испытаете всё сами, парильщики здесь классные, с можжевеловыми вениками, думаю, вам понравится.

– А что солнце так и будет гулять по горизонту? – спросил я, видимо, показав свою дремучесть. Сергей засмеялся, как-то по-домашнему всплеснув руками:

– Так Север же! Солнце заходит на час – полтора, всего, поэтому такие толстые портьеры держим, гости балдеют от

такой ночи, первые дни – почти все ломаются на бессоннице. Потом ничего, привыкают...

В гостевом доме я, первым делом, проверил зарядку на мобильнике, набрал номер отца. Он долго молчал, пришлось поставить его на дозвон. Наконец, он заговорил так, будто мы не прощались и находимся в соседних комнатах:

– Значит, так, сынок: бабушке – хуже, наверное, начнут готовить её к операции. Я, конечно, подпишу все бумаги, врачи здесь замечательные, у нас двое учеников академика Воробьёва... Но в таком возрасте, как у нас, все боятся даже говорить о пересадке костного... Будут пока и лазер, и химиотерапия. В общем, хорошего мало...

– Подожди, пап, а как же возраст? Ведь врач говорил, так обнадежил нас... Почему у бабули рецидив, что толкнуло на резкое ухудшение?

– Что сейчас об этом говорить, сынок? Надо надеяться на чудо, но готовиться и к худшему...

– погоди, отец! – почти заорал я в телефон, – что ты вечно паникуешь?! Мы, в своё время, и деда Колю могли спасти, от сердца редко так умирают, как с ним случилось...

– Что ты хочешь сказать, сын? Меня не было с ним в то время. Они с мамой были, вдвоём. Напарился, выпил водки, хорошо заснул, а утром не проснулся. Так дело было...

– Ладно, проехали. Извини, не хотел тебя обидеть. А с

врачом можно будет поговорить? Позвони, когда он придёт к бабуле, я сам переговорю.

Он, конечно, ничего не знал, так ходил, видимо, из угла в угол, ждал, когда проснётся его мама, ожидал очередного укола и очередного сна. "Что же делать? – лихорадочно думал я, – может, послать всё это дело и Бобо к чёртовой матери, рвануть домой на рейсовом самолёте, благо, аэропорт недалеко? Тоже мне, хозяина нашли, нового нувориша из книги рекордов Гиннеса или как там у них, Форбса, что ли?! Ладно, не кипятись, надо подождать ещё день, самому поговорить с врачом..."

В дверь постучали, но пока я не сказал: "Войдите", – никто не заходил. Сергей принёс мои вещи, вместительную сумку и портплед, сложил всё на диванчик, сказал:

– Я в соседнем номере, дверь полуприкрыта, услышу, если позовёте...

– Двери запираешь, если спать ложишься? – я говорил с юмором, он отвечает на полном серьёзе:

– Естественно. Я вижу всех, кто идёт в ваш блок... И выходит от вас – тоже.

– Послушай, Сергей, зачем вся эта комедия? Вы главу соседнего государства, прибывшего с визитом, охраняете?

– Вопросы не ко мне. Начальник у нас – телохранитель Бобо Константиновича, старший на базе – Тужуркин, между прочим, полковник КГБ в отставке...

Запел мелодией блюза телефон, отец как-то торопливо и

скомкано пытался сказать мне, что врач нашёл минутку, но он спешит... Я выждал паузу, понял, что могу говорить:

– Здравствуйте, доктор! Вы так спешите, что не можете поговорить? Татьяна Васильевна – ваш пациент, я её внук, нахожусь за тысячу километров...

– Да-да, я слушаю, извините, меня не поняли... Могу, конечно, могу говорить.

– Наш лечащий врач обнадёживал, что возраст бабушки позволит ей долго сохранять стабильное состояние...

– Это лейкоз... Что тут сказать? Нового ничего нет, как и случаев, о которых вы говорите, у нас не наблюдалось. Вы можете приехать? Надо спешить...

Я не стал продолжать разговор, поблагодарил доктора за информацию, за то, что он по телефону сказал такую голую правду. Отец, похоже, не врубился в его слова:

– Видимо, она не узнаёт меня... Или не может проснуться. Как ты, сын, что там делаешь?

– Да так, пап, хреновиной какой-то занимаемся. В бизнесменов играем... Я ещё выйду на связь. Мне надо кое-что обдумать и принять решение. Не бросай телефон, будь рядом с бабулей, вдруг она проснётся, захочет что-то сообщить нам.

– У него люди, – сказал телохранитель Бобо, – извините, Александр, он никого не велел пускать, – высокий, симпа-

тичный, лет сорока, не больше, человек стоял у двойной двери и смущённо отводил глаза.

– Понимаю, – сказал я, – освободится, скажите ему обо мне. Я пока осмотрю территорию...

– Держи рацию, – телохранитель передал чёрный аппарат Сергею, – к реке пока не ходите, там наши работают...

– Что значит: наши работают? – спросил я охранника, когда вышли на улицу, – что-то случилось?

– Точно не могу сказать, вернее, не имею права, – ответил Сергей, – у причала лодка, в ней – двое мёртвых...

– Господи, что это за Сицилия, – пробормотал я в сердцах, посмотрел на охранника, увидел, что он понял меня, сильно засмутился от сказанной мне ранее фразы, – не переживай: ты – не говорил, я – не слышал.

Пошёл к свежим молодым посадкам, среди которых разместился теннисный корт с прекрасной сеткой и машиной для автоматической подачи мячей. Чуть левее, у одноэтажного строения, похожего на ангар, выстроилось с десяток машин, самым дешёвым оказался кроссовер "Вольво-90", с небольшим пробегом. У открытых дверей чёрного внедорожника "Мерседес-Бенц" стояли трое мужчин, тихо говорили:

– Похож – это ещё ни о чём не говорит... Хотя, ты прав: рост, волосы, одежда – всё напоминает Геннадия. Он зря, конечно, отказывался от охраны, всё-таки главный инженер...

– Серёга, ты с кем тут бродишь, родственник что ли? –

спросил мужчину низенького роста, уже в годах, видимо, назначенный за старшего в гараже.

– Да, Степаныч, не волнуйся, это Саша, свой человек в Гаване...

– Какой Гаване? Что ты вечно горбатого лепишь... Идите скорее отсюда, не бродите, в такую ситуацию попадёте, не дай вам бог!

Сергей, видимо, вопреки инструкции, шёл впереди, постоянно оглядывался, уводил меня от вспомогательных и хозяйственных построек, остановился на аллее у красивых скамеек с гнутыми ножками и латунными подлокотниками, сказал:

– Вот, видели лоха? Влетит мне по первое число...

– Что-то серьёзное произошло, да? – я не напирал голосом, не проявлял неумеренного любопытства, знал, что, сказав "А", человек должен сказать и "Б". И когда сел на скамейку, достал планшет и открыл его, услышал:

– Геннадия Фомича, главного инженера фирмы, вместе с сопровождающим его местным рыбаком нашли в сетях. Вроде бы за сёмгой пошли, и вот – затонули, запутавшись в сетке... Хотя они не первый год их ставили, профессионалы. Чудно всё выглядит, тем более, случилось это накануне вашего приезда...

Я увидел, как вздрогнул Сергей, когда у него в руке защёлкала рация, услышал:

– Ответь первому... Где вы? Первый хочет видеть гостя.

– На аллее мы. Идём к корпусу, – сказал Сергей, приглашая меня подняться и следовать за ним.

– Оставайтесь там... Мы вас видим, ждите, – рация умолкла, а по дорожке, выложенной красным битым кирпичом и вливающейся в аллею, шли три человека. Среди них я узнал Бобо Константиновича. Он был одет в серое японское трико с полосками, в бледно-жёлтую штормовку, на ногах – яркие, тёмно-бордового цвета, кроссовки.

– Привет, Саша! – бодрым голосом сказал Бобо, – а я думал, ты спишь... Мне сказали, что ты хотел меня видеть? Извини, был страшно занят... – хозяин внимательно посмотрел на меня, умолк на полуслове. Мне показалось, он понял моё состояние, вернее, он понял, что я знаю о смерти на реке, – медленно идите за нами, – сказал он охране, – так, чтобы не мешали разговаривать...

Минуту-вторую мы шли молча, он ждал, что первым заговорю я. Но я молчал. Видимо, на правах старшего, ответственного за братьев меньших, он сказал:

– Я понял, что ты знаешь о происшествии на реке... Не хотел тебя расстраивать. И так уже многого наговорил тебе, трудно всё это переварить с непривычки... Я понимаю, что пахивает пошлой мафией, но такова жизнь. Где деньги, там – смерть, они ходят рядом... Мы во всё этом разберёмся, поверь, это никак тебя не коснётся. Я за тебя обещал дедушке Коле, и я умею держать слово. Но я искал тебя по другому поводу: звонил Чесноков, помнишь, главврач из

медцентра, он сказал, что Татьяну Васильевну, твою бабушку, ввели в искусственную кому и тебе надо поторопиться, чтобы застать её живой... – он смотрел на меня с полуоткрытым ртом, не закончив фразы. Видимо, моё лицо выражало такую боль и такой страх, что он не смог больше вымолвить ни слова. Я достал телефон, набрал номер отца, но соединения не было. "Бабуля, милая моя, что ты делаешь с нами? Чёрт его дери, этого отца... – думал бессвязно, какими-то урывками и отрывками мыслей, – ну, что ты молчишь, пап? Что, как с бабушкой?" – я готов был закричать, обозвать Бобо гнусными словами за то, что он втянул меня в эту грязь. Наконец, я понял, что ещё минута, и я опять, как когда-то при смерти Кати, начну истерить, биться в падучей, потеряю сознание.

Трое мужиков силой уложили меня на скамейку, телохранитель Бобо достал мини фляжку, разжал мои губы и влил в рот несколько глотков спирта. Я кашлял, хватал ртом воздух, наконец, пришёл в себя, стал соображать, что происходит со мной.

– Саша, успокойся, всё прошло, всё позади, приступа больше нет, – тихий ровный голос Бобо полностью успокоил меня, – ты сейчас отдохнёшь несколько часов, а потом, как свободный от всех обязательств человек, поедешь в аэропорт, тебя ребята посадят в самолёт и ты полетишь домой. Увидишь бабушку Таню, отца, очень обрадуешь своих родных людей... Забудь об этой поездке, пусть она не снится те-

бе даже в самом страшном сне. Так, други мои, помогите ему встать, идите в номер и напоите его крепким чаем с мёдом. Утро вечера – мудренее...

На высокой железной коляске, прямо напротив моего корпуса, лежал человек, закрытый белой простынёй, готовый к погрузке в карету "скорой помощи". Его руки были заведёны поверх простыни на грудь. Они не падали, видимо, их связали верёвкой. У санитаров заели полозья, они никак не могли втащить труп в машину, чертыхались, тихо переругивались между собой. Майор в тёмно-синей форме буквально заорал:

– Ну, что за чёрт! Вы погрузите тело или ума не хватает?

Санитары плюнули на полозья, втащили коляску внутрь машины, дверцы захлопнулись, скорая с места рванула к хозяйственным постройкам, где был запасной выезд с территории базы.

Глава – 3.

Как же легко я вздохнул, когда уселся в кресло салона самолёта, хотя и в последнем ряду, рядом с туалетом. "Неужели я снова один? И больше не увижу физиономии предков-зампредов, банкиров-шманкиров, таинственных охранников и их не менее таинственных хозяев..." – но думы мои были невесёлые. С одной стороны, из головы не выходила баба Таня, её состояние, тревога и ожидание большого неот-

ступного горя. Она, конечно, все эти годы была мне и мамой, и отцом, и врачом, и святым духом. Это она вытащила меня из больницы, выходила, вернула к нормальной жизни, не разрешила ехать на учёбу за границу, хотя Бобо Константинович настаивал, а я послушал бабушку и спокойно поступил на бюджетное отделение юрфака.

Мы жили с ней нормальной жизнью студента со стипендией и пенсионерки с пенсией. Скажу честно: мы даже далеко не всегда тратили деньги, которые ежемесячно набегали мне по процентам с банковского счёта, если не надо было покупать например что-то из мебели, зимней одежды или обуви. Отец с подачи моей мамы раз или два "подъезжал" с просьбой одолжить денег (считай, без возврата, как открытым текстом сказала баба Таня), но натыкался на глухую оборону уже своей мамы, уходил ни с чем. "Надо уметь жить по средствам, – говорила бабушка, – если не умеешь зарабатывать деньги..." Конечно, я постоянно выручал отца, незаметно для посторонних вкладывал в его карманы пять-десять тысяч рублей, говоря, что это – из НЗ некурящих и непьющих родственников. Он намёка не понимал, с лёгкостью брал деньги и это его нисколько не смущало.

С другой стороны, я всё сильнее чувствовал недоверие к тому, чем занимался Бобо Константинович, стал с осторожностью относиться к информации о его жизни, делах и бизнесе. Имя Доброволитина ни разу не упоминалось в списках богатых людей, хотя я уже точно знал, что он владеет част-

ными нефтегазовыми компаниями с капиталом не менее пяти миллиардов долларов. Отдельный бизнес – интернет, телевидение, радио, издательства. Но он делал вид, что к нему это не имеет никакого отношения, а руководитель медиаблока даже не входил в совет директоров и правление холдинга. Но как-то я был в его кабинете, он включил телевизор, стал слушать самого модного и дорогого по гонорарам ведущего. И вдруг тихо, как бы себе под нос, пробурчал:

– Сейчас он скажет, что Погоржельский – большое дерьмо...

И, действительно, ведущий аккуратно высказался, какое дерьмо миллиардер П... Бобо Константинович посмотрел на меня, чуть смутился, добавил:

– Иногда угадываю мысли ведущего в оценках наших соперников. А тут у человека – явно сорвало крышу, хотя он чуть не подвязался к нам со строительством жилья в Заполярье.

Я знал, что дедушка Коля нигде, никогда не участвовал в сделках, не владел акциями, не входил ни в какие доли, но его связи, наверное, способствовали росту капитала Бобо. Бабушка как-то рассказала, что на первых порах ему помог дед: при его содействии большую партию древесины заготовили на Севере, а потом перебросили в одну из среднеазиатских республик. В знак благодарности азиаты допустили Бобо к трубе, а это уже – миллионы долларов только на прокачке нефти и газа.

Многие тогда начинали в кооперативах с "варёнок", изготавливали джинсы, как на Западе. Один нынешний миллиардер прибрал к рукам все городские общественные туалеты, другой – сеть фотоателье, парикмахерских и бань, превратив последние в бордели. Сейчас это уважаемые семейства с замками и особняками в Европе, с собственными футбольными и баскетбольными клубами мирового уровня, самыми большими яхтами и островами в океанах. Но русская специфика видна во всём и чувствуется везде, тут уж ничего не поделаешь, благо, их речи искусно исправляют спичрайтеры и переводчики-синхронисты, а то бы так и "ложили", как когда-то по привычке общались на бывших колхозных рынках.

Я почти не знал биографию Бобо Константиновича, иногда что-то вспоминала баба Таня, но став студентом, я стал чаще заходить в его офис, в наших разговорах проскакивали эпизоды из жизни мальчишки, особенно тех лет, когда он был в детском доме. Точно знаю, его мама выросла в большом сибирском селе, где половина населения – татары, жившие патриархально, по своим законам и своей религии. Случилось так, что она забеременела, скорее всего, от "чужака", не жителя села. Община хотела упрятать падшую женщину в глухую татарскую деревушку, которых немало было в округе, но директором школы, где она работала уборщицей, оказался Константин Натанович Доброволин, смелый по тем временам человек: он сумел защитить её, поселил при школе, во флигеле, вместе со своей семьёй. Роды были тяжёлые, она

умерла от заражения крови через неделю, успев дать сыну странное имя – Бабай. Мальчика сдали в дом малютки, потом – детский дом, где он и пошёл в школу и где все звали его Бобо.

Прошло почти десять лет, директор школы стал собираться с переездом в Подмосковье, где близкая родня выкупила большой участок земли. Все эти годы его семья навещала мальчика, а после окончания им начальной школы Константин Натанович, как авторитетный директор школы, быстрее быстрого оформил усыновление, записав в новом документе: Бобо Константинович Доброволин.

Надо отдать должное Константину Натановичу, вложившему в приёмного сына не только душу, но и значительные средства: на репетиторов по двум языкам, преподавателей из самой академии – "плешки", на владение скрипкой, правда, её пришлось отложить из-за сломанной на борцовском ковре руки. Академию Бобо закончил с "красным дипломом", и когда другие выпускники пробирались с челночным бизнесом через опасную турецкую границу, он представлял закупочную росгосконтору в солнечных республиках на берегу Каспия. Получал за должность мелкого чиновника копейки, но он первый из Доброволиных обрёл статус госслужащего. И верил, что за ним – большое будущее. Поэтому когда на семейном совете встал вопрос о переезде на землю обетованную и все родственники высказались "за", один Бобо сразу и наотрез отказался ехать в Израиль.

Вернулся заготовитель сухофруктов и бакалейной продукции в столицу через четыре года, умудрённый опытом и обросший связями с нужными людьми. Остался в чиновничьем аппарате, но пошёл по стезе помощников-советников больших начальников, что, естественно, тоже имело свои преимущества. Профиль службы легко поменял, когда в командировке случайно познакомился с куратором масс-медиа в правительстве: тот предложил поработать над проблемами приватизации, самоокупаемости и прибыльности коммуникационных систем. Этим куратором оказался мой дед – Николай Иванович Караванов. Последние десять лет Бобо Константинович занимался только бизнесом, уйдя в отставку со службы.

Мы с Сергеем, охранником, пили чай, налили, наверное, по третьей чашке, как в номер без приглашения пришёл Бобо Константинович. На полу стояли мои нераспечатанные вещи, на столе – чашки с крепким чаем, вазочки с мёдом и вареньем из морошки. Сергей, встал и, сказав, что машина – на ходу, вышел. Бобо, улыбаясь глазами, краешками губ, присел на диван, забросив ногу на ногу, заговорил, подыскивая слова:

– Давай, Саша, начнём всё с чистого листа. Что я имею ввиду... Постарайся сейчас забыть обо всех неприятных событиях и об информации, которую ты узнал. Тебе совсем

необязательно входить в совет директоров, в правления компаний, тем более, принимать какие-то решения. Тебе достаточно оставаться моим номинальным партнёром, чтобы мы официально представляли наш совместный капитал. Так будет правильно... Я, наконец, понял: с тобой, воспитанником дедушки Коли и особенно – советской учительницы бабы Тани – уже ничего невозможно поделаться... Ни-че-го.

Он взял чистую чашку, налил заварки из чайничка, кипятка из самовара, стилизованного под тульский, взял кусочек сахара, аккуратно положил на язык и запил жидкостью, напоминающей по цвету коньяк. Сказал вдруг:

– Давай выпьем коньячку? На посошок, перед дорогой, а?

– Мне уже хватило спирта. Голова гудит и такое ощущение, что я попал не в тот вагон, извините за банальность...

– Так, стоп, мой друг. Я ведь ничего не прошу сверхъестественного. Лишь прошу оставаться моим надёжным партнёром. Ты знаешь, чем ты обладаешь? – он смотрел на меня без злости в глазах, похоже, ему было даже весело, – говорю почти официально, правда, без протокола: ты партнёр и хозяин семи процентов всего капитала... – помолчал, выждал паузу, продолжил, – как, брат, не хило?

Молчание затягивалось, он, конечно, понял, что я высчитал сумму от пяти миллиардов, но, одновременно, увидел, что ни радости, ни, тем более, восторгов не выражаю, и это его крепко озадачило. По правде сказать, мне почему-то было всё равно: я не осознавал реальности этих денег, того, что

они каким-то образом вошли в мою жизнь. И главное, наверное, я совершенно не понимал, почему они стали принадлежать мне и что можно с ними делать. Вспомнил фильм – "Банковский билет в миллион фунтов стерлингов", который не так давно смотрел в подлиннике на языковой практике в университете, невольно заулыбался. Бобо вскинул брови, не понимая причины улыбки, заговорил, чуточку нервничая:

– Чтобы тебе стало понятно, Александр, коротко объясню. Мы создаём фонд поддержки социально значимых проектов, под него совет директоров холдинга выделил сумму на десять лет успешной работы. Все документы, включая устав, формы финансовой и другой всевозможной деятельности, зарегистрированы в инстанциях, ждут человека, который сумел бы раскрутить этот маховик. И именно ты не просто должен стать таким человеком, ты, подчеркну особо, реальный хозяин этого фонда. В его совет войдут самые именитые люди, их авторитет безупречен, гранты от их имени не будут вызывать и тени сомнения. А взамен – наша компания получит налоговые льготы и другие послабления, авторитет и лояльность... – Бобо Константинович замолчал, вдруг снова заулыбался, закончил, – общества и власти. Поверь, Саша, это стоит таких денег!

Ну вот, теперь мне стало намного понятнее, что задумал Бобо. Всё гениальное просто: вкладываешь доллар в лояльность к власти, получаешь её защиту, поддержку и преференции. Да, у нас, россиян, всё так: в доме надо стоять пере-

дом к тёплой печке и помнить, что ласковый телёнок двух маток сосёт... "Осталось только как-то привязать к проекту моего деда Николая, – неожиданная мысль пришла мне в голову, – и я, его наследник и продолжатель, по праву займу место хозяина фонда. Ай, да Бобо! Ай да сукин сын..."

– Проработаем идею до конца, тогда расскажу в деталях, но есть мысль назвать фонд именем твоего деда, Николая Ивановича Караванова, создателя и организатора первого общественного телевидения и тд., и прочее...

– А я – внук – бережно храню и преумножаю его традиции...

– Не ёрничай, Александр. Не вижу повода для такого поведения... Но мы, если позволишь, об этом ещё поговорим. А сейчас охранник отвезёт тебя в аэропорт, билет уже заказан, извини, что всё так не по-людски получилось. И помни, тебя ждёт интересная работа: по итогам года ты точно войдёшь в сотню самых богатых женихов нашей страны.

Сергей повёз меня на своём стареньком Хёндае-"Акцент", ровно гудел кондиционер, он попросил разрешения закурить. Я тоже закурил, так, не по правде, не привык за двадцать три года, значит, уже точно не закурю. Регистрация заканчивалась, самолёт – небольшой, рейс дополнительный да и народу пока с Севера улетало на юг не так много. Мы пожали друг другу руки, Сергей сказал:

– Прилетай в посёлок, один или с женой, квартира у меня небольшая, но разместимся, пойдём на катере за сёмгой, обещаю: залечу все твои раны... Не вру, Сашок: на свете ничего нет лучше Севера, особенно весной, – обнялись, он шепнул, – без охраны ты намного лучше смотришься...

Два с лишним часа полёта я проспал, стюардесса даже будила меня перед посадкой, улыбалась:

– Здоровый человек – крепко и здорово спит, просто за-видую!

А я и правда, как будто выздоровел: мышцы обрели силу, мозги – ясные, но в голове одна мысль, как скорее добраться до бабы Тани. Не повезло с таксистом, он не знал улицы, навигатора не было, добрались до медцентра в густых сумерках. На посту охраны долго проверяли, кто я да что мне надо. Я уже не выдержал:

– Прилетел я после звонка Чеснокова, за тысячу километров, а вы – баррикады мне устраиваете. Щас позвоню вашему начальнику, кому-то будет полный кирдык!

На дежурном посту врач и медсестра сказали, что отец уехал домой, утром приедет с женой и дочерью. Я задохнулся от плохого предчувствия, почти закричал:

– Что с бабушкой? Она пришла в сознание? Узнает меня... – тут же осёкся, увидев, как врач закашлялся, а медсестра опустила голову, надеясь, что не ей придётся сказать что-то страшное, – что, умерла? Не дождалась, а я даже не простился с ней... – плакал, не стесняясь и не вытирая слёз.

– Она не приходила в сознание, – сказал, наконец, доктор, – всё равно не узнала бы вас... С ней был её сын, Юрий Николаевич. Завтра увидите с ней вместе с родственниками, морг приготовит её часам к одиннадцати утра.

– Я могу посмотреть на неё сейчас? – немного успокоившись и вытерев слёзы, спросил я. Вопрос был, видимо, настолько неожиданным, что доктор снова закашлялся. Ответил не сразу:

– Я позвоню в морг, там, конечно, должен находиться дежурный санитар, но, простите, ничего не гарантирую... Может, отдохнёте с дороги, примите душ в гостевом блоке, сейчас закажем вам ужин. А утро – вечера мудренее да и вам будет спокойнее, – он посмотрел на меня, набрал номер телефона. Трубка долго молчала, потом он что-то пытался объяснить собеседнику на другом конце провода, сказал, наконец, главное:

– Это внук, прилетел за тысячу километров... Да, понимаю, да, сигнализация. Вы не обязаны, конечно... До утра, – положил трубку, пожал плечами, – без письменного разрешения замглаврача – куратора он никого не имеет права впускать на территорию морга. Простите, это так, я знал, но думал, уломаю его, но это не врач, это – санитар, по вашему – сторож, извините ещё раз...

Я видел одноэтажное здание недалеко от корпуса, где находилась палата бабушки. Не помню кто, наверное, отец сказал, что это – морг. У меня созрел план: дать всем успоко-

иться, подождать час – полтора и сходить туда, несмотря на глубокую ночь. Я знал, что сегодня уже не усну, пусть не попаду в здание, но хотя бы побуду рядом с бабой Таней.

– Её не вернёшь, – сказал кто-то сзади меня, – страшная болезнь крови... Вам не надо так близко принимать к сердцу: у неё – возраст, ослабленность организма, отсутствие желания жить и прочее, хотя я понимаю вас... – по голосу я узнал дежурного доктора, – подышали, проветрились, пойдёмте отдыхать. Я дам таблеточку, а лучше сделаю укол, чтобы вы встретили родственников бодрым и здоровым. Пойдёмте со мной, так будет правильно, так поступила бы и ваша бабушка.

После укола я провалился во мрак, но последнее, что увидел, был человек в чёрной одежде, стоящий рядом с иконой святого Николая Угодника во весь рост. Он впервые повернулся ко мне лицом, очень походил на дедушку Колю...

Глава – 4.

Долго и очень больно держала, не хотела отпускать меня баба Таня: просыпался утром в своей комнате и ждал, когда с кухни раздастся её голос:

– Саша, мальчик мой, ты любишь блины, но время работает против тебя. Не успеешь поест горячие...

Что-то кричал ей, бежал на кухню, не умывшись, в трусах садился за стол.

– Прощаю в последний раз, – в сто первый раз говорила бабушка, – зубы почистишь сразу после еды.

В ванной – каждое утро – новое полотенце, чистота такая, что неудобно мокрыми ногами ходить по кафельным плиткам. Когда она успевала всё это делать? Готовила обед, но сама специально не ела до моего возвращения, чтобы мы вместе поели "горяченького". Любила варить борщи, грибной суп, молочные каши, от запаха которых кружилась голова. Где эта музыка домашнего тихого уюта? Всё сгинуло, исчезло, ушло в никуда. Лежу в постели, чего жду, сам не знаю. Тишина добивает, накрывает меня такой жуткой тоской, что хочется выть.

А тут ещё Дашка поселилась на время консультаций в университете, с ней в квартире – полный кавардак, вплоть до того, что в ванной на сушилке, на перекладине для занавесок и даже на держателе туалетной бумаги разбросаны трусы, бюстгалтеры, какие-то причиндалы. Я сказал отцу, что найму ей такси, которое будет возить её в дни консультаций, лишь бы она не оставалась на ночь у бабы Тани. Он, отвернувшись от меня, пробурчал обиженно:

– Бабушка завещала квартиру и Даше... И потом, ты же её старший брат.

Внутренне я понимал: закончив школу и став довольно привлекательной девицей, она оставалась прямой коттедж-

ного посёлка, никак не могла освободиться от их правил общения. Естественно, абитуриенты в университете, особенно приезжие, смотрели на неё, как на девицу особого поведения. Один из кавказцев припёрся вместе с ней на квартиру, правда, тем самым сильно напугав её, а мне пришлось показать ему на дверь. Законы гор он знал и уважал, пожав мне, как старшему брату, руку, всё же сказал:

– Привэды эё в порадок, да-а, а то бэда будыт...

Она собирается поступать в полиграфический, почему, не знаю, но явно бабушкиных и отцовских наклонностей здесь нет, литературой и редактурой в её увлечениях даже не пахло. Наверное, туда – проще поступить, чем в МГУ или другой вуз. "Не до жиру, – сказал отец, – тем более, там мой товарищ – проректор. А издателей сейчас, как собак нерезанных, так что без работы не останется".

Я же на полном серьёзе стал подумывать о покупке новой квартиры для Дарьи. Мне совсем не хотелось уходить из намоленного жилья, в котором дед Николай и баба Таня прожили всю жизнь: до сих пор с почтением отношусь к комнате дедушки, которую все называли кабинетом, рассматриваю его книги, бумаги, фотографии. На дверном косяке, у шкафа, храню графитные чёрточки, видимо, пометки о росте сына Юрия в разные годы его жизни. Здесь же стоят новый телевизор и стереосистема с записями, на большом письменном столе, покрытом зелёным сукном, лежат мой ноутбук, шахматная доска с фигурками, к которым прикасались паль-

цы деда. Комнату бабушки я стараюсь вообще не открывать, слишком недавно она оставила меня, так рано лишила самого дорогого – настоящей любви. Вот парадокс: чем дальше она отдалялась от моего отца, тем сильнее и крепче любила меня, своего внука, рождённого её сыном.

Похоронили бабу Таню в одной ограде с дедом, с большим трудом прорвались на закрытое уже кладбище: опять помогли деньги и связи Бобо Константиновича. Я слышал, как он сказал помощнику в сердцах: "Да сунь ему в глотку пачку, пусть подавится!" Местный начальник не подавился, меня, как внука, погладил по плечу, приговаривая: "Поплачь-поплачь, парень. Ты самый скорбный из них..."

Виделись мы с Бобо после Севера редко, я даже подумал: к чему было затевать весь этот цирк с советом директоров, переживать трагедию с утопленниками на реке, выдвигать идеи с фондом да ещё под именем моего деда. Слава богу, у меня есть пока деньги, дедушкины, хватит и на жизнь, и на Дашку, и на отца с мамой. Я не звонил, не ходил к нему в офис, правда, мне сообщили, что он находится в большой командировке на Севере, прокладывает условные трассы будущих нефте- и газопроводов. Наконец, узнал, что он спустился на юг, до Каспийского моря, а из Туркмении – вдруг звонок, сказал буквально два предложения:

– С управделами сходите в ЦМТ (центр международный торговли), присмотрите офис для фонда. Себе подбери апартаменты для встреч и переговоров, может, и жить туда стоит

перебраться. Квартиру деда и бабушки законсервируй, так тебе будет легче, без ежедневных воспоминаний. До скорой встречи...

Знаменитый когда-то ЦМТ на набережной Москва-реки, в который я попал с отцом на новогодний праздник, потускнел и постарел. Но петух с часами в центре вестибюля – остался, эта память детства не раз приходила ко мне во сне. Управделами холдинга, бывший хозяйственник из совмина по фамилии Демидов, действительно походил на петровского любимца в расцвете сил: какая осанка, царственный поворот головы, какие белые пухлые ладони. Он сказал, что у него – "всё посмотрено, всё готово и проверено". В пяти офисах-комнатах со всеми удобствами могли разместиться не только десять будущих сотрудников фонда, там можно без проблем держать целый взвод. Апартаменты для президента брали своей деловитостью: на удивление, ничего лишнего, несколько комнат, в одной – большой стол для переговоров, неширокая стандартная барная стойка для фуршетов и кофе, кабинет с необходимой для работы техникой и телефонами, на удалении – спальня с отдельным входом в санузел, где вся атрибутика вплоть до халатов и мягких тапочек.

Спросил у хозяйственника:

– Не густо замешиваем?

– Всё в рамках запланированной сметы! У Бобо Констан-

тиновича – не забалуешь... Хотя, извините, оговорюсь: хозяин здесь – вы. Он это особо подчеркивал для всего топ-менеджмента. И не раз!

– Бухгалтерия у нас своя, так я понимаю?

– И не только. Всё своё, но в рамках поступающего финансирования на каждый год. Сумму вы знаете... От себя добавлю: на эти денежки можно содержать химзавод с тыщей работающих. Вот такая история, дорогой Александр Юрьевич. Если позволите, – рукой он показал на барную стойку, – за новоселье, за ваше "добро" новому офису и самому фонду...

Появились фужеры, открыли французское "Шампанское", Демидов получил полстакана "Хеннесси", кивнул в мою сторону. Я проигнорировал его, взял фужер, сказал:

– Знакомство состоялось, удовлетворение есть. Всем спасибо. Детально ознакомлюсь завтра, в рабочем порядке.

Управделами остолбенел: какой-то сопляк так разговаривает с бывшим начхозотдела совмина? "Да, – сказал я себе, – только так надо разговаривать с ними. Всё продадут, всё сдадут ради собственной выгоды. Всё..." Но закончил речь миролюбиво:

– Господин Демидов, могу просить вас об одолжении: завтра пришлите мне домой "Газель", надо перевезти кое-какие вещи для жизни и работы здесь?

Он тут же расправил складки недовольного лица, уточнил: сколько надо грузчиков. Так вот мило, по-деловому, мы с ним и расстались.

К моему удивлению, Бобо даже не стал смотреть офис, который мы подготовили в ЦМТ. И только спустя несколько дней я узнал, что первые два-три года своей деятельности его холдинг тоже размещался в центре международной торговли. Всё стандартно, всё одинаково, как под копирку, что тут смотреть? А я уже составлял план первых десяти шагов деятельности нового фонда, наслаждался местной парилкой, завтраками и ужинами по заказу в апартаменты. Начал разрабатывать сценарий шоу по презентации первых гуманитарных программ в октябре. Но, насколько я понял, от нас не ждали каких-то особых программ и действий, от нас ждали грантов, то есть денег. Вот, условно говоря, идёт награждение "Тэффи", с центральным телевидением всё более-менее утрясено по финансированию. А региональные ТВ – в провале, кроме статуэтки их даже нечем поддержать. Фонд для этих целей утверждает свои гранты с миллионными суммами. А чтобы всё выглядело солидно и на должном уровне, фонд объединяется с министерством печати, они выносят своё общее решение. Результаты объявляются на большом сборе, на глазах миллионов телезрителей.

Бобо довольно спокойно выслушал мои рассуждения, уточнил кое-какие детали, сказал, что главное сейчас – кадры. Добавил:

– Ты волен решать все эти вопросы самостоятельно, кру-

тись, восстанавливай связи с однокурсниками, нанимай кадровые и рекламные агентства, всё это – не проблемы. А вот исполнительного директора хочу тебе порекомендовать и настоятельно: я имею ввиду Татьяну Михайловну Кувшинову-Аранович. Она директор попечительского совета матерей новой России. Что это такое, наверное, никто не сможет сказать. Но председателем попечителей у неё избрана жена президента. Ты улавливаешь, Саша, о чём я говорю? С Аранович предварительно встретился мой знакомый, бывший советник администрации, который уговорил её за десять тысяч долларов в месяц оказывать нам помощь. Прошу тебя: не перебарщивай по строгости, но держи её в узде, иначе из хозяина фонда ты превратишься в мальчика на побегушках. И ещё: у нас нет времени на раскачку, на становление коллектива и тд., и тп. Надо действовать. И помни: у нас с тобой есть главное – деньги. Вот этим оружием ты и должен владеть в совершенстве... Назначь с ней встречу, официально. Я подъеду, но как свадебный генерал. И советника прихватю с собой. Ещё запомни: она пьёт, сильно, особенно вечером, поэтому на встрече должно быть только шампанское и кофе. Всё остальное – убери из офиса. Хотя свинья всегда грязи найдёт...

В итоге всё вышло наперекосяк: я попёрся на Большую Грузинскую улицу, где на первом этаже кирпичного дома располагалась штаб-квартира совета матерей. То ли Татьяна Михайловна после обеда была на взводе, то ли ей не хватило

партнёров для застолья, но она каким-то образом сумела вырвать меня из офиса. Ругался-плевался, но ехал на встречу в чёрном "Мерседесе" – старой машине Бобо Константиновича. У двойной двери с торца дома меня встретила милая длинноногая блондинка, похоже, даже не крашенная, очаровательно улыбаясь белозубым ртом, повела вглубь здания. В конце коридора с комнатами – большой зал, как в ресторане, стоят кресла, богатые, кожаные, приставленные к низеньким столам из тёмного дерева. У окна – большой стол, заставленный закусками, из фарфоровой супницы торчит половник, но первое, похоже, не разливали. С кресла, потягиваясь, поднялась высокая женщина, чуточку выше меня, широкое моложавое лицо улыбалось голубыми глазами, чёлка цвета спелой соломы спадала на лоб. Протягивает руку в перстнях, тянет на гласных:

– Татьяна... Да, для тебя, молодой человек, Татьяна. Прости, не дождалась тебя, только отобедали с женой председателя парламента одной из республик. А тут и ты приехал... Хорошо, что приехал: как потом сложится конъюнктура, одному богу известно. Что выпьешь?

– Кофе, минеральную без газа...

– Не, так не пойдёт! Хотя бы за знакомство и за твоё предложение, которое я приняла, надо выпить. И лучше – коньячку...

Мы сели за накрытый стол, официант, стоящий сзади хозяйки, тут же разлил коньяк в широкие фужеры, граммов по

сто, минимум, получилось на каждого. Она сказала, держа янтарную жидкость перед собой:

– За знакомство. Ты хозяин фонда, я – рада. За тобой – уважаемые люди и большие деньги. Это приятно осознавать. Но обрати внимание: я сказала сначала – уважаемые люди... Для меня – это важнее всего. А деньги сами приходят к таким людям. Молча и до дна!

Не глядя на меня, Татьяна почти одним глотком выпила коньяк, долго сосала лимонную корку, спросила вдруг:

– Соляночку будешь? Наверное, не обедал ещё?

Я сделал пару глотков, напиток – божественный, вспомнил о родителях, почему-то о Кате, сказал себе: "Всё, ради них – больше ни грамма". И согласился на солянку. Но слово сдержал, как Татьяна не уламывала меня, я так и не допил коньяк в фужере до дна. А она пила и не пьянела. "Вот это закалка, – думал я, – но если идти у неё на поводу, сопьёшься за полгода, а то и раньше. Как же мы будем работать, если с обеда – уже хороший раздрай..."

– Ты не смотри, что коньяк соколом летит, – вдруг сказала она совершенно трезвым голосом, – это я за наше знакомство, за нашу совместную работу... Минутку, щас отвечу, – и в мобильный телефон, – да Серёжа, ничего, не оторвал, как раз обедаем под коньячок... Так приезжай: обед переведём в ужин. Где наша не пропадала, помнишь! – встала, опять потянулась гибким стройным телом, прошла к окну. Когда вернулась к столу, сказала, – это из счётной палаты,

мой земляк, между прочим. Я ведь ленинградка, здесь живу как бы понарошку. Муж актёром был, хорошим, помнишь, Кувшинова Борю? Рано умер, а меня – власть любила, за собой в столицу увезла. Вот и телепаюсь на два города... А ты запомнил девушку, что встретила тебя? – вдруг обратилась она ко мне, – это младшая моя дочь, Алёнушка, устроитель грандиозных балов, самых престижных, федерального уровня. По центральному ТВ транслируют, невест и женихов со всей страны собираем. А сама, между прочим, холостячка. Хороша, а, обратил внимание? Оставайся с нами, вечером банкет семей руководящего состава силовиков, потанцуешь с Еленой, познакомитесь поближе.

Она посмотрела вглубь зала, кого-то увидела, махнула рукой, подзывая к себе. К столику приближалась та самая длинноногая блондинка. Её мать закончила фразу:

– Вот, знакомься – Елена Борисовна Кувшинова. А это – наш будущий руководитель. Саш, а как тебя по батюшке-то?

– Александр Юрьевич, – сказал я и почему-то смутился, не смог выдержать прямого взгляда серых с голубым отливом глаз девушки.

Глава – 5.

Выехали с водителем на старую дорогу близ южного шоссе, проскочили небольшую речку и вот он – поворот в дачный посёлок, где почти на берегу Пахры, за высоким забо-

ром стоят новые и старые дома и коттеджи. По всему видно, живут здесь не бедные люди, особенно на участках новой застройки: коттеджи, в основном, двухэтажные, но с предельными квадратными метрами. Есть даже несколько чудачков, решивших всех удивить: воздвигли трёхэтажные хоромы или мини-замки с круглыми башнями и бойницами.

У отца с матерью – дом приличных размеров, двухэтажный, но от двадцати соток земли в результате судебных баталий с наследниками бывшего хозяина – осталось чуть меньше десяти. Соседи спешно, за год, закончили строительство "курятника", примерно, на десяток жильцов, теперь сдают комнаты в аренду на сезон. Конечно, неуютно чувствуют себя мои родители, очень переживали, особенно мама, но сейчас, похоже, и она привыкла, правда, от посадок овощей и ягод отказалась полностью, бессмысленно: несмотря на забор, клубнику, например, соседи собирали, не дав ей даже покраснеть. Спасает ситуацию сад, доставшийся по наследству: пять старых яблонь, с десяток слив, вишни, у хозпостроек много малины и смородины, крупной, ароматной и чёрной, и красной. Ну, и конечно, мамина гордость – ухоженный английский луг посередине участка, а также десяток клумб с цветами, от майских тюльпанов до осенних хризантем. Весь летний сезон у подъезда дома красуются розы, всех цветов и оттенков. Сирень, калину, иргу, акацию в честь бабы Тани, когда она ещё была живой, посадил отец. Кусты рванули вверх так, что превратились в деревья, ему было

жаль их резать, поэтому земля за домом стала почти непроходимой. Но зато там так любят селиться соловьи. Несколько раз, бывая у родителей в мае – начале июня, я просыпался от соловьиных песен, выходил на верхнюю террасу, закутылся в куртку, садился в кресло и до восхода солнца слушал их свадебные трели.

По телефону мы договорились с отцом встретиться и поговорить о бабушкиной квартире, правда, я ему пока не сказал о желании купить Дарье "однушку". Юрист и финансист фирмы изучили возможные варианты, изложив всё на двух страничках. Не устаю удивляться: были бы деньги, а специалистов сейчас можно найти для решения любых проблем, только плати. Они просчитали варианты и оказалось, что выгоднее всего квартиру купить на маму, но есть нюансы, которые я и хотел обсудить с родителями. Ну, и потом, мы давненько не виделись, особенно с матерью. Она работает научным редактором какого-то просветительского сайта, ведёт большую переписку, заказывает материалы учёным, платит блогерам за новости и сплетни. И самое главное, в офисе появляется, максимум, раз-два в месяц. Ей даже деньги за работу переводят через интернет.

Эти годы мама хорошо держится в делах и заботах, все стали забывать о кошмарах, бессонных ночах и неотложках. Втроём они не раз ездили отдыхать за границу, как-то с мая по сентябрь снимали бунгало на острове в Таиланде, отец буквально расцвёл в океане, мама помолодела, до сих пор

вспоминает, как варила супы из черепашек. Но то, что я отдался от них, стал менее эмоционален при встречах, больше скажу, даже не искал этих встреч, надо, со всей очевидностью, признать, как факт. Вот и сейчас: полубобнял отца, к маме только прикоснулся, с Дашкой проще – хлопнули друг друга по ладони, сказали: "Привет!" Пока хозяйка накрывала чайный столик на террасе, отец провёл меня по участку, с гордостью показал летний душ с нагревателем от солнца, который смонтировал сам, самоходную газонокосилку с уютным креслом и рулём от машины, которые он подобрал на свалке. В углу сада под гигантской яблоней он остановился, спросил:

– По жилью будем говорить? Мама предлагает квартиру родителей продать, деньги поделить, пусть у каждого будет неприкосновенный запас, проценты никому не помешают... Тебе на однокомнатную мы можем добавить, потом, со временем, отдашь, – он увидел, наверное, гримасу на моём лице, добавил торопливо, – так было бы всем спокойнее и честнее, что ли...

– Пап, ну, почему мама так не любит родительскую квартиру? Она готова сжечь её и пепел развеять по миру. Как все учителя, наша бабушка – не подарок, но она ведь почти не касалась вашей жизни, и только в год своей смерти сказала мне, чтобы я всегда помнил о трагедии с моей мамой и никогда не бросал её. А я был уверен, что она не знала о её проблемах. Давай, не спеша, и по-другому посмотрим на всё

это. Вот что предлагают специалисты...

И я рассказал о сути дела: мама возьмёт кредит в банке, купит хорошую квартиру, станет хозяйкой и, наверное, успокоится, наконец. Отцу и Дарье останется коттедж. Таким образом с жильём все будут гарантированно подстрахованы, даже, не дай бог, на случай развода, раздела имущества или чего-то трагического... Он кивал, глаза осмысленные, похоже, он понимал, о чём я говорю. Наконец, дошли до главного: я сказал, что через три месяца после первых выплат погашу из своих накоплений половину кредита. Благодарный банк, который работает с холдингом и где, думаю, есть большая доля капитала Бобо, сделает перерасчёт и простит нам процентов двадцать, а то и больше, кредита. Так делают в банках, сказал я, тем более, в родственных по бизнесу. Закончил я урок по финансам грубовато, не надо было так делать, ну уж, как получилось:

– Для ощущения полного счастья остаток выплат мама будет гасить сама, пусть зарабатывает, и это, кстати, хоть как-то удержит её в узде...

– Опять Бобо Константинович придумал? – отца прямо-таки передёрнуло.

– Он давно, чтоб ты знал, нас не касается. Нет больше твоих родителей, и мы перестали быть ему интересны. Он свои обязательства перед наставником, твоим отцом, выполнил, надо признать, отлично, обеспечил всю нашу семью. Я бы сердечно поблагодарил его и за дачный посёлок, и за всё про-

чье... – помолчали, но я видел, вариант пришёлся отцу по душе, добавил, – я хотел вообще-то говорить об однокомнатной квартире для Даши. Но слушать надо специалистов, что я и сделал. Вот так сложился этот вариант. В квартире деда и бабушки я останусь один, продавать её я не буду... А сейчас скажи: ты поддержишь этот юридически и финансово просчитанный вариант?

– Да, но есть просьба: ты дашь мне время поговорить с мамой один на один. Может, день-два даже мне понадобится. Скажу честно: она считает, что тебе слишком много перепало денег и что живёшь ты сейчас припеваючи, а о родителях даже не думаешь...

– Па, ты не прав. Я дважды делил свою долю с вами пополам, тем самым две трети дедушкиного капитала передал вам...

– Я знаю, пытался доказать ей абсурдность обвинений, но она говорит, что ты – сын, обязан заботиться о родителях всю жизнь...

– Хорошо, давай я сам с ней поговорю, как сын, который закончил без её участия университет, жил с бабушкой больше десяти лет... – отец зажал ладонью мой рот, прижался ко мне, плечи его тряслись, бормотал:

– Прости, сын, это моя вина. Тряпка твой отец...

Он позвонил ранним вечером, поскольку я отказался от

ночлега и даже от обеда и после чая, сославшись на срочные дела, уехал в город. Отец бодрым голосом сказал, что мама поняла суть операции с банковским кредитом, готова на такой шаг, но есть два условия: если вдруг у неё возникнут трудности с выплатой остатка, я должен тут же погасить весь долг. Второе, о чём сказал отец, меня удивило: Дарья не будет выписываться из бабушкиной квартиры, она и ей завещана. Я ничего не стал говорить, время – лучший лекарь, поживём-увидим. Мне так было жалко отца, когда он плакал под яблоней, что я до сих пор вижу его трясущиеся плечи, небритые щёки, по которым текли слёзы.

– В сухом остатке, – сказал я, подводя итоги нашего разговора, – ты – остаёшься хозяином коттеджа, у тебя прописана мать. Мама – хозяйка квартиры, но она претендует, пацаче чаяния, и на твои полдачи, приплюсуй сюда же дочь – наследницу...

– Ты что, уже разводишь нас, сын? – вдруг закричал в трубку отец.

– В жизни всё бывает, отец, – я закончил разговор, – обнимаю тебя, скажи маме, я согласен выполнить её просьбы...

Осадок в душе остался ужасный, я подумал: "А вдруг мать узнала бы о фонде, деньгах, которые закачиваются в него и которыми я буду распоряжаться? Что бы с ней стало? А, может, и ничего... Может, клин клином выбивается. И всё же интересно, как бы она себя повела? Но ждать уже недолго, скоро осень, первая презентация фонда. А накануне я с Еле-

ной Кувшиновой буду открывать федеральный бал студентов, меня представят по центральному телевидению, как руководителя фонда имени Николая Караванова, его внука и наследника".

...Вечер не задался, хотя я ждал этого звонка, но совсем не думал, что так поведёт себя мать. И отец, оказавшийся опять беспомощным и незащищённым, неужели он не понимает: не дай бог, что случится, он без прописки не получит даже городской пенсии. "Вот беда моя, – думал я, – может, его снова надо прописать в родительскую квартиру? Он мой отец, имею право. Поговорю с ним, но только один на один".

Вспомнил о Елене, дочери нашего исполнительного директора. Собственно, я не мог о ней забыть всё время после встречи у её мамы, и хотя та на ушах стояла, чтобы я остался на званый ужин силовиков, уехал в офис. Но мы успели с Еленой обменяться номерами телефонов, обещали позвонить друг другу. И сегодня я не стал строить планы, просто набрал её номер. Ответила тут же, будто ждала звонка:

– Что делаешь? Приезжай к нам, сегодня семейный вечер лауреатов конкурса Чайковского, все будут с близкими родственниками. Ведёт моя сестра – Эсфирь, старшая, выпускница консерватории.

– Значит, ты свободна, в принципе? Давай, я заберу тебя, и мы посидим в баре или ресторане у нас в ЦМТ. Там шикарный джаз выступает, настоящие америкосы... Домой верну вовремя, без замечаний.

– Погоди, надо с Фиркой обговорить, а то неудобно как-то. Да и маме скажу о нашей вылазке. Жди звонка... – она отключилась.

Я позвонил на ресепшен, уточнил по джазу, всё совпало, как нельзя лучше. Заодно попросил заказать столик для двоих и чтобы не очень близко к эстраде, но таких мест уже не оказалось. Дежурная искренне расстроилась вместе со мной, но тут же успокоила: зал так спланирован, что ничто не раздражает по звуку. Я отшутился:

– Если одному выпить бутылку "Наполеона"...

До выступления джаза оставалось больше часа, мы решили заказать кофе в мой номер и подождать там: Елене захотелось посмотреть, как я обустроился и не лучше ли в таких случаях снимать чистый офис. Я абсолютно был уверен в себе, знал, что лишнего в наших отношениях не допущу. И мой сегодняшний настрой говорил за это: мы с водителем спокойно доехали до их офиса, я не стал заходить внутрь, позвонил, она вышла в красивом длинном платье, на шее – колье, ничего не понимаю в украшениях, но даже мне оно показалось весьма дорогой штучкой. На плечо наброшен пушистый мех какого-то зверька, думаю, полярной лисицы. Вернулись в ЦМТ, на ресепшен уточнили заказ по столику, время выступления джаза, услышали новость, которая не очень обрадовала:

– Простите, так получилось, – администратор волновалась, – директору ресторана позвонил помощник депутата думы, настоятельно просил найти два места на джаз. Свободными оставались ещё два места только за вашим столиком. Выручите, примите их, его и жену... Извините, я понимаю вас, но мы не можем отказать государственным людям при наличии свободных мест.

– Да ладно, – сразу сказала Елена, – есть истинные поклонники джаза даже среди гослюдей. Как-нибудь выдержим друг друга пару часов. А что, форма одежды – парадная, как в штатах?

– Спасибо вам, большое! – администратор растроганно смотрела на мою спутницу, – очень приличная публика собирается, многие в смокингах и при галстуках. А депутата вы должны знать, это Алексеев Валентин Митрофанович, чуть не каждый день выступает по телевизору, с женой часто приходят к нам, видимо, живут рядом...

Елена придирчиво осмотрела апартаменты, ей понравилась деловая строгость номера-кабинета, вид из большого, во всю стену, окна, широкая кровать в спальне и просторная ванная комната. Она спросила:

– Ты здесь и живёшь?

– Да, у меня старая квартира деда и бабушки... Здесь – удобнее, не надо на работу ездить, – я засмеялся, она искренне подхватила мой смех.

– А мы с мамой живём на Горького, так привыкла она го-

ворить, не отучишь, хорошая квартирка, сам руководитель города похлопотал. А в Питерской – осталась Эсфирь, у неё уже двое детей, мальчишки. Но работает она с мамой, здесь снимают с мужем жильё, огромную студию с концертным фортепьяно, готовит и проводит семейные музыкальные вечера, – она помолчала, прошла к столику у окна, присела в кресло, продолжила тихим голосом, – у нас сегодня день первого знакомства, да? Ты отвезёшь меня домой не позже полуночи, как в сказке про Золушку. Я маме слово дала, завтра в десять утра встреча и переговоры со всемирным фондом матери Терезы. Там будут наши министры труда, здравоохранения, культуры, все они – женщины... Кстати, мама просила передать: приезжай, обязательно, она представит – познакомит тебя с этими крайне важными в твоей дальнейшей работе людьми.

Встала, пошла ко мне, стройная, тонкая в талии, с распущенными светлыми кудрями. Стало немного страшно за себя, так захотелось обнять её, но она, подойдя почти вплотную, продолжила рассказ:

– Я старше тебя, на год, и ты должен знать, что я уже суперопытный в отношениях мужчина-женщина человек: успела пожить в гражданском браке с актёром, так случилось по молодости, когда училась в театральном училище, а потом – школа актёрского мастерства в США, работала моделью, переводчиком на круизных лайнерах и вот уже два года, благодаря маме, владею агентством – "Балы России"...

Не смейся, это, оказывается, такое мощное движение стало, чтобы попасть в столицу, люди проходят тройной отбор на конкурсах... Вот так, – и она неожиданно прикоснулась своими бледно-розовыми губами к моим губам. Именно прикоснулась, не поцеловала, а как будто лизнула их вскользь. Ток пробежал так сильно, что невольно дёрнулась рука, поймав её тело я прижался к упругой груди. Целовал влажные губы долго, насколько хватило дыхания. Она не вырывалась, только чуточку ослабила напор моих рук. Как только я отпустил её, сказала:

– Не надо сегодня... У нас всё будет впереди. Ты мне очень нравишься. Поверь, это немало для первого знакомства...

Глава – 6.

В зал вошли под звуки музыки: оркестр уже играл импровизации на мелодии Джорджа Гершвина, а темень была такая, что посетителей почти не видно. Администратор проводил нас с Еленой к столику, за которым сидели мужчина и женщина, лет по сорок каждому. Кроме двух чашек кофе и обычных приборов – на столе пусто. Мы поздоровались, расселись, стали слушать джаз. После вступления – зажётся большой свет, конференсье начал рассказывать о музыкантах, которых на сцене собралось девять человек. Они кланялись, играли на своих инструментах, приветствуя зал, наби-

тый до отказа. Депутат бесцеремонно начал рассматривать Елену, я в отместку – его жену, очень красивую даму с усталыми и немножко грустными светло-коричневыми глазами, густо-каштановые волосы крыльями прикрывали уши. Она улыбнулась слегка подкрашенными губами, протянула мне руку, сказала:

– Мила, Людмила Хилтунен, не стала менять фамилию после развода, хотя Алексеев страшно обижен на меня за это. Журналистка, а Валентина, думаю, вы узнали: поп-герой, не сходит с экранов телевизоров...

Он приподнял грузное тело, короткое, с отвисающим животом, прикрытым пиджаком в тёмную клетку, поклонился Елене. Что-то хотел сказать, но я его умышленно перебил:

– Елена и Александр, продюсер и юрист, работаем в фонде, сюда попали впервые...

– А я вас хорошо запомнил, Елена, – тут уже депутат довольно бесцеремонно перебил меня, – мы вместе открывали какой-то бал, по-моему, победителей олимпиад учащихся, где я приветствовал их от имени Госдумы.

– Валентин, какая у тебя, оказывается, хорошая память, – съязвила Мила, – а ваш фонд, Саша, чем занимается?

– Давайте сделаем заказ, – сказал я, увидев краем глаза, как конференсье намыливается улизнуть со сцены и оркестр вот-вот снова заиграет, – а потом поговорим, насколько музыка позволит... – я поднял руку, через секунду рядом уже стоял официант. Попросил бутылку сухого белого вина, ко-

ролевские кровати, десерт "Наполеон" и капучино. Елена несколько удивлённо посмотрела на меня, будто хотела сказать, что она не ест на ночь, но промолчала. Депутат заказал что-то из японской кухни, чайник зелёного чая для себя, мороженое – жене. "Так-то будет лучше, – подумал я, – разделимся... Чтобы потом объединиться". Заулыбался, наклонился к Елене, сказал на ухо: "Чтоб не достали нас гослюди, будем есть и пить из блюда, но своего..." Девушка ответила одними губами: "Глупенький. Депутаты – лучшие лоббисты, дружить с ними надо: любую стену – пробьют, любой забор – перепрыгнут вместе с тобой. Только платить надо хорошо и вовремя".

Соло повёл саксофонист, у него на отдельном столике ещё лежали саксофон поменьше и кларнет. Одет музыкант был в смокинг, воротник белой рубашки поднят, пуговицы – распахнуты до пупка. Красиво, сказочно играл, а я, признаюсь, обожаю саксофонную музыку, мне не раз хотелось в детстве попросить у бабы Тани купить этот инструмент. Но как-то мы с ней проходили у музмагазина, где в витрине на струне висел золотой саксофончик, почти игрушечный, с ценником в тридцать тысяч рублей. Желание просить у меня пропало: бабушка была на пенсии, мама лежала в очередной раз в больнице, а отец – надеялся, что уж эта его книжка точно принесёт кучу денег.

Тихо, незаметно официант принёс вино, я кивнул, он открыл бутылку, предупредил, что кровати придётся немно-

го подождать. Соседу он вручил тарелку с порциями суши, чайник с двумя чашками, спросил о мороженом. Мила ответила: "С удовольствием". Потом она повернулась ко мне и сказала: "Вы так похожи на одного моего хорошего знакомого, Саша, просто невероятно..." Я спросил: "На кого?" "На Николая Ивановича Караванова, он, правда, умер уже, но в то время был куратором СМИ в правительстве". Помолчав, я всё же сказал: "Он мой дед". "Боже мой, вот это встреча: через десять лет вижу юного Алабая... Такая кличка была у твоего деда, а назвали его так в честь собаки-волкодава. Его боялись больше, чем олигархов – владельцев ТВ и газет. Одного распоясавшегося председателя гостелекомпании он освободил за ночь, утром вместо него с визитом в соседнюю страну поехал другой руководитель..."

Конферансье буквально выпрыгнул к микрофону, радостно объявил, что к нам на минуту заглянула несравненная Дебора Дэвис, гастролирующая сейчас в стране. Зал встал, приветствуя вокальную звезду джаза. Я, к своему стыду, даже не слышал о такой певице из штатов. Её номер длился минут десять, полная импровизация, зал ревел. "Видимо, заехала поужинать в ЦМТ, а земляки уломали её спеть", – сказал депутат Алексеев. А я так был поражён её голосом, что буквально отбивал ладони вместе с присутствующими на концерте.

В большой перерыв нам принесли креветки, официант разлил вино и царственно удалился. Я показал на два пустых

фужера, Мила озорно посмотрела на меня, кивнула в знак согласия. Выпили за знакомство. Я следом за депутатом, который весьма агрессивно налегал на суши, стал поедать уса-тые морские чудовища. Елена сказала, что никогда не съест такую порцию, тем более, на ночь и по-товарищески пред-ложила соседке помочь. Мила с аппетитом стала поглощать креветки. Я сидел и думал: что-то здесь не так, не просто, дед выплыл, как-то уж очень по-студенчески ведут себя де-путат и известная журналистка. Вдруг Мила сказала:

– На всю жизнь, Саша (мы уже перешли на "ты"), я запо-нила слова твоего деда. Когда сам президент в 93-м вручил мне медаль со словами: "За спасение отечества", твой дед на банкете сказал: "Ты, может быть, ещё переживёшь минуты стыда за эту награду..." Он оказался прав: журналист не дол-жен получать награды за расстрел парламента в своей стра-не, даже если он выполнял задание гостелекомпании.

Мы допили кофе, Елене надо было ехать домой, и тут я по-чувствовал: сейчас будут сказаны самые главные слова. Дей-ствительно, уже в вестибюле депутат, который почти на го-лову оказался ниже меня, подвёл к часам с петухом, сказал тихо, с ленцой: "Можешь рассчитывать на меня. Я могу ре-шить любой вопрос. Но всё будет зависеть от цены, которую ваш фонд готов заплатить... Кстати, пока мы вдвоём и нас никто не слышит, переговоры с кем надо у себя: на следую-щий созыв есть возможность стать депутатом. Это уже скоро произойдёт, ты молод, тебе только и пахать на этом попри-

ще. Цена вопроса большая, но вам она по карману, я знаю, что говорю. Привет твоему начальнику".

– У меня нет начальников...

– Хорошо, – перебил он меня, – скажу по-другому: передай привет Бобо Константиновичу.

Пожал мне руку, не попрощавшись с Еленой, направился к выходу, даже не посмотрев, идёт ли за ним Мила.

В машине девушка прижалась ко мне, её упругое тело волновало, кудри щекотали лицо, но мои губы она закрыла ладошкой, глазами показывала на водителя. Я понимал этот жест: нельзя опускаться до инстинктов, но как остановить желание обладать ею, не знал. Чтобы отвлечь меня, она заговорила первая:

– Странная парочка, надо всё выведать у мамы. Как думаешь, они уже знают о твоём фонде? Ведь вы ещё нигде, ни словом не обмолвились, только офис сняли, людей ещё не набирали. А тебя представят только на всероссийском бале студентов, в самом начале осени... Кстати, Саш, ты умеешь танцевать вальс? Я так и думала, нет. Запишу тебя в школу, возьмёшь несколько уроков, чтобы не опозорил меня.

Хотел спросить её о последней фразе, которую она сказала в апартаментах, но увидел, что мы подъезжаем к дому, промолчал. Шлагбаум для въезда во двор открылся автоматически, неужели водитель уже получил ключ, подумал я. И когда они всё успевают... Помог девушке выйти из машины, рукой

показал водителю, чтобы тот ждал. Нажал кнопку пульта, на экране высветился консьерж, узнал нас, открыл дверь. Квартира на четвёртом этаже, лифт в углу, на площадке всего две двери. Я, когда забирал попутчицу, практически не разглядел их жильё, поэтому решил не спешить с уходом. Дверь снова открыла домработница, её звали Валентиной.

– Зайдёшь, есть домашний морс из черноплодки, сильная вещь, – сказала Елена, улыбаясь.

– Чему ты улыбаешься? – спросил я, – стакан можно выпить и у порога... Ты права, пора домой...

Она легко стала прощаться, заодно спросив у Валентины: Мама в постели?

– Уже час, как спит, сказала, завтра – трудный день...

– Вот тебе напоминание о фонде матери Терезы, – Елена поцеловала меня в щёку, выпроводила за дверь и тут же захлопнула её.

"Быстро, однако, расправились со мной, – подумал я, – как грустно осознавать, что надо уезжать туда, где тебя никто не ждёт. Поеду-ка я на квартиру деда с бабушкой, давно не был там, подышу родным воздухом".

Вышел из машины у своего дома, сказав водителю, чтобы приезжал к девяти утра, а сам ещё не был готов ехать на встречу с женщинами. Но, на всякий случай, держал здесь запас – костюм парадный с белой рубашкой, модным галстуком и лаковыми туфлями. Квартира приняла меня тишиной, спёртым воздухом с запахом пыли. Тут же решил, что на вы-

ходные закажу в агентстве уборщицу, пусть придаст моему "схронуну" жилой вид. Включил чайник, опять вспомнил бабу Таню: она бы сейчас уже хлопотала у плиты, пекла блины или оладушки. "Ладно, обойдёмся растворимым кофе, – сказал я себе, – а утро вечера мудренее". В кабинете деда, в нижнем просторном ящике финской стенки нашёл две коробки, забитые папками с бумагами. Еле-еле вытащил одну из них, настолько она была тяжёлой, фломастером на крышке написано: "1991 год. Для Премьера". Похоже, рука – деда, почерк наклонен вправо, размашистый. Во второй коробке лежали папки с вырезками из газет, разложенные по годам. Решил внимательно пересмотреть всё это хозяйство в свободное время, сегодня уже не осталось сил.

Зашёл в свою комнату, разделся до трусов, халат не стал одевать, откинул одеяло на кровати, чтобы сразу рухнуть в постель. Кофе вдруг расхотелось пить, заварил пакетик цейлонского чая, сел на массивный стул из натуральной берёзы, который дед привёз то ли из Вятки, то ли из Костромы, поднял голые ноги, обхватил их руками, голову положил на колени. Думал не о Елене, не о депутате и журналистке, не о своей непонятной, какой-то подвешенной в безвоздушном пространстве, жизни. Думал о Кате.

Отпустила ли она меня, как говорила, сидя на этой же кухне, баба Таня? Да, десять лет, чуть больше, это – срок. Я намного реже стал вспоминать ту смерть, притупилась боль, рана, которая кровоточила годами, затянулась, сердце уже

не выпрыгивает из груди при видении картин её гибели. Но каждый год, по весне, меня тянет в тот город, где мы полюбили друг друга, мне хочется там жить, работать, ходить по трамвайному маршруту, по которому каждый день я провожал её до старенького "жигулёнка", в котором за рулём сидел майор советской армии – отец Кати. Я бы, наверное, даже рискнул спуститься с той горки, по которой она съехала в полынью, но мне до сих пор невоготу видеть снежные торосы, окрашенные тогда её кровью.

Были ли у меня партнёры в студенчестве? Конечно, от такой самостоятельной и раскованной жизни не стоит ожидать целомудрия. Да и не надо, уверен, этого делать: жизнь есть жизнь, её невозможно остановить. Но полюбить я так никого и не смог. Однолюб? Да, так мне говорили и дед Николай, и отец. Тут даже другое примешивалось: чистый символ мальчишеской, а потом юношеской любви требовал других подходов и мерил. Каких? Да, бог их знает... Я даже наблюдал за сестрой, Дарьей, думая, может ли она полюбить в четырнадцать лет? Может, но это была уже совсем другая, современная что ли, "любовь-морковь". Мне даже в страшном сне не могло присниться, что Катя приведёт домой какого-то парня, чьё имя она не может даже вспомнить. А Дашка – пожалуйста. Причём делалось это не ради эпатажа, не ради того, чтобы насолить родителям. Так все делают и поступают точно так же, как моя сестрёнка.

Чай подогревал дважды, но так и не притронулся к бока-

лу: мысли от Кати перетекли к сегодняшним проблемам. Решил, завтра сделаю звонок Бобо, надо встретиться, переговорить о ситуации: скорее всего, нас сдала исполнительный директор – Кувшинова-Аранович, чуёт моё сердце – не бескорыстно. И как прикажете работать с ней дальше, если она не смогла удержать информацию даже пару дней? Депутат меня меньше волновал, лоббист, а по нашему – стервятник: мимо не пройдёт, мимо рта – не пронесёт. Но что означает его привет лично Бобо и стоит ли об этом упоминать в разговоре, надо ещё подумать. И ещё: меня очень заинтересовала журналистка, пришедшая с депутатом. Чуёт моё сердце, никакая она не жена, тоже, наверное, собирает информацию о зарождающемся фонде, о деде, его внуке.

"Но это будет завтра... – посмотрел на мобильник, – нет, уже сегодня, полпервого ночи. Эх, была не была: позволю..." – и нажал кнопку на телефоне.

Ответил хозяин номера быстро, видимо, ещё не спал:

– Алло, что случилось, сынок? Ты так поздно никогда не звонил...

– Ничего, пап, ровным счётом ничего... Я подумал, что ты ещё точно не спишь и захотелось сказать, что ты – отличный писатель. Мне сегодня опытный журналист подсказал одну мысль: для писателя надо нанимать хорошего литературного агента, это – больше половины успеха его книгам. Я найму тебе агента и сделаю это уже завтра. Подготовь все материалы, книжки, отзывы, в общем, всё, что надо... И ещё пап:

давай съездим с тобой в наш город. Я знаю, что там живёт, если, конечно, ещё жив, школьный товарищ деда. Мне очень хочется встретиться с ним, поговорить об их детстве, школе, любви. Мы ведь ничего не знаем о том периоде его жизни...

– Да, я с удовольствием приму твоё приглашение. Но я помню о девушке, которую ты потерял в этом городе... Тебя снова не накроет волна? Давай подумаем, не будем горячиться. А за литературного агента, спасибо, сын. Ты меня так порадовал. Помни всегда: я тебя очень люблю.

– И я тебя, пап, – как это ни прискорбно, но я понял, что в город своей первой любви я поеду один.

Глава – 7.

Первое, что я сделал утром, узнал, где находится Бобо Константинович. В офисе сказали: пока, наверное, дома. Достал его визитку, данную мне десять лет назад и лежавшую всё это время в шкатулке у деда на столе, набрал номер домашнего телефона (с учётом нового коммутатора), услышал гудки, потом щелчок и голос:

– Вас слушают...

– Это я, Александр...

– Поздравляю, Саша, – сказал Бобо Константинович совершенно необычным голосом, мне он показался космическим по звучанию, – я ждал этого звонка, значит, ты созрел для разговора и это самое важное. Приезжай в офис к деся-

ти, я отвечу на все твои вопросы...

Частые гудки разрывали ухо, а я всё ещё боялся положить трубку на рычаг старенького аппарата, стоящего на кухне у бабы Тани. Задал себе главный вопрос: "О чём я спрошу Бобо? Наверное, кто я и что представляю из себя в его фирме? И не проще ли ему нанять "Аранович и Ко", платить, и они будут решать любые вопросы. Она всё равно будет торговать информацией, посвящать нужных людей в "тайны", распускать слухи, в общем, делать всю ту же работу, что ей и предстоит делать в ближайшее время. Зачем я нужен? А если нужен, то какие у меня полномочия, каким капиталом я располагаю. В фонде, насколько я понимаю, как юрист, по-другому нельзя, тем более, в именном. Фонды русских олигархов, как сообщает интернет, имеют бюджеты от пятисот миллионов рублей и более на год. И распоряжаются там деньгами по своему усмотрению. С ними, как раз, всё понятно: сколотил капитал, нашёл нишу для благотворительности, отдал деньги – получи налоговые льготы и имя благодетеля. Значит, надо понимать, что наша структура – это не фонд, например, известного актёра, существующий на пожертвования и пополняемый вкладами людей в течение всего года.

Ещё вопрос на засыпку: а чем знаменит мой дед, чтобы его именем называть фонд? Он был российский государственный и политический деятель, сообщает тот же интернет. Работал в правительстве, был советником председателя в комиссии по оперативным вопросам, курировал СМИ. Но не

секрет, в тот период у государства не было денег не только на зарплаты рабочим, пенсионерам их гроши выплачивали с опозданием. Какие СМИ, какое, извините, телевидение – радио? С молотка уходили за бесценок целые отрасли производства...

И всё-таки ТВ – радио работали, печатались сотни газет и журналов, значит, в правительстве кто-то взял на себя ответственность удержать в самое страшное и смутное время каналы коммуникаций на плаву. Не знаю, был ли этим человеком мой дед? Я не специалист, не задавал себе подобных вопросов, но слышал от очевидцев, переживших то жуткое, на их взгляд, время: как альтернативный вариант финансирования всего ТВ и был создан канал общественного российского телевидения (ОРТ). Бобо тоже считает: Караванов, как член правительства, спас от развала и уничтожения СМИ новой России", – так рассуждая сам с собою, мысленно готовясь к разговору с шефом, я позавтракал, надел свитер и джинсы, посмотрел на лаковые туфли, припасённые, на всякий случай, с вечера, и с лёгким сердцем влез в кроссовки. По мобильнику сообщил водителю: едем в офис, надо успеть к десяти часам.

По дороге к машине вспомнил о фонде матери Терезы, подумал, что Бобо, конечно, не знает о нём да и мне туда рваться раньше срока – значит, выскакивать из штанов, решил: "Всё должно быть на официальном уровне: есть приглашение, есть реакция с ответным письмом и благодарностью

и, наконец, есть протокол приёма с верительными грамотами и представлением. А не просто так: из-за спины Кувшиновой-Аранович выскакиваю в лаковых штиблетах, как чёрт из табакерки..."

Референт Агриппина, так же мило улыбающаяся китайка, прошла со мной в бар, сама приготовила капучино, сказала:

– Спрашивал о вас Бобо Константинович. Он – в посольстве Туркмении, там всегда тяжело прощаются, традиции сказываются. В общем, пейте кофе, Саша, вы любите настоящий капучино... Он просил вас подумать о полёте во Владивосток. Он может включить вас в список официальной делегации на экономический форум.

– А я кого буду представлять среди экономистов? – спросил я не без иронии.

– Фонд поддержки социальных программ, разве не понятно... – сказала довольно солидно Агриппина, – и потом – сколько знакомств, встреч. Я бы с большим удовольствием полетела...

– Давай слетаем, развлечёмся, – сказал я, весело глядя на симпатичную хрупкую девушку.

– Только завприёмной может послать меня туда для сопровождения Бобо Константиновича, но там референт – не нужен.

Допили кофе, мило болтая, она совсем разоружила меня, сняла напряжение, волнение от предстоящего разговора потихоньку улетучилось. Я даже подумал: это начальник специально такие психологические приёмчики с разгрузкой устраивает. В арку стенного проёма заглянул референт с косячком на затылке, сказал:

– Бобо Константинович ждёт вас.

Хозяин улыбался, хорошее настроение излучали все клетки чисто выбритого лица, сказал, крепко пожимая мою руку:

– Люблю к азиатам ходить в гости, очень гостеприимные люди... Когда есть взаимный интерес, конечно. А он появился, мы опять вместе на их газопроводах...

– Что-то новенькое? – не удержался я от вопроса, – по газу не слышал информации...

– Bravo, Саша, ты очень наблюдательный, – сказал он, всё также улыбаясь, – мы снова выходим на транспортировку газа, достойно выходим. Ну, ты ведь не зря впервые использовал визитку, которую я дал тебе на похоронах дедушки Коли, так? И я рад, что Агриппина размагнитила тебя, сняла напряжение. Давай, просто поговорим за жизнь... Что тебя волнует накануне официального объявления о создании фонда поддержки социальных программ?

Меня словно прорвало: всё, что мучило последние месяцы и недели, о чём я размышлял вечер-ночь и утро сегодняшнего дня – вывалил на него. Он слушал внимательно, кивал, помогая словами, которых мне вдруг не хватало,

вставлял негромкое: "Понимаю..."

Встал из-за круглого стола, за которым мы сидели в кожаных креслах как два старинных товарища, оставив в стороне огромный кабинетный стол с телефонами, венскими тяжёлыми стульями и бутылками с минеральной водой. Подошёл к окну, сказал:

– Здесь ты можешь говорить всё, прослушки – нет, как юристу, тебе это нужно знать. Итак, главное. С двадцатилетия, заметь, несколько лет назад, согласно всем канонам, я постепенно увеличивал твой пакет акций, и сегодня у нас на двоих – контрольный пакет. Мы вдвоём можем заблокировать или наоборот принять любое решение для всех компаний, входящих в холдинг. И так удобнее вести бизнес, расходы для совладельцев – гораздо менее затратные. Смотри, что в итоге получилось: на твои примерно семь процентов акций – создан фонд с годовым бюджетом в пятьсот миллионов рублей. Ты его хозяин. Но ты и мой партнёр, совладелец холдинга. А главное, Саша, ты – внук своего деда, продолжатель его добрых дел. И неважно, чем знаменит или нет Николай Караванов, ты захотел назвать фонд его именем, это твоё полное право. Лишь бы он нёс людям добро...

Бобо выглядел торжественно, глаза блестели, словно от растворившихся на веках слезинок, продолжил после паузы:

– Пойми, Саша, нас связывают с тобой самые крепкие узы, нас связывает твой дедушка Николай... – Бобо подошёл к большому столу, взял синюю папку, вернулся назад, – я хочу

заварить зелёный чай, сам, а ты, вот, почитай одну статью...

Он ушёл в комнату отдыха, я открыл папку, достал газету, буквально "одетую" в тонкую прозрачную плёнку, почти во всю полосу шёл заголовок – "Три жизни директора Доброволлина..." Посмотрел на подпись в конце очерка: "Николай Караванов, наш спецкор." Стал читать о далёком забытом богом сибирском селе, о детях из русских, татарских, башкирских, манси – семей, собранных в местной школе, их родителях, живущих по своим старинным обычаям и укладу жизни, о промыслах, о фестивале искусств, где каждая национальность представила свои традиции, об огне в окнах десятилетки, который не гаснет до позднего вечера. В селе нет клуба, поскольку чиновники посчитали: зачем, если в пяти километрах – райцентр со своим Домом культуры. А главный герой очерка – директор школы, депутат райсовета Константин Натанович Доброволлин: он и главный воспитатель, и мировой судья, и директор клуба, и тренер сборной команды по лыжам. Вот он-то и проживает каждый день, месяц, год, минимум, по три жизни...

Хороший очерк получился, тёплый, душевный, было приятно, что его автор – мой дед. Мне также стало понятным желание Бобо показать, каким настоящим человеком был его новый отец – Константин Натанович, взявший мальчишку из детдома. "Значит, дедушка Николай, когда готовил материал для газеты, бывал в этой школе, минимум, неделю, а то и больше жил в директорском флигеле, виделся-встречался со

многими людьми, даже местные сказки и частушки собрал для статьи", – и всё-таки меня зацепило: почему Бобо показал эту статью.

Поднял голову, впервые увидел, что такой большой начальник несёт на подносе чайник, чашки и вазу с конфетами. Он поставил поднос на стол, посмотрел мне в глаза, понял, что очерк я прочитал, поколебался секунду и сказал почти буднично:

– Ты, Саша, мой племянник, твой папа, Юрий Николаевич – мой родной брат по отцу, младший. Соображаешь?

Я молчал, сражённный новостью, а в голове уже роились мысли: дед тогда ещё не был женат на бабе Тане, во время командировки он вполне мог познакомиться с будущей мамой Бобо, тем более, она работала в школе, не раз пересекалась с ним... Он вернулся в газету, осталось одно воспоминание о флирте, а девушка, пережив позор и страдания, всё же родила здорового сына, а сама умерла. "Господи, – простонал я мысленно, – прямо какая-то Индия, сериал из Болливуда..."

Посмотрев на Бобо, я понял: разливая чай, он наблюдал за мной, глаза добрые, похоже, искренне рад, что снял с себя такой долгий и тяжёлый груз. Спросил:

– Вы давно знали, что мы – родственники?

– Ещё при жизни отца, – тихо сказал Бобо, – но он не знал о моём рождении, не мог знать... Он бы никогда не оставил меня. А я, Саша, поверь, боялся обидеть его неосторожным шагом, подозрением, он для меня был небожителем.

– Я как-то пацаном назвал деда "Астероидом" и признался, что люблю его до космоса...

– Я знаю, как ты его любил, как ты обожал бабу Таню, как переживаешь за отца, маму, сестрёнку. Всему хорошему в нас мы обязаны им, старшим в роду Каравановых. Ты хочешь спросить: а как тест ДНК? Поверь, мне не надо было этой бумажки, о настоящем отце мне сказал, умирая, Константин Натаныч, но он долго молчал, даже намёком не хотел обидеть твоего дедушку. А дальше – ничего нет проще: у нас свой медцентр, спецы провели сравнительный анализ меня с тобой, потом – с твоим отцом. Вот в папке две бумажки, разверни, посмотри. Там одни девятки...

– А у меня никто не брал кровь? – сказал я.

– В поликлинике университета ты сдавал анализы, минимум, раз в два года. Таким же путём спецы нашли и твоего отца перед его поездкой в Таиланд.

– И что теперь будет? – невольно задал я идиотский вопрос.

– Семейный бизнес рода Каравановых. По кровному отцу – я тоже Караванов, ха-ха-ха-ххии, – искренне рассмеялся Бобо, – я давно – один, без семьи, как-нибудь расскажу, что произошло... Твой отец, Саша, приглядит за медиа – бизнесом, тебе – ворочать делами в фонде, пока не подрастёшь мне на замену. Ну, а я – буду заниматься, чем и занимался: нефтью и газом. А то я, честно сказать, немного уставать стал... Видел вас столько лет совсем рядом и не мог обнять,

как самых близких и дорогих людей. Это ли не мука, не испытание. Я мусульманин по маме, а они крайне сентиментальные! Так что поднимайся, друг мой, давай крепко обнимемся.

Потом мы пили зелёный чай, небо в высоченных окнах, вдруг потемнело, звуковая изоляция почти не пропускала удары грома, а по стёклам лились водопады воды. Бобо включил торшер со светодиодными лампами, почти голубой свет разлился по кабинету.

– Хороший знак послал всевышний под конец нашего разговора, это к счастью, к успеху, Александр, – сказал мой дядя.

Глава – 8.

Короче, во Владивосток я, конечно, полетел. Куда денешься от такого напора новоиспеченного родственника. Пришлось временно всё заморозить, хозяйственник Демидов, перед прощанием выслушав мои просьбы, ослабил:

– Чтоб добру не пропадать, поживу-ка, я в апартаментах, пока вас нет...

– Вы бы лучше технику поставили к нашему возвращению, может, со специалистом ИТ поможете, кадровики – женщины хрупкие, в этом мало разбираются, – несколько резковато сказал я. И упор сделал специально на словах "к нашему возвращению". Он уловил нюанс, изменился в лице,

заговорил, как прилежный мажордом:

– Конечно, всё сделаем, техника будет ждать и вас, и людей... – намекая, что людей у меня нет.

"Молодец, хитро отмахнулся от ИТ, а, заодно, и по морде дал, – подумал я, но злости на него не было, – пусть поживёт, покуролесит, деньги уплачены, что пропадать добру..." – но вслух ничего не сказал, зная, как Бобо категорически не допускает сближения с подчинёнными, тем более, заигрывания с ними.

Меня мучил главный вопрос: как поговорить с отцом, а, может, до нашего возвращения и не стоит, на ходу – на бегу, посвящать его в "наши тайны"? Дядя, к этому слову мне ещё предстоит привыкать и привыкать, сходу разрешил все мои терзания. Я созвонился с отцом, через час мы уже были в дачном посёлке. Это отдельная повесть о том, как отец реагировал на "бомбу" о родном брате да ещё и старшем. Новому родственнику пришлось подключать меня на пересказ очерка, опубликованного в газете, на разъяснение коллизий жизни деда в школьном флигеле и о его встрече с будущей мамой Бобо. О ДНК мы даже не говорили: слова Константина Натановича о том, что он сразу знал, кто настоящий отец мальчика, вызвали слёзы на глазах моего дорогого предка. Он начал искать фужеры, достал коньяк и вино, но я, извинившись, сказал, что скоро улетаем, надо возвращаться в город, дел ещё невпроворот. Договорились, что после Владивостока устроим у него на даче пир горой, пусть готовится

на ближайшее воскресенье.

Естественно, зная Аранович намного лучше меня, Бобо категорически не велел входить с ней в лишний контакт: себе дороже, всё кончится пьянкой и пустым трёпом. А мне так хотелось увидеть Алёну, я просто умирал по её прекрасному телу. Но парадом командовал не я, пришлось смириться и слушать телефонный разговор Бобо с исполнительным директором, которого ещё никто никуда не назначал. Прямую речь упусти, перескажу коротко: когда ещё ничего нет, говорил Бобо, не стоит торговать информацией, тем более, такому жулику, как депутат Алексеев. О его жене Хилтунен – развесьте лапшу на чьи-нибудь другие уши, это только Саша, и то по молодости, мог поверить её байкам. К нашему приезду, закончил строгий начальник, прошу представить концепцию идеологической и рекламной составляющих работы фонда. Видимо, Аранович пыталась что-то возражать, поделиться опытом, но Бобо был неумолим, отключил мобильник. Мне сказал:

– Сопрёт у кого-нибудь из своих подружек, а запросит двадцать тысяч долларов за исполнение... Будь строг с ней, дай не больше трёх. Кстати, она сказала, что с фондом матери Терезы встречалась сама Хозяйка. Можно бы и нам поучаствовать, но нет ничего хуже, чем чувствовать себя бедным родственником...

Рейс был ночной, прилетали во Владивосток рано утром, а – с обеда, по программе, уже планировалось открытие эко-

номического форума. Бобо отправил меня домой, на старую квартиру я приехал, чтобы поспать пару-тройку часов перед самолётом и собрать чемодан. Вот и пригодились костюм, шёлковая рубашка и лаковые туфли. Много вещей решил не брать, в конце концов, рубашку-вторую можно купить и там, а вот трико с кроссовками засунул в чемодан на колёсиках.

Самолёт был старенький, хотя и принадлежал авиаотряду руководителя страны, состоял из трёх салонов: в среднем располагался первый вице-премьер правительства, проходя мимо, я успел разглядеть обычный стол, несколько узких кресел, по-моему, лежанку, заправленную, как солдатская койка. В первом салоне разместились помощники – советники и аппаратчики из совмина, человек десять, не меньше. Туда же, видимо, по большому благу и по старой дружбе, попал Бобо Константинович. Такой чести были удостоены только руководители госкорпораций по нефти и газу, атомной энергии и внешним связям, 4-5 банкиров и герой – полярник, которого часто вижу по телевизору. Министры, не знаю их, не буду врать, вроде бы трое, тоже разместились в этом салоне на первых креслах. Я попал в третий салон, довольно вместительный, человек на 30. Пассажиры – разномастные, но на их лицах лежала печать принадлежности к высшему сановническому клану. Все остальные участники форума, включая и губернаторов, летели обычными рейса-

ми, но были и чартерные, Бобо сказал ещё в аэропорту, что с десяток владельцев компаний, по-моему, назвал металлурга, алмазника, винодела, не помню, кого ещё, полетели своими самолётами.

Через два часа после взлёта стюардессы принесли ужин, поскольку была ночь, наверное, так можно назвать поднос с курятиной, овощами, сервелатами. К каждому пассажиру наклонилась милая мордашка, чтобы спросить: "Что хотите выпить?" Большинство просили водку и чтобы не мудрить с посудой, девушки принесли на наши шесть кресел две бутылки холодной водки. Но немногие – всё же просили коньяку, вина и даже виски, которого не оказалось на борту. Я тоже присоединился к "водочникам", познакомился: сосед справа – замминистра экономики, мой тёзка, Саша Дискин. Я не утрирую, именно так – Саша, Костя, Веня... они себя называли. Слева от меня разместился замхозяина всего имущества страны – Боря Маломед. На двоих им наберётся чуть больше шестидесяти лет, подумал: "Как это они так рано сумели стать такими важными людьми? И что мне в мои двадцать четыре светит в ближайшем будущем?" Мои размышления прервал Бобо, подошедший по проходу незаметно и сказавший на ухо:

– Извинись перед ребятами, скажи, что тебя пригласил первый вице-премьер...

Я так и сделал, сказал, увидел реакцию на их вытянутых лицах, пошёл к закрытому салону, Бобо шествовал впереди.

Какое величие чувствовалось в его спине, в плечах, о голове, которую он нёс высоко и гордо, я умолчу. За столом, у иллюминатора, сидел худощавый, видимо, высокий человек, поскольку его колени подпирали стол. Меня поразили глаза: полное равнодушие ко всему, что происходит рядом с ними, какую-то унылую скуку выражали они, тёмно-коричневые, расположенные близко к носу. Бобо полуобнял меня за плечи, сказал:

– Михаил Михалыч, спасибо, что мы рядом с вами, ваше расположение дорогого стоит...

– Да уж, Боб, не дёшево, поверь... – он то ли хихикнул, то ли хрюкнул, – потом расскажи, на досуге, как на Каспий слетал?

– Вам просил передать привет Ознобишин Валера...

– Он всё ещё там, курилка, вот присосался, не оторвёшь...

– Шпарит по-туркменски, по-казахски, вице-премьер правительства то тут, то там, поочередно, – сказал Бобо и рассмеялся не очень приятным смехом, – а я бы хотел представить вам внука Николая Иваныча Караванова – Александра... Кстати, он мой племянник и напарник по бизнесу, владеет фондом поддержки социальных программ с оборотом в полмиллиарда рублей в год...

– Боже мой, у покойного Николая Иваныча уже такой внук? Похож на деда, очень, светлая ему память... Замечательный был человек, твой дед, Саша, его помнит целое поколение, выращённое в лихие девяностые. Я тогда заммини-

стра был, по морде получал, и от него тоже, через день да каждый день. Но это надо было пройти, это школа жизни, он, тем самым, уберегал нас, молодых, от, мягко говоря, непредсказуемых тогдашних руководителей страны. Боб, я не ослышался, ты сказал: "Мой племянник?"

– Да, Миша, Николай Иванович – мой отец, но он до самой смерти не знал об этом...

– Постой- постой, ты же мусульманин, усыновлённый евреем? Саша, уточни: у твоего деда ведь был один сын, по моему, журналист?

– Да, мой отец – писатель. А недавно мы узнали, что у дедушки есть ещё один сын, Бобо Константинович, но он не мог сказать ему об этом... Так уж получилось. Хотя есть анализ ДНК, рассказ директора школы Доброволина, усыновившего его позже... В общем, вот такая история.

– И что, Боб, ты теперь растишь наследника?

– Пока совладельца. Но, у Саши – всё впереди, а мы, увы, все смертны и я в том числе...

– Да, ребята, дела. Ради такой новости надо выпить по рюмке водки...

Тут же на столе появились стограммовые узкие фужеры, вазочки с орешками, открытая упаковка финского сервелата, вместе с нами к столу придвинулись ещё двое мужчин. Хозяин салона сказал:

– Вот, Саша, думал ли ты, что у тебя объявится дядя с миллиардом долларов, готовый сделать тебя наследником, а?

Ха-ха-ха-ха-хиии, – он громко, заливисто рассмеялся, – за будущего миллиардера!

Через пять минут интерес к нам погас, Бобо незаметно прошёл со мной в первый салон. К нему на шею бросился старовато выглядевший, видимо, чиновник с седыми неопрятными волосами, закричал:

– Какие люди в Голливуде! Боб, дорогой, рад тебя видеть...

– Леонид Леонтьевич, мы виделись в конце той недели, а по тебе судить, так я годы отсутствовал, – Бобо состроил недовольную гримасу, уже тише добавил, – на Сочи я не смогу перевести, всё под контролем, ищи варианты сам... Кстати, познакомься, – показал на меня рукой, – мой племянник, Александр Караванов.

– Никак Кольки Караванова внук, что ли? Ни себе хрена! Как время-то летит. А я – в недавнем прошлом – помощник премьера Винокуров Леонид, из Ленинграда... – он заговорщически приставил палец к губам, – из колыбели революции мы теперь все... Второй раз пришли, увидели и победили. Боб, дай мне его на час? Расскажу Александру, кто есть кто на нашем долбанном небосводе...

– Хорошо, Леонид Леонтьевич, на полчаса, мне нужно срочно переговорить, но только без водки и мата сапожного, уповаю на ваш возраст, – посмотрел на меня, улыбнулся, – воспринимай с юмором, но он вытащил сюда всех приватизаторов, молодых, голодных волков, которые рвали и метали

всё и всех клыками. Послушай, тебе будет полезно. Я скоро буду... – и он пошёл к первому ряду кресел, там выпивали четверо мужчин, зрелого возраста. По-моему, это о них он говорил, называя министрами.

– Человек я старый, Александр, – заговорил Винокуров, усаживаясь на крайнее в последнем ряду кресло и открывая приставной столик, – присаживайся, это место помощника премьера Чубукина, но он уже пошёл по рукам, перелил свою чашу. Рассказать о твоём будущем на ближайшие десять лет? Щас, выпьем за знакомство, ибо я, как никто дружил с твоим дедом. В 98-м, после цирка с дефолтом, о котором я не знал, но который устроили мои волки (в скобках замечу: в знак благодарности мне), он спас от голодной смерти мою семью, правда, пришлось временно вернуться в Ленинград. Крупнейшая сетевая компания по поставкам "ножек Буша" имела в портовых городах большие представительства. Замглавы фирмы, полковник ФСБ в отставке, оказался его армейским другом, он-то и засунул меня в представительство замом. Тихо, мирно, без шума и пыли я продолжал растить своих детей и внуков. И мне даже понравилась такая размеренная крайне обеспеченная жизнь: я уже и не предполагал, что через год премьера-коммуниста скинут, следственные дела по организаторам умышленного дефолта закроют, а гонение начнётся уже на пострадавших от финансово-экономического краха – вице-премьеров, министров, губернаторов "красного пояса", небольшого количе-

ства депутатов... Почему небольшого? Удивителен наш народ: чем хуже живётся ему, тем сильнее он поддерживает своих гонителей. В тот период только что был переизбран президент, сами знаете, каков он был, а депутаты – на две трети представляли "либеральный сектор" и тд., и тп., – он понял, что заговорил меня, налил в пластмассовые стаканчики водки из бутылки, спрятанной в карман сиденья, достал откуда-то большое красное яблоко и вручил его мне, – давай Александр, за наше знакомство, за твоего деда, которого я уважал...

К нам подошёл интеллигентного вида человек в массивных очках и в домашней мехом наружу телогрейке, спросил, заметно заплетаясь языком на согласных звуках:

– Лёня – это наш-ше гнез-здо или нет?

– Наше, Чубукин, наше... Щас мы допьём, и я засуну тебя к окну, понял, что ты созрел...

– Да? Уж, замуж, невтерпёж, – он улыбнулся себе, – видишь, выговариваю. Взял у соседа пластмассовый стаканчик, выпил водку, наклонил мою руку и откусил яблоко, – какие молодые сотрудники пошли. И всё – дети, внуки, зятя и кумовья. Эх, Лёня, стыдно живём, всё-то у нас во лжи...

Винокуров поднялся, помог встать с сиденья мне, буквально затолкнул к окну Чубукина и тот через минуту спал сном младенца.

– Хрен старый, – ворчал Леонид Леонтьевич, – секретами нашипован, как кассетная бомба, а пьёт, как лошадь... Но

ведь молчит, нем, как рыба. Школа, этот опыт советский – не пропьёшь. Нет, Александр, не дадут нам поговорить. Прилетай ко мне в Сочи, я теперь там живу, председатель совета директоров туриндустрии. Обещаю, от души поговорим, вспомним твоего деда и отдохнёшь, заодно. Не хочу видеть тебя в проходе, провожу до твоего места. А по дороге вот что хочу сказать: Бобо держится, пока нужны Западу наши показатели по частным нефтегазовым компаниям. Его фирмами прикрывают наш голый зад: "Вот, мол, и у нас есть частные нефтяники и газовики, транспортировщики сырья... Но как только интерес к этим показателям пропадёт, его, Бобо Константиновича, тут же схарчуют госкорпорации. Так что мой тебе совет: копи и переводы всё в офшоры. Ты молод, у тебя всё впереди. И не повтори ошибок своего деда. А теперь пойдём, провожу тебя, мне всё равно начальству надо показаться...

Всех участников форума, кроме чиновников высокого ранга, разместили в оздоровительном комплексе "Океан". Бухта шикарная, такого песка на пляже я не видел даже на Чёрном море, а здесь-то – океан. Вода тёплая, мягкая, даже какая-то шелковистая. Только успели ополоснуть ноги, как меня потащил к машине Бобо, сказал, что едем на размещение в резиденцию губернатора. Я молчу, первый раз, ничего не знаю, ни порядков, ни правил, учусь всё познавать

на собственном опыте. В огромном холле не менее огромного строения кучковались люди, стояли группами. Бобо Константинович, прошёл на ресепшен, вернулся с двумя ключами, сказал:

– Не бог весть что, но хоть одноместные. Вон, помощников по двое в номере селят. Зачем столько народа согнали, непонятно, детям в "Океане" смену сократили, чтобы потусоваться тыщёнке народа... Ладно, пойдём размещаться, Саша. Ничего не меняется: как было при советской власти, так и осталось.

Почти в середине холла неожиданно столкнулись со "сладкой парочкой": депутатом Алексеевым и журналисткой Хилтунен. Сколько радости выражали их лица, а Бобо был мрачен, особенно депутата он почему-то не жаловал. Они отошли к диванам, стоящим у окон, размером со стену, мы остались вдвоём с Милой.

– Вижу ключи, вы уже размещаетесь? – спросила она, а по глазам было видно, думает о чём-то своём, – какой у вас номер, вдруг понадобится... Кстати, можешь поздравить Алексева, его избрали первым зампреда комитета госдумы, он теперь – всемогущ.

– Да, дали два одноместных номера, не знаю пока где, на каком из трёх этажей...

– Первый вице-премьер решил здесь же разместиться, а это, значит, и все министры и их замы – тоже будут здесь. В общем, если бы Алексеев не стал начальником, чёрта с два

мы бы попали сюда, – она говорила, а сама смотрела таблички на ключах, которые я держал в руках, – похоже, вы на галёрке, на третьем этаже. Кстати, финская баня в цоколе, там же пивной бар и не только пиво раздают... Морские деликатесы, овощи и фрукты. Так, что вечером – милости просим, говорю, потому что ты здесь – первый раз, вот я и выступаю в роли гида или гостеприимной хозяйки.

Мужчины вернулись, лица их были спокойны, значит, обо всё договорились, подумал я, но о чём можно договариваться с депутатом, кроме, как о лоббировании и деньгах. Бобо посмотрел на Милу, в глазах его блеснул огонёк, так мне показалось. Надо сказать, что она была очень мила: возраст зрелой женщины делал её домашней, тёплой, ласковой. Она прекрасно понимала, какую роль ей надо играть: в командировках мужчины вспоминают о семьях, начинают скучать по детям, домашнему теплу и уюту. А вот вам тут, как тут, милая, красивая, семейная, тёплая и всё понимающая женщина. И свободная, ничем не обременённая: ни семьи, как таковой, ни детей, ни последующих обязательств.

Так я думал, а может, и не так, потому что с той встречи в холле прошла ночь, в широкое окно номера в резиденции пробивались робкие солнечные лучи, а я лежал на краю кровати и смотрел на прекрасное тело спящей Милы, прикрытое до бёдер шёлковым покрывалом. Как так получилось, что она сама пришла ко мне, не знаю. Да, мы были в бане, кстати, немного желающих набралось: в холле и ресторане с откры-

тыми настезь дверями были накрыты столы, ломящиеся от закусок и выпивки, поэтому люди не больно хотели идти в номер, переодеваться, топтать в цоколь, чтобы там получить удовольствие от пара. Но я пошёл, Бобо меня не отговаривал: любишь баню, на здоровье, только попросил: "Не надуйся пивом, завтра день работы секций, это интересно для знакомств и адресов будущих контактов". На этом и договорились. И он ушёл на банкет в ресторан, получил приглашение от начальника разместиться рядом с ним.

А я почему-то сошёлся с интеллигентным на вид Чубукиным, который, помня, как надрался в самолёте, перешёл на пивко с крабами и пресноводными раками. Меня это вполне устраивало: я тоже пил только пиво. Мы уже выходили из парилки после второго захода, когда дверь с улицы открылась и зашла Мила, одна, в мини-бикини. Мы замерли на месте с открытыми ртами, не зная, что нам делать, что говорить и куда бежать. А она, как ни в чём не бывало, сказала:

– Простыни надо брать с собой, – и прошла в парилку.

– Что это было? Кто это? Какая фигура, что за прелесть...

– забормотал Чубукин.

Все пятеро, столько нас парилось в ту минуту, начали надевать плавки, обмываться в душе, двое мужчин с седыми головами, которым было явно за шестьдесят, быстро оделись и ушли. Я завернулся в простыню, спросил напарника:

– Мы тоже "утежём"? Это журналистка, Людмила Хилтунен, приехала с мужем-депутатом освещать форум. Я слы-

шал, что она собиралась в парилку, но не поверил её словам.

– Да, Саша, мне этот орешек не по зубам, буду собирать-ся, – сказал помощник, – а ты останься, хотя бы для того, чтобы завтра рассказать мне об этом прекрасном видении...

– Нет, – тихо сказал я, чтобы двое, оставшиеся в бане, не слышали, – мы знакомы с её мужем, это неприлично. Тоже пойду с вами.

Заглянув в зал ресторана, я увидел Бобо, помахал ему рукой, он ответил, очень по-доброму посмотрел на меня, ну, точно был похож на моего близкого родственника. Я показал на часы, палец поднял вверх, мол, скоро пойду в номер, спать. Он понял, кивнул, и мы пошли с Чубукиным в холл, где толпился народ, стали пить вино, захотелось после раков поесть фруктов. Через полчаса помощник сказал, что надо ещё раз посмотреть выступление начальника, который прилетает завтра, и пошёл к лестнице. Я по инерции побрёл за ним. Простились у моего номера, я открыл мини-бар, ни вина, ни водки пить не хотелось. Включил телевизор, стал смотреть япошек: мультики те научились делать классно, жаль языка не знал.

В дверь постучали, но так тихо, что я еле расслышал. Открыл замок, обомлел, увидев Милу. Она сказала, даже не смущаясь:

– Не нашла тебя на банкете, удивилась, не думала, что ты такой же скрытный, как Бобо Константинович в молодости.... А у меня предложение: давай на берегу океана за-

пишем первое в твоей жизни интервью. Я сделаю побольше метража, потом, может, ещё пригодиться, а сейчас – ты выступишь, как участник форума, расскажешь о своих планах, о соцпрограммах, в которых фонд примет участие уже совсем скоро.

Она наступала на меня, я уже дошёл до кровати, ещё шаг и – завалюсь на ложе. Вывернулся, начал отступать к единственному окну в моём номере. Формально – она ждала ответа, но что я скажу без Бобо. И ведь Мила прекрасно знала, что я не отвечу на этот вопрос. Глаза её смеялись, она издевалась надо мной, не давая выскочить из угла, в который загнала. Я разозлился, она по глазам поняла: сейчас дам отпор...

Целовала губы, глаза, шептала, какой молодостью и свежестью я пахну, какое у меня прекрасное тело, что там, в бане, она смотрела только на меня и так жалела, что я сбежал, не остался с ней. А я молчал, сломленный горячим штурмом, обрушившимся на меня, её телом с бархатной смуглой кожей, белыми небольшими грудями, мощными бёдрами и стройными ногами. Сказал, почти задохнувшись от волнения:

– Надо закрыть дверь номера...

– Он мне не муж, так, совместный житель, вдобавок, не пойму: то ли гей с гигантским животом, то ли импотент по случаю диабета, – после этих слов Мила стала снимать с меня одежду. Потом, каждые полчаса, кто-то из нас вставал,

открывал минибар и приносил бутылочки с напитками, коробки с печеньем и конфетами, пакеты с соком. И мы опять проваливались в безумие ночи...

Глава – 9.

Ехал я в купе СВ один: референт Агриппина выкупила два билета до города моей юности, второе место числилось тоже за мной. Проводницы сначала недоумевали, увидев молодого пассажира, забронировавшего целое купе, потом поняли, что могут поживиться от его возможных щедрот и ублажали меня, предлагая от коньяка и виски до "французского шампанского" местного разлива и традиционной солянки. Я, в основном, отмалчивался, сидел за открытым ноутбуком, вспоминал, думал. Готов ли я мысленно встретится с первой любовью, с Катей, которую не уберёг и которая погибла у меня на глазах? Осталась ли её семья в гарнизоне и есть ли на кладбище военного городка могила девушки? И ещё: мне очень хотелось узнать, как жив – здоров дядя Вася и его семья. Отец по моей просьбе созвонился с ними, тётя Галя долго вспоминала, кто такой Юрий Николаевич, а вот на имя Саша – среагировала сразу, запомнила хотя и нечастые наши встречи. Было и ещё одно тайное, глубоко запрятанное желание: узнать про Марфушу, думал, может, удастся встретиться и ещё раз посмотреть на девушку, чьё лицо было копией лица Екатерины.

Перелески в окне вагона сменялись полями, давно закончились дачные платформы, поезд буквально скользил по рельсам. "Каких-то десять лет прошло, – думал я, – а уже вместо суток на любимую реку деда Коли еду меньше шести часов. А ведь он точно мечтал переехать сюда жить, чтобы быть рядом с другом детства, простыми рыбаками, каждый день видеть любимые места Левитана, Шаляпина, драматурга Островского... Он это место для покупки дома выбрал специально, когда узнал, что Василий прочно встал на ноги, выбился в начальники на заводе. Думаю, он и сыну, моему отцу, подсказал город, где можно попробовать свои силы".

Хорошо помню, как мы познакомились с Василием Степановичем...

Высоченное, самое высокое в округе строение – церковь, выделялась мрачной кладкой из тёмно-коричневого кирпича, будто обожжённого в огне. В двух кварталах от неё стоял благоустроенный дом с квартирой заслуженного пенсионера, обложенного болячками, как он выразился, с макушки до пят, Василия Степановича. Мой отец познакомился с ним по телефону сразу после звонка и нагоняя от дедушки Коли, договорились о встрече, и мы вдвоём поехали, ориентируясь на церковь.

– Ну вот, живу, да... На работу не рвусь, не как твой отец, Юра, – он дружески разглядывал нас, – карьерой никогда не

занимался, не тщеславен, пупка не рвал. Поэтому родители прожили со мной до девяноста с лишним лет, поднял двух сынов, причастен к пяти внукам, ха-ха-хе-хее, – залился заразительным и приятным смехом совсем не старьёй, круглолицый мужчина с длинным носом, на который будто были посажены несколько поблёкшие серые глаза, с большими залысинами на висках и крепкими плечами и грудью. "Он, пожалуй, выглядит моложе деда, – подумал я, – вот только причём здесь костыли? И не встал, когда здоровался за руку с моим отцом, сразу пригласил сесть рядом с ним за большой обеденный стол..."

– Что, внук, буравишь костыли, не часто видишь? Это называется последствия диабета с ампутацией, слава богу, одной ноги... Давайте, ребятки, не стесняйтесь, располагайтесь, показывать мне особо нечего, разве что библиотеку да вот недавно областное издательство выпустило книжку стихов моей внучки – семиклассницы Веры, победительницы конкурса юных поэтов. Она твоя ровесница, наверное, Саша, обещала забежать к нам на минуту в гости, познакомиться.

Много ели домашних блюд: борщ с мясом, такой густой, что ложка стояла, на столе – и холодец, и грибки солёные, и маринованные огурчики с помидорами, и свежие овощи, и селёдка под шубой. На второе блюдо – по желанию: карп запечённый, которого дяде Васе принёс сын – рыбак или телячья ножка с картофельным пюре. Ох, объедение, я так наедался только, когда бывал у бабы Тани. Понимаю, что не

каждый день такие застолья, что и подтвердил хозяин, выпив с моим отцом несколько рюмок водки и сказав:

– Грешу, Юра, не надо бы много из того, что съедено и выпито даже на стол ставить... Но живём-то один раз. Да под таких гостей! Аж, от самого Кольки Караванова приехали! Мой старый, добрый, милый сердцу школьный друг: с первого класса сидели за одной партой. Колян слабеньким был, я его постоянно оберегал и защищал. А я в баскетбол и волейбол пошёл, в десятом классе уже играл за сборную области по баскетболу среди школьников, первый взрослый разряд имел. А Коля – подтягивал меня, добросовестно вбивал в мою тупую башку Бином Ньютона, ха-ха-ха-хее, – снова залиvisto засмеялся хозяин дома, – он и в институт меня отправил, научил, как можно и нужно без физкультурного вуза построить свою жизнь. Я химинститут закончил, стал лучшим спецем всего края по лакам и краскам. А он вот со второго курса загремел в армию под фанфары, да на три года. Его спасло только одно: к этому времени он уже был известный репортёр, а пишущая братия оказалось и там нужна.

До вечера посидели в гостях, забегала на полчаса Вера, поела фруктов, попила чаю с домашним тортом, прочитала пару стихов и умчалась к подружкам. Я попытался сравнил её с Катериной: никакого сравнения. Та особенная, моя Катя. На диване расположился один из сыновей дяди Василия – Митя, не пил, мало ел, ждал, когда нас можно забрать и отвезти домой. А школьный друг деда Коли всё не отпускал,

последним был вопрос про религию:

– Крещёные? – спросил он отца, имея ввиду нас с Дашкой.

– Да. Православные, добавлю, вся семья. Но в церковь не ходим, не приучены, отец не мог "светиться" из-за работы. А мама – учитель советской школы...

– Давайте договоримся так, – хозяин дома был неумолим, – в одно из воскресений созвонимся, как будет моё состояние, и я отведу вас в нашу Красную церковь. Она всегда оставалась храмом, даже, когда при советской власти служила складом заготконторы. Её освятили ещё задолго до революции и никакое осквернение на неё не повлияло. Я там свой человек, хожу туда все годы, как в конце перестройки её заново открыли. Тогда и ноги у меня были, и здоровье позволяло, и положение директора лакокрасочного завода, где трудились несколько сот человек, в основном, женщины, давало мне большие преимущества перед властью. Я фактически и был властью: вот только с приватизацией, считай разграблением предприятия, не спешил. Тогда пришли от её имени люди, натравили "братков" и меня с группой единомышленников вышвырнули под зад коленом. А народ – безмолвствовал, ожидая, когда за ваучеры на них прольётся золотой дождь... Охо-хо, дела давно минувших дней. Так я стал церковным старостой. А что, ничего, справлялся, авторитет у народа до сих пор сохранил, хотя здоровье за перестройку и борьбу с прихватизаторами – потерял. Так вот, сходим мы все вместе в церковь, и жену с дочкой привези, Юра. Неопи-

суемая красота внутри церкви, при ней сейчас и монастырь открыли. В общем, так вот, потихоньку – полегоньку и станем воцерковляться...

Встали на платформе какой-то станции на две минуты, я подумал: "Как тут можно успеть выйти, тем более, зайти в вагон? Нет, смотри-ка, ещё и целоваться успевают люди, крепко обнимаются..." Плавно, но сразу на большой скорости, заскользили дальше. Ко мне опять приходили проводницы, пытаюсь в очередной раз навести мосты, но я отмалчивался, любезно благодарил и не более. Мне не хотелось прерывать воспоминания, думал: надо удержать всю информацию о школьном товарище деда на плаву. Иначе какой смысл моей поездки? "Пусть рассказывает при встрече всё, мне важно знать о нашем деде, как можно больше. Только бы сохранил память, дорогой дядя Вася, хотя, по меркам Европы, у него – даже не старческий возраст. Но болезни..." – я знал, что он чуть не потерял вторую ногу, ослеп на один глаз, в итоге – изучил интернет и сидит часами, слушая лекции специалистов – медиков и пропагандистов "Русского мира". "Но он – всё помнит, в здравом уме находится и это для меня главное. И только он может вывести меня на Марфу..." – подумал я.

Легко договариваются те, кто много выпил в застолье или

устал от длинного общения, а расставаться по-английски не научился. Так вот и мы: легко условились, а смогли встретиться с дядей Васей только весной, в светлое воскресенье, уже на Пасху. Зимой, как мы узнали из разговоров, он практически не выходил из дома: ходить на протезе местного производства так и не научился, а костыли не держали штыри и разъезжались на обледенелом асфальте. Но, слава богу, весна пришла рано, снег осел, не подпитываясь холодами, жадно уходил в размягчённую почву. Старожилы заметили, что и на реке не было большой воды, лёд будто растворился, бездействовали даже буксиры ледокольного класса.

Мама не поехала с нами, хотя на улице сделала нам "ручкой" и куда-то заспешила по своим делам. Отец был мрачный, вёл машину нервно, то и дело чертыхался. А во дворе кирпичного дома нас уже подждал дедушкин друг, весёлый, в модном свитере весенней расцветки, хотя и толстой вязки. Под мышками он держал костыли, брючина тёмно-кофейного цвета была аккуратно пристёгнута двумя незаметными скрепками-булавками. Его жена, тётя Галя, обняла и меня, и Дашу, сказала, что своих детей и внуков, чтобы не мешали гостям осмотреть церковь, оставила дома, добавила:

– Пусть к обеду приходят, вместе и посидим тогда...

Два небольших квартала дотопали сравнительно спокойно и быстро, мы с Дашкой, по-моему, даже не заметили, что дед Василий на костылях. Тетя Галя надела себе и Дарье на голову газové косынки, сестра стала такой взрослой и чуд-

ной, что я чуть не рассмеялся. Прошли десяток ступенек, потом ворота, такие массивные и высокие, что у меня холодок пробежал по спине: а зачем такие воротаща? Да, знаю, понимаю, служили крепостью, осада и всё такое прочее... А сейчас-то зачем всё это копировать, лишняя трата денег? Конечно, никому ни слова о своих сомнениях: прихожанам было виднее, когда сто пятьдесят лет назад они собирали деньги и строили именно эту церковь. Как говорил дедушка Коля: "Было всё это при царе Горохе..."

Вижу, отец волнуется, полез в карман, достал тысячу рублей, передал мне со словами:

– Купи свечки на все деньги. Сто лет не ходили в церковь да и праздник сегодня, вот, будем яйца есть, крашеные...

Дядя Вася подсунул мне пол-листа бумаги, дал ручку, прошептал на ухо:

– Впиши сюда имена всех дорогих тебе людей. Только живых. Мы подадим записку о здравии, а я щас напишу записку об упокоении, и всех умерших родственников тоже помянем в честь праздника...

Перечислил я всех близких людей со стороны отца и мамы, деда и бабушек, знакомых друзей из школы, конечно, вписал имя Кати. Дед Василий закончил свою записку, поманил кого-то рукой. К нам подошла девочка в скромной одежде, в светло-розовом платке, завязанном на шее, сильно прихрамывая на правую ногу: она у неё была намного короче. Глянул я на неё и обомлел: вылитая Екатерина, лицо, ну,

Один в один.

– Марфуша, вот эти записки надо передать отцу Тихону. И познакомься: это почти мой внук – Саша. Сходи с ним к окошечку, купите свечи для всех икон, а потом раздай нам на руки, – и он развернул нас к киоску с большой очередью из верующих. Девочка взяла меня за руку, ладошка была у неё узкая и тёплая, пошла впереди, совершенно не стеснясь своей больной ноги. Сказала:

– Очередь быстрая, пяти минут не пройдёт... А меня Марфа зовут.

– Меня – Александр, – я покраснел до кончиков волос, уж очень серьёзно представился, – все зовут Саша...

– Я здесь в приюте при монастыре с четвёртого класса живу, как умерла бабушка. А маму с отцом я и не помню...

– Ты такая красивая, – мне стало так жалко девочку, что я чуть не заплакал. Отдышался пока стояли в очереди, добавил, – ты очень похожа на мою одноклассницу, её зовут Катя...

– Ты, наверное, любишь её, – сказала она, улыбнувшись, – вон как глаза у тебя светятся.

Как легко и спокойно мне было с Марфой, будто, действительно, я говорил с Катей, хотелось закрыть глаза и слушать, даже не понимая, о чём она говорит, только слышать её голос. Вверху, на искусственных мостках прямо над нашими головами, громко и дружно запел хор, девочка глянула на монахинь, стоящих в два ряда, перекрестилась трижды, ко-

му-то незаметно помахала рукой, сказала:

– Даст Бог, может, и я буду стоять здесь, как и все певчие... А, может, и регентом ещё буду, – она улыбалась счастливой улыбкой, – ведь это – самое заветное моё желание в служении Господу.

– А учится ты будешь? – спросил я напрямик, но подумав и чтобы не обидеть её, добавил, – я где-то читал, есть клиника академика Елизарова, туда надо ехать, ногу лечить... Хочешь, я с дедом Колей поговорю, это мой родной дедушка, он в столице кое-что может...

– Отец Тихон наводил справки: надо ехать в Германию, только там сейчас берутся за такую операцию... А учиться я обязательно пойду, у нас же медучилище есть, потом в монастыре лекарем буду, – она снова так улыбнулась, что я вместо неё тут же увидел Катю.

Вдруг я услышал басовитый рёв Дашки и, забрав у Марфы приличный пучок свечей, перевязанных верёвочкой, побежал к своим. А девочка, ужасно прихрамывая, направилась к высоченному стеллажу с иконами, слышал, что его называют иконостасом, наверное, пошла искать отца Тихона, чтобы передать ему наши записки. К счастью, Дарья успела успокоиться, прижавшись к отцу, который сказал, что она испугалась, увидев распластавшуюся на полу монахиню, облачённую в чёрный балахон с яркими белыми крестами, какие бывают на могилах.

– Это схимники, – сказал дядя Вася, – не надо их бояться,

Даша, это добрые и очень старые бабушки, которые полностью отдали себя Господу...

– Да, ба-бу-ля, – промычала Дарья, – она мёртвая, – и чуть снова не завыла.

– Она была бы рада умереть хоть сейчас, – сказал дядя Вася, – но, видимо, ещё не пришло её время...

К нам подошёл священник, небольшого роста, в ярко-красной с позолотой одежде, с чёрной взлохмаченной бородой, обрамляющей узкое лицо, кивнул всем, довольно громко сказав:

– Христос Воскресе!

Наши мужчины дружно ответили:

– Воистину воскрес!

Так они повторили ритуал трижды, а потом начали по три раза целоваться. Священник почти шёпотом сказал:

– Василий Степаныч, ждём вас на трапезе, вместе с вашими гостями...

– Меня Галина приберёт, у неё накрыт праздничный стол. Батюшка, я сразу приду, как провожу очень дорогих и желанных гостей.

Но священник уже не слышал, махал кадиллом, из которого вились сизые дымки, нёсся дальше, постоянно выкрикивая:

– Христос Воскресе!

Тысячная толпа отвечала:

– Воистину воскрес!

Машину мне заказал по интернету наш офис, я кивнул проводницам и пошёл на нижнюю стоянку вокзала, специально оборудованную для такси, о ней мне сказали соседи по СВ. Возле "Мерседеса" цвета мокрого асфальта стоял мужчина лет пятидесяти в чёрном двубортном костюме, в фиолетовом галстуке, узконосых ботинках. Номер на машине соответствовал заявленному, мы поздоровались, я спросил:

– Как вас зовут? Вы со мной навсегда или как?

– Зовут Глебом... Я в вашем распоряжении двадцать четыре часа.

– Эта ваша машина?

– Наполовину, есть ещё сменщик, но он сейчас в отгулах...

– Хорошо, Глеб, едем в отель, а там будет видно.

По дороге мы договорились, что водитель держит со мной связь по мобильнику, отъезд на обед и другие отлучки свыше получаса (заправка, мелкий ремонт и тп.) согласовывает только со мной. Обо мне никому, ни при каких обстоятельствах ничего не сообщает. Проблемы с ГАИ, другие дорожные конфликты разруливает сам, а мне тут же вызывает с фирмы срочный автомобиль на замену. Перед лучшим отелем в городе водитель открыл багажник, который сверкал чистотой, по середке вместительного пространства одиноко лежал мой чемодан на колёсах. Глеб сказал:

– У вас "люкс" на четвёртом этаже. Зайдите в ресепшен, чемодан я доставлю в номер.

Молодой администратор сочился счастьем от встречи со мной, но паспорт попросил показать, сверил данные на компьютере и пригласил по дороге к лифту заглянуть в бар, сказав:

– Там вас ждёт сюрприз...

– В следующий раз, – поблагодарив его, я поднялся в номер. Кругом бархат и парча, атлас и ковры, точно попал в атмосферу девяностых годов, если судить по сериалам на ТВ. Подумал: не хватает "пахана" и его мордovorотов. Господи, как мы долго живём старым, боясь взломать-разрушить стереотипы, плюнуть в лицо пошлым традициям и предрассудкам... И что? Ты перестроишь их мир, заехав сюда на пару-тройку дней? Успокойся. Надо созвониться с тётей Галей, узнать, как самочувствие Василия Степановича и договориться о встрече.

Трубку у жены, видимо, вырвал сам хозяин, заговорил, немножко захлёбываясь:

– Саша, мой Сашок... Ты вспомнил меня. Я знаю, что твоего дедушки Коли уже нет, рано он бросил нас... Но нам пока суждено жить. Так и будем делать! Смотри, сынок, можешь приехать, когда посчитаешь удобным для себя. Мы с тётей Галей давно ждём твоего звонка. Как скажешь, мы – встретим: нам-то спешить некуда, разве что на кладбище, ха-ха-ха-хеее...

Я узнал смех дяди Васи, сердце у меня захолонуло, а потом было готово выпрыгнуть из груди. Я так ждал этой встречи, надеясь на что-то нереальное, фантастическое, что могло бы сравниться с моей первой любовью...

Глава – 10.

Утром, рано, до начала рабочего дня, позвонила Агриппина:

– Здравствуйте. Как вас называть: Александр Юрьевич или Александр?

– Что за цирк, Груша? Зови меня просто Вася... – я рассмеялся, она не удержалась, тоже тоненько захихикала.

– Меня здесь ещё никто так не называл, спасибо, Саша! Ты – настоящий друг... А я звоню по поручению Бобо Константиновича. И первый вопрос: почему ты не взял с собой охранника?

Пауза затягивалась, я сказал:

– Давай все вопросы, чтобы дать один ответ.

– Пожалуйста. Надолго ли ты планируешь поездку? Как себя чувствует дедушкин школьный товарищ? Есть ли интересные предложения для фонда?

– Задержек не будет. Мой водитель – и есть охранник. Да и кому я здесь нужен? Решаю семейный вопрос с недвижимостью: надо исполнить волю деда. Школьный товарищ деда жив, но встреча состоится только сегодня. Планирую встре-

чу в православном приюте при монастыре, там более двухсот детей-сирот, в полном смысле этого слова. Вот такой ответ, Агриппина. Спасибо, что разбудила меня, начинаю новый трудовой день...

Она сказала, что записала мой ответ, пожелала удачи, предупредила, что на связи 24 часа: теперь она и мой референт.

Домашний телефон Василия Стапановича – не отвечал, я посмотрел на часы, было больше десяти утра. И вдруг щелчок, кто-то дышит в трубку, раздался почти металлический голос:

– Вас слушают...

– Василия Степаныча можно? – говорю, а сам чувствую, что начинаю волноваться.

– А кто это?

– Саша, мы договаривались созвониться с утра...

– Это тётя Галя... Прости, мальчик мой, не встретит сегодня тебя дядя Вася. Ночью его по скорой увезли в больницу, находится в критическом состоянии... Я ночь не спала, только уснула после двух таблеток снотворного.

– Простите, тётя Галя, простите, я не знал. Отдыхайте, конечно, надо поспать. А муж в какой больнице?

– К нему даже меня не пускают, плохо ему, Саша... Созвонимся позже, после обеда туда собираются сыновья ехать, возьмут тебя с собой.

Я попрощался и до того растерялся, что долго сидел в кресле номера с открытым балконом, не зная, что мне делать

и куда идти дальше. Почему-то вспомнился маленький чёрнобородый священник, отец Тихон, решил съездить к нему в церковь, узнать о приюте, если получится, переговорить с их начальством о нуждах детской обители.

Стоянка у церкви ухоженная, в ряду – несколько дорогих и очень дорогих машин, похоже, кто-то совершал обряд венчания, сновало много нарядных людей с букетами цветов. Центральный зал перегорожен, поделён белой лентой на две части. Молодые стояли во главе небольшой толпы, длинный подол на платье невесты держали двое милovidных детишек в одинаковых белых одеждах, похожих на ангелов. Хора на мостках не было, у иконостаса, рядом с большой иконой Божьей Матери – шесть монахинь, они заменяли остальных певчих. Я подошёл к совсем молодому священнику, видимо, дежурившему на входе, спросил об отце Тихоне.

– Он будет, но после обеда, – ответил тот, – кстати, сходите к гаражу, справа от входа, может, не уехал ещё...

Отца Тихона я узнал сразу, хотя он стоял у джипа в длинном чёрном кашемировом пальто и было непонятно, что на нём: ряса или цивильная одежда. Он открыл водительскую дверцу, а я подумал: "Серьёзная машина, миллионов на пять тянет. А прошло-то всего лет десять с нашей встречи". Сказал негромко:

– Отец Тихон? Я задержу вас ровно на минуту. Приехал я к Василию Степанычу, вашему бывшему старосте, но его ночью увезли в критическом состоянии в больницу. Я хотел

просить его, как школьного товарища моего деда, свести меня с вами по поводу оказания приватной помощи детскому приюту. В столице я возглавляю фонд, у нас есть возможность поддержать детей... Тем более, об этом меня лично просил Василий Степаныч, которого я знаю около двадцати лет, а мой дед сидел с ним в школе за одной партой. Что посоветуете?

– Я собрался уезжать, – он оторвал руку от дверцы машины, – и у меня, к сожалению, совсем нет ни минуты времени... Но я вернусь через пару часов, а пока сведу вас с куратором приюта или игуменьей Агнией, если она уже освободилась от совещания.

Монастырь был женским, а наставником в приюте состоял мужчина, монах Евдоким, лет пятидесяти, с густой седой бородой, одетый в скромную чёрную рясу с серебряным крестом на груди. Привёл меня к нему по поручению отца Тихона тот же дежуривший на входе молодой священник. Монах основательно познакомился с моей визиткой, удивлённо вскинул брови, когда прочитал мою фамилию и название фонда имени Николая Караванова, но спрашивать о подробностях не стал. Внимательно выслушал информацию о нас, удивился, что мы работаем без рекламы, хотя видно было, такая скромность нравится ему. А я закончил рассказ словами:

– Мы не просимся в шефы, нам не надо милых мордашек ваших воспитанников на рекламных буклетах. Мы реально просим подготовить план или назовите, если хотите, бизнес-проект, вышлите нам или привезите эти бумаги в офис. А мы параллельно подготовим официальные договоры и прочие бумаги, куда вставим утверждённые вами (попечительским советом) и нами цифры. Юридическую и финансовую отчётность будем контролировать с обеих сторон, вы и мы, одновременно.

– Я сам приеду к вам для предварительного согласования договоров. Примерно хотя бы, на какую сумму в год вы сможете оказать нам помощь?

– Для первого раза, а договор будет лонгирующим, миллионов до тридцати... – я увидел, как густо покраснели щёки, потом уши монаха, он поперхнулся. Откашлявшись, сказал:

– Это серьёзно, Александр Юрьевич? Вы не шутите? Господи, помоги нам... – он смутился, прекратил шептать молитву, продолжил, – мы сможем впервые за двадцать с лишним лет сделать капитальный ремонт... Вы не представляете, какую жизнь вы вдохнёте в наших детей, вы даже не представляете, что вы значите для них!

Когда прощались, я оставил ему вторую визитку, где был указан номер моего прямого мобильного телефона, на выходе остановился, спросил:

– Лет десять назад я познакомился здесь с вашей вос-

питанницей Марфушей, больной девочкой, безнадёжно хромавшей на правую ногу...

– Да, я помню её, – сказал он, в глазах грусть, если не больше, – мы послали её в медучилище, на три года, чтобы у нас был свой лекарь. Она влюбилась, забеременела, а была чистой, как родник, ничего-то не смыслила в житейских делах, а мы глупо понадеялись, оставили её одну. В общем, родила девочку, гражданский муж, офицер, служил на Кавказе, о похоронке она узнала от его мамы только через полгода после его страшного пленения. Она жила в бабушкиной комнате в старых жутких домах, их снесли, слава Богу, получила Марфа однокомнатную квартиру в новом микрорайоне, в бывшей парковой зоне, где дикие пляжи были. Так там и живёт, работает медсестрой в тубдиспансере, где больше платят за вредность, воспитывает дочь. Но монахиней она не стала, вы понимаете почему... Вот такая грустная история.

– У вас есть её адрес? Может, мы чем-то сможем и ей помочь...

Он молча вернулся в кабинет, вскоре вышел с листочком бумаги, на котором размашистым почерком было написано: "2-я Парковая ул., дом 11, стр.1, кв. 23 – Сотникова Марфа Васильевна". И не удержался спросил:

– Фонд носит имя вашего деда? Преставился, видно... Царствие небесное и светлая память ему. Мы будем помнить его во всех наших молитвах.

Трамвайную линию до паркового кольца не просто закрыли, рельсы выкопали, дорогу заново заасфальтировали, там стал ходить автобус-троллейбус. Весь дикий берег реки и половину лесного массива, куда уходила дорога в военный городок, застроили бетонными коробками весёлой расцветки. Я подошёл к диспетчеру в домике на конечной остановке, поздоровался, спросил:

– А что, дороги в военный городок уже нет?

Мужчина внимательно посмотрел на меня, понял, что я приезжий, ответил:

– Куда-то за реку их перевели, землю рекультивировали, говорят, деловые люди строят там гольф-клуб. Уже вспахали несколько гектаров земли, засеяли травой, построили пару коттеджей и ресторан для приезжих...

– Ничего не осталось от гарнизона? Хотел про могилу родственников узнать...

– Всё подчистую! У нас по-другому не умеют: рушить так рушить...

Прямо от круга, по которому автобусы-троллейбусы выходили на маршрут, шли три улицы: 1-2-3-я Парковые, их лучи доходили до воды, вернее, до набережной, которую построили, видимо, не так давно. "Если идти по третьей Парковой улице, – вспомнил я, – выйдешь на бывшую горюшку, с неё мы катались по льду... До самой воды", – вдруг понял, что мне становится нечем дышать, заторопился, пошёл вдоль

домов, которых было совсем немного на этой улице, три или четыре, скрытых старыми разлапистыми елями. Я знал, что если идти до конца, то точно придёшь к спуску в затон, куда неслась навстречу своей смерти Катя. Не стал испытывать судьбу, остановился, признался себе, что боюсь снова пережить тот ужас, который пережил, ища её в ледяной полынье. Поэтому я резко свернул на вторую улицу, на которой жила Марфуша, тоже девочка из моей юности.

Здесь домов было гораздо больше, они дугой огибали чугунную ограду набережной, создавали кварталы из пяти-шести зданий, внутри себя размещали детский сад, школу, быткомбинат, гаражи из гофрированного железа, а также несколько сетевых магазинов и булочную. Дом одиннадцать – одноподъездный монолит, квартира Марфы, посчитал я, на шестом или седьмом этаже. На лестничной площадке вышел на балкон, с которого открывался потрясающий вид на реку. Меня всегда завораживала мощь полноводных рек: я могу часами сидеть на берегу и не обязательно с удочкой, просто сидеть, смотреть на воду и думать, вспоминать. Но сегодня мне не хотелось вспоминать, в мозгу все годы после Кати крутилась только одна картинка: я тихо и безнадёжно, уже не дыша, погружаюсь в серебристо-зелёную воду, и миллионы иголок впиваются в моё тело.

Посмотрел на телефон, время обеда, подумал, что Марфы, конечно, нет дома, но на кнопку звонка всё же нажал. На удивление, раздались шаги, дверь приоткрылась на длину

цепочки, услышал:

– Вам кого, молодой человек?

– Сотникову Марфу Васильевну... Вы меня, конечно, не помните, но мы встречались вместе с Василием Степанычем, вашим церковным старостой, на Пасху...

– Примерно, десять лет назад, – закончила мой монолог девушка, рассмеялась, открыла дверь настежь, – долго вы шли ко мне, Саша. А ведь обещали встретиться, познакомиться с вашим столичным дедушкой...

На меня смотрела девушка выше среднего роста, с круглым лицом, по щекам струились русые колечки, остальные волосы были собраны в тугой узел на затылке. Глаза серые с заметным голубым отливом, большие, смеющиеся, нос прямой, делящий лицо на две равные половинки, губы тонкие, чуть подкрашены. Я оцепенел: это была совсем не Катя, она походила на актрису Наталью Белохвостикову в фильме "У озера". "А какая должна быть Катя в двадцать четыре года? – вдруг задал я себе вопрос, – кто мне скажет, какая? Никто! Её нет, осознай это, наконец. Осталась лишь память о четырнадцатилетней девочке с каштановыми волосами, ярко-красными губами и карими озорными глазами... Помнишь, и Марфуша была тёмно-русая, и лицо у неё – тоже было продолговатое, улыбалась, говорила точно, как Екатерина? И где теперь всё это?"

Марфа, как будто прочитала мои мысли, спросила:

– Уже не похожа на вашу одноклассницу, нет? Ну, хоть

чуть-чуть... А вы, Саша, её любили, очень сильно, я увидела тогда в ваших глазах. Она с вами?

– Нет... Она погибла, здесь, недалеко, утонула в затоне, ей не было ещё и четырнадцати. А я был рядом и не сумел её спасти...

Молчали долго. Я знал, что сейчас скажет Марфа, но она молчала и вдруг спохватилась:

– Господи, что же я вас держу у порога... Проходите, а я только с дежурства пришла, собиралась идти за Любой, моей дочкой, она у бабушки... – в специальном высоком ботинке, почти не хромяя, она прошла прихожую, прикрыла на ходу стеклянную дверь на кухню, показала рукой на кресло-диван. Обстановка не весь какая, но современная: детский уголок с кроваткой из "Икеи", стенка из светлого шпона, много цветов на окне и на столике в лоджии. На полке лежит ноутбук, рядом в углу – небольшой музцентр с микрофоном для караоке, на полу – белый ковёр, видимо, из натуральной овечьей шерсти. Она дала мне оглядеться, но позже всё-таки сказала, – дело Господнее, какую судьбу он даст человеку... Царствие небесное вашей девушке, Саша, вы позволите мне по-прежнему так вас называть? Светлая память: значит, вы приехали посетить её могилку?

– Здесь всё не так просто. Долго болел я после её гибели... – понимая, что передо мной совсем незнакомый человек, я всё-таки не мог остановиться. Мне надо было именно сегодня выговориться, может, Катя заставляла меня делать это,

может, она здесь и сейчас хотела отпустить меня, вылечить раз и навсегда. Поэтому я продолжал говорить, – и могилы её не знаю, потому что она жила в военном городке, который новые русские сравняли с землёй. Я больше ничего не знаю о ней, дорогая Марфа, лишь помнил её, как первую любовь, и страдал все эти десять лет...

– И я, видимо, уже не похожа на вашу Катерину... Но думаю, и она изменилась бы за это время. Не терзайте себя, живите дальше. Ваша девушка хотела бы вам только добра, я уверена в этом. Я буду в церкви завтра с утра, помолюсь, спрошу её об этом, хотите?

– А что мне ответить, если я потерял себя... Вы-то как, сложилась ли ваша судьба, Марфуша? Вы спешите, давайте вместе пойдём за вашей дочкой, я подожду вас в сквере.

– Хорошо. Мы заберём Любу и пройдем до затона. Я попробую снять заклятие, чувствую, как вы страдаете, что-то не отпускает вас...

– Ерунда, – сказал я, поднимаясь с кресла, – не верю ни в заклинания, ни... – почувствовав, что проваливаюсь в студёную воду, я закричал, – мама! Деда Коля, я умираю. Нигде нет Кати... Одна холодная вода.

Видение погасло, сильная рука держала мой затылок, лёгкие задышали, восстановился ритм сердца, я открыл глаза. У кресла, передо мной, стояла Марфа, придерживая голову, гладила волосы. Тут же спросила:

– Ты её не видел? Не видел... Господь забрал её. Ей там

хорошо, поверь и оставь её, Саша. И ты волен поступать, как считаешь нужным. Вот и всё, твоя жизнь продолжается.

Марфа ещё какое-то время сидела со мной: я просто не мог встать и идти на улицу. Спросил:

– Мы пойдём в затон?

– Нет, Саша. Ты свободен, у тебя должна быть своя жизнь...

– Хорошо. Ты приедешь в столицу? Приезжай вместе с дочкой. Я устрою вас в пансионате, там за Любой будет полный уход, а ты пойдёшь к лучшим хирургам. Тогда, как мальчишка, я ничего не мог, поэтому и молчал так долго. Сейчас я могу вылечить тебя, Марфуша. Было бы твоё желание...

Дядя Вася лежал в реанимации городской больницы. Стены обшарпаны, углы прогнили, таких сквозняков я не ощущал даже на улице в осеннюю пору. Завотделением, совсем молодой выпускник ординатуры, сыпал терминами. Я понял: дела друга дедушки Коли плохи, дни его сочтены. Спросил:

– У вас всё есть для его лечения?

– О чём вы? Нам бы ночь продержаться да день...

– Короче, вам ни лекарств, ни денег не надо? Тогда куда его можно срочно определить? – спросил я так нагло и настойчиво, что врач остолбенел. Заговорил:

– Ну, если вот такие лекарства достать сейчас... Вы понимаете, у него инсульт. А потом – тихая подготовка и сама

операция, тогда я точно вытащу его.

– Сколько вам надо на всё про всё? – я уже пошёл ва-банк.

– Точнее скажу, проконсультировавшись с друзьями в частной клинике. Его туда придётся переводить. Но, думаю, миллиона два-три, не меньше...

– Хорошо, вот мои координаты, – я передал визитку, – я буду здесь ещё день-два. Торопитесь: после вашего звонка я лично привезу деньги без расписки и документов. Спешите, спасайте человека, счётчик включен!

Глава – 11.

Обратно ехал в общем вагоне, пил со студентами археологического факультета, возвращавшимися с раскопок волжских городищ, мерзкую водку, разбавленную пепси-колой, ел домашние пироги с капустой, холодную куру и яйца вкрутую – всё это деревенские жители надавали им в дорогу. Девчонки плакали, вспоминая бабуль и дедуль, у которых в избах и на сеновалах спали, столовались и которым помогали в саду и на огородах. Одна тихая, белокурая девочка, сидевшая рядом со мной, везла бельевую корзину, в ней разместились кошка с четырьмя котятками. Каждый час смотрела на них, подкладывала мамаше кусочки сыра или яичка, говорила, как будто сама с собой:

– Вот хотела взять одну кошечку, так привыкла к ней, а она перед самым отъездом родила четверых котят. А хозяй-

ка, такая старая бабуля, не заметила вовремя, не предупредила. Вот и везу выводок. Ничего, раздам родственникам, это чистые деревенские кошки, лучше всяких пород...

Приятно было слушать её неторопливую речь, я прислонил голову к холодному стеклу, думал, вспоминал эти дни поездки. Дядя Вася – не безнадёжен, в частной клинике инсультов консультирует главный специалист облбольницы, крупный породистый мужик лет шестидесяти, доктор наук, который встретился со мной на пять минут и без фанаберии и различий в возрасте высказался:

– Никуда больного везти не надо, у нас не хуже, чем в столице, тише и спокойнее. О лекарствах не беспокойтесь, были бы деньги. С операцией – вообще не спешите: только время, уход, опыт и система в реабилитации. Всё это у нас есть. А в его возрасте – лёгких инсультов не бывает. Хотя сейчас и молодёжь, как гнилая солома, сгорает за считанные дни. Деньги (часть я уже передал наличными) переведите в фонд клиники, моих подмастерьев не слушайте, жадны, но как жить при таких зарплатах? А так и нам спокойнее, и вы без отвращения будете нас вспоминать. Вот мои координаты (передал визитку), звоните и спасибо, за Василия Степаныча, я его помню, как умнейшего директора завода и борца за рабочего человека. Стыд и срам: лучшие кадры теряем ни за понюшку табака...

– А вы почему такой грустный? – снова услышал тихий голос, такой грудной и тёплый, что невольно вздрогнул, по-

смотрел на соседку, на её светло-зелёные глаза, курносый носик и тонкие волосы, собранные в пучок на макушке головы. На вид ей было не больше 17-18 лет, хотя все её соседки выглядели зрелыми, с развитыми телесами, женщинами. Что-то было в них полевое-таёжно-простоватое, казалось, сейчас возьмут в руки гитару и понесётся: "А я еду, а я еду за туманом, за туманом и за запахом тайги..." Но, на самом деле, никуда они уже не едут и на фильмы с Юрием Визбором смотрят, как на экспонаты зоологического музея с птеродактилями и динозаврами. С ранней осени по весну сидят в конторах, музеях и мастерских столицы, на лето выезжают на раскопки, называя это полевой археологией.

Молчать и так нагло рассматривать девочку было уже неприлично, и я сказал:

– Прощался с городом детства и юности. Грустно, всё прошло, как с белых яблонь дым...

Она подумала минуту и сказала:

– А помните, у Геннадия Шпаликова:

По несчастью или к счастью,

Истина проста:

Никогда не возвращайся

В прежние места.

Даже если пепелище

Выглядит вполне,

Не найти того, что ищем,

Ни тебе, ни мне.

Путешествие в обратно
Я бы запретил,
Я прошу тебя, как брата,
Душу не мути.
А не то рвану по следу —
Кто меня вернёт? —
И на валенках уеду
В сорок пятый год.
В сорок пятом угадаю,
Там, где – боже мой! —
Будет мама молодая
И отец живой.

Она так просто и искренне читала, что хотелось плакать: будто это было не с людьми военного поколения, а будто это я встречался и не встретился с дедом Колей, бабушкой Таней, с Катей, будто всё несбывшееся вернулось ко мне, наполнило не только мою грудь, но и всего меня... Я прикрыл ладонью глаза, незаметно вытер слезы, умные, мужские, ровно на одну слезинку, откашлялся, сказал:

– Не знал, к стыду, этих стихов, таких честных, искренних, что плакать хочется... – посмотрел на девушку, – меня Саша зовут. А вас?

– Ната... Наташа Березина, студентка второго, боже, уже третьего курса! Возвращаемся с раскопок...

– Кофе хотите? – спросил я, приподнялся с сиденья, чтобы увидеть, работает ли буфетик в углу вагона, – сейчас я

принесу. Капучино? С ватрушкой или пирожное?

– С ватрушкой... Представляю, какие они здесь чёрствые. Нет, лучше песочное пирожное.

– А вы сладкоежка! – и не дожидаясь возражений, пошёл к буфету.

Пили кофе в бумажных стаканчиках, ели вафельные трубочки, поскольку не было пирожных, Наташа рассказывала о себе, подружках, об университете. Оказывается, сегодня её никто не сможет встретить и что она будет делать с корзиной, просто не знает, поскольку рюкзак тяжеленный, а отец с мамой в Штатах, именно сейчас там проходит конференция, а они оба врачи и не просто вирусологи, а довольно известные учёные.

– Тогда понятно, почему у вас тяга к экспедициям, – сказал, улыбаясь, я, – у вас бродяжничество – в роду, родители тоже, небось, по Африкам лазили?

– Сейчас, конечно, нет... А так я все школьные годы провела с дедом и бабушкой...

– Как и я, – сказал и почувствовал, как хорошо и легко мне с этой девушкой. Невольно получилось, но разговорился и я, вспоминал школу, друзей, Катю, живую и здоровую, об учёбе на юриста – международного, даже о фонде и его первых шагах. В окне вагона замелькали платформы с дачниками, с корзинами, огромными сумками и баулами. Я поспешил:

– Скоро подъезжаем, у меня, Ната, заказана машина, предлагаю вам раскошелиться: я доведу вас, котят и рюкза-

чище до дома...

– Насмешили. Последние деньги отдала на пепси, только проездной остался, правда, на все виды транспорта...

– Понял. Одалживаю вам на стоимость поездки, а вы – приглашаете меня на чашку чая. Или как там в учёной среде называется встреча по непредвиденным обстоятельствам?

– Саша, хватит ёрничать. Я спокойно доезжаю до дома на такси, так, выношу деньги и плачу за поездку. Без шума и пыли, как говорил популярный актёр...

– Убедительно. А я-то думал, что загнал вас в угол... Кстати, а если дома никого нет?

– Кстати, может быть, если дед и бабуля уехали на дачу... Вот тогда я точно попала, как кур в ощиц.

– Странно, а я считал, что кура попадает во щи. Объясните, Наташа?

– Есть устойчивые выражения. Что ж тут объяснять, Саша? Вы подвезёте меня или буду искать попутчицу?

– Да без проблем, простите, заигрался я... И может, постуденчески, перейдём на "ты"?

– Хорошо, так проще, конечно. Корзина или рюкзак за вами?

– И то, и другое...

Подошёл длинный и тощий коллега Натальи, глянул на меня, спросил:

– Помощь нужна, Нат? Мы решили взять универсал, влезть ввосьмером и добираться до дома по маршруту... Ты

с нами?

– Эдик, познакомься, это – Александр. Он живёт рядом со мной, его встретит машина, он заберёт кошку и котят, поможет мне с рюкзаком...

– Ну-ну, мать, смотри, тебе виднее... А вы – кто такой? – спросил с вызовом однокурсник Наты.

– Человек. Попутчик Наташи... Подробнее надо?

– Конечно! Мы же не знаем вас...

– Хорошо, вот моя визитка, – сказал я, доброжелательно.

– Хм, фонд... Программ... Ладно, доверим вам наше сокровище с бельевой корзиной. А ты, Ната, тут же отзовишься, как доедешь до дома.

А я домой не попал, хотя водителю сказал, чтобы тот отдыхал, ждал моего звонка. В Натальной четырёхкомнатной квартире метров под двести витал дух ландыша, стояла старинная мебель послевоенных лет, а на антресоль надо было залезать с раскладной лестницы. Здесь жили дед и бабушка, долгое время, как я понял из рассказа, с ними проживали родители Натальи, потом родилась она, очень поздний и долгожданный ребёнок, а потом они получили собственную квартиру. Между делами Ната успела позвонить Эдику и успокоить его, поговорила с дедом, сказала, что приезжать тому не надо, завтра она собирается к ним на дачу, привезёт кошечку, о котятках, естественно, умолчала.

– Тебе, правда, не надо спешить? – спросила она, – тогда пьём не только чай, но и ужинаем. Я видела в твоих глазах такую тоску, что готова помочь, чем смогу. Мне тепло и хорошо с тобой, Саша... Я не шокирую тебя своим поведением? Располагайся, прими душ... А я пока накормлю кошачье семейство и приготовлю омлет.

Наталья переделалась в домашний халат, распустила волосы, зелёные глаза светились радостью, когда она порхала по знакомым с детства комнатам родного дома. В дальнем углу, над большим письменным столом с зелёным сукном, я увидел портрет боевого генерала с тремя звёздочками на погонах, с целым иконостасом орденов и медалей на груди. "Похоже, это её дед, боевой товарищ, ничего не скажешь... И куда же ты попал, дорогой мой? – подумал я о себе, – никак тебя приняли за бездомного и чтобы не ютиться, бедолаге, где попало, разрешили побыть в домашних условиях. Странно как-то всё это видеть. Ох, Ната-Ната, не живут уже сейчас так люди, светик ты мой, лучезарный, не живут. Уж, больно доверчивая ты..."

Помылся в душе, прилёг на диван с книгой и уснул, на удивление, так крепко, что даже не слышал, как Наталья накрыла меня тяжёлым пледом. Утром я проснулся от луча солнца, который прорвался сквозь бархатные портьеры, встал, посмотрел на спящих в корзине котят, подошёл к Натальиной широченной кровати. Она спала, подложив ладони под щеку, ноги подогнув к животу. Такая маленькая, ти-

хая, домашняя вся была, что мне жалко стало её будить. Когда уже собрался уходить, она открыла глаза, посмотрела на меня, улыбнулась. Я сел на край кровати, хотел сказать, что уезжаю и что завтрака не надо, поем в офисе. И что позво-ню ещё до обеда, заберу её прямо из дома. Но я ничего не сказал, а лишь снял одежду и буквально упал рядом с ней, такой тёплой, пахнувшей ландышем. Я понял, что этот цветок – фирменный в этом доме...

Водителю я позвонил в девять утра, сказал, чтобы он пока был свободен, я его разыщу.

В офис к Бобо Константиновичу подъехал после обеда. Агриппина поднесла пальчик к губам, зажмурилась, сказала шёпотом:

– Спрашивал про тебя с самого утра, соединяла его с твоим водителем, тот успокоил, сказав, что ты в абсолютно приличном доме Минобороны и что с утра он тебя заберёт. Но люди-то уже пообедали...

– Ну и что, – сказал я, улыбаясь, – я вообще мог приехать только сегодня...

– Зачем же ты меня предупредил вчера?

– За тем, Груша, что у меня должен быть умный референт, – и высунул язык, она захихикала, – куда начальника подевала?

– У него в пятнадцать небольшое совещание, обещал

быть.

– Пойдём выпьем кофе...

– С удовольствием, мой молодой, необузданный шеф.

– С огнём играешь, – сказал я, развернулся вокруг своей оси и чуть не врезался в грудь Бобо, вошедшего в приёмную.

– С приездом, дорогой, – как ни в чём не бывало сказал родственник, – а я думал, к вечеру только будешь...

– Я уже утром был в городе, но закрутился...

– Проходи, у меня только десять минут до совещания, расскажи, как дедушкин друг?

Телеграфным стилем рассказал о бизнес-плане детского приюта, о том, что бумаги будут у нас на подписи через день-два...

– Молодец, вот за это хочу сказать спасибо! Мне звонил губернатор области, ему уже доложил, по – моему, архиепископ Тихон о ваших договорённостях по детскому приюту. Очень хорошая реакция: он ждёт нас с проектом реконструкции всей заправочной сети области, а это миллиардное вложение. Придётся нам с тобой снова ехать туда. А что школьный товарищ?

Передал разговор с главным медиком по инсультам, закончил его же словами: "...Только время, уход, опыт и система в реабилитации. У них всё это есть, а деньги переведём в фонд клиники".

Он вдруг вспомнил Кувшинову-Аранович, поморщился, сказав, наверное, поспешил с её кандидатурой: орёт о фонде

на каждом углу. Да ещё и пьяная, правда, в кругу близких людей. У него была встреча с руководителем фракции депутатов в парламенте, тот прямо сказал, что такой рекламы, в принципе, не надо солидному фонду, а уж, тем более, связанному с соцподдержкой малоимущих.

– Вульгарно всё это выглядит и звучит в её устах, – добавил, презрительно передёрнув плечом, – ты бы ей хороший урок преподал с детским приютом. Извини, я погорячился с ней. В общем, подумай: если она, в принципе, тебе не нужна, не заморачивай голову, тихо сливай и концы в воду...

Раздался приятный голос Агриппины:

– Бобо Константинович, все в сборе, пятнадцать часов...

– Не уходи, потолкайся в буфете. Я скоро закончу, расскажу, что учудил мой младший братец, твой отец... Только не звони ему сейчас, сначала хочу посоветоваться с тобой.

Глава – 12.

"Мой дядя самых честных правил..." – почему-то вспомнил строки из классика, когда выслушал рассказ Бобо о своём отце. Только всё происходило с точностью до наоборот. Они, оказывается, в моё отсутствие встречались дважды: в первый раз отец заявил о том, что, мол, категорически отказывается работать в медиакомпании. Бобо, мягко, но настойчиво выпроводил его из кабинета с целью подумать ещё раз: это уже дело семейное, говорил он, надо нести ответственность

по своим обязательствам. Тогда на другой день отец привёз, как он выразился, письменный отказ. Бобо дал мне почитать текст. Перескажу главное. Вступление весьма характерное: "Я – такой-то такой-то... В здравом уме и твёрдой памяти..." Далее отец на двух страницах расписал причины, по которым он не только не может, но и не хочет заниматься освоением медиапространства.

Он последними словами крыл мракобессовский капитализм и его алчное нутро, разнузданную рекламу, пошлую политику по пропаганде квасного патриотизма и оболваниванию народа. Никогда, ни при каких обстоятельствах, категорически заявлял он, настоящий художник, писатель, не вступит в сделку с "золотым тельцом". "А что, – подумал я, прочитав меморандум, – молодец отец. Это позиция! И я её уважаю. Ничего, батя, как-нибудь прорвёмся... Ты верно уловил двойное дно в нашем родственнике, очень верно. Скорее всего, мы нужны ему для подстраховки, для чистоты лица и на случай ЧП. Но, может быть, и отвести в тёплом семейном кругу душу, что немаловажно при его бизнесе: он, наверное, просто осатанел от этой погони за долларом. Короче, каждому человеку нужна отдушина... – заключил я свои размышления, – и Бобо – не исключение".

Когда-то он сказал, что объяснит мне, почему у него нет семьи, а все родственники по линии Константина Натановича – за границей. Но уже дважды при этом упоминал вскользь, что они – не наследники и что усыновлени-

ем он обязан только усыновителю, почившему в бозе... Ещё я вспомнил, что бабушка Таня упоминала о какой-то Светлане, известной лётчице, о которой деду Коле, ещё работая вместе, говорил Бобо, но она трагически погибла. Тогда я потратил свободные вечер-два, сверил все даты, нашёл чемпионку страны по высшему пилотажу, разбившуюся на сборах. Фамилия у неё была – Светлана Скворцова. Сделал вывод: это всё же – его гражданская, а, может быть, и нет, жена, видимо, детей у них не было, а он так любил её, что не захотел снова жениться... И вот теперь мы, фактически, остались троём: он, я и мой батя – его брат по единокровному отцу.

Собственно, мне нечего было даже сказать Бобо Константиновичу, и он прекрасно понял, что я не просто разделяю позицию отца, но и поддерживаю его решение. Он не просил поговорить с ним, помня, как сын, Юрий Николаевич, показал себя во всей красе ещё десять лет назад, после смерти Караванова – старшего. Но тогда, наверное, была обида: с внуком нянчатся, как с писаной торбой, а родной сын – на подхвате. Хотя, в итоге, от денег не отказался, домик в два этажа с участком прикупил, частенько посматривал в сторону банковского счёта своего сына, то бишь меня. Чем не преминул воспользоваться Бобо в своей обвинительной речи:

– Ладно бы уж святой был: не брал, не участвовал, не состоял... А то все условия принял, регентством обременился, хотя сначала наотрез и даже с обидой отвергал это. И что? Сегодня – не хочет участвовать в семейном бизнесе. Я могу

понять, но не принять, только одну позицию: туп-глуп, человечешко, как пробка, алкаш и дремуч во всём. Но он-то – писатель, книжки пишет и издаёт. И не хочет, фантастика, скажи кому – не поверят, стать членом совета директоров медиахолдинга. Да там туча алчущих заработать, а заодно – порулить, только приглядывай за ними, сами всё сделают. Нет, не боец, даже по мягким меркам Караванова-старшего – не боец. Или пофигист, причём инфантильный: финансы, чтоб капали, а "дядя" пусть отвечает за всё.

Довольно мягко я пытался вначале убедить Бобо в другом: не надо насилловать отца, принуждать, он – натура тонкая, противоречивая, взрывная... Пусть сам придёт к выводу, что ныне без денег книжки – не печатают, что за всё надо платить и, как это ни прискорбно, без рекламы – с места не сдвинешься. Потом как-то сам по себе разошёлся, подошёл к главному, о чём хотел сказать:

– Он – прекрасный отец, такого надо поискать, дорогой Бобо Константинович. Вы знаете нашу семейную беду. Я ему только за этот крест, который он нёс всю жизнь, поставил бы памятник. У меня останавливается сердце, когда вижу во сне, что происходило у нас в семье...

Это случилось в последний год жизни Кати, осенью, когда в воздухе висела хмарь, в реке – стальная вода, последние прогулочные пароходы ходили полупустые. Кафешки, пляж-

ные зоны с биотуалетами, зелёный театр – всё было заколочено фанерой, скамейки сложены грудой, перевязаны канатами и накрыты мешковиной. Клёны стояли голые, дубы и кусты бузины ещё держали зелень, но скучная она стала, блеклая, даже капельки влаги не оживляли её. По аллее мы шли втроём: отец тогда работал в издательстве, Дашка ходила в садик, я – в школу. Первым побежал к школе я, но отец успел меня остановить, сказал только на понятном нам языке:

– Саша, присмотри за домом... Мама ещё не выздоровела, ей обязательно надо лежать... Обязательно.

– А мама придёт за мной в садик? – почему-то сразу начала канючить Дашка, – она уже давно не приходила за мной... Давно, целый год, вот.

– Я найду за тобой, дочка, – сказал отец, – мы пойдём мимо кафе и всем купим мороженое.

Концовку разговора я не слышал, помчался, чтобы не опоздать на урок. После занятий, как всегда, проводил Катю, доехал на трамвае до дома, увидел маму на кровати в спальне, отвернувшуюся к стене. Оттуда шёл неприятный запах, так что дверь я оставил приоткрытой. Только хотел посмотреть что-то к обеду на кухне, как пришёл папа, кивком головы показал на спальню. Я тихо ответил: "Спит..."

– Давай, по-быстрому, попьём чаю с бутербродами, – сказал он, – и сходим в магазины: нет картошки, мяса, овсянки... В общем, я получил зарплату, надо отовариться. Режь

колбасу, грей чай... – он снял плащ, обул тапочки, пошёл в туалет. Я быстро сварганил "перекус", как учил дед Коля на рыбалке, попили чая, оделись, пошли на улицу. Дверь закрыли, за Дашей ещё рано идти, договорились, что сбегая я, а отец будет готовить суп, котлеты и картофельное пюре.

Нас не было около часа, пришли довольные, нагруженные пакетами, всё сложили на кухне. Отец, ещё не раздеваясь, заглянул в спальную, вернулся, и я увидел его белое совершенно потерянное лицо. Он сказал: "А мамы – нет..."

Вторым его движением – стала большая комната, ящик письменного стола – приоткрыт, денег, которые он хранил в телефонном справочнике, не оказалось. "И-ди-от, – почти промычал он, – всё делаю на автомате... Половину зарплаты убрал, как всегда, в ящик". Он говорил это не мне, говорил как бы себе, ругаясь нехорошими словами, не матерными, конечно, но грубыми.

– Посмотри, сын, что она одела? – бросил он, не глядя на меня.

– Кажется, плащ, нет цветных резиновых сапожек, стояли прямо у двери...

– Пойдём вместе, ладно? Ты уже взрослый, вдвоём легче будет её найти... Господи, как хорошо, что Даша – мала, ничего не понимает и её нет дома. Я думаю, мама не могла за час далеко уйти. Если, конечно, её не увезли куда-нибудь...

На торце последнего многоэтажного дома на нашей улице висела вывеска: "Столовая-24", надо понимать, заведе-

ние работало круглосуточно. Рядом лепились киоски с фото, ксерокопированием, двойным раздвижным стеклом в приёмном окошке гордился "Ломбард". Мы прошли с отцом через все столики зала, заглянули за шторы кабинетов для каких-то особых посетителей, мамы нигде не было. Тогда он напрямую спросил барменшу:

– Вы не видели женщину, за тридцать, в плаще, выпившую? К вам она не приходила?

– Выпившую?! – женщина рассмеялась, – жалею, что налила ей водки... Её рвать начало. Идите к туалету, может, ещё не ушла, еле двигала ногами.

– У неё были деньги? – спросил отец, не надеясь получить ответ.

Так и вышло, барменша бросила:

– Тыщу зажимала в руке. А у нас водка, как в ресторане. Короче, я ей дала сдачу пятьсот рублей...

Отец, махнув рукой, буквально понёсся к туалетам, сказал мне:

– Постой у дверей, никого не пускай, я зайду туда...

Не выходил долго, я приоткрыл дверь, увидел, как он пытается вытащить маму, упавшую в узкий проход между туалетом и стеной. Потом был какой-то кошмар: мы еле выволокли тело, застегнув все пуговицы плаща, он обнял её и повёл к дверям. Здесь, в столовке, всегда обедали таксисты, отец договорился с одним из них и тот за тысячу рублей помог даже втащить маму в машину. Через подъезд дома, где, к

счастью, никого не было, они буквально внесли безжизненное тело в квартиру, уложили на кровать.

Денег, конечно, мы не нашли ни в карманах плаща, ни в брюках, ни в кофте мамы. Отец молчал, я тоже, зная, что помочь ничем не могу. Он будто размышлял:

– Я могу сам поставить капельницу, зарядить физраствор, но лучше я вызову нашего врача, пусть он сделает всё, как профессионал. Господи, как хорошо, что деньги я поделил пополам...

Когда я привёл из садика Дашу, отец был уже в норме, мама спала под капельницей. И он сразу получил от дочери нагоняй:

– А кто обещал мороженое купить? Кто, кто, дед пыхто?

– Маме стало хуже, пришлось капельницу ставить... Давай, доченька, отложим мороженое до завтра?

На удивление, Дашка быстро согласилась, только просилась зайти в спальню и посмотреть на маму. Лекарство, видимо, уже хорошо действовало, больная лежала на шёлковых подушках, волосы разметались по белому полотну, на щеках – румянец. Впечатление было такое, что человек спит, догоняет упущенное ночное время.

– Пойдёмте закончим ужин, – сказал отец, глядя на нас, – а мамочка через день-два точно выздоровеет. Я вам обещаю.

"И после таких жизненных испытаний Бобо хочет, чтобы

мы с Дашкой предали отца?!" – думал я, но не распаяясь, пытаюсь понять и его. И одно твёрдо знал: я спокойно отношусь к его деньгам, холдингам и прочим атрибутам богатства... Не захочет иметь с нами дело, не надо. Пусть остаётся просто Каравановым. Но надо признать: то, что он выдержал столько лет, не открылся настоящему отцу, не унизил мою бабу Таню, здесь он – молодец, ничего не скажешь. Хотя память деда Николая – для меня священна. Даже если он где-то по молодости и совершил ошибку. Я абсолютно был уверен, знай он о рождении сына, всё сделал бы, чтобы и ему, и его маме было хорошо: женился бы, усыновил мальчика, перевёз бы семью в город. Не сомневаюсь в этом ни на минуту.

Бобо смотрел на меня какими-то незнакомыми глазами. Он вроде бы осуждал меня за поддержку отца, но, с другой стороны, вполне сочувствовал моему состоянию. Мне он напоминал полковника, когда на последнем курсе вуза мы проходили сборы в военном училище. Тот знал, кто учится на таких факультетах и где, в ближайшее время, они будут представлять нашу страну за границей. Но он не смел выматерить нас, великовозрастных обалдуев, за то, что мы не знаем сермяжной жизни, что не можем сопротивляться преградам, требующим полного напряжения физических сил. Не было у нас, практически, ни у кого этих сил, так, сплошное школярство.

Вот и Бобо, похоже, прозревал в оценке истинных сил нашего рода. Он преклонялся перед авторитетом и силой Кара-

ванова-старшего, понимая, что тот мог стать большим человеком. И ни в пример многим нынешним политикам принёс бы пользу и народу, и государству. Но он понимал также, что политика – это карта, которая может и не лечь козырной мастью. Может, с Николаем Ивановичем так и случилось? Думаю, новоявленный сын расписывал роль в истории каждому из Каравановых. Вот есть миллиардер, слава богу, уже состоявшийся, Бобо Константинович. Вот есть писатель, который может стать душой и лицом нынешнего поколения, сострадателем, защитником униженных и оскорблённых. "Боже, как банально всё это выглядит, – думал я, размышляя о нашей дальнейшей судьбе, – а, может, он решит отпустить нас с миром, пусть живут в своё удовольствие, имея недвижимость, прислугу, гектары земли, свои конюшни, выезды в театры, салоны... Может, именно такая жизнь через год-два-три лет превратит их в современных хозяев страны? Но он точно понимал и другое: воспитание советской учительницы бабы Тани – на века, только зарплата, только бюджет семьи, скромность во всём..."

Бобо ещё не раз сломает себе голову, размышляя о будущем Каравановых, но одно он уже знал точно: продолжатель рода – Александр Юрьевич – должен созреть для управления миром, для чего его надо окунать в политику. Значит, в ближайшее время, у него будут выборы в Парламент...

Глава – 13.

Большой чёрный автомобиль остановился у ворот дачи, я попросил водителя погудеть несколько раз. Задняя дверца открылась, из салона буквально выпрыгнула Наталья, в джинсах, ярких кроссовках, лёгкой кофточке с крыльями на плечах, проскочила в приоткрытую калитку и побежала к дому, старинной постройке пятидесятих годов. Такие дачи выделяли большим работникам Совмина. Константин Георгиевич Березин, её дед, служил в своё время замначальника гражданской обороны страны, носил погоны генерал-полковника. А так как начальник был сугубо мирным человеком, зампредом Совмина, то генерал фактически руководил всем сложнейшим военным хозяйством.

В августе 91 года, когда, по его мнению, бездарные начальники не смогли исполнить волю народа, он демонстративно плюнул в сторону трусливого маршала из минобороны, но на службе остался: хозяйство после развала страны оставалось настолько большим и сложным, что он просто боялся, что может случиться непоправимое. И это при всём том, что еле сдерживал себя, видя пьяные куражи новых сопляков – генералов, массовый уход офицеров со службы, мизерное денежное содержание, попадавшее в семьи военнослужащих. После расстрела Парламента в 93-м, когда никто за это не понёс наказание, более того, многие службисты получили звания героев, Константин Георгиевич подал рапорт об увольнении.

Ушёл молча, тихо, вскоре о нём все забыли. Как память о былом, ему досталась правительственная дача, которую он выкупил у государства. Совесть его была чиста, все так поступали: и пресс-секретарь президента, и зампредсовмина, и зампредверховного суда, ставшие его соседями на огороженной и охраняемой территории... Все эти подробности успела поведать мне за дорогу его внучка.

Бабушка вышла на крыльцо, увидела бегущую по тропинке Наташу, обомлела, почти вскрикнула:

– Светик мой! Как я рада тебя видеть! Ты разве не встретила деда? Он пошёл за тобой на станцию с собакой...

– Бабуля, расскажу всё потом... Дай мне ключи, надо открыть ворота, меня привезли на машине. С хозяйством сопровождающим... – о кошках она снова промолчала.

В это время я распахнул калитку, появился с рюкзаком и бельевой корзиной в руках, по тропинке, уложенной мелкой плиткой, направился к дому. У лестницы, ведущей на террасу, бабушка сумела получше разглядеть меня, но сделала это тактично, не как многие пенсионеры делают, сказала:

– Проходите, хозяин сейчас вернётся... Меня Наталья Савельевна зовут.

– А меня – Александр. Вот стал другом вашей Наты...

– И давно вы познакомились?

– Не очень, вместе ехали в поезде...

– Бабуля, я всё расскажу, – Наталья пытались развести нас по разным углам, – не приставай к человеку, если тебе не

трудно, дай нам поесть. А хочешь, я помогу тебе с обедом, пока Саша умывается?

– Машину можно поставить на вашей территории? – спросил я, без наглости или нажима, – а если есть в посёлке кафе, водитель пообедает там и дожждётся меня. Мы скоро уедем, ещё неотложные дела на работе объявились...

Сегодня старики ждали внучку, а тут вдруг я, как снег в июле, свалился им на головы. Жена Константина Георгиевича, миловидная женщина с мелкими морщинками на щеках и шее, с несколько поблекшими светло-кариими глазами, с уложенной собственными руками причёской на голове, часто поглядывала с открытой террасы, окружающей дом с трёх сторон, высматривала мужа. Наталья принимала душ, её назвали так в честь бабушки, но чтобы как-то развести их, младшая в семье стала для всех – Ната. Водителя хозяйка дачи, конечно, никуда не отпустила, для машины отвела уголок на участке. Он, по нынешним меркам, был просто гигантским, соток в пятьдесят, наверное, если не больше. За домом высился настоящий сосновый вперемешку с елями лес, кое-где пробивались ярко-зелёные кусты вездесущей бузины, по всему забору – хозяйничала лещина, бордовая и такая нарядная, что я невольно спросил, как она здесь появилась.

– Константин Георгиевич привёз с верхней Волги, был там на учёных, полную машину кустов доставил домой, раз-

дали всем друзьям и соседям. А у вас есть дача? Можем и вам осенью выкопать несколько деревьев. Хорошо приживаются, а орехов столько дают, что на всю зиму фундуком обеспечены...

Я сидел в кресле, слушал неторопливую речь хозяйки и вспоминал маму, отца, сестру: живут себе в двухэтажном домике и обо мне даже не вспоминают. "Ах, ты бедненький! – начал подтрунивать над собой, – все тебя забыли. А сам-то, когда последний раз звонил родителям, интересовался учёбой Дарьи? А что, неплохо бы высадить лещину, такую красоту, по периметру забора. И мама будет при деле: она полюбила обустраивать дачу, копаться в земле, сажать деревья. И с орехами были бы круглый год..."

– С утра ждали внучку, – донеслись до меня слова хозяйки, – должна была вернуться с раскопок... Ох, до сих пор не могу простить себе, что смирилась с выбором её будущей профессии.

– Сейчас мало, кто работает по своей специальности, – сказал я, – всё больше – менеджеры, консультанты, эксперты... Даже в магазине продажи красок продавец называется консультантом, ходит, гордо выпятив грудь...

– Как археолога можно назвать менеджером? – улыбнулась Наталья Савельевна, – и орудия у него – самые простые: лопата, кирка да метла, ха-ха-хии, – засмеялась она своей шутке и продолжила, – а в лещине такие заросли получились, что наша Милка вывела там уже второе потомство. Мы

и не знали о приплоде... А вот теперь ещё и котят внучка привезла, – женщина посмотрела на бельевую корзину, стоящую у входа на террасу. Её обитатели спокойно и безмятежно спали, – Милка ждала Нату, свою любимицу, с утра поскуливала, как барометр...

Она рассказывала тихим голосом о собаке, которая прижилась у них лет пять назад, как будто вспоминала историю из нашей общей семейной жизни. Миниатюрную, светло-шоколадного цвета с мордочкой лисы, с умными и грустными глазами, с бахромой на ушках и белым небольшим фартучком на груди собачку нашла в лесопосадке Наталья. Писала объявления, вешала бумажки на ворота дачной охраняемой территории, всё напрасно. Девочка назвала свою любимицу Мила. И, действительно, очень милое было создание: тихое, ласковое, домашнее. Первых двоих щенков она принесла от гуляки Буяна из соседней деревни: видимо, далеко вато дед отпустил от себя послушную собаку. Щенки остались жить в дачном посёлке, их взяли местные ребяташки, поили-кормили, особо не зацикливались на воспитании. Выросли те быстро, превратились в обычных дворняг и не больно жаловали свою мамашу, презирая её чистую шерсть и красивый ошейник с поводком.

И вот опять хозяева дачи не доглядели: появилась ещё тройня, от кого, так и осталось тайной. Со временем Милка привыкла к тому, что двое из щенков исчезли, увезённые в соседнюю область и переданные в заботливые руки. С ней

был один, тёмно – рыжий кобелёк по кличке Бурый, похожий на медвежонка, за которым она следила теперь неотступно. А он-то, дурень, играл со своей миниатюрной мамашей уже по-взрослому: прикусывал её так, что она взвизгивала, потом стала рычать и давать ему сдачу. Но мирили их совместный дом, обед и прогулки с дедом Константином.

На террасу вышла Ната-младшая, прямо из душа, в розовом халатике, в меховых тапках на босу ногу, с распущенными по плечам мягкими шелковистыми волосами. Водитель, сидевший на верхней ступеньки лестницы, поднялся, начал улыбаться, выражение лица у него было довольно глупое: будто он смотрел на свою родную дочь и молча восхищался её красотой. Я понимал его: вроде бы ничего особенного нет в девчонке, но меня наповал сразила её молодость, стройность тела и ног, волнистость светло-русых волос, упругие груди, стремившиеся то и дело выскочить из выреза на халате.

– Кто следующий? – сказала Ната, поднесла к губам стакан с клубничным компотом и стала жадно пить густую розовую жидкость.

– Я следующий! – в открытую калитку вбежали Милка и щенок Бурый, сорвавшиеся с поводка у деда, а по плиткам дорожки уже шёл Константин Георгиевич, продолжая говорить, – ах ты, сопливая девчонка, я обошёл всю электричку, даже растерялся и испугался за тебя... А телефон, как всегда, забыл на зарядке. А она уже дома... Кем сегодня нас

осчастливишь? Твои однокурсники, что-то я не припомню этих товарищей?

– Это новый товарищ Наты, – вмешалась в разговор бабушка, – привёз её на машине, собирается возвращаться в город по срочным делам...

– Так, не понял о новых друзьях. Давай-ка, внуча, марш переодеваться, бродишь здесь, как солистка варьете...

Я поднялся с кресла, смотрел на худощавого старика, выше среднего роста с ёжиком коротких седых волос на голове, с прямым носом и волевым подбородком, который он держал несколько приподнятым над грудью, с цепкими серыми глазами, и совсем не боялся его. Сказал:

– Меня зовут Александр Караванов, работаю в фонде поддержки социальных программ, мне скоро двадцать пять, не женат. А это наш водитель, Эдуард, семейный человек...

– Отец троих детей, – подхватил на полном серьёзе, уже без иронии, шофёр, – к осени жду четвёртого, жена обещает родить мальчишку...

– Поздравляю, многодетный папаша, – ещё довольно суровым голосом сказал генерал, – а что, Николай Иванович Караванов – ваш родственник?

– Он мой дед, я – сын Юрия Николаевича Караванова, больше детского писателя, чем взрослого... Закончил юрфак академии международных отношений, веду дела фонда, названного в честь моего дедушки...

– Серьёзная заявка. А я и не знал, что ещё при жизни в честь тебя могут называть фонд... – сказал генерал, но я его перебил:

– У деда остановилось сердце, он умер достаточно молодым...

– Прости, я не знал... Ведь Коля был моложе меня, – Константин Георгиевич надолго задумался. Мы тоже молчали, а Ната незаметно ушла в свою комнату, видимо, переодеваться. Вдруг генерал заговорил несколько осипшим голосом, – я знал его по Совмину, слышал о нём самые лестные отзывы. Но познакомились мы только вначале лета, ещё до ГКЧП. Я принёс тезисы выступления премьер-министра на совещании руководителей органов гражданской обороны. Мы с ним часа два – три буквально "оживляли" этот доклад, он постоянно просил примеры из жизни, имена людей, буквально заставлял меня усилить критику в адрес регионов. Так что мы выстрадали этот доклад. Но мы ещё вернёмся к разговору... Разрешите, буду называть вас по имени, ибо вы годитесь мне во внуки. А меня зовут Константин Георгиевич Березин, генерал – полковник, пенсионер. Запомнить легко: Жукова звали Георгий Константинович, меня – наоборот...

– Дедушка, говорю, пользуюсь передышкой: хочу подарить тебе здоровых, настоящих деревенских котят! – Наталья уже успела переодеться, спустилась со ступенек террасы, где на земле так и стояла бельевая корзина, – и вообще: я вас с бабушкой так люблю и так соскучилась, что нет слов.

– Постой, Ната! Какие ещё котята? Мы только избавились от паршивцев, которые мучили Милку, а ты – мочало-мочало, начинай всё сначала? Каких-то котят привезла. Сколько их и что мы будем с ними делать?

Наталья Савельевна поняла, что момент внучкой выбран не самый удачный, вместе с корзиной прошла на кухню, успев сказать:

– Обед готов. Прошу садиться за стол, а то всё остынет.

После довольно скромного застолья, поскольку мужчин к обеду не ждали, наваристого борща да картофельного пюре с куриными котлетами, а также пары рюмок водки нам с дедом, домашней наливочки для бабушки и компота для водителя и Наты, Константин Георгиевич пожелал пообщаться с внучкой. А я, извинившись перед Натальей Савельевной, вышел во двор и присел на скамейку: по правде сказать, генерал несколькими фразами забил мне в башку такие гвозди, что теперь придётся ещё не раз возвращаться к нашему с ним разговору. Перескажу вкратце суть его небольших монологов. Конечно, сам факт, что я внук человека, с которым он работал, встречался и не раз разговаривал и которого, судя по всему, он искренне уважал и ценил, несколько возбудил генерала. Он переносил ту ситуацию, которую они пережили когда-то с моим дедом, на меня, поэтому нередко задавал вопросы, на которые я никогда бы не ответил:

– Скажи, почему Николай не смог убедить премьера в августовские дни, чтобы тот взял власть в свои руки? Ведь он до последней минуты его ареста держал с ним связь, люди Караванова, я знаю это точно, находились рядом с ним? Испугался? Но твой дед уже потом, при нашей личной встрече, когда закончились его допросы обезумевшими от крови прокурорами и следователями, говорил, что было достаточно одной команды Совмина, чтобы и от ГКЧП, и от пьяных защитников дома на набережной ничего бы не осталось. Причём тихо – мирно, без единой капли крови: за два-три часа все близлежащие кварталы были бы заполнены рабочими самой столицы и соседних областей. Работяги заводов и фабрик, железнодорожники, селяне, строители и водители из десятка регионов держали "под парами" сотни автобусов, чтобы добровольно поехать на освобождение Совмина и законного советского правительства. Пойми, Саша, Совмин – был единственным легитимным и до последней минуты работающим органом власти в стране. И как же бездарно всё закончилось с нашей великой родиной, её народом, и как же можно было одним предать его, вторым – обмануть "бесплатным сыром в мышеловке..." – генерал готов был заплакать, столько трагедии и горя было в его голосе.

Второе, что я понял со всей определённостью: его непосредственный начальник, курирующий в правительстве гражданскую оборону, "ушёл, как выразился генерал, в отключку". И тут были или очевидная трусость, или предатель-

ство. А без приказа начальника его боевой заместитель – генерал не мог отдать свой приказ военным на проход по подземным катакомбам в здание на набережной и последующего его освобождения от толпы. Он хотел разыскать премьер-министра и получить от него приказ о нейтрализации главарей мятежа. Ведь они пытались поднять народ против советской власти и законного правительства страны. Но возможностей сделать это у него не оказалось, хотя на своей служебной "Волге" он спокойно разъезжал по улицам города, матерился на московскую милицию за её трусливое бездействие, пытался прорваться в КГБ на Лубянке, где генерал Ватников посоветовал ему выпить стакана два водки и успокоиться. "Всё под контролем! – заверил он коллегу, – даю слово боевого генерала!" Поверил или хотел поверить, сейчас трудно сказать, но все годы после своей добровольной отставки Константин Георгиевич мучается больной совестью.

– Вот тут и поспорь с седым генералом и его позицией, – сказал я вслух, как бы подводя итоги своим нелёгким размышлениям. Конечно, похвастаться такими рассказами, услышанными от деда Николая, я не мог, интервью, насколько я помню, он практически не давал, а если и говорил об августе 91-го, то вскользь, боясь ненароком обидеть тогда ещё живого и выпущенного из тюрьмы по амнистии бывшего премьер-министра. Как-то он сказал, правда, что ездил, сейчас уже не помню куда, на раздолбанном "жигулёнке" с бывшем премьером страны, закончив фразу: "Такой позор мож-

но представить себе только, наверное, в пиночетовской Чили или у полпотовских головорезов в Комбодже..."

Мы собрались быстро, водитель умело, не задев ни одного цветка на участке, развернул во дворе машину, выехал в открытые ворота. Наташа шла рядом со мной, держась за левую руку. Оказывается, это – святое правило в семьях военных, иначе тот не сможет, идя в форме, поприветствовать коллегу, отдавшему честь. Дед и бабушка остались стоять на террасе и было, честно говоря, не очень понятно: радуются они нашему отъезду или грустят. Ната вела себя тихо, была грустна, сказала лишь:

– Я получила от деда на полную катушку. Давно я не видела его таким злым, хотя у меня и раньше оставались ночевать полгруппы: увлеклись застольем, танцами, метро закрылось, стыдно же выгонять из наших двухсотметровых хоромов ребят на улицу. Но я рассказала ему всё, что узнала от тебя о тебе же самом...

Смотрел на её милое лицо, с наивными чистыми с зеленоватым оттенком глазами и было одно желание: крепко-крепко обнять мою девочку и больше никогда не отпускать из своих рук. Она, видимо, почувствовав моё состояние, прошептала:

– Саша, даже если мы больше никогда не увидимся, знай, ты мне очень дорог. Я ни о чём не жалею, ни-о-чём... У меня

никогда ещё не было такого чувства близости, родства что ли, которое произошло с тобой. Лето я буду у деда-бабушки, может, с родителями слетаем на недельку на море. Но я всегда буду ждать твоего звонка...

Ната почти плакала, в глазах блестели слезинки. Я прижал её к себе и долго, пока хватало дыхания, целовал мягкие податливые губы. Сказал:

– Я, наверное, влюбился в тебя. Прощаюсь и уже скучаю... Передай привет бабуле и деду. Они замечательные люди: я ведь тоже вырос у стариков – родителей моих родителей. Закончу дела в фонде, подпишем бумаги с монастырским приютом и тут же приеду к тебе. Пойдём в кино, в ваш сельский клуб...

– Так хочется быть с тобой, – ответила Ната, – я тихая, но сильная. Всё выдержу, потому что – тоже влюбилась...

Рядом, прямо по ногам, бегали Милка и её бурый медвежонок, собаки визжали, скулили, так крутили хвостами, что казалось, вот-вот они оторвутся. Они уже узнали меня и, кажется, полюбили, как любили свою Наташу.

Глава – 14.

Монах Евдоким заблудился в вестибюле центра международной торговли. Позвонил на мобильный, я попросил Агриппину, которая теперь стала встречать гостей и у меня в приёмной, спуститься вниз и привести его к нам. Она по-

белела, почти прошептала:

– Я до смерти боюсь монахов...

– Ну, ты даёшь, Груша... А потом африканцев будешь бояться, эскимосов и кочевников из Морокко? Ладно, встречу сам: готовь чай с тортом, он, наверное, с поезда, ещё и не завтракал, не то, чтобы обедал...

Коридор, ковровые дорожки сглаживают шаги, иду и вспоминаю Наташу: "Вот, поразительно, чем так зацепила меня девчонка? Ведь девчонка, на третий курс перешла, лет двадцать, если не меньше... У нас одинаковое воспитание дедами и бабушками, старорежимными, советскими. А у меня – ещё и баба Таня, стойкий солдатик – педагог: "Жила бы страна родная и нету других забот". Но, боже мой, как мне не хватает их... Дед Николай уже как-то отдалился, столько лет прошло после его смерти, но раз за разом мне обязательно кто-то встречается, кто непременно напомнит о его жизни, службе или дружбе с ним. Не слышал плохих слов в его адрес. Знаю точно теперь: он был советником и даже близким человеком премьеру, они, похоже, дружили, называя друг друга по именам, правда, в неофициальной обстановке. Дед помогал ему "вписаться в новую жизнь" после выхода из тюрьмы за августовские события, по амнистии, когда рядом никого не осталось, кроме бывшего лечащего врача-афганца да нескольких человек, закончивших с ним институт. Уже совсем недавно узнал от Бобо Константиновича, что последнего премьер-министра СССР похоронили на го-

родском кладбище: новое либеральное правительство запретило его похороны на Новодевичьем, где стоят богатейшие памятники премьеру Гайдару, депутатам, журналистам, бизнесменам и другим основателям новой России. . . " – в общем, грустные мысли терзали меня пока добирался до монаха.

Служебный лифт спустился, наконец, вниз, я вышел в просторный вестибюль, увидел сидящего на лавке отца Евдокима. В воздухе стоял заметный гул, за столиками на открытых площадках баров и кафе кучковались люди, разговаривали, пили кофе, пиво, кто-то налегал на горячие блюда: второй ланч с мясом или рыбой здесь – обычное дело. Пошёл к монаху, думая, что тот не узнает меня, но увидел улыбающееся лицо, он поднялся, поправил подол рясы, притронулся к густой седой бороде, сказал с крутым "о":

– Вам привет, Александр Юрич, от всех воспитанников нашего приюта, от архиепископа Тихона, Марфа просила кланяться и непременно хотела узнать о вашем здоровье. Как будет она готова к лечению, тут же позвонит вам, а пока просила не беспокоиться, ей надо дочку пристроить на этот период. Заходила тётя Галя, жена Василия Степаныча, нашего старосты, передала слова благодарности: с мужем дело пошло на поправку.

Честно говоря, я засмутился, вон, сколько народа помнили меня, сказал, чтобы остановить неторопливую речь монаха:

– Отец Евдоким, не хотите поесть? Прямо здесь и распо-

ложимся, закажем, что пожелаете, можно пивка или чего покрепче выпить за встречу...

– Я хоть и монах, но прошу в нашем личном общении перейти на простые имена: можно буду называть вас Сашей? А вы меня – Евдокимом или Кимом, как звали мальчишки во дворе и в школе... И можно на "ты"? А с обедом чуть повременим: я документы привёз, хотел бы их сдать с уведомлением о доставке, а потом и трапезу устроим.

– Нет проблем, Ким. Пойдём на служебный лифт, он свободнее, поднимемся в офис.

Снова ковровые дорожки, бесшумно дошли, и я толкнул дверь – в приёмной застыла Агриппина. Пришлось выводить её из лёгкого ступора:

– Груша, познакомься: это отец Евдоким, руководитель монастырского приюта, он прибыл с документами, их надо принять, оформить по всем правилам, выдать уведомление о получении и... напои нас крепким чаем.

– Да... Непременно, одну минуту: достану журнал приёма документации и всё быстро оформлю... А может, у вас флешка есть или дискета? Я бы ещё быстрее всё оформила...

Она поперхнулась, увидев, как смотрел на неё этот высокоченный человек с седой бородой, большим прямым носом, густыми бровями, почти закрывающими тёмно-коричневые глаза, в которых читались и недоумение, и интерес, и озорство. Видимо, монаха сильно позабавила хрупкая китаянка с таким простым русским именем – Груша.

Я пришёл на вырчку референту, сказал:

– Отец Евдоким, заходите в кабинет, располагаётесь, предварительно посмотрим документы. . .

Он прикрыл за собой входную дверь, уселся с краю стола, достал из старого, но крепкого кожаного портфеля папку с бумагами, посмотрел на меня. Я почувствовал всю важность момента, а он сказал:

– Александр Юрьевич, лучше сейчас так вас назову. Здесь договор и смета на капитальный ремонт, бытовые и культурные расходы для детишек, боюсь сказать, на тридцать один миллион сто семьдесят три тысячи рублей. . . Немножко перебрали, не уложились в тридцать, не ругайтесь. . .

– Ким, дорогой, я вообще не буду решать ни первым, ни вторым голосом. Решение примет правление. А мы с тобой доложим на заседании, главбух подтвердит обоснованность цифр, и тогда проголосуют все одиннадцать членов правления. Но как мы доложим, большой вопрос. . . Шучу, не паникуй, всё будет нормально. Я уже согласовал порядок цифр с хозяином фонда, у него нет возражений. Но есть просьба: давай в ваши цифры заложим ещё и расходы на лечение Марфы, пребывание их с дочкой в столице. И на лечение вашего старосты Василия Степаныча. По подсчётам специалиста, нужно около четырёх миллионов рублей. А сколько получится в итоге, пусть вычислит Агриппина, которую я называю Груша, хотя она и стопроцентная китаянка, ха-ха-ха-хии, – засмеялся я, так радостно и открыто, как давно не смеялся.

Монах тоже громко и заразительно захохотал, достал папку с бумагами, и я передал её в приёмную. Через минуту после моего возвращения в кабинет, Агриппина и девочка-помощница принесли нам поднос с чаем в двух литровых чайниках, порезанный торт "Наполеон" и аж четыре вазочки с вареньем и конфетами.

– А как же обед? – спросил у Евдокима, – придётся позже... Но по рюмке коньяку прямо сейчас, думаю, бог нам простит, – референт снова зашла, в руках бутылка с французским коньяком и два пузатых фужера.

Агриппина согласовала мой приезд к Бобо Константиновичу только на шесть часов вечера, сказала, что он занят, как проклятый. С отцом Евдокимом мы изучили все привезённые документы, девочки вручили ему уведомление с печатями о сдаче бумаг, потом около часа обедали в кафе на первом этаже, после этого я уложил его в гостевом номере на широкий диван и заставил поспать, сколько получится. Вечером я хотел захватить его с собой, может, у Бобо появятся вопросы, и тогда тот пообщается с живым человеком из глубинки. Подошёл к окну, хотел постоять, разглядывая большую часть площади с машинами, снующими людьми, детьми, играющими в сквере, подумать, но в последний момент вдруг подвинул кресло, уселся удобнее и позвонил на мобильный телефон Наталье.

– Я знала, что ты сегодня позвонишь, именно после обеда, – сказала она таким родным для меня голосом, – хотя я ждала звонка всегда. Как ты, чем занят? Мы в сельский клуб уже не пойдём?

– На шесть – встреча с председателем совета директоров, поведу к нему монаха Евдокима, чей детский приют мы принял на содержание в этом году...

– Это из провинции, из города, в котором ты учился? Я помню твой рассказ, грустный, про одноклассницу, очень жаль её... Пожелаю тебе и монаху удачи. А мы с дедом несколько раз вспоминали тебя. То есть он начинал рассказывать о твоём дедушке и волей-неволей упоминался и ты...

– Я хочу сегодня спросить своего родственника, того самого председателя совета, о некоторых малоизвестных страницах жизни Караванова – старшего. Может, работая с ним вместе много лет, он знает то, о чём я даже не догадываюсь. В общем, белых пятен пока много, мне на них особенно чётко указал твой дед, Константин Георгиевич... Но это всё дела-дела, а я безумно хочу тебя увидеть, прижать к себе, поцеловать в ушко, разглядеть твои глаза, найти губы... Я скучаю.

– И я тоже... Так скучаю по твоему голосу, рукам, по твоей улыбке. Ты буквально покорила меня своей добротой, участием к людям, умом...

– Вот-вот, об уме – в последнюю очередь, ха-ха-ха-хии, – опять засмеялся я легко, свободно, расправив грудную клетку.

ку, почувствовав, как счастье переполняет меня всего, – давай поедем за границу, только вдвоём, в Барселону или Марсель? Мне хочется на Атлантический океан. Не на Средиземное море, а к океану хочу. Я могу открыть адвокатскую или нотариальную контору для русских и не только, бюро переводов, а ты будешь участвовать в археологических экспедициях, но по своему желанию...

– Глупенький, я специализируюсь, как эксперт, на иконах. И вообще, у меня, скорее, искусствоведческое направление в археологии. Это Русь, вся она – моя, помнишь: "Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная..."

– Понял. Что тут не понять... Поедем тогда в Псков: ты в мастерских будешь открывать новые иконы, я – в монастырь уйду, архимандритом стану, любить тебя буду тайно и платонически...

– Какой ты ребёнок, Саша. А монашество, действительно, не предполагает супружеских отношений...

– Минуту, прости... – прервал я на полуслове Наташу, – что случилось? – спросил заглянувшую в дверь Агриппину.

– Перезвонили из приёмной Бобо Константиновича: если вы сейчас свободны, – сказал их референт, – то у него образовалось окно, он приглашает пообедать вместе с ним.

– Сейчас узнаю, как монах себя чувствует. Я уложил его с дороги спать, – и в телефон, – Ната, извини, срочно понадобился я, перезвоню ближе к вечеру. Не скучай, скоро увидимся...

– Отец Евдоким спит, храп в коридоре слышен, – сказала, улыбаясь Агриппина.

– Ну и пусть себе спит. Передай в приёмную: я буду к назначенному часу, сейчас – занят с гостем.

Перезванивать Наталье уже не стал: грусть не проходила, наверное, сильно тосковал по ней. Открыл интернет, начал искать материалы о дедушке. Ничего нет, как будто и не было живого человека, а прошло-то меньше десяти лет. А вот отец, на замену деда, то и дело выскакивал в поисковике: и детский писатель, и лауреат, и семинары ведёт в литинституте, и в читательских конференциях участвует, кучу его фотографий вывалил мне инет. "Неужели он стал известен? – недоумение постепенно сменялось тихой радостью, – ай да Пушкин, ай да... Нет, наверное, всё это увеличено единственной страницей поиска, сконцентрировалось в одном месте..." Но, честно сказать, открытие я сделал для себя приятное. Подумал: надо позвонить бате, сказать об интернете, о том, как я рад за него, попрошу подписать все вышедшие книжки, сообщу, что приеду вместе с Натальей, чтобы познакомить её с роднёй, а заодно и книжки забрать.

До пяти вечера оставалось меньше часа времени, вышел в приёмную, шепнул Агриппине, что приглашаю её попить кофе в баре, настоящего, бразильского захотелось. Она даже зарумянилась на щеках, видимо, от предчувствия удовольствия, а её помощнице сказал:

– Монаха разбудите без четверти пять, напоите чаем, ров-

но в пять – мы уедем к Бобо Константиновичу. Бумаги соберите в одну папку: и наш вариант, и монастырский.

Я знал, что Груша спросит о концовке разговора с Натальей, свидетелем которой она стала. Так и случилось:

– Можно полюбопытствовать, Саша? – спросила она, но уверенно, не смущаясь.

– Я знаю, что ты хочешь знать, Груша. Тебе скажу: встретил девушку ещё в поезде, студентку-археолога, лет двадцати, наверное, уже познакомился с её дедом и бабушкой, а родители – в Штатах, но скоро должны приехать, будем знакомиться дальше... Да, может, на недельку все вместе слетаем в Сочи, как в старые добрые советские времена. Тогда я буду просить тебя о помощи с бронированием номеров в лучшем отеле...

– Саша, грустно маленько... Опять холостой мальчик уходит от меня. А мы, китайки, необычайно хороши для супружеской миссии. Но ничего, выдюжим и здесь: ты такой высокий и мощный, ты бы просто раздавил меня, хи-хи-хии, – смех у Груши – невесёлый. Я взял её руку, поднёс к губам, поцеловал, сказал:

– Агриппина, вот так случилось: я, кажется, влюбился... Не будешь же ты ненавидеть меня за это, правда?

– Я всё сделаю, что от меня зависит, чтобы тебе было хорошо и счастливо. Я буду по-прежнему любить и преданно служить тебе. Во ай ни, друг мой, зря ты не выучил китайский...

Приехали с монахом к Бобо Константиновичу заранее, ещё раз проверили документы, сумма укладывалась в цифру – тридцать пять миллионов рублей. Поскольку я заранее не предупредил начальника о Евдокиме, его отправили в бар, стали снова поить чаем. Начальник с порога, почему-то одетый в парадный костюм, белую рубашку и модный сиреневый галстук, сказал:

– От приглашений на обед, как правило, не отказываются. Но тебе простим: я всё-таки твой дядя... Приёмная мне вывела на комп документы по детскому приюту, я всё посмотрел, думаю, голосование помощники проведут, обзвонив членов совета директоров... А где члены правления фонда? А где сотрудники на вакантные должности по его аппарату? Медлишь-тянешь, но пока ещё всё можно списать на командировку, ну, и на твои любовные похождения. Но это только пока...

– Господи, боже мой, не только с компьютера бумаги копируют, но и о личной жизни уже доложили?

– Саша, ничего не бывает просто так: приёмная – на нашем сервере, а водитель – он же охранник, помощник и...

– Стукач. Не ожидал, Бобо Константинович... И что же он доложил о Наташе?

– Хорошая, воспитанная девочка, внучка генерала, дочь – учёных с мировым именем... Заметь, ни у тебя, ни у На-

ты Эдуард ничего не выпытывал, вы сами, сидя в машине, всё рассказали. На кого здесь нужно обижаться? А по сути: я рад, что тебе понравилась Наташа Березина, на будущее – можно посмотреть её родителей по фармбизнесу, за их работками давно и внимательно следят иностранные фарм-компании. Это, к твоему сведению, капиталы на миллиарды долларов.

– А у нас что попроще? Транспортировка нефти – газа, АЗС...

– Бизнес не пахнет ни нефтью, ни газом, ни лекарствами, мой дорогой племянник.

Я чувствовал, как Бобо приятно произносить эти слова – "мой дорогой племянник", как важно для него иметь рядом родственную душу, как значимо осознавать, что есть целый род, у которого теперь – свой, большой и разветвлённый, семейный бизнес. Вот только его брат и мой отец – немного подкачал, но ничего: Бобо ждал десять лет, подождёт ещё, чтобы писатель созрел, захотел не просто издавать свои книжки, но и чужие, превратив это занятие в большой и прибыльный бизнес. Наверное, в конечном итоге, всё так и будет: он втянет писателя сначала в издание детских книг, журналов, раскрасок, комиксов, потом незаметно переведёт стрелки на ТВ. А там уже – бал будет править гремучая реклама, хотя для непосвящённых телезрителей – останется только приятная картинка, украшенная милыми мордашками ползающих в подгузниках малышек и играющих на

скрипках "юных нищих", зарабатывающих на шоколад для своих родственников.

– Я приехал с отцом Евдокимом, хорошо, если бы ты встретился с ним...

– Надо предупредить. Он мог не вписаться в наш план. Я только тебе могу сказать о том, что мы – переведём на край сумму в триста пятьдесят миллионов рублей. Понимаешь разницу? Но туда войдут и деньги на приют, и на лечение дорогих нам людей, и на другие неотложные расходы администрации. И всё это – в рамках поддержания социально значимых программ. То есть, деньги детям будут поступать через администрацию, а те будут ответственны за них, и контролировать станут сами, уведомляя нас по итогам года. Я думаю, ты согласишься, что монаха не надо об этом информировать, они с отцом Тихоном сами разберутся, на месте, что да как... Но встретиться с ним я, конечно, встречу, раз ты его сюда привёз. И второе: готовься, через пару дней мы с тобой снова полетим в родные места деда Николая. Нас будет ждать губернатор: помнишь, я говорил о реконструкции их АЗС? Вот туда же войдут и строительство нефтехранилища на причалах реки, и реконструкция завода по переработке газа... А это, мой дорогой племянник, уже десятки миллиардов.

– Я схожу за отцом Евдокимом, но сначала – два вопроса...

– Монаха приведут и без тебя, – Бобо соединился с при-

ёмной, – отца Евдокима пригласите ко мне. И второе, что?

– Не второе, а два вопроса, – сказал я, он кивнул, заулыбался, – что за торжества, костюм шикарный по какому случаю?

– Сегодня приём по случаю Дня Военно-Морского флота. Помнишь, в СССР был такой праздник? Я горд и рад, что новый верховный главнокомандующий начал восстанавливать старые добрые традиции и что меня пригласили на торжественный приём. Наш император Александр III говорил: "У России есть только два союзника: её армия и флот..." Мы об этом не говорили с 91 года прошлого века, а жаль. И что второе?

– Почему мы переводим триста миллионов вместо тридцати?

– Я мог бы сказать обидное: "Не твоего ума дело!" Но я скажу, первый и последний раз, только тебе и только в стенах, так называемого у нас, чистого кабинета: "За всё надо платить. Тогда выживешь, останешься на плаву, и, может быть, даже преуспеешь..." Ещё вопросы есть? У матросов нет вопросов. И я этого не говорил, а ты – не слышал.

В кабинет зашёл седобородый отец Евдоким, заулыбался, сказал:

– Благодарствую, Бобо Константинович, за приём. Архиепископ Тихон просил низко кланяться вам, отблагодарить вашу щедрую душу, такую неравнодушную к нашим чадам. Все бумаги подготовлены, проверены, подписаны, сданы в фонд по уведомлению. Будем ждать, с позволения Господа,

вашего решения.

– Через два дня мы с Александром собираемся приехать к вам, губернатор ждёт нас для подписания большого соглашения о взаимодействии холдинга и региона. Там будет и отец Тихон, и вас ждём, отец Евдоким. Программа большая, насыщенная, хотя, видит бог, мы не хотели кинокамер, ТВ и газетчиков. Но сие от нас не зависит, так угодно сделать принимающей стороне. Хотя мы с собой журналистов точно не берём. А вам, видимо, придётся на месте подумать о нашей встрече с воспитанниками детского приюта, давайте так сделаем: праздничный обед – мы закажем и оплатим, а концерт – покажут сами детишки. Выберите на каждого хорошую игрушку, мы тоже оплатим их помимо сметы расходов. И уж точно, думаю, что местные журналисты да и соборы центральных газет и ТВ-каналов не откажутся от таких сюжетов.

– Всё понял, Бобо Константинович, ещё раз спасибо вам, за всё. По приезде обо всём доложу архиепископу Тихону, будем готовиться к встрече с вами, – он пошёл к выходу, я успел сказать ему в спину:

– Ким, подожди меня в приёмной. Я догоню тебя, подброшу до вокзала...

– Вижу, уже подружились. Молодец, Саша, с таким людьми надо дружить, будешь чувствовать себя чище и ближе к богу.

– Бобо Константинович, я всегда буду так информирован

о делах фонда? – он прервал меня:

– Нет, конечно! – раздражение почти не чувствовалось, скорее досада прорывалась в голосе хозяина холдинга, – будешь меньше знать, крепче будешь спать. Не обижайся, но за финансы пока отвечаю я и только я, даже в фонде. О его сущности и роли для холдинга я как-то тебе уже рассказывал. И так будет всегда. В другом измерении и другом ракурсе – фонд нам просто не нужен. Переходи тогда в управление социальной защиты населения и там работай для пенсионеров и малоимущих слоёв населения. И второе: я так вас люблю, свою семью, и так вас долго искал и ждал, что всё сделаю, жизнь отдам, чтобы вам жилось спокойно и безопасно. Ну, что ты нахохлился? Все крупные игроки так живут, ты узнаешь получше эту жизнь, освоишься, привыкнешь. И лет через десять-пятнадцать я с лёгким сердцем передам тебе, как единственному наследнику, всю нашу империю...

– Империю зла, – съехидничал я, – ладно, поживём-увидим... Можно, я съезжу к своей девушке, утром, как штык, буду в офисе?

– Об этом и обо всё другом, что касается твоей личной жизни, ты можешь меня не спрашивать. У тебя есть родной отец, мама. Я бы привёз её для знакомства с родителями...

– За подсказку, спасибо. Подумаю, обязательно... – пожал дяде руку, направился к двери, услышал:

– На той неделе пойдём на встречу с нужными людьми в Парламенте, созревай потихоньку, у них скоро выборы.

Глава – 15.

В телефонном разговоре Наталья сказала, что дед явно напрыгся, когда узнал, что я решил вечером заехать к ним на дачу. Хотя, в моём понимании, здесь не было ничего предосудительного или необычного. Водителя я предупредил, что задержимся, утром компенсирую время, до офиса доберусь сам, а он может до обеда побыть с детьми. На что Эдуард ответил: "Никогда не расшаркивайтесь перед обслугой. Мы служим вам и знали, на что шли. Такие деньги сейчас дорого стоят, Бобо Константинович позволил нам иметь их. Только служба, всё остальное – не наше дело, – и добавил, – прошу без обид..." А я почему-то подумал о его "горячих корнях" и о том, что он продаст меня первому, кто больше заплатит. Утешало одно: я в принципе никому не нужен.

Второе, о чём спросила Ната по телефону: "Как будешь с работой выкручиваться?" "Наше, советское воспитание, – про себя улыбнулся я и сказал, – это тебя не должно волновать. Ехать до вас и обратно, без пробок, чуть больше часа. Твой дед каждое утро ездил отсюда на работу, вечером – домой".

Встретив у ворот дачи, она сказала:

– Было так трудно, но я уломала деда, ты можешь у нас переночевать, чтобы не тащиться в город. А водителя отпусти домой...

Я опять не смог сдержать улыбки:

– Всё за всех решила, рассчитала, утрясла. Точно Татьяна Васильевна: "И вечный бой, покой нам только снится!"

– Ну Саша, ты даже не похвалишь меня? – она потянулась к моим губам, от неё исходил тонкий аромат мартовской свежести, что тоже напомнило мне любимые духи бабы Тани – "Быть может", затем продолжила, – правда, есть условие: я сплю с бабушкой, дед – на веранде, ты – в моей комнате, ха-ха-ххии, – заливисто засмеялась Ната, – и к нам можно попасть только через веранду, ха-ха-ххии...

– Ну, дед, ну, разведка боем... – только и нашёлся я, что сказать.

Водитель тут же уехал домой, хорошо, что не заезжал в ворота. Милка и Бурый узнали меня, так прыгали и бегали вокруг ног, что я боялся за их сердца: не взорвались бы от восторга. Наталья Савельевна хлопотала с ужином, забрала с собой внучку, генерал, насупившись, восседал в кресле. Сказал:

– Надеюсь, ты меня понимаешь, Александр, как мужчина мужчину, она моя внучка. И троих детей водителя жалко, совсем, наверное, не видят отца... Потому ты можешь остаться у нас. Но я вижу, Ната уже всё передала тебе, вот глупенькая девчонка. Саша, береги её, мне будет очень больно, очень, если с ней что-то случится. Но ты – внук моего друга Николая Иваныча Караванова, я доверяю тебе...

– Константин Георгиевич, не знаю, что сказать даже. Бо-

ую пошлости, но я, честное слово, горжусь вашим доверием. Если бы не устои, традиции да боязнь пересудов, я бы сегодня женился на Наташе, хотя мы знакомы без году неделя... Я буду ждать, как она скажет, и буду надеяться, что вы поддержите её решение.

– Ты прав, Саша, тут не всё так просто. С нами, дедом и бабушкой, всё предельно ясно и понятно, лишних слов – не требуется. Сын у меня – военный медик, закончил академию, защитился, дважды, без пяти минут – академик, вирусолог. Его жена – тоже учёный врач, а её родители – в разводе, отец уехал на историческую родину, а мама – русская, переехала к родителям в Рязань, ухаживает за ними. Оба сдали в раз, отец в прошлом – боевой полковник Володя Соколов, я хорошо знал его по армии. Так вот, эмигрант последнее время зачастил к дочке, значит, к маме Наташи, агитирует детей на переезд, горы золотые сулит, Америкой, ихним гражданством приманивает, мало лаборатории – центр обещает им вручить. Я пытался с ним поговорить, боится он меня, прячется, так и не вышел на разговор. Ну, пакостник, наверное, с ЦРУ связан или с фармкапиталом, а там сотни миллиардов крутятся, самый прибыльный бизнес в мире. Я к чему всё это рассказываю? Чтобы, значит, не было недомолвок между нами.

– Понимаю. Что сказать? У нас тоже свои скелеты в шкафу... Об отце моём вы знаете, мама – из глубинки, биолог, болела алкоголем, больше десяти лет вообще не пьёт, сест-

ра – "стучится в вуз", хорошая девчонка, но взбалмошная, возраст, наверное... – я готов был дальше рассказывать, думая, как поосторожнее подойти к Бобо, к тому, что я лежал в частной клинике и, наконец, почему взялся за этот фонд. Но генерал меня перебил:

– Саша, не обижай: вашей Татьяне Васильевне я доверил бы всех детей мира, не то, что своих вместе с внуками. Раз она столько лет жила с вами, с тобой, значит, приличных, настоящих людей подняла и вырастила. А недостатки сейчас можно у каждого найти. Брось в меня камень, если ты безгрешен...

– Есть один нюанс, о котором мне надо сказать вам, Константин Георгиевич. У нас нашёлся внебрачный сын деда, татарин по матери, который сто процентов – наш родственник, зовут его Бобо Константинович Доброволин. Поскольку мама у него умерла вскоре после родов, его усыновил директор школы одного сибирского селения, где дед Коля ещё холостяком был в командировке. Бобо давно знал, что он – сын Караванова, работал с ним бок о бок, но молчал, не хотел обижать Татьяну Васильевну, боялся, вдруг причинит своему отцу, с его инфарктным сердцем, новую боль. Короче, уже после смерти деда, он признался нам с отцом в родстве, сказал, чтобы привыкали, а если мы не примем его, он не обидится и фамилию менять не будет. Он ушёл с госслужбы в бизнес, все эти годы занимается транспортировкой нефти, газа, реконструкцией заводов, АЗС и тд., стал миллиарде-

ром. Вот откуда появился, в том числе, и фонд имени Караванова, где я работаю.

Генерал молчал, с кухни не выходили женщины, как будто они слышали наш разговор. Я решил сказать последнюю фразу:

– О его рождении мальчику рассказал директор школы, Константин Натанович Доброволин, старый уже человек, у которого работала мама Бобо. Этим именем она успела назвать малыша в честь их гостя – Караванова, опубликовавшего о школе очерк в центральной газете. Директор усыновил мальчика, в селе ничего не скроешь, сам потом умер в Израиле, куда Бобо, зная о настоящем отце, категорически отказался ехать.

– У меня принципиальное невосприятие нуворишей... Я не знаю даже, что и сказать. Твой-то отец признал его за брата? Значит, жизнь пойдёт в русле новых семейных отношений. Лишь бы вы были готовы к этому. А за деда твоего могу сказать одно: знай, Николай о мальчике, не ушёл бы в могилу с этим грехом. Вот тогда у вас точно был бы старший брат.

То ли информация о старинном товарище и его открывшейся тайне, а может, известие о появлении нашего родственника с мутными делами и такими же деньгами так повлияли на настроение генерала, что за ужином он плохо ел, почти не разговаривал, вернее, совсем не поддерживал раз-

говор. От водки мы оба отказались и, сказав, что выведет погулять собак, старик подцепил на поводки Милку и щенка, вышел за калитку. Мы с Натой, не сговариваясь, тоже встали из-за стола, поблагодарили Наталью Савельевну, направились за дом, к двум дальним скамейкам, скрытым в кустах сирени, яркой, сочно-зелёной в лучах заходящего солнца. Я стал целовать девушку, едва мы успели присесть на тёплые доски. Она закрыла глаза, полностью отдалась мне. Что-то шептала, гладила мои волосы, иногда до меня доходили слова: "Я тебя полюбила, я никогда так не любила, скучаю по тебе..." Я даже не предполагал, что на широких досках скамейки можно так сильно, с таким ярким чувством, заниматься любовью...

Примерно через час к нам прибежала Милка, она обнюхивала свою любимую хозяйку, та смущалась, но солнце уже спряталось за лес, и я не мог разглядеть, был ли у неё румянец на щеках. Вскоре бабушка позвала собаку есть, мы успокоились: нас больше никто не мог разоблачить в наших любовных грехах. Я сказал, открыто, почти не напрягаясь:

– Нат, мы с дедом серьёзно говорили перед ужином. Я обещал ему, что не причиню тебе зла или обиды, а ему боли за тебя. Сказал также, что готов хоть завтра жениться на его внучке, если она, конечно, согласится выйти за меня замуж. Но есть традиции, устои, которые нельзя нарушать в своих отношениях влюблённым. Поэтому я хочу тебя официально спросить: "Ты выйдешь за меня замуж?"

– Ну, на-хал... – то ли смеялась, то ли всхлипывала Наталья, качая из стороны в сторону головой, – как тебе не стыдно издеваться над дедом?!

– Я на полном серьёзе спросил тебя: "Ты готова связать свою жизнь с моей?" Мы можем потом объявить о любых сроках нашей свадьбы, испытывать себя временем и странством... Но сейчас я хочу чётко и ясно сказать: "Я люблю тебя. Очень, с самого нашего первого знакомства в общем вагоне поезда, когда ты, как Золушка, ползала возле корзины с котятками..."

Она закрыла мне рот ладошкой, тише шёпота сказала:

– Я люблю тебя. Готова всегда быть с тобой.

– Когда у тебя день рождения и сколько тебе лет? – вдруг спросил я.

– Первого сентября мне будет двадцать...

– Значит, ты – Дева, младше меня почти на пять лет, ха-ха-хаа... Какой я старый, по сравнению с тобой – просто дремучий старик, ха-ха-хаа, – я смеялся от души, заодно мне хотелось расшевелить Деву, насколько я помню, по знаку зодиака – стеснительную и скромную в своих проявлениях, – вот мы с тобой и перейдём рубикон: пусть тебе исполнится двадцать лет, ты придёшь на третий курс. А я буду тебе помогать, я же гуманитарий, с языками... – и, помолчав, вдруг добавил, – Нат, надо сильно, чтобы не огорчить бабушку и деда, предохраняться. Сегодня я уберёг нас, хотя мне было

так хорошо с тобой, полное слияние... Ты согласна: мы абсолютно соответствуем друг другу!

– Да... У меня кружится голова, едва подумаю о тебе. Я знаю, это от любви... Но мне стыдно, я никогда, ни с кем ещё так не разговаривала. Ты постепенно заполняешь все мои клетки. Это, наверное, плохо? А вдруг ты меня разлюбишь? Я тогда умру...

Нашёл в сгустившихся сумерках её глаза, стал осторожно слизывать солёные слёзинки, думал: "Как же я люблю эту девочку! Она вдруг стала моей жизнью... Но это уже взрослое чувство. Это уже не Екатерина с моими подростковыми фантазиями. Эх, Катя-Катя, как же ты так рано ушла..." – я остановился, мне вдруг стало жарко, а потом начал потихоньку бить озноб. Быстро сказал:

– Темно уже, да и перед стариками неудобно... Пойдём, Ната, в дом?

Она внимательно посмотрела на меня, будто что-то увидела за моей спиной, встала со скамейки, прижалась крепко-крепко, сказала вдруг:

– Ты мой! Никому и никогда не отдам...

Обнявшись, мы пошли в дом.

К планировке старого дачного дома я никак не мог привыкнуть: на второй этаж вели две лестницы, справа и слева от веранды, обе упирались в две большущие комнаты, отде-

лѐнные друг от друга глухой перегородкой. В одной расположилась Ната, во торой – дед с бабушкой: это для них была и спальня, и рабочий кабинет Константина Георгиевича с большущим письменным столом и плетѐным креслом, закрытым пледом из цветных кусочков пастельных тонов коричневого и бежевого цветов. Окна, широкие, в полстены, выходили во двор, утром звуки улицы не долетали до них, солнце пробивалось сюда только после обеда. Стена дома – увита виноградной лозой, по низу – разросся ирис, выюнок и ранние тюльпаны.

На тѐплой веранде с кухней и шкафами для одежды стоял широкий диван, раздвижной стол на десять стульев, через коридорчик от кухни можно пройти в две комнаты, где обычно размещались сын генерала и невестка. С другой стороны веранды – двери в ванную комнату, туалет и кладовку, плюс – автономный выход в холодный гараж и пристройку с летним душем, которую уже сто лет собираются переделать в баню да всё руки не доходят: генерал уже стареет, а сын – надо честно признать, малопрактичный человек, сразу отрезал: "Не лучше ли нанять специалистов?" В давние времена, как рассказывала бабушка, на веранде собирались всем семейством, разговаривали, смотрели телевизор, Наталья Савельевна, по старой памяти офицерской жены, любила играть в карты, сейчас предпочтение отдаѐт русскому лото. Но вот уже несколько лет дети приезжали сюда только на начало отпуска, потом улетали на море, забрав с собой дочку,

возвращались, как правило, к дню рождения Наты и началу занятий в школе. Как только внучка поступила в институт, приезды детей, можно сказать, прекратились: "Закончились экспедиции за энцефалитом, начались переодевания в смокинги для симпозиумов и конференций, приёмов и фуршетов..." – горько шутил отставной генерал. И только внучка всегда с огромным удовольствием жила у них, но вот уже два лета, как в своё время у родителей Наты, пошли экспедиции за иконами, какие-то раскопки, бесконечные рюкзаки-штормовки-резиновые сапоги...

Играть роль любезного хозяина, расшаркиваться, развлекать гостя, занимая его разговорами, генерал не привык, сказал жене:

– Постели мне здесь, рано утром договорился с соседом сходить за грибами, слышал, пошли берёзовики и лисички, проведём разведку боем... Наверное, утром, не увидимся, Александр, желаю всех благ и до встреч. Вспоминай наш разговор, а я, со своей стороны, переговорю с моими женщинами... Тебе постелили в комнате внучки, это – по лестнице справа. Будильник можешь взять мой, я рано стал просыпаться: "Там царь Кашей над золотом чахнет... Вот и чахну без сна. Ната, проводи гостя пока я не лёг".

Наташа посмотрела на бабушку, та промолчала, тогда она сказала, обращаясь ко мне, как к незнакомому гостю:

– Пройдёмте наверх, товарищ. Чистая зубная щётка – в ванной, в нижнем ящичке, пижамы нет, но ночи сейчас душ-

ные... Утром к кофе не опаздывайте, таков порядок пансионата.

Баба Наташа буквально прыснула, но дед сделал вид, что не понял издёвку внучки, по пятому разу стал просматривать правительственную газету, единственную, которую доставляли сюда по подписке. За остальной "прессой", как он признался мне, он ходил на станцию, где встречался со знакомыми пенсионерами, обменивался информацией в виде сплетен и анекдотов, иногда, по поручению хозяйки, покупал на импровизированном базарчике свежее молоко, сметану и сливки для единственной в день утренней чашки кофе.

Как только поднялись по лестнице, зашли на балкончик, отделяющий вход в комнату, мы буквально слились в поцелуе. Потом я прошептал:

– Сейчас мне как-то не по себе, зная, что этот добрый Кашей чахнет на первом этаже... Я люблю тебя, усну с одной мыслью: скоро ты снова будешь моей.

Глава – 16.

Поезд прибыл рано утром. За день до выезда Бобо Константиновича, меня, главбуха с документами по соглашению, юриста – делопроизводителя, помощника и Агриппины в город ушли своим ходом три машины: самого хозяина, службы безопасности вместе с четырьмя сотрудниками и грузового "Мерседеса" с подарками для детей приюта. Наша де-

легация, без сомнения, успевала к праздничной службе по случаю Ильина дня, которую обычно проводит сам митрополит Тихон в главном храме края. На привокзальной площади огородили место для стоянки машин делегации, к поезду пришли замгубернатора, пять-шесть человек из местных чиновников, чуть в сторонке стоял отец Евдоким, как всегда, желающий несколько отстраниться от мирской суеты.

После знакомства с рукопожатиями я подошёл к монаху, сказал:

– Ким, наша договорённость остаётся в силе?

– Только когда нет моих детей и патриаршего начальства, а это значит, когда мы с тобой остаёмся вдвоём... – монах улыбается, гладит седую бороду, – я всё ещё не верил, Саша, до конца. Господь тебе воздаст за сирот...

– Ладно, не славословь, отец Евдоким... Впереди – торжественное подписание бумаг у губернатора. Вот тогда и поздравим друг друга, и чарку поднимем, и закусим... А как дети, готовы к встрече?

– Умрёте от умиления: такой концерт придумали, от самых младших до восьмиклассников выступают детишки. Я и не знал, что столько талантов.

– Как староста, Василий Степаныч, можно его увидеть? Будет ли в приюте Марфуша? Мне обязательно надо поговорить с ней, обязательно, Ким...

– Опять тебя бывшая одноклассница беспокоит? Не смущайся, мне Марфа рассказала, мы советовались с ней, как

быть. Да, она обещала придти с дочкой на встречу, так что увидите...

Подошла Агриппина, протянула монаху руку, сказала, заметно смущаясь:

– Меня Саша зовёт Грушей, вы тоже можете так называть. Я принадлежу к другой религии и, по-моему, уже не боюсь вас...

Отец Евдоким заговорил по-китайски, Агриппина вскинула брови, открыла от изумления рот да так и стояла несколько минут, ожидая окончания тирады монаха. Что-то ответила ему, он снова застрочил словами, стал улыбаться, но сдержанно, всё время держа ладони на груди. Потом повернулся ко мне, сказал:

– После семинарии я четыре года служил в православном приходе в Харбине, потом в Шанхае... Мне очень нравилось, но надо было, пока молод, подумать об академии, вернулся домой. А язык учил ещё в семинарии, знаю его не блестяще, но говорить могу...

– Отличный язык у вас, как будто и правда дома побывала, хотя у меня родители уже сто лет живут в Москве, – сказала Агриппина с улыбкой на лице.

– А ты боялась русских монахов, помнишь? – съёрничал я, – где размещаемся, не знаешь?

– Вас вдвоём с Бобо заберёт губернатор, увезёт за город, остальные в гостинице, номера одноместные, говорят, приличные.

– Груш, забронируй мне, по дружбе, номер в гостинице. За городом – делать нечего, столько встреч: надо церковно-го старосту в больнице навестить, встретиться с воспитанницей приюта – Марфушей по поводу её лечения, посмотреть приют до прихода начальства, у журналистов будут вопросы не только к отцу Евдокиму, значит, мне надо быть рядом с ним...

– Господи, ты кого агитируешь, себя или меня? Сделаю, конечно, тогда и машину тебе надо заказать, чтобы не был привязан к Бобо Константиновичу. А он-то знает, отпустит тебя от себя?

– Дело, прежде всего. А потом уже представительство и тд., и тп. Я соглашения не подписываю, он сам это решил делать, вот пусть и отдувается по полной программе.

Какой-то местный голосистый чиновник начал всех зазывать на посадку в машины, я подошёл к Бобо, сказал, что за город не поеду, навещу Василия Степановича, приеду в церковь на службу, буду на подписании соглашения и на концерте в детском приюте. Там же встречу с прессой, расскажу о наших совместных планах.

– Где это ты так научился командовать, дорогой племянник? Я рад, что ты зришь прямо в корень... Соглашаюсь и одобряю ход твоих мыслей, – он улыбался, явно довольный моим поведением, – а вечером всё же приезжай в резиденцию, там приём для узкого круга делает губернатор. Машину и всё остальное – закажи на своё усмотрение, Агриппина

работает с тобой, у меня есть помощник.

То, что меня не крестили при рождении, я знал точно, родители были атеистами, хотя баба Таня говорила, что моего отца тайно крестила её мама, когда она привозили к ней сына на лето. В районе Углича, среди красот волжского водохранилища и нескольких действующих старинных монастырей сам бог велел окрестить человека в православие. Так бабушка и сделала, никого не побоявшись: ни партийных бонз, ни советской власти, зная, что с работницы фабрики вряд ли спросят по всей строгости закона. Да и нет в Конституции таких слов о запрете религии: в красном углу дома, под копией Толгской иконы Божьей матери, подлинник которой хранится в монастыре рядом с Ярославлем, бабушка держала листочек со словами: "Гражданам СССР гарантируется свобода совести, то есть право исповедовать любую религию... (и далее по тексту)". Но надо честно сказать, мой отец никакого энтузиазма и ни в какие времена не проявлял к религии, хотя видел по телевидению, как, с так называемой перестройки, бывшие партийные руководители и нувориши отбивали земные поклоны, стоя на почётных местах в церквях.

Поэтому со мной никто не говорил за религию или агитировал против неё. Пока не случилась беда на реке. За дело взялась баба Таня, беспартийная соратница государственного деятеля, моего деда Коли. После его смерти она стала ре-

гулярно ходить в церковь, зная, что уже не подведёт своего супруга, а после моего выздоровления мы съездили в Углич, где её знакомые в монастыре окрестили меня вместе с десятком новорождённых малышей. "Отлично, – среагировал мой отец на известие бабы Тани, – чай, в православной России живём да и мы с мамой Саши – крещёные". На этом моё религиозное воспитание закончилось.

По дороге в церковь заехал к Василию Степановичу, но поговорить не удалось, у того был курс интенсивной терапии, а главврач заверил меня, что он вернёт "хорошего человека" к жизни. "Увидите, ещё повоюем вместе с ним за права трудового человека, – мы стояли за стеклянной дверью в предбаннике небольшого спортзала, смотрели, как двое молодых врачей массируют и гнут на прорезиненных матах малоподвижное тело церковного старосты, – деньги мы получили, спасибо, специалисты и всё прочее у нас есть, – добавил доктор, – приезжайте через полгода, не узнаете его..."

На ступеньках главного входа в церковь, покрытых мраморной плиткой шоколадного цвета, по сравнению с прошлым приездом не было ни одного нищего, что несколько удивило меня. Гигантские двери оставались полуприкрытыми, из них доносились сильные голоса церковного хора. "Ничего себе, – невольно подумал я, – не хуже, чем в столице поют, вот это размах у отца Тихона..." Незаметно зашёл в своеобразный предбанник, повернул направо и тут же упёрся в возвышение, огороженное толстым кумачовым канатом.

За ним увидел Бобо Константиновича, рядом стоял высокий плотный мужчина в тёмном костюме, бордовом галстуке на светло-синей рубашке, на голове – копна седых волос, уложенная волнами. "Наверное, губернатор, – подумал я, обошёл возвышение, встал рядом с длинной скамейкой, на которой сидели пять-шесть древних старушек, – вот здесь и постоим: всех видно, всё слышно".

С другой стороны гостевого возвышения находилось свободное пространство, довольно больших размеров, метров двадцать, не меньше, на полу которого лежали с раскинутыми в стороны руками пять монашек-схимниц в чёрных рясах, разрисованных крестиками из белой краски. Рядом с ними на коленях стояли несколько женщин – прихожанок, которые молились, но делали это настолько неистово, что, похоже, ничего не видели и не слышали. "Видимо, особая категория верующих, так рьяно замаливающих свои грехи", – подумал я, но уточнить было не у кого, все оказались вовлечёнными в службу, которую совершал сегодня отец Тихон. Он был одет в яркий церковный наряд, выглядел моложаво, походка его была быстрой, кадилком размахивал энергично, голос бархатный, звонкий на концовках произносимых молитв. Создавалось впечатление, что священнику очень нравится совершать службу, он полон сил и вдохновения. Волей-неволей его энергией заряжались все присутствующие в огромном церковном пространстве: люди крестились, подпевали хору, повторяли за митрополитом слова молитв. Сам

того не ожидая, я тоже почувствовал прилив сил, стал с интересом смотреть на проходившую службу.

Краем глаза невольно наблюдал за дядей: Бобо стоял с непроницаемым лицом. Я не знал – верующий он или нет и какую веру выбрал, по отцу или по матери. Но то, что он не крестился, как сосед – губернатор, это точно и не суетился, сцепленные руки держал на животе, головой не крутил, правда, раз, потом второй поправил галстук, видимо, душновато было в церкви. Вдруг к ним вплотную подошёл отец Тихон, осенил крестом руководителя края, тот приложился к руке митрополита. С Бобо священник не стал проделывать подобную процедуру. "Значит, точно, дядя – мусульманин, – решил я, – выбрал веру по маме. И правильно сделал: она дала ему жизнь, хотя и оставила сиротой..."

Затем службу продолжил помощник митрополита, довольно молодой священник в синей камиллавке, так называл точно такой же головной убор отец Евдоким, но надевал он его лишь по случаю особых торжеств. Служитель у входа отстегнул опоясывающий возвышение канат, повёл за собой губернатора, Бобо и сопровождающих их лиц. Я по-быстрому пристроился к этой нешумливой процессии, понял, что идём в гости к воспитанникам приюта, в монастырь, расположенный у высоких стен церкви.

У дверей увидел отца Евдокима, на нём – чёрная шёлковая ряса, на голове – чёрный клобук с крыльями по бокам, на этом фоне особо впечатляла окладистая седая борода. Спро-

сил монаха:

– К детям? На концерт?

– Сначала небольшая трапеза, потом встреча с детишками. У нас, Саша, всё готово, не волнуйся, сходи перекуси...

– А журналисты? Они-то где?

– Мы их только что угостили, как теперь говорят, ланчем, напоили медовухой, на улице многие, во внутреннем двореке, в тенёчке отдыхают, может, спят... – монах улыбался.

– Ну, хитрованы. Давай, Ким, так договоримся: я с хозяином согласую процедуру, может, до концерта и вручения подарков встретимся с прессой, а не после, как планировали, недолго, минут за двадцать объясню, что к чему, раздадим программу наших совместных действий на ближайший год...

– Хорошее предложение, чтобы потом они не болтались под ногами, а побольше снимали детишек и выставку поделок и сувениров.

Ну, что сказать: дети есть дети, взрослые не раз и не два смахивали слезу, доставали без стеснения платки, вытирали мокрые глаза. Концерт шёл около часа, потом отец Евдоким и я по очереди подписали совместное с фондом соглашение о сотрудничестве, несколько копий которого были отданы журналистам. Ни один ребёнок не остался без подарка: дорогие конструкторы вручили старшим ребятам, неподъем-

ные коробки "лего" – середнячкам, мягкие симпатичные игрушки – самым маленьким.

Большие начальники разговаривали с детьми, смотрели поделки на стендах и столах импровизированной выставки, а ко мне подошла Марфа, улыбающаяся, в лёгкой косынке, блузка не яркая, но нарядная, с оборочками, юбка – плиссе удлинённого варианта, до щиколоток, светло-кофейного цвета.

– Боже мой, какая ты сегодня нарядная! – не удержался я, – вот уж воистину говорят: всё к месту и всё – в тон...

– Ради тебя старалась, – снова улыбнулась она очаровательной улыбкой, – ты наш ангел-спаситель, храни тебя Господь, на долгие годы. Как ты занят вечером? Мы обязательно должны пройтись с тобой по набережной затона... Помнишь наш разговор? Я хочу ещё раз посмотреть на тебя...

– Думаю, вырвусь, хотя командир меня уже пригласил в загородный дом приёмов. Но я успею, машина со мной. Во сколько мне подъехать к дому?

– Зайти на чай не хочешь? С дочкой познакомлю, сюда собиралась со мной да вот простыла-перекупалась на реке...

– Давай, в другой раз, не буду обижать опозданием на приём новых товарищей из администрации и епархии. А то, что я ещё на день-два останусь, у меня нет сомнений: такое соглашение подписываем о сотрудничестве, мало не покажется.

– Хорошо. Подъезжай к дому в шесть тридцать, без опоз-

даний, смотри...

– Как штык! Буду ждать прямо на набережной, – сказал я и легонько дотронулся до плеча девушки. Она посмотрела на меня пристальным изучающим взглядом. "Вот ещё незадача, – подумал про себя, – чем-то я ей не нравлюсь, как будто во мне что-то ненормальное, до сих пор..."

Уехал в администрацию губернатора несколько раньше, чем Бобо и хозяин края, мне так хотелось позвонить Наталье, что я уже дёргался от нетерпения. На входе в типовую чиновничью многоэтажку меня, конечно, не пустила охрана, но офицер полиции, увидев мою новенькую "Ауди-8", нанятую в агентстве эскортов, сказал:

– Они щас подъедут! Команда на встречу уже дана, погуляйте маненько, можно до набережной спуститься... Нет, это далеко, можете не успеть вернуться, опять проблемы будут. Сидайте на скамейку, нюхайте цветы, – и заулыбался, показывая две золотые коронки, видимо, на выбитых передних зубах.

Набрал Наталью, телефон долго молчал, даже сигнал вызова не обозначался, потом вдруг сразу услышал её голос:

– Здравствуй... Ну, наконец-то, я просто извелась вся.

– Привет, любимая. Первую часть закончили, детишки всё обещанное получили. Поэтому могу, наконец, сказать, как я тебя люблю, как скучаю. Я просто с ума схожу, как хочу тебя увидеть...

– И я, и дед, и бабушка тоже скучаем по тебе. У тебя всё

нормально? Они что-то тревогу чувствуют, просили набрать тебя, не дожидаясь звонка... А бабуля у нас – гадалка, карты ей что-то нехорошее сказали. Пожалуйста, будь осторожней...

– Чувствую, завтра до вечера выехать домой не смогу. Очень много дел с администрацией по новому соглашению. Это не связано со мной напрямую, я свою часть отработал полностью. Но командир меня не отпустит одного: очень озабочен преемственностью. Чтобы я познавал азы предпринимательства, основу семейного бизнеса... – понял, что злюсь. Почему? За мягкотелость, неумение постоять за себя? Да, не хотелось представлять перед Натальей в таком виде. Но что можно объяснить в коротком разговоре, тем более, когда скучаешь, как сумасшедший. Начинаю оправдываться, – это надо делать. Мне даже нечего ему возразить. Или тогда надо всё рвать-бросать и уходить от него навсегда.

– Саша, не переживай. Ничего не надо объяснять, тем более, на расстоянии. Ты свою миссию выполнил, вот и молодец. Поздравляю! И жду, я буду ждать, сколько надо. Мы Березины – упорные...

– Хорошо, ты меня успокоила. Правда, честное слово, мне стало легче. Деду привет, бабулю, по старой памяти бабы Тани, поцелуй в щёку. Я люблю вас всех. И по отдельности, особенно тебя. Пока-пока, позвоню, но уже завтра утром...

Кавалькада из полутора десятков машин подъехала к администрации, я влился в толпу, прошёл в здание. В акто-

вом зале стояли накрытые для фуршета столы, на двух спаренных, под бархатным зелёным сукном, лежали два толстых альбома с золотым тиснением. Проходя мимо, успел прочитать полное название края и наименование холдинга, внизу, по углам, инициалы и фамилии: Б.К.Доброволин и С.И.Михаликов. "Всё очень серьёзно, – подумал я, – и на весьма солидном уровне. Видимо, эти триста пятьдесят миллионов, куда вошёл и детский приют, только стартовый взнос... Но это меня уже не касается. После шампанского пожму руку Бобо и до приёма в загородной резиденции смоюсь к Марфуше.

Водитель машины, настолько мощной и широкой, едва смог подрулить к дому Марфы: проезды вмещали одну машину, не больше. Я, сказав, что пройду по набережной, поскольку мы приехали на двадцать минут раньше условленного времени, добавил:

– Увидите девушку из этого подъезда, передайте, я – у реки...

– О, кей, – бросил водитель, – но вы ходите осторожнее, здесь до сих пор дикий пляж: и бомжи, и наркота, и кидалы...

– Всё на виду: и люди на открытых балконах, и вы рядом... Да и я не инвалид, кое-что могу, – улыбнулся водителю и пошёл к чугунной ограде.

От домов реку отделяли какие-то сто метров, увидел, что длинный язык затона расширили, в конце его стояли друг за другом два или три сухих дока, не очень больших, видимо, для пассажирских судов среднего класса. "А как здесь глубина, вся так же глубоко, как было десять лет назад..." – хотел добавить: "Как при Кате?", – но не стал произносить её имя, боялся, табу действовало, видимо, само оно не отменится никогда...

"Вот, сверну направо, за вторым домом пойдут заросли лещины, яркой, сочно-зелёной, вперемежку с бузиной и мелким ельником, потом – подъём в гору и на суглинок выйдут первые сосны", – шёл как на автомате, но не было видно ни орешника, ни бузины, ни ёлок, остались одни редкие посадки высоких сосен. А я упорно шёл вперёд, туда, где когда-то проходила извилистая трасса ледяной горы, которая практически от конечной остановки автобуса заливалась с первыми морозами и до самого ледохода радовала детей да и взрослых всей округи.

Наконец, до меня дошло: уходить за дома не стоит, Марфа просто не найдёт меня. "Значит, надо идти к воде, где и утонула Катерина, моя маленькая девочка – Катя", – я почувствовал, как и несколько дней назад, на даче, озноб. Он был, конечно, намного слабее, чем при погружении в холодные воды затона тогда, в яркую солнечную погоду, когда лёд на самодельной горе, а потом и снег на кромке полыньи сверкали всеми цветами радуги. Но мне было реально холодно, я

кожей помнил, как холодеют руки, а в ноги вбиваются иголки, пока маленькие, едва колючие, но я-то знал, что сейчас всё тело пронзят иглы холода и страха...

Я свернул к набережной, присел на скамейку, распахнул лёгкий из льняной ткани пиджак, расстегнул несколько пуговиц на рубашке. Дышалось тяжело, едва справляясь с дыханием, я мысленно отгонял от себя старые мучительные картины подросткового сознания, которые все годы то с невероятной силой, то едва различимо мучили меня. И вдруг на затылок обрушился удар такой силы, что у меня на несколько секунд пропало зрение, но сознание ещё жило, и я попытался встать со скамейки. Не получилось: за плечи меня держали чьи-то руки, худые и бледные в запястьях, совсем без загара, несмотря на середину лета. Вижу, как ко мне наклоняется лицо мужчины, не старого, обросшего грязной кучковатой щетиной, из его рта несёт такой болотной вонью, что мне становится дурно. Довольно легко сбросил с плеч худые руки, бью хуком справа по вонючей физиономии, но тут новый, более сильный удар по голове, нанесённый тоже сзади, отключает моё сознание. Слышу лишь, как издалека-издалека, кто-то кричит:

– Са-няаа, держи-иись. Я бегу к те-беее... Бе-гууу... – голос знакомый, но я так давно его слышал, что никак не могу вспомнить, кому он принадлежит. Кто это бежит ко мне и зачем? Я погружаюсь в воду, ощущаю её тепло и комфорт, мне уже совсем не страшно, погружаюсь всё глубже, из лёг-

ких уходят последние запасы воздуха...

Глава – 17.

Мама первая увидела, как я открыл глаза, смотрел, не мигая, в потолок, сказал тихо: "Баба Таня... Я так долго тебя ждал. А ты... не шла". Я помнил: это она кричала моё имя, чтобы я слышал её и не уходил навсегда из этой жизни. Она держала меня, нежно качала мою голову, гладила лицо, что-то говорила, но уже другим голосом, очень похожим на голос Марфуши. Но руки я хорошо помнил: это были руки моей бабушки. Я знал их с детства, их прикосновения я ощущал, когда позже лежал в горячечном бреду, не понимая, где я: в студёных водах зимней полыньи или в мареве жаркой бани, которую мы два лета строили вместе с дедом Колей на реке.

Скосил глаза вправо, чуть повернув голову, увидел широкое окно с падающими волнами шёлковыми занавесками, по стеклу тихо скреблись голые ветки какого-то дерева, дальше – серел кусочек неба. Вернул голову на середину подушки, увидел склонённое надо мной лицо мамы. "Боже мой, как она постарела, – подумал я с таким огорчением, что чуть не заплакал, – морщины у глаз, мешочки в уголках рта, волосы поседели, неухоженные, закручены в ком на макушке, – она смотрела мне в глаза, зажав рот ладошкой, в ресницах собирались капельки прозрачных слезинок, – надо что-то сказать, иначе будет поток слёз".

– Мама, я рад... Ты со мной. Где я? Что случилось?

– Сынок мой... Ты заговорил. Не напрягайся, отдыхай. А лучше до прихода врача помолчи, а я буду рассказывать. Мы в частной клинике. До того ты долго лежал в военном госпитале: отец с дядей специально поместили тебя туда, где умеют лечить такие ранения, какое случилось... А на дворе – уже осень. Почти два месяца ты был в коме, сначала после травмы, потом – в искусственной. Но, слава богу, молодой организм не только выдержал, мы – победили.

– Кто меня спас, мама? Я только помню крик бабы Тани, она хотела, чтобы я не терял сознание...

– Тебя спасла Марфа. Они с водителем подоспели вовремя, тот вместо "скорой" вёз тебя в больницу, а девушка удерживала в тебе жизнь... Мы приехали с Дашей на следующий день. Я думала, умру от отчаяния, сынок, так ты был плох. И Дарья – не отходила от тебя, столько в девчонке сил и мужества. Она до переезда в столицу всё время была с тобой. Потом – три операции, сложнейших. Наркоманы били тебя молотком, только чудо и молодой организм помогли выстоять.

– Что может быть с последствиями? Ты знаешь предположения врачей? – я говорил чётко, отдельно каждое слово, будто в горло мне вставили искусственный микрофон, – память, движение, ну, речь вроде бы есть...

– Вот сейчас должен придти дежурный врач, я уже звонила кнопкой вызова, поговорим с ним, не будем...

– Мама, врач есть врач. Я хочу услышать твои слова.

– Больше всего опасаются за зрение, память и речь... Я боюсь сглазить, но ведь ты видишь, говоришь и что-то уже вспомнил. О движении скажет врач, но чувствительность ног выше колен – адекватная.

– Хорошо, поговорим позже. Скажи: Наташа не звонила на мой мобильный?

– Я только недавно услышала от твоего дяди о Наташе. А твой телефон, как и похищенные у тебя бумажник, банковские карты, часы находятся в полиции. Но, сынок, на сегодня хватит для тебя разговоров и волнений. Главное: ты жив и очнулся...

Дверь распахнулась, в палату буквально ввалился врач, молодой, чуть старше меня, и он настолько растерялся, увидев больного зрячим, разговаривающим, шевелящим руками и головой, что тут же присел на стул, снял шапочку и, вытерев лоб, сказал:

– Ну, слава богу, а мы заждались пробуждения... На счастье, в клинике на обходе профессор Кирпичников, он уже в курсе, обязательно зайдёт к вам.

И доктор приступил к дежурным процедурам: покачайте головой, поводите глазами вправо-влево, повторите слова и т.д. В коридоре раздались голоса, в дверь вошли пять-семь человек, впереди – моложавый мужчина, видимо, врач в цветастой шапочке, синей куртке и такого же цвета брюках. Никакого белого халата, на шее нет стетоскопа, на груди – модная ныне майка чёрного цвета с белыми мордочками мелких

зверюшек.

– Поздравляю, – голос приятного тембра, искренний, тёплый, – вот это победа. Ай да, военные медики, молодцы, – и обращаясь к матери, так и продолжавшей сидеть на стуле у моего изголовья, сказал, – мы увезём его, прямо сейчас, надо всё посмотреть на приборах...

Прошло несколько дней, приборы, включая МРТ, самые тщательные обследования врачами-специалистами показали: я пошёл на поправку. Мама научила меня есть в постели без посторонней помощи, но особенно я радовался тому, что стал самостоятельно исполнять естественные надобности: сам наполнял "утку", правда, с кишечником пока ещё были сложности, но кроме медсестры рядом всегда был кто-то из семьи, с ними я чувствовал себя комфортно.

Отец забегал каждый день, но он готовил фестиваль детской книжки, разрывался на части, конечно, как говорила мать, от бестолковости, незнания жизни и от неумения организовать дело. Поскольку мама почти безвылазно жила у меня во второй комнате, то Дарья содержала дом и скотину (собак, кошку и попугаев), поэтому успела забежать только раз, но я так рад был увидеть повзрослевшую студентку полиграфинститута, что расцеловал её прямо в губы. Она мне сразу похвасталась, что открывала вместе с Еленой Кувшиновой федеральный бал студентов, выступала от имени фон-

да Караванова, как внучка дедушки Коли.

– Вот, – сказал я, глядя на маму и улыбаясь, – правду говорят: незаменимых людей нет...

– Саша, так решили папа и Бобо Константинович. Ты обиделся, что ли? Но ведь это давно запланированное мероприятие, на нём впервые представили наш фонд, там были жена первого президента, многие министры из правительства... И все со своими детьми, внуками и родственниками.

– Вот, мама, полюбуйся: ярмарка тщеславия, бал невест и женихов, цвет и сливки нынешнего общества...

– Ничего плохого не вижу в этом, – сказала убедительно мама, – так всю жизнь делалось на Руси. А чем мы-то хуже? Вот и Дарья познакомилась с сыном замминистра, ничего мальчик, студент, воспитанный...

О приезде Бобо расскажу подробнее: он специально выждал окончания обследования, хотя всё же забежал на пять минут в первый день моего "возрождения из пепла". Мама сказала, что он встречался с профессором, говорили долго, после этого только через два дня заявился в палату. Родительница подняла меня повыше на подушках, вышла и аккуратно прикрыла за собой дверь. Дядя сказал, что по здоровью выползла одна, но довольно неприятная ситуация: это не зрение, не память, не речь – они вернулись практически полностью. Ноги не хотят реагировать на болевые рефлексy. Но тазовые, половые органы – работают, и врачи пока не очень понимают, как это происходит.

– На будущей неделе будут пытаться поставить тебя на ноги, – говорил неторопливо Бобо, – чтобы ты хотя бы постоял, а вдруг удастся сделать несколько шагов. Если не получится, ты будешь привыкать к коляске. А врачи будут разбираться, в чём проблема. Кирпичников предлагает поехать в Германию или Канаду, у него там сильные коллеги работают... В общем, будем думать, Саша. А ты – только не хандри. Твою голову военные медики собрали по кусочкам: четыре наркомана, старшему – за двадцать, среди них – школьница, долбили тебя молотком, как дятлы, несколько раз. Если бы не Марфа, ты, в лучшем случае, умер бы "овощем". И последнее, на сегодня: о Наташе, – он замолчал, долго испытующе смотрел на меня.

– Она знает? Почему молчит? – спросил я, не надеясь услышать хорошие новости.

– Она была у меня: огорчена, растеряна, переживает тяжело. Извини, буду говорить честно. Я сказал, что прогнозы – плохие, о возможных проблемах со зрением, речью и памятью рассказал, о ногах молчал, а они вдруг вылезли на первое место... Посоветовал ждать: главное – вывести тебя из комы, всё обследовать, понять, как будет складываться жизнь дальше. Успокоил: ухаживают за тобой специалисты, двадцать четыре часа, рядом – мама, семья. И сказал, что мы хотим отвезти тебя на реанимобиле в Германию, к другу профессора. Но тут мне подсказали медакадемию и хирурга-невролога, как говорится, богом меченого. Наташа раза

два потом звонила, её дед выходил на связь, спрашивал, не нужна ли какая помощь. Мне нечем было их утешить.

– Я могу ей позвонить?

– Не советую, но поговори с Кирпичниковым. И могу сказать своё мнение: пока не надо этого делать, медицина больше бессильна, чем сильна. До разрешения медиков телефона у тебя пока точно не будет: надеюсь, ты понимаешь, как надо себя вести с мозгом. Сегодня принесут зеркало, посмотришь на себя... Я рад, что ты абсолютно адекватный, воля к жизни помогает и не такие трудности преодолевать. И последнее: за фонд – не переживай, пока там командует – внучка деда Коли – Даша, как исполнительный директор. Ты – по-прежнему председатель правления, но совет директоров холдинга предложил переназначить тебя президентом фонда с прямым выходом на совет. Умное решение, он намного быстрее умеет работать с деньгами, не надо толпу согласователей держать.

– А в остальном, прекрасная маркиза, всё хорошо... – пошутил я невесело.

– Моли бога, Саша... Это – чудо, за которое мы все, твоя семья, должны неустанно благодарить Всевышнего.

– Ты абсолютно прав, дорогой Бобо Константинович. Встану на ноги – первый визит сделаю к Марфуше, вместе пойдём в храм к отцу Евдокиму. Я уверен, это они отмолили меня у бога...

– Это она, Марфа, вырвала тебя у смерти, всем, что мы

сейчас имеем, мы обязаны ей.

Мама припасла электробритву, попросила побриться, хотя раз-два в неделю она делала это со мной регулярно, насколько позволяли бинты. Что сказать о свидании с зеркалом? В нём отражалась физиономия замученной жертвы Бухенвальда: вместо головы – белый кокон, моими остались только глаза, с провалившимися глазницами, нос обвис, подбородок заострился, как у старичка из лавки букиниста, кожа с желтовато-пепельным отливом напоминала старинный свиток. О голосе я уже говорил: мама намекнула, что связки мне повредили трубками и прочими медицинскими предметами, которые регулярно совали в горло.

– А что, вполне ничего себе мужчина, – сказал я, снова посмотревшись в зеркало после лосьона и питательного крема, – ма, ты не находишь во мне какую-то мужественность?

Она улыбалась, лицо светилось, волосы, впервые я увидел, были уложены в причёску да не какую-нибудь, а доверенной поры, которая снова вошла в моду, губы накрашены светло-розовой помадой, очень молодящей её. Я всегда любил маму, но и всегда боялся, что вдруг не смогу справиться с её срывами. А поскольку эти срывы случались больше десяти лет назад, то я, естественно, стал забывать о них, успокоился да и вообще превратился в уравновешенного и самостоятельного мужчину. Но всё-таки жизнь у бабы Тани по-

сле болезни и учёба в университете довольно заметно отдалили меня от семьи и особенно от матери. Позже я понял, она стыдилась и боялась меня: если Дашка практически не помнила того периода, когда мы с отцом искали её по кафе на набережной или в самых жутких забегаловках, то я-то всё видел, более того, помогал тащить домой это безжизненное тело.

И ещё факт из её биографии: мама, выросшая в советской стране, похоже, совершенно не поняла ситуацию с наследством деда Коли, считала, что ребёнку, то есть мне, нельзя доверять деньги, тем более, такие большие, какие пришли после его смерти. А Бобо Константинович даже не собирался ни с кем обсуждать эти сугубо личные финансовые вопросы клиента, пусть и такого маленького, каким был я. Он мог до моего совершеннолетия положить их под проценты в заграничный банк или оформить управление ими через опекуна. Долго ему пришлось сначала отцу, потом маме втолковывать, что мы живём уже в другом государстве, но даже, когда я стал взрослым, она так и не поняла, что у меня могут быть "такие деньжищи". Думаю, только поэтому мы потеряли, в конечном итоге, половину завещанной суммы, когда отец с матерью увлеклись покупкой дома, машины, обустройством участка земли и т.д. А акции, которых мы лишились, росли в фантастической прогрессии, хотя это уже был не наш праздник. Но позже я, наверное, понял главное: сам факт наличия таких денег, в конечном итоге, спас маму. У неё появилась

боязнь потерять многое, если не всё, если будет злоупотреблять алкоголем, она перестала дёргаться от отсутствия работы по профессии, переключилась на ведение домашнего хозяйства. И роль свободной домохозяйки устроила её и наполнила смыслом и содержанием всю последующую жизнь.

И вот теперь она полностью переключилась на моё спасение: жила в этой двухместной палате, я всё время был под её неусыпным вниманием и контролем. Делалось это с таким чистым сердцем и любовью, что она просто расцвела после моего возвращения к жизни, будто сбросила с плеч двадцать тяжелейших лет. Наверное, впервые за последние годы мы чувствовали необходимость друг в друге, не боялись и не стеснялись проявить свою любовь. Она решилась переговорить со мной, когда узнала, что профессор позволил мне пользоваться телефоном. Я догадывался, что это происходит не без участия дяди, но как их осуждать: пока всё слишком неясно, минимум, полгода понадобится, чтобы узнать и понять, как восстановились функции мозга и почему отказались ходить ноги.

– Я не знаю Наташу, наверное, она – прекрасная девушка из замечательной семьи, – начала разговор мама, немного нервничая, – но Саша, прости, что вмешиваюсь: не слишком ли эгоистично мы поступим, если втянем её на ранней стадии твоего выздоровления в какие-то обязательства перед тобой, нашей семьёй, не перекинутся ли обязательства на её семью, на учёбу, на всю дальнейшую жизнь молодой

женщины. Это очень важные и серьёзные вопросы, сынок. Я бы сейчас обсудила с ней только одно: тебя не будет, минимум, полгода, столько же времени займёт реабилитация. И это с выездом в Германию или Канаду. Как сделать так, чтобы приостановить мгновения ваших первых чувств на год? Ведь есть, в конце концов, телефон, скайп, можно переписываться и спокойно дожидаться гарантированного выздоровления. У тебя есть, должна быть, ответственность перед девушкой, её родителями: а что если коляска останется на годы? Как быть, не дай бог, если случатся рецидивы? И потом: мы могли сразу вывести тебя за границу, как и планировал Бобо Константинович, у него уже помощник рыскал по Европе. Но вот повезло с военным госпиталем, а проблема восстановления-то осталась, тебя всё равно надо вывозить. Так давай подождём до будущей осени, если произойдут стабильные перемены раньше – ещё лучше. Как ты думаешь обо всём этом, сынок?

– Мама, я не готов сейчас говорить: разве я медик, разве я принимаю решения? Мне страшно хочется услышать голос Наташи. В чём будет моя вина или ответственность, как ты выразилась, если я просто поговорю с ней. Без обязательств и каких-то последствий. Просто поговорю с любимой женщиной... – вдруг мне стало не по себе: то ли голова закружилась, то ли давление объявилось, но зрение побежало, выстреливая всполохами, сменяющимися серой пеленой. Я легонько надавил пальцами на глаза, сказал, что пошли круги

и надо полежать спокойно пару минут, вдруг всё пройдёт и нормализуется. Не прошло, не нормализовалось, и мама нажала на кнопку вызова медика с дежурного поста.

Врач с сестрой закапали мне в глаза какие-то капли, положили тампоны на глазницы, маму выпроводили в её комнату и приказали до конца дня не вести никаких разговоров. Я немного испугался, таких вспышек не наблюдал в своей обычной жизни, думал, волей или нет: "А что если это и есть проявление рецидивов, башка-то не зря расколота, как пустой орех. А я ещё лезу со звонком к Наталье... Что я могу ей предложить: вечный уход за инвалидом? Или вечную инвалидную коляску? Надо успокоиться и принять честное и мужское решение: она свободная молодая женщина, найдёт и любовь и спутника жизни. А я – как получится. Как говорила баба Таня: будем просить у господ милость Божию..."

Реанимобиль наняли у лучшей фирмы, немецкой: два водителя и врач – реаниматолог. Мать с отцом сначала решили ехать со мной оба, но, как всегда, у бати начались заморочки: он сказал, что сразу прилетит, как развяжется с минкультом и оформлением кредита на издательство. В медиакомпанию дяди он так и не пошёл, но в издании детских книг преуспел и даже стал заметной фигурой. Дашка выслушала все мои наставления по фонду, сказала, что безумно любит меня и будет ждать возвращения "на коне". "Прямо заявлюсь вер-

хом в твою аудиторию, – съехидничал я, – съезди к отцу Евдокиму, посмотри, что да как у них, а потом – ищи детскую больницу с тяжёлыми больными. Путь у нас накатан, сумеешь всё сделать и без меня, и до моего возвращения".

Наталье я не звонил: Бобо обещал встретиться с ней и постараться всё объяснить, но уже после моего отъезда. Все понимали ситуацию, в которой я оказался, помогали маме, как можно быстрее собраться с отъездом. Профессор Кирпичников бодро заверял: "Абсолютно верю в успех нашего безнадёжного дела, – так он шутил, боясь сглазу, – только время, только уход и реабилитация, только вера и молодость помогут нам. А потом – это клиника с мировым уровнем медицины, где служит мой друг – гений невропатологии".

Я начал нервничать, мне стали казаться слишком старомодными мамины принципы – "не навреди" и обязательства по ответственности за чужую жизнь. "А не предаю ли я Натю? Ведь я всё соображаю, могу поговорить, вполне адекватно оцениваю ситуацию и обстановку? Я не требую от неё никаких клятв и обязательств по нашей дальнейшей жизни? Нет. Она свободна, пусть учится, захочет через год увидеть меня, милости прошу... Нет, не бери раны. Ты сам, сам должен решить: резать или скулить, просить пожалеть, потерпеть, пока заживёт голова, пока восстановится речь, пока встану на ноги... А встану ли? Вот в чём вопрос? А не будут ли вспышки со зрением всё чаще освещать нашу беспокойную молодую жизнь? Нет, мама права, я – прав, пусть мне

будет тяжелее: всё одно к одному, я мужчина, должен поступать по-мужски".

Вечером собирались пораньше лечь, чтобы с утра погрузить меня и пожитки в машину, похожую на школьный автобус (я посмотрел в компьютере этот комфортабельный "Мерседес" со всеми удобствами), и отправиться в путь. Бобо Константинович вошёл в палату, как всегда тихо, молчал, отойдя в сторонку, будто кого-то хотел пропустить вперёд. В дверях стояла Марфуша, смущалась, в руках держала рюкзак и сумочку, простенькую, из кожзаменителя. Бобо сказал, несколько поспешно:

– Вот, Марфа Васильевна Сотникова согласилась, как медсестра высшей категории, сопровождать вас за границу, за что мы ей бесконечно благодарны. Документы на выезд оформлены, договор подписан, с утра сегодняшнего дня она – медспециалист фонда по таким вот выездам и сопровождениям.

Наступила пауза. До меня не совсем доходило, что Марфуша едет со мной, думал: "А как же её дочка? Как квартира у реки и работа в тубдиспансере? И вообще, как это всё возможно?" Попытался поднять голову, но мама за плечи снова уложила меня на подушки.

– Вот, Саша, если не возражаешь, я согласилась поехать с тобой и быть рядом сколько потребуется. Дочка осталась пока с бабушкой, отец Евдоким тоже обещал за ней приглядеть. Чуть позже я заберу её к себе...

– Марфуша, кто-то сжалился надо мной, послал моего спасителя. Если бы я мог встать, обнять тебя и расцеловать...

– Саша, я знаю: ты встанешь, обязательно, но нужно время и терпение. А я – рядом, буду помогать и молиться. Ты вернёшься домой на собственных ногах.

– Ты моя вера...

Колесница

Глава -1.

Мне и надо-то было остановиться, чуть- чуть отдохнуть, придти в себя. Я только что выкарабкался из очередной переделки: Кара-Мура, Чутня-Мутня, Сивка-Бурка-Вещая Каурка... Эта местность называлась, между нами, – Чутня.

...Мы ехали в аул небольшой колонной в сопровождении БТРа, ну, т.е., не мирной колонной, как это делали всегда, а в сопровождении военной техники. Да плюс взвод охраны Пал Палыча Бороды, генерала армии, назначенного ответственным за восстановление мирной жизни в этом крае. А что оставалось делать? Место поганое, больше пяти километров дорога петляет по лесу.

Выехали мы из райцентра затемно, чтобы успеть к утреннему мероприятию – первому школьному звонку в новой только что отстроенной школе. Старую школу испоганили

боевики, заняв ее сначала под госпиталь, а потом превратив в укрепрайон. Пришлось выколачивать их оттуда гаубицами. Так и сравнивали старенькую, глинобитную школу с землей.

Компания собралась большая: Пал Палыч, я – его советник и секретарь комиссии по налаживанию мирной жизни в Чутне, его новый заместитель Виктор Гусев, полковник, приехал, как шутили у нас, за генеральскими погонами, районное руководство в количестве почти десяти человек, местный министр образования пожаловал и его пресс-секретарь. Девушку звали Фатима, и она была настолько красива, что я долго не мог оторвать от нее глаз. Заметил, что и другие мужчины, знакомясь с ней, стояли с открытыми ртами.

Гусева мы знали плоховато, он с месяц как прилетел с Пал Палычем. Мужик молодой, боевой, только что сорокалетие отметил. Все шуточки – прибауточки, анекдоты любит травить. С виду, веселый и компанейский зам. Не помню сейчас, кто обмолвился, что он – внук бывшего члена Политбюро...

Дорогу до склона горы прошли быстро и хорошо. Вот сейчас лес промчимся, поднатужимся немножко в гору, и аул уже будет виден. БТР первым вышел на лесную дорогу. За ним – полвзвода охраны, а вторая половина – замыкала колонну. Мы в середине, Пал Палыч и Гусев, затем местное начальство на двух УАЗиках, а потом – я с Фатимой и министром по школам.

Пал Палыч еще в райцентре пересел в нашу новую «Ниву», ему надо было по выступлению министра кое о чем пе-

реговорить. Гусев пригласил Фатиму в бронированную машину. Та долго отнекивалась, говорила, что не претендует на руководящее кресло...

Я тихо порадовался за девушку: слава Богу, подумал, хоть ее жизнь более-менее в безопасности будет. Боевики знали, что на бронированной машине, как правило, ездят высокие гости, сам генерал Борода, иногда его заместители. Вычислить ее в колонне не представляло никакого труда. Но они также прекрасно знали, что наскоком эту машину не возьмешь.

...Взрыв показался мне слабеньким, несерьезным, хотя нашу модернизированную «Ниву» попросту выбросило из колеи. Мы стояли, почти развернувшись назад, готовые в любую минуту сползти в метровый кювет: машина балансировала на краю дороги. Второй взрыв подбросил нас над землей, и «Нива» в каком-то раздумье, не сразу, свалилась в кювет. Легли набок, прижавшись к зеленой траве боковыми дверями. Я потерял очки, почувствовал, как заныла ключица. Стал извиняться перед водителем за то, что нечаянно двинул ему ногой в челюсть, поскольку он, при развороте машины, завалился на меня, сидящего справа.

Пал Палыч чертыхался, пытаясь выбраться из машины. Куда-то подевался министр по школам: бедолага успел не только выкарабкаться из верхней, не заклиненной дверцы машины, но, наверное, и в кювет залечь.

– Андрей, жив, руки-ноги целы? – спросил Пал Палыч. –

Как водитель?

Мы оба отозвались, что живы, все остальное ерунда.

– Давайте попробуем выбраться, – сказал генерал, кряхтя и стараясь подтянуться на крепежных стойках машины. – Эта закладка не нам предназначалась. Нас Бог миловал. Кто же пострадал?

Выбирались мы долго, несколько минут показались мне вечностью. Поскольку я был под водителем, то выкарабкался последним, сел на дверные стойки машины и стал смотреть вперед, куда бежали охранники с хвоста колонны. Но они вдруг опомнились, встали, как вкопанные, затем развернулись и начали поливать лес за кюветом огнем из автоматов. А работник местной администрации кричал, обращаясь ко мне:

– Уходите с машины, прыгайте на землю! Они в лесу, стреляют...

Прыгнул, присел на корточки, потом, согнувшись в три погибели, пошел вперед. Вижу, что впереди меня маячит Пал Палыч. Догнал генерала:

– Что? – Спрашиваю.

– Моя машина. Чувствую, они раскусили ее слабость. Они первым взрывом подбросили ее, уложили набок, а потом шаркнули на полную мощь... Видимо, противотанковую мину или мощные артснаряды заложили.

– Ну и что?! Она, вон, лежит, почти целехонькая! – Я это буквально прокричал, не желая верить, что мои догадки под-

твердились...

– Они из нее вакуумную бомбу сделали, – сказал генерал, – внутри там месиво...

Мы подбежали к машине одновременно: солдаты с БТРа вместе с охраной встали полукольцом, не подпустили меня и других из колонны к машине. Генерал подошел вплотную к открытой двери, постоял меньше минуты, отвернулся и буквально заковылял к кювету. Его не рвало, он задыхался без воздуха. Один из помощников протянул ему спрей-бутылочку, генерал направил ее в рот, нажал два раза на крышку, задыхал глубже. Потом он сел на траву, руки отставил далеко назад, чтобы развернутой грудью было легче дышать. Я присел рядом.

– Не ходи туда, – сказал Пал Палыч. – Там поотрывало все: руки, ноги, все ломано-переломано... Бедная девочка... И Витька... генерал хренов.

Таких изуверских взрывов я больше не видел, хотя слышал рассказы очевидцев, что боевики раскалывали как орехи эти военные чудовища. К счастью, никто из министров – силовиков ни разу не пострадал. Их попросту не было в тот момент в машинах...

– Надо все менять, – сказал я, – стратегию, тактику... Надо всю идеологию менять...

– Что прикажешь сейчас в аул врываться и народ выводить на площадь?

– Я про идеологию говорю... А у тебя охраны перебор. Не

выйдет у тебя, ни хрена, ни с доверием, ни с поддержкой. Так и будут днем называться местными помощниками, а ночью – боевиками.

Обиделся Борода, даже отвернулся от меня. Но у него не было другого ньюсмейкера, которого он знал бы так же, как меня, и с которым объездил бы пол – Чутни. Он сказал после длинной паузы:

– Вот ты и подумай, что надо менять? Что мы в идеологии не так делаем... Да, мало ли чего!?

К этому разговору мы вернулись уже по возвращении в столицу, после траура, слез, захоронений. У Фатимы был маленький сын, у водителя – четверо, у Гусева – двое детей. Вот так вот за раз семерых сирот приобрели.

– Пал Палыч, – сказал я, когда мы остались с ним вдвоем, – надо делать ставку на лидера. Надо человека найти: авторитет, известность, ну, и все такое прочее. Я тут с бывшим проректором чутнинского университета встречался, хорошим историком, и мы долго говорили о столетней войне в их местности. Он прямо сказал: приблизил император местного лидера – успокоил народ на долгие десятилетия. На курорт сюда, конечно, не ездили из столицы, но тишину в крае приобрели...

– Да понял я тебя, – бросил в сердцах Борода. – Я об этом тоже думал. Скоро покажу тебе человека. Правда, есть закладка: он в прошлом – боевик, в бандформированиях был главным по религиозной части.

– Ничего себе... Хотя, мне кажется, это даже хорошо. Больше доверия будет.

...С ним я работал над его выступлением с трибуны Совета Европы. Просил его:

– Ты не волнуйся, Ахмад. Это не проблема. Все, что мы сочинили с тобой, ты будешь читать по бумажке. Но чтобы не растеряться, давай выучим речь наизусть. Или хотя бы – близко к тексту...

Выучил он текст легко. Текста он не боялся, боялся вопросов, которые обязательно должны были последовать. Совет Европы интересовало одно: не очередную ли марионетку подсунула Москва в лидеры беспокойной местности. Он чувствовал это, как говорится, кожей, не хотел позора. Гордый был...

Я тоже не хотел позора, поэтому сказал, шутя:

– Бойся вопросов от женщин!

– Ты шутишь, Андрей, а я – отдувайся...

– В Совете много энергичных женщин... А впрочем, давай поменяемся. Только языка вашего я никогда не выучу, стар уже. А ты прекрасно говоришь по-русски...

Он вернулся из Совета Европы с триумфом. При встрече в VIP-зале Шереметьевского аэропорта я сказал ему:

– Знаю, что тебе поверили даже женщины... А я – восхищаюсь тобой, Ахмад! Но говорю это без Пал Палыча, чтобы не обидеть аксакала. Он тебе об этом сам скажет, вернувшись от журналистов...

– А мы пойдем к журналистам? – Спросил осторожно, почти испуганно.

– Пойдем! К сожалению, эту чашу надо испить до дна...

Мы еще минут 15 ходили с ним по узкому и длинному балкону VIP-зала, где нас разглядели самые глазастые журналисты. Они махали руками, кое-кто пытался достать нас мощными объективами фотоаппаратов. Он задавал вопросы, много, я, по мере сил и опыта, пытался найти на них ответы. Сам задавал ему много вопросов и слушал ответы. Он отвечал хорошо, уже настолько хорошо, что я сказал:

– Пойдем вниз, журналисты заждались встречи с тобой...

Скоро новый лидер Чутни встал на ноги, создал свое правительство, всяческие структуры и мало-помалу надобность в моем товарище, большом генерале Пал Палыче Бороде, отпала. В тот же день и час отпала надобность и во мне...

Прошу у начальства небольшой отпуск и возвращение в действительные государственные советники. Посмеялись надо мной, предложили отпуск бессрочный, поскольку и судьба Пал Палыча увязла в кабинетах высшего руководства: то ли оставляют его первым вице-премьером, полномочным представителем президента страны, то ли освобождают с отставкой, с уходом на заслуженный отдых, как молодого пенсионера и как старого генерала. Толком сказать долго никто не мог.

– Ты прости, я знаю, что у тебя все плохо, – извинился Пал Палыч. – Я позвонил товарищу, он сейчас Комитет государ-

ственного контроля (Госконтроль) при Парламенте возглавляет. У него, правда, комплект по твоему профилю. Но обещал, что без работы не оставит. Да, вдобавок, он тебя помнит по командировкам в Чутню. Вот такой ты у меня известный. А за меня не переживай: я давил и буду давить этих гнид на чистом теле государства...

– Шею сломают, по-настоящему... Они это умеют и могут, ты в этом убедился, если до сих пор не знаешь, за что тебя освободили. Они, чтобы сохранить свой бизнес, действуют без пощады. Ты был им нужен ровно столько, сколько времени возглавлял Чутню.

Глава – 2.

Глаза у него были влажные, светло-карие, излучали такое искреннее сочувствие, что я даже нехорошо подумал о приятеле, который назвал его директором Дома инвалидов в «12 стульях»... Мы зашли с ним в обеденный перерыв в ресторан – кабак – харчевню, где при входе нам сразу налили по рюмке горилки, на закуску предложили по куску хлеба с салом. Десять лет назад этот молодой человек обучался у меня азам пиаровской и рекламной работы. В Госконтроле – он заведовал коммуникациями. Старое и прошлое он постарался забыть, а обо мне сегодняшнем ему, видимо, передали, как-то вяло, не командным голосом.

Он много ел, с удовольствием пил горилку, но, закусы-

вая очередную рюмку, постоянно говорил, как плохо живет-ся бедному чиновнику.

Пришлось в открытую договариваться о подарке в у.е. Финал встречи: на мои плечи ложилась забота о связях со сред-ствами массовой информации.

– А ты говорил, что все забито, – сказал я.

– Формально, да. Сейчас придется перестановки делать...

Но я рад, что заполучил вас...

– Это не ты меня заполучил. Это Пал Палыч всунул меня к твоему начальнику...

Испуг, растерянность в глазах:

– Не знал, что так высоко шел разговор. Во всяком случае, мне о вашем возможном приходе сказал всего лишь заму-ководителя аппарата...

– Ладно, проехали. Жду бумагу, позвони, когда надо при-ступить к работе?

То, что я нажил врага с первой минуты своей работы в но-вой конторе, ежу понятно. Страх, который я поселил в своем начальнике, он никогда не изживет в себе. А потом эти чер-товы у.е... Я даже растерялся: за должность надо платить, пусть даже тупым подарком. В наше время так не поступа-ли, это был большой профессиональный грех. Могли поре-комендовать, назвать фамилию, дать характеристику. Но ес-ли эта информация исходила от коллег по работе, то о каких подарках могла идти речь. Было просто неприлично так по-ступать. Но, что делать, другие времена, другие нравы.

Комната гигантских размеров поделена шкафами на две неравные части. Столы сотрудников стоят справа под окнами, слева – у стены. У одних светло, у других полумрак, свет горит постоянно, даже в самые солнечные дни. Два отдела, абсолютно автономных, связанных лишь единым начальником свыше. У меня – работа со СМИ, пять сотрудников без меня и зама, старый начальник только что вышел на пенсию. Мы с ним попрощались на площадке у выхода.

– Этот, сученок, даже простым спецом не захотел меня оставить в отделе. А я мог бы еще целых пять лет сидеть на договоре.

– Вы, наверное, надоели ему, ворчали много, – неудачно пошутил я.

– Подожди, ты тоже не юноша, он и с тобой также поступит...

– Да за эти десять лет, что мне трубить, столько еще воды утечет... Знал бы кто, где мы будем.

– Эту ставку он своей секретарше отдаст, чтобы дрючить ее...

– Так, стоп... Можно без подробностей. Я все равно пока никого не знаю. Да и женщина, неприлично...

– Только не строй из себя целку, ладно? Я тебя, Андрюха, хоть и косвенно, но знаю лет 20? Так? Когда ты еще только осваивал коридоры «КП», я уже несколько лет собкорил по Черноземной зоне...

– Может, ты обижен на меня? – Перешел я на ты. – По-

верь, я на твою должность не рвался. Решение о твоём увольнении было принято ещё полгода назад. Ты знал об этом. А там: я ли пришел, кто-то другой, какая разница. У тебя хорошее перо, ты владеешь тридцатью буквами алфавита. Не пропадешь, тебя с руками заберет к себе любая газета-журнал...

– Ладно, старина, прости, ты здесь явно ни при чем... Только обидно. Я начинал, раскручивал дело, один, ведь никого не было. Никто не знал, что такое пресс-релиз подготовить. Командир старый любил меня...

– Помнишь картину – «Всё в прошлом»? Не уподобляйся. Извини, что так жестко. Но даже в присутствии меня, знающего тебя, не стоит проявлять слабость.

– Ничего не буду говорить тебе о людях, сам разберешься. Моих сотрудников почти не осталось. Одни ссыкухи какие-то: дочери, невестки, родственники...

– И не надо, давай обнимемся на прощанье. И до будущих встреч на каких-нибудь тусовках...

Вернулся я на темную сторону обжитого параллелепипеда, прошел к рабочему месту, включил компьютер и только успел поднять голову от стола, как увидел женщину, присаживающуюся на гостевой стул. Высокая, худая, проще сказать, тощая, в сером платье со сборочками у горла, в теплых серых чулках и коричневых туфлях. Почему-то от нее совсем не пахло духами.

– Ваш заместитель, – подает мне руку, длинную, узкую и

совсем холодную. – Зовут меня Нинель Иосифовна, по мужу Першина...

– Вы здоровы? – искренне спрашиваю я. – У вас совсем ледяная рука.

– Видимо, малокровие... А так я здорова. – Женщина смущена, расстроена, взволнована.

– А почему «по мужу»?

– Я не стала после развода менять фамилию на свою...

– А что Костик – ваш муж?

– Вы его знаете! Он так и предполагал, что вы – и есть мой новый начальник. Просил вам кланяться. Я с ним вчера разговаривала...

– Спасибо, правда, мы не виделись лет десять...

– Семь, почти восемь...

Интересный был человек Костик Першин. Приехавший из глухой провинции на журфак и поступивший, он не захотел уезжать из столицы. Мотался по углам да общежитиям, перебивался случайными заработками в газетенках, пока вдруг не очутился в Совмине РФ. Как мог попасть человек без московской прописки в пресс-службу правительства, уму непостижимо. Более того, он вырос там до ведущего специалиста, перезнакомился со всеми нужными и ненужными людьми из медиамира, держал в столе толстенные кляссеры, приспособленные для хранения визиток. Накануне праздников звонил всем с утра до ночи, поздравлял от «себя лично, от пресс-службы и руководства».

История с пропиской как-то всплыла, была страшная ругань, его быстро и тихо убрали. Без прописки, естественно. Тогда он, наконец-то, удачно женился на москвичке. Как они делили жилье с Нинель, не знаю. Но она отзывалась о нем хорошо, я это понял после разговора сегодня.

– У вас есть личные дела сотрудников? – спросил я.

– Конечно! Но лучше бы было, Андрей Юрьевич, собрать нас всех вместе. Сегодня, прямо сейчас. Простите, что сую свой нос...

– Нет, дайте мне объективки, чтобы в кадры не лезть, я посмотрю, а после обеда соберемся.

– Как прикажите.

Она встала, склонив туловище, как штангенциркуль, по полам, отряхнула оборки на платье, повернулась словно солдат через левое плечо и пошла в конец кабинета. «Наверное, с умыслом сидит в конце кабинета: начальник впереди, заместитель – сзади. – Подумал я. – Чтобы всех видеть, за всеми был пригляд».

Или, может быть, я ошибаюсь?

Сосчитал столы. Их было 11, простеньких, похожих на учебные столы в приличном профтехучилище. К каждому столу была приставлена тумба с тремя выдвижными ящиками да плюс небольшой удлиненный сейф с ФИО хозяина. Вот и весь скарб чиновника, если не считать шкафы для верхней одежды, стеллажи и книжные шкафы, которые в счет не брались. Это все-таки вещи общего пользования. Вы-

ходило, что вот за эту принадлежность к кучке вещей люди шли в чиновники? А как же сотни статей о закрытом обществе, клановости, о деньгах и зарплатах, о принципах, порядках, традициях и т.п.? Для меня за десятилетие нахождения в этой среде стало ясно одно: человек идет туда как раз не из-за больших денег – их там, попросту говоря, нет. Его, определившегося со своей дальнейшей судьбой, влекут как раз не деньги. Он получает доступ к административному ресурсу, проще говоря, к власти.

Я ни дня не работал в Госконтроле, но точно знаю, что его сотрудник может «достать» любую организацию, через которую в течение года проходил по отчетам хотя бы один рубль из федерального бюджета. Он может устроить головомойку любому начальнику на другом конце провода. О командировках, проверках и составлении отчетов по их итогам я уже не говорю. Проверяющий – король, он упивался, если хотел, своей безграничной властью. Ибо все мы грешны, хотя бы чуть-чуть, самую малость, тем более, находясь при таких больших деньгах, какие урвали молодые стервятники первой волны капитализма.

Через несколько месяцев, реже лет, эйфория проходила, и чиновник понимал, что надо создавать свой запасной аэродром или подушку безопасности. Он стал мудр, опытен, у него появились связи и возможности. Он может, как руководитель бригады, проверяющей, к примеру, крупную во всех отношениях топливную компанию, не отразить в отчете для

Парламента всего 1-2 цифры. Нет, не так грубо: он их может расположить в другом порядке, не выпячивая, просто затушевав, слегка. И картина совсем другая. В знак благодарности от компаний – откаты, доходящие, порой, до миллионов долларов.

...С солнечной стороны стояло всего пять столов, некоторые были с приставками для общения и проведения совещаний. В углу разместился большущий телевизор с кассетником.

– Кто начальник отдела, – спросил я.

Над первым по счету от входной двери столом поднимается круглое лицо с растрепанными волосами:

– Я. Зовут Павлом, фамилия Сакс...

– Кем командуете?

– Редакционно-издательским отделом, три человека плюс я. Недобор – ставка одного консультанта.

– Давайте, Павел, попьем чаю?

Мы расположились рядом с его столом, на приставном столике. Его сотрудница, красивая грузинка средних лет, заварила чай, поставила нарезанный лимон, печенье и сахар. Все чинно, аккуратно, чисто. Павел стал достаточно подробно рассказывать о подготовке и выпуске ежемесячного информационного Бюллетеня объемом от 4 до 6 печатных листов, минимум. Я очень корректно закруглил его рассказ, сказав, что ежедневно готовил к печати стенограмму заседаний первого и последующих съездов народных депутатов

СССР, многих сессий Верховного Совета, ежемесячно выходили сборники законодательных актов Президиума Верховного Совета СССР...

– А теперь, Павел, я ваш коллега и сосед. Давно с вакансией?

– С полгода, наверное. Начальник управления, видимо, держит ее, на всякий случай...

– Если попрошу, отдадите ее мне?

– Не вопрос.

– Хорошо, даже отлично! Думаю, что мы еще сможем на нашей базе развернуть пресс-службу для полноценной пиаровской работы.

Попили чаю, сосед умолк, думая о чем-то своем. Я сначала не хотел просить о телевизоре, но неожиданно для себя задал вопрос в лоб:

– Не правильнее ли будет, если телевизор с приставкой будут иметь сотрудники отдела по работе со СМИ? Я, надеюсь, что в ближайшие дни достану такой же агрегат...

– Сам не решаю, говорите с руководством...

– А оно, руководство, почему не здесь расположено?

– У него кабинет в главном корпусе, с приемной и референтом.

– Я видел, когда заходил к нему. Но ведь это же неправильно, если не глупо, сидеть вдалеке от своих сотрудников. И заместитель его там же расположился?

Мой сосед промолчал, лишь махнул рукой в сторону ко-

ридора. Видимо, не привык вести такие разговоры. А я уже думал о том, как бы мне пересадить свою «шестерку» на солнечную сторону, набрать еще 3-4 сотрудников и забабахать настоящую пресс-службу Госконтроля. А Сакса вместе с ребятами или перевести поближе к начальству, или отгородить на нашей территории в очень милый закуток, прорубив им свою дверь на «вход-выход». Мы тогда могли бы принимать журналистов, устраивать для них брифинги, чаепития, снабжать их необходимыми рекламными материалами, не отходя от кассы, как говорят.

Но я понял, что с Пашей Саксом кашу не сваришь. Придется «качать» руководителя, убеждать в его же выгоде, возможности создания на базе управления департамента и т.п. Я поблагодарил Сакса за чай, раскланялся с миловидной грузинкой, пошел к себе.

У стола стояла Нинель Иосифовна, в руках держала папку с кадровыми объективками на сотрудников отдела.

Глава – 3.

– Вам краткие дополнения, характеристики на сотрудников потребуются? Я готова, только очки другие принесу, минуточку...

– Спасибо, Нинель Иосифовна, я пока посмотрю, молча, без комментариев.

Она шла, прямо держа спину, будто прилежная ученица

репетировала этюд на фортепиано. Я открыл папку, в ней лежала еще одна, прозрачная, застегнутая на две кнопки. «Опять хорошо характеризует ее: аккуратность, ответственность. В этих папочках – судьбы людские, она это понимает, – думал я, перебирая листочки, исписанные разными почерками, с нечеткой ксерокопией, страшненькими фотографиями. – Вот мужчина попался, первый после двух женщин. Посмотрим его, так, Щеголев Сергей Иванович, год рождения...», окончил институт военных переводчиков, служба в рядах ВС. – Я перелистнул страничку и сразу посмотрел воинское звание. – Так я и думал: капитан запаса... Похоже, в Чутне был, а может, еще где... Сам уволился, а, может, по ранению. – Вернулся на титульную страничку. С ксерофото на меня смотрел грустной улыбкой молодой мужчина в старомодном галстуке конца 80-х годов. – Странно, фото новое, а галстук старый. Впрочем, он же военный человек, всю жизнь, наверное, был в командировке, бессрочной...».

Я оторвал взгляд от фото и так четко представил своего случайного попутчика по стоящему на приколе в Чутне железнодорожному составу-гостинице, что мне стало как-то не по себе. «Вот же, чертовщина, уже который раз думаю об этих мальчишках-воинах, которым вряд ли скажешь, что они должны отдать жизнь за Родину... – Я снова посмотрел на фото капитана Щеголева, с которым мне предстояло работать. – Они даже чем-то похожи, взрослой и грустной улыбкой, что ли...».

...Развороченными были все приличные высокие жилые дома и промзоны, стоящие по обеим сторонам дороги, ведущей в аэропорт. Аэропорт же так и оставался всего лишь долгостроем: ни одной воронки на взлетной полосе, ни выбоины на бетонной коробке и подсобных строениях. Пал Палыч незаметно, но все же нервничал. Он вызвал в самое пекло всех членов Комиссии по восстановлению Чутни. Они, правда, разместились в большом городе – железнодорожной станции, куда подогнали несколько составов, сделали из них тупиковую зону с частичным забором в наиболее опасных местах, по периметру которого круглосуточно дежурили вооруженные до зубов спецназовцы. Свой кухня, вагон-столовая, приличный запас продуктов питания... Правда, туалет пришлось построить вблизи жилых вагонов, и он тоже входил в зону охраняемого комплекса.

Именно здесь я плотно перезнакомился с теми, кто по рангу входил в Комиссию по восстановлению народнохозяйственного комплекса региона и с кем мне приходилось работать как секретарю этого необычного формирования. В столице было проще: формы отчетов отработаны, общий сбор объявлялся заранее, референтов и помощников в Совмине РФ, чтобы обзвонить и собрать народ, было много. Здесь же – один Пал Палыч, его непререкаемый генеральский авторитет да небольшая группа штабных работников, которая, фактически, и налаживала, и координировала, и контролировала восстановление мирной жизни в Чутне.

Общий сбор членов Комиссии планировали на вторую половину дня, когда они должны были вернуться с объектов, разбросанных по всему региону. Команда от аппарата президента РФ поступила утром: Пал Палыча ждут в Сочи на доклад к высшему руководству. Видимо, скучновато проходил отпуск у руководства, можно послушать рассказ генерала. Никто из окружения Пал Палыча (и я в том числе), ни один из членов Комиссии не то, чтобы не позвонил в аппарат президента, своим министрам даже не доложили, что им придется задержаться, что их заседание сорвал секретариат президента, который формирует рабочий график главы государства. А ведь это были, как правило, первые заместители министров, руководители федеральных комитетов и служб.

Тогда то и назначил Пал Палыч сбор членов Комиссии в аэропорту, чтобы потом сразу вылететь в Сочи. Что началось... Мотаться с охраной по объектам министерские не боялись. А тут сразу масса вопросов: как будем добираться-возвращаться из аэропорта, как с питанием-размещением, отлетом в столицу на доклады своим министрам. Они привыкли ездить поездом до заветного тупичка или летать МЧСовскими самолетами на военную базу соседней республики. И вдруг – вводная, да еще со столькими неизвестными. Мне Пал Палыч сказал по-военному:

– Не лезь... У них возможности решать вопросы намного большие, чем у тебя. Ты, надо признать, пока их символический куратор. Меня они боятся, потому что я первый

вице-премьер и старый генерал. Короче, после совещания пусть с комендантом региона сами выкручиваются. Я им отдаю свой самолет, есть желание – пусть летят в Москву. Кто не закончил сбор информации, организацию работы на объектах – вертолетом в ж/д тупик и пахать, пахать и пахать...

В зале, на втором этаже не доведенного до эксплуатации аэропорта, собралось более ста человек. Это не только с учетом членов правительственной Комиссии, но и местных руководителей как из столицы Чутни, так и практически из всех районов, а также небольшой группы журналистов (3 камеры с центральных каналов ТВ, 4 представителя информгентств, прикипевших к Пал Палычу). Все прошло, в принципе, нормально. Уже садясь в вертолет на Сочи, Пал Палыч отвел меня от огромной толпы в сторонку на расстояние 10-15 метров и целых пять минут слушал мои впечатления от проведенного совещания.

– Это нужно тебе? – спросил я его напрямик.

– Нужно, свежие впечатления полезны. Это, во-первых. А во-вторых, десятки начальников всех уровней сейчас следят за нами... Я тебя отозвал в сторонку. Я только с тобой о чем-то говорю... Строго секретно. Да еще перед встречей с президентом. Цени, голова садовая! Лети в столицу, только позаботься о журналистах, – сказал Пал Палыч, встал на ступеньки вертолетной лестницы, повернулся, помаhal всем рукой и улетел.

Отправкой самолета занимались штабисты генерала, рас-

квартированные в его резиденции. Я буквально засунул на его борт семь журналистов, с криком, шумом, руганью: мест оказалось маловато. А сам с несколькими членами Комиссии полетел вертолетом в ж/д тупик. Мое двухместное купе в поезде оказалось пустым: руководитель Росимущества улетел в столицу. Когда уже готовился ко сну, в дверь поскребли. Открыл защелку, увидел полковника ФСБ – Кузьмина.

– Андрей Юрьевич, простите, ради бога... Можно к вам, в порядке исключения, только на одну ночь нашего товарища разместить. Он на нелегальном положении... Больше пока ничего не могу сказать. Но ни в штабе, ни в гостинице, ни в частном секторе, тем более, ему светиться нельзя.

– Ничего я не понял, но можно, раз нужно. Вы ели? – спросил я гостя.

– Не до жиру... Спасибо, что хоть поспит в приличных условиях, – сказал за него Кузьмин.

– Это не правильно. Вы располагайтесь, а я схожу кое-куда... Да не волнуйтесь, его никто не увидит. Я еду принесу сам...

Вернулся я через пять минут, Кузьмин встал, готовый, видимо, грудью закрывать гостя от посторонних глаз. Принес я два куска мяса, сок и хлеба.

– Все, товарищ полковник? Свободны, – сказал я Кузьмину.

Он явно с неохотой вышел из купе. Гость достал из-под столика рюкзак, зеленый, армейский, стал развязывать на

нем широкие тесемки. «Вот время бежит, – сидел я на своей полке-кровати и вспоминал, какие тесемки были на моем армейском рюкзаке около 30 лет назад. – Явно уже, тесемочки просто. А что, он и будет: «Человек без имени, никто»?»

– Вас как зовут-то?

– Сергей, можно Сережа...

– Ну, Сергей так Сергей. Мои имя отчество вы знаете. Садитесь, кушайте, а я буду потихоньку ложиться. Завтра поговорим, если захотите.

– Завтра я на поезд и на материк.

– Ага, значит, мы здесь находимся на острове?

– Да нет, просто есть такое выражение...

– А вы, действительно, в горах были?

– Андрей Юрьевич, вы без «Вы», пожалуйста, а? Я совсем не привык. Когда Кузьмин сказал, что меня можно спрятать только у советника генерала Бороды, я чуть не умер от страха...

Я молчал, смотрел на парня 30 лет от роду, не больше, коротко стриженного, одетого в костюм средней изношенности, с армейским рюкзаком в руках. Что за легенда, мальчик, у тебя? Что за эклектика, смешение, так сказать, стилей?

– Вообще-то, я в звании капитана, работаю в ГРУ, почти пять лет назад переброшен сюда из Афганистана... Ну, в общем, по нашим каналам. А сейчас должен добраться до Москвы...

– Что, кончились мытарства, командировка ваша? – спро-

сил я.

– Вроде того. Но вот еще надо добраться, очень своеобразно...

– Ладно, Сережа, ешьте, я не буду вам мешать.

– У меня есть небольшая канистра нефильтрованного коньяка. Досталась по наследству от ребят, бравших коньячный завод. Может, не откажетесь, рюмочку попробуете?

– Интересно, а Кузьмин-то знает?

– Знает, знает, это тоже часть легенды...

– Так вот почему он так не хотел от нас уходить? – от души засмеялся я.

Мой смех Сергей принял за одобрение предложения, быстро развязал рюкзак и достал оттуда ярко – желтую пластмассовую канистру, емкостью, примерно, полтора-два литра.

– Вы знаете, у меня пол рюкзака сухого пайка: консервы, колбаса сырокопченая, хлебцы, много чего есть, даже чай в пакетиках... Будете?

– Ну, достань сырокопченной немножко, если печень не расшалится...

– С коньяком все пролетит, как со свистом!

– Ну-ну, ветеран, вояка... И про печень все знаем, и коньяком спаивать решил...

– Ну, что вы, Андрей Юрьевич, это так, в основном, по рассказам, У мусульман строго, не пьют... У меня были периоды – по несколько лет ни грамма спиртного во рту не бы-

ло...

«Так, – думал я, – мальчику надо поговорить, может, выговориться... Сделай ему такую милость, посиди с ним, послушай его. Если, конечно, захочет разговаривать».

Своеобразным ножом с кнопкой автоматического выброса лезвия Сергей отрезал несколько кусочков колбасы, порезал принесенное мною мясо, хлеб. Стаканы я достал из шкафчика, который заменял мне походную аптечку, а заодно и парфюмерный несессер.

– Чтобы не выходить из купе, давай-ка коньячком чуть сполоснем стаканы. Они чистые, мы умываемся на улице, там такая посуда не нужна.

Сергей налил по чуть-чуть в оба стакана, покрутил густую коричневую жидкость, а затем вылил ее в подставленную мною большую банку.

– Банку понял для чего держим? С крышкой, плотно прилегающей, но легко открывающейся? – спросил я. Он пожал плечами, наивными глазами смотрел на меня. – Чтобы ночью не бегать в туалет на улицу...

Он искренне засмеялся, ему, видимо, и в голову не приходила мысль, что люди ночью могут ходить в туалет. Его молодой здоровый организм ночью спит. Потом посмотрел на канистру, кивнул головой и быстро налил по полстакана коньяку.

– Ну, ты размахался, брат, – сказал я. – Так мы с тобой и до песен дойдем...

– Андрей Юрьевич, это не тост... Позвольте я выскажу одно наблюдение. Разрешите? – Я кивнул, подпер щеку рукой, приготовился слушать. – Это коротко. Мы – военные, дали присягу. Умереть за Родину – наш долг, наша работа. А вы? Вы же сугубо гражданский человек! Простите, уже немолодой, правда, прошу прощения... Вы–то почему здесь? Карьера? Вроде нет, Кузьмин говорил, что вы в ранге генерал–лейтенанта, а то и генерал-полковника будете. Деньги? У вас зарплата здесь – обычная, читал в Интернете, гражданская плюс командировочные. Тогда что вас заставляет идти на такой риск?

Я молчал. «Что сказать, тебе, – думал я. – Я даже сыну, которому тоже 25, не смог бы ответить на этот вопрос. Как можно всуе говорить о том, что есть чувство долга перед Родиной, государством, что я не давал присяги офицера, как ты, но я так воспитан своими родителями, школой, пионерией-комсомолом, что солдатом в окопах я вступил в партию... А рядом с нами шла известная тебе по книгам война на Ближнем Востоке. И если бы прозвучал приказ, то я бы пошел и еще как бы стал воевать...».

Пауза затягивалась. Я посмотрел в серые внимательные глаза Сергея Н., понял, что он меня освободил от объяснений. Сказал:

– Давай-ка, лучше выпьем за счастливый конец твоей командировки! Я не знаю, чем ты занимался, но если ты выдержал там пять лет, ты просто молодец...

– Дважды: сначала – три, а потом уже пять лет...

– Ты – молодчина! За тебя.

Я пригубил необычайно терпкий и ароматный на вкус коньяк, сделал несколько глотков и сразу почувствовал, как он проникает в мой мозг, как потек по мышцам, грея душу. Именно душу. Сергей выцедил полстакана коньяка маленькими глоточками, промокнул губы платком, кусочек колбасы аккуратно положил на язык.

– Не смею больше предлагать, – сказал он после того, как тщательно прожевал колбасу. – Уже поздно. Спасибо вам, Андрей Юрьевич, за все. Я знаю, что настоящих людей много, даже сейчас, после того, что произошло в нашей стране... Хочется верить, что мы не зря делаем свою работу... Что хоть кто-то не считает нас набитыми дураками и полными идиотами.

– Без веры нельзя, капитан, пропадешь... Это я по себе знаю. После 91-го года понял... Когда жил, как без воздуха... Когда умирал, и никто не мог меня спасти. Потому что нет таких врачей, которые бы лечили душу. Врачеватель здесь один – Вера... Верую и все. Называй эту веру для себя, как хочешь...

Уснул Сергей быстро. А я до рассвета читал книгу, шелестел страницами под маленьким подслеповатым ночником.

...И вот опять капитан запаса Сергей, с которым мне предстоит сколько-то времени поработать. «Начнем знакомство с него», – подумал я и громко сказал:

– А Щеголева Сергея Ивановича можно увидеть?

Глава – 4.

К моему столу подошел смуглый темноволосый мужчина чуть выше среднего роста, на первый взгляд, ему было лет 40. Я встал, протянул ему руку для знакомства. Он крепко пожал почему-то мои пальцы, наверное, промахнулся, не сумел поймать всю ладонь.

– Вы ветеран отдела, работаете дольше всех из сотрудников?

– Да, так получилось. После комиссования со службы мне предложили несколько мест для работы. Сюда брали, конечно, специалиста по пиар-работе. Я мало в этом что-то понимал. Но у меня было преимущество: арабский (так его назовем) и английский языки. Видимо, поэтому меня и взяли. А сейчас я уже и факультет академии госслужбы закончил, и институт повышения квалификации при Международной академии медиаресурсов.

– Заметку бы написали о жизни нашей доблестной конторы?

– Запросто... Уже несколько интервью подготовил, опубликовано в самых престижных изданиях. Правда, со старым начальником Госконтроля.

– А какая разница? Старые – новые начальники. Суть ведь не в фамилии, хотя и это, конечно, важно, на имидж рабо-

таем. Суть в подаче материала: удалось ли глубоко вспахать, вытащить проблемы. Или отделались проходной компиляцией. Ведь так?

– Да, вы правы. Я позже принесу вырезки, покажу вам, посмотрите, оцените. Мне показалось, что получилось неплохо. И старый начальник отдела был доволен. А он – профессиональный журналист.

– Хорошо. Какие проблемы, вопросы есть? Чтобы мне ориентироваться для встречи и разговора с нашим непосредственным руководителем. По итогам, так сказать, собеседований.

– Да он все знает, только решить не может. У меня проблема с жильем... Жена в Подмоскowie, я здесь комнату снимаю. На большее средств нет.

– А сертификат, военные обязаны...

– В наше время, когда это со мной случилось, никому никто ничего не обещал. База наша – в дальнем Подмоскowie, вот там пока и держат мою семью на птичьих правах. А я здесь, выбрал госслужбу... Говорили, что с жильем могут помочь.

– Если не секрет...

– Нет, уже не секрет. Капитан, немного служил в Афганистане, потом закрытая часть службы. Был также на Кавказе, несколько раз, спецзадания. Ранен, тяжело, долго по госпиталям валялся. Потом меня вчистую списали, пенсия – можете себе представить, какая, а я, чтобы не материться, луч-

ше промолчу.

– Но у вас языки?

– Да, но не знакомства... К нуворишам пробовал, но сам не смог, даже собеседование не смог выдержать. ВУЗ, преподавание – те же копейки. Редактирование на иностранном – вообще тема закрытая, все в руках нескольких фамилий.

– Грустная, брат, картина получается...

– Нет, не грустная... Я тут посчитал зарплату: с премиями, растущими с ростом стажа надбавками, жить можно. Вдруг вакансии объявятся, может, подойду под повышение. И жилкомиссия, которая у нас существует, поставила меня в очередники на улучшение жилья... А вдруг повезет.

– Ну, что ж, будем работать, товарищ офицер. Тем более, что вы уже стали рассуждать как стопроцентный чиновник...

– А вы в каком звании? Я слышал, что вы у генерала армии Бороды советником служили... Это очень высокий пост, ведь он еще и первым вице-премьером был. Ну, и все такое...

– Мирный я человек, рядовой, но, правда, тремя годами армейской службы обученный.

– Очень хорошо. Наш человек...

– В Гаване...

– Все равно наш... Смотрите, что получается, если на военный лад? У министра обороны, когда я еще служил, помощник Улётов был в звании генерал-полковника. Какое же у вас должно быть звание, если вы были советником у во-

енного вице-премьера правительства, которому подчинялся министр обороны!?

– Ну, вы и пасьянс разложили... А если до того я был советником у Премьер-министра... Кое у меня должно быть воинское звание? Ладно, поживем – увидим, что нам пригодится в этой жизни.

Сергей Иванович встал, повернулся через левое плечо и направился к своему столу. А я сидел и размышлял: «Слава Богу, что он филолог, расписался, знает, как пресс-релиз для журналистов подготовить. Это – уже опора, моя поддержка. Ну, а что остальные из себя представляют?

Вот – Мишина Юлия Владимировна, почти в дочери мне годится... Так, 31 год, филолог-педагог, библиотекарь в аппарате правительства, хорошо, кругозор богатый должен быть. Ой-ой, куда ее понесло: ЦАО, главный специалист жилищного управления... Так, наверное, с жильем вопрос решала. Научный центр проблемной социологии при правительстве столицы, академия госслужбы, и вот мы, наконец, выбились в консультанты в структуре федерального уровня, получили чин советника РФ 1 класса. Ну, а для пресс-службы, что мы сделали?»

Я посмотрел на столы сотрудников, которые расположились слева от меня. На 11 столах найти Юлю Мишину было непросто, учитывая, что кроме Сергея, остальные пять сотрудников – женщины. Заместителя я уже знал хорошо. Ага, вот взгляд на меня, смелый, немного вызывающий. Улыба-

ется девушка, думаю, что это и есть Юля... Я кивнул, она легонько ткнула себя в грудь, опустила голову, видимо, посмотрелась в зеркало и встала. Шла ко мне длинноногая, стройная, с прекрасными развивающимися волосами молодая брюнетка. Лицо у нее было продолговатое, с абсолютно симметрично расположенным по отношению к глазам и рту носом. Губы едва подкрашены.

– Здравствуйте, – сказала она спокойно, без признаков волнения или возбуждения, села на гостевой стул.

– Попробую угадать... Вы – Юлия Владимировна Мишина, так?

– У вас же фото в личном деле?

– А вы посмотрите, на кого вы похожи на этом ксероксе?

– Да, совсем забыла, что здесь техника – прошлый век...

Ну, тогда вдвойне приятно за вашу интуицию. Я – Юля. А вы не из разведки?

– ?!

– У нас здесь сколько угодно разведчиков, шпионов... Вы знаете одного из наших руководителей управления? Он шпион, полковник СВР. Журналистом всю жизнь просидел за границей. И думал, что о нем не знают в ЦРУ, а те делали вид, что они ничего не знают о нем... Так что ли каламбурят?

– Немного не так, но суть не в том. Я-то думал, что вы о себе расскажете... Но если вопрос задан, давайте я отвечу...

– Не надо, я о вас много чего знаю. Вам привет передавал Владимир Викторович Мосеев. Это мой папа, мы вчера ви-

делись... Он сказал, что Ермолов Андрей Юрьевич – стоящий мужик.

– Приехали... Я так и думал, что вас кто-то тихонечко ведет по жизни. Но то, что вы дочка не последнего человека в бывшем аппарате правительства, честно, я не мог предположить. Ну, и что будем делать с вами, Юля?

– Работать, хорошо дружить... Да, мало ли чего. Ваш тип мужчин всегда предпочтительнее видеть в начальниках...

– Я все-таки на работе... Чем занимаетесь в отделе?

– Я не только отделу, всей конторе обеспечиваю связи с журналистами, занимаюсь аккредитацией, обзвоном, пропусками, ну, и т.д.

– Не понял? А что, кто-то еще может заказать журналистов? Есть мероприятия общекомитетские, с участием или без участия руководителя. Здесь музыку заказывает сам руководитель... Я знаю, что пресс-секретаря у него нет. Значит, командиром мы тоже занимаемся на полную катушку. Есть заместитель председателя... Он, конечно, может и сам дать команду на аккредитацию журналистов, тем более, в отсутствии руководителя. Но лучше бы приучить его давать такие команды через секретариат председателя...

Мои размышления прервала Юлия:

– Вы человек новый, придется вам хорошенько помогать...

– Спасибо, Юля, не мешало бы мне въехать в вашу налаженную рабочую колею.

– Смотрите, все просто. У нас 12 аудиторов, их утверждает Парламент страны. Они люди практически независимые, у них свои секретариаты, департаменты, инспекции, у некоторых по сотне человек работает. Они тоже просят слова, хотят встретиться с журналистами, прокомментировать тот или иной вопрос, вынесенный ими на обсуждение коллегии...

– И всем этим хозяйством занимаетесь вы одна? А в отделе – шесть человек? Да тут на каждого аудитора надо держать по человеку...

– Вы забыли аппарат нашей конторы во главе с руководителем, больше десяти департаментов и самостоятельных управлений... И им тоже хочется рассказать внешнему миру, что они не даром хлеб едят.

Юля просто упивалась своим рассказом, видела мою реакцию, полную искреннего негодования и возмущения. Продолжала:

– Да, а нас шесть человек... Ой, забыла. Наш командир, председатель всевозможных союзов, ассоциаций, гильдий, член десятка наблюдательных и попечительских советов... Как только он куда-то выезжает на очередные заседания, вся журналистская братия опять же ложится на хрупкие женские плечи отдела по работе со СМИ...

Журчал ручеёк Юлиного рассказа, не без оснований, смелого: так бы никогда не позволила себе выразиться, например, Нинель Иосифовна. Юля – без тормозов, она прекрасно

знала, что ее отец не подкачает, не зря его звали Макиавелли аппаратных и сановных дел. Он никогда поста высокого не потеряет, в худшем случае, отбудет послом в одну из республик СНГ. А нынешний председатель Госконтроля не так давно работал в подчинении Мосеева.

«Поучительный рассказ, – думал я, слушая в пол-уха Юлю. – Но Вадим Иванович Клемашин – новый председатель Госконтроля – меня всерьез никогда не интересовал. Ни как журналиста, ни как карьерного чиновника. Все нынешние руководители федеральных структур выскочили на волне хаоса и неразберихи 91 года. Неудержимые амбиции толкали их на рискованные поступки, типа: вступить в какую-то рахитическую партию или движение, где реально насчитывалось полтора – два десятка человек, из них – половина с расстройством психики. Или вдруг объявить себя кандидатом в депутаты верховных советов страны или 2-3 союзных республик, не имея на это никаких шансов, даже исчисляемых в один процент. Или, наконец, так верно и преданно служить ближайшему окружению рэсэфэсээровского руководства в трехдневное противостояние российской и союзной номенклатуры в 91-м, что «за особые заслуги по спасению свободы...» усесться сразу в министерское кресло...

Клемашин преподавал в военном училище, был самовыдвиженцем в депутаты, говорить умел довольно складно. Он прорвался в депутаты не сразу, со временем, приобретя опыт и связи. Примеров в истории пруд пруди... Он-то хоть был

подполковником. А ведь в революции 17-го года, что творилось? Из матросов – сразу в министры обороны, из рабочих – в председатели госбанка страны.

У Клемашина было все в порядке с самооценкой: он мог стать (и, самое удивительное, реально был), как Столыпин, и министром внутренних дел, и премьер – министром. Или, как Беккендорф – шефом тайной полиции (в том числе, контрразведки). Или нынешним председателем Госконтроля (абсолютно финансовое учреждение). Всё зависело лишь от ситуации, конъюнктуры и его местонахождения на выстроенной вертикали власти.

Для меня он был умным, по-крестьянски хитроватым, но постоянно мечущимся, пугливым и даже трусоватым человеком. Как говорил, вознесший и вскоре бросивший его, глава государства: кишка у него тонка. Не боец, короче. Когда мы в Чутне переживали позор и поражение, Клемашин устроил демонстративную сцену самосожжения: подал рапорт об отставке, уверенный в том, что его оставят руководителем силовой структуры. Думал, что на переправе коней не меняют.

Поменяли. Стал безработным. Урок сильный, отрезвляющий. Он приходил тогда к моему начальнику, фактически, второму человеку в государстве, но в приемной встретил меня, советника. Мы вышли в коридор, говорили, в целом, о ситуации в аппарате правительства, а также о настроении руководителя. Потом он просил у первого вице-премьера доверить ему хотя бы что-то приличное. Доверили управление

в аппарате, так, чуть выше среднего, по иерархической лестнице. И он забыл о министерских амбициях, работал как папа Карла, лишь бы остаться на плаву...

С тех пор мы и познакомились, пересекались в коридорах власти. Всегда улыбчив, доброжелателен, всегда готов рассказать злободневный анекдот, вместе посмеяться, выпить кофе в компании и не только кофе. Но вот при приеме меня на работу к себе не пригласил, все дела по оформлению поручил одному из заместителей руководителя аппарата, а не кадрам. Боялся, чтобы я рот не открыл случайно?

Я, наверное, поступил бы также: у него пять–шесть десятков начальников отделов в комитете, можно застрелиться, если встречаться с каждым... И еще. Я понял главное: здесь я буду в дальней ссылке, что времена Совмина и Пал Палыча прошли, и что моя карьера, как и у моего нынешнего высокого руководителя когда-то, получила гигантскую пробоину».

– А-лё, – нежно сказала Юля. – Андрей Юрьевич, вы где? – Она щелкала пальчиками почти перед моим носом.

– Простите, вспомнилось... Былое и думы.

– Мы всё о своём, о девичьем...

– Юля, ну, я все же ваш непосредственный начальник... Давайте хотя бы в первый день нашего знакомства...

– Давайте... Только ведь и Мосеев сказал: зачем Ермолов, то бишь вы, Андрей Юрьевич, полез к Клемашину? Он же свидетель его падения, позора... Ему переждать надо было,

может, в газете несколько времени поработать... В чиновничьей карьере надо стараться не терять тот уровень, с которого ты уходишь, тем более, не по своей воле. А вы ушли по своей воле?

– Я ушел не по своей воле еще в 91 году...

– Мне поговорить с отцом, – это был не вопрос. Это скорее было предложение подумать вместе.

– Юля, если я кому-то буду нужен, если обо мне захотят вспомнить, то вспомнят. И найдут меня...

– Слишком мучительным для вас будет этот период. Здесь о вас точно никто не вспомнит... Вас на обед взять с собой? Как новичка...

– Пока не знаю, но спасибо за заботу. Если никто не дернет, с удовольствием схожу с вами на обед. Много слышал о вашей шикарной столовой.

Глава – 5.

Он был невысокого роста, худощавый, с элегантными усами под Радж Капура, в модных затененных очках, прикрывавших глаза. Мой второй начальник – заместитель молодого руководителя – сам пригласил меня на беседу. При чем, позвонила какая-то девушка, сказала, чтобы я вышел из большой комнаты, прошел десять шагов по коридору и зашел в приоткрытую дверь прокуренного кабинета. Я все так и сделал, попав в маленький, ровно на один стол, стул для

гостя и шкаф для одежды, кабинет. Так мы и познакомились: Сергей Сергеевич Тужлов, оказывается, очень любил такие неформальные штучки. Он вдруг сразу спросил меня:

– Вы на работу шли со стороны морга или по противоположной стороне? Не обратили внимание на то, сколько поворотов и калиток с проходными дворами на этой улице?

Я, честно говоря, опешил. Помотал, как баран, головой.

– Тринадцать, – улыбаясь в усы, сказал Сергей Сергеевич. – Привычка...

– Да, я понимаю.

– Вы курите?

– Только в кампании, под пиво или рюмку...

– Не могу предложить, не те условия...

– Да и до обеда еще не дотянули...

– На нужной тебе встрече – время не играет значения.

Рюмка коньяка сближает, придает беседе откровенности.

– О, ез, сэр...

– Вы знаете языки? В объективке этого не отмечено.

– Шутка, – сказал я, давая понять, что трёп закончился.

Он закурил дорогую тонкую, по-моему, сигару-сигарету.

Машинально нажал на рычажок железной юлы, которую я видел лет тридцать назад в районных редакциях на столах у курящих редакторов. Двигаясь по кругу, в чрево юлы улетели окурки белых сигарет. «Так, сигара, значит, для понта, для меня приготовлена, – подумал я. – Что еще заготовил этот интересный человек? И что ему от меня надо? Под-

чинения? Будет тебе беспрекословное подчинение, если всю полноту ответственности будешь брать на себя. Еще, что? Дружеские отношения? Посмотрим, ты старше меня, прошел серьезную школу спецслужб, спецжизни, спец... Чего там еще от слова «спец»? Я уважаю старших по возрасту. Если они, конечно, не в клинической стадии и т.д. Ладно, посмотрим, не говори гоп...».

– У вас серьезная школа, жизненная, служебная. Вы зачем пришли к нам? На замену? На расширение пиар – возможностей? Наш «биг босс» куда-то засобирался? – Он устался на меня затененными линзами очков, сигару положил на край юлы.

– Можно без комментариев... Меня назначили начальником отдела по работе со СМИ, так? Это подразделение подчиняется вам? Я постараюсь не огорчить вас. Но сразу могу сказать, что его, отдел, надо структурировать, расширить и преобразовать в пресс-службу, поскольку в старой понятии он не сможет нормально функционировать, обеспечивать информационное сопровождение конторы, руководства да еще, как я уже успел узнать, и аудиторов.

– Андрей Юрьевич, дорогой, со словом «контора», прошу быть поаккуратнее... Вы же знаете, откуда я пришел. Я горжусь тем, что 30 лет прослужил именно в этой организации. И первый главк ее, и нынешняя СВР заслуживают более уважительного отношения к себе. Я понимаю вас, когда-то вы многое могли, допускали, видимо, эту небрежность... Те-

перь мы в одной упряжке...

– Я понятливый. Кстати, наш комитет я тоже в личных беседах называю конторой. И Совмин, где вам не посчастливилось работать, я тоже вне его стен называл «конторой». Так что, я закладываю в это понятие очень положительные и смысл, и значение, дорогой Сергей Сергеевич...

– О кей, – сказал он, – это недоразумение, мы его преодолели. – Он снова попытлел сигарой-сигаретой. – У нас возникло или нет напряжение?

– Ну, что вы...

– Тогда два слова о себе. Больше 10 лет – Штаты. Ни одного прокола. Потом много еще кое-чего. В звании полковника ушел в отставку. Но остаюсь в активе: совет ветеранов внешней разведки, написание книг о ее истории. Это вся жизнь. Сейчас второй отрезок жизни, меньший. И мне его хочется тоже пройти без сучка, как говорят... Я сейчас больше на личных поручениях Клемашина. Так что нам не так часто придется контактировать с вами. Командуйте, вносите предложения, разворачивайте, сворачивайте... Я поддержу, если увижу, если докажете, что это надо.

Опять попытлел сигарой, снял очки, достал из стола лайковую тряпочку, стал тщательно протирать стекла. Смотрел на меня чуть – чуть помутневшими от возраста светло-карие глазами. Не щурился, видимо, привык к дальнорукости и хождению без очков. «Тогда какого хрена напялил дорогие очки да еще затененные? – Подумал я. – Опять на впечатле-

ние работает? Вот позер, артист хренов...»

– Я могу вам иногда в порядке шефской помощи кое – что показывать на предмет редактуры? Это не по основной работе. Это по книге «биг босса», я ее должен закончить в этом году. Время сжато до предела...

– Да, если это не будет мешать основной работе. Надеюсь, вечером, после 18 часов, мы отдыхаем?

– Всякое бывает, но большие задержки здесь не поощряются. Аппарат должен следовать внутреннему распорядку дня... Правда, у аудиторов может твориться, что угодно. Слышал, что нередко и ночами люди работают, особенно перед заседаниями коллегий... Спасибо за понимание.

– Ничего, не стоит. Клемашину мы служим все, и большие, и маленькие. Можно встречную просьбу высказать? Я знаю, что вы тоже недавно в управление пришли. Но, может быть, уже набрали какой-то информации? Что за люди здесь, как с ними себя вести? Профессионализм, на каком месте котируется?

– Интересные вопросы... Запомните одну простую вещь: здесь нет случайных людей. В кого вы не плюнете, обязательно попадете в чьего-то протезе. Особенно у нас: почему-то все считают, что, кто не знает финансы, тот знает или быстро познает пиар – работу и рекламу. Вот сразу и несут объективки в наше подразделение: педагоги, военные, информационщики – программисты, юристы и даже медработники. У меня лично скопилось более десятка кадров, не успеваю

собеседовать.

– Вот поэтому и держите в отделах столько вакансий? На всякий случай...

– Да, святое дело... А если от имени Клемашина позвонят, дадут команду взять человека? Как, например, вас взяли... Вы, думаете, на ваше место никого не было, что оно ждало только вас?

– По крайней мере, я не перебежал дорогу старому начальнику отдела. Его довели до пенсии, заранее предупредили и по-честному оформили все привилегии пенсионера госслужбы.

– Я вам покажу претендентов на вашу должность, некоторые из них работают, как вы говорите, в нашей конторе. Но на более низких должностях...

– Боже мой, Сергей Сергеевич, но ведь, занимаясь рекламой, ее не только надо знать, но и любить или хотя бы уважать, что ли? Что же я говорю вам, профессионалу-журналисту, такие прописные истины. Или имиджевая реклама, то же пиар? Ну, кто вместо меня, начальника отдела, напишет статью, как вы говорите «биг боссу», для международного журнала «Бенкер», а? Тем более, в двухдневный срок. Конечно, ее потом посмотрят помощники, аудиторы. Но ведь статью-то все равно буду писать я. И отвечать перед командиром буду я. Вот такая у нас истина. И другой нет. Другое – это непрофессионально.

– Я очень рад и надеюсь, что у нас с вами не будет раз-

ногласий на этот счет. Главное – вы уже отдекларировали, что готовы брать всю полноту ответственности на себя. Это и профессионально, и даже по-мужски. Я буду всячески помогать вам. Хотя бы ради того, чтобы выглядеть в ваших глазах профессионалом.

«Вот и поговорили, – подумал я о начале нашей встречи, – Я думал, что он возьмет всю полноту ответственности на себя. Он с радостью взвалил эту ответственность на меня. Да и... Может, так будет даже лучше».

– Меньше промежуточных инстанций, меньше тумана..., – сказал я вслух.

Собеседник сделал вид, что не расслышал моей фразы. Сигара – сигарета давно истлела, Тужлов выглядел усталым. Видимо, достал я его. «И что это я вдруг разошелся? – Сидел я напротив него и тоже, наверное, имел не самый лучший вид. – Ничего, нормально, с молодым начальником так не поговоришь. А этот хоть понял, чего я хочу, и что я прошу у него. Жизнь так сложилась, что сейчас мне придется работать с этим человеком. Он знает Клемашина, во всяком случае, имеет на него выходы. Уже проще организовывать работу с командиром. Доступ к телу в нашем деле – это больше половины успеха».

– Я в столовую. Не хотите провожу вас, пообедаем вместе? У нас очень приличная столовая...

– Да, я уже слышал. С удовольствием. Только приведу стол в порядок...

– Тогда жду вас ровно через семь минут.

– А если раньше? Нельзя? – Я заулыбался, он понял юмор,

ответил:

– Раньше я не успею выбросить пепельницу, помыть руки, ну, и все такое прочее...

Зашел в наш большой кабинет, увидел, как сотрудники собираются, видимо, тоже в столовую. На меня от своего стола смотрела Юля. Она была в светло-кремовом «суперстаром» пыльнике, на голове – легкая косынка. Я пожал плечами, показал кивком головы на стенку, за которой был кабинет Тужлова.

– Все понятно... Девочки, срочно в столовую, иначе попадем в лапы Тужлова. Он изнасилует своими рассказами, обеду будешь не рад, – с этими слова Юля первой направилась к двери. Все остальные потянулись за ней.

– Приятного аппетита, – негромко, но дважды сказал я, поскольку за моим отделом потянулись издатели. Миловидная грузинка улыбнулась мне, сказала:

– Спасибо. А вы не идете обедать?

– Жду Тужлова, он решил на сегодня стать моим гидом.

– И вам приятного аппетита.

Я кивнул в знак благодарности, стал выключать компьютер, но он вдруг «заглючил», впал в раздумье. «Ну, этого еще не хватало в первый день работы, – думал я, чертыхаясь. – А, может, мне плюнуть, не ходить в их столовую. Рядом кафе приличное. С удовольствием кофейку выпил бы...».

– Минуту, – сказал мужской голос сзади меня.

Я повернулся, увидел Сакса. Сказал:

– Не волнуйтесь, Павел, я постараюсь справиться.

– У нас ужасная техника. Я давно такого бардака не видел.

То есть, ни в издательстве, ни в Госдуме такого не было...

– А вы в Госдуме работали?

– Да, в издательском отделе, только замначальника отдела, – он говорил, продолжая манипулировать моим компьютером. Наконец, техника сдалась, экран пискнул и погас.

– Идемте, – сказал Павел.

– Только надо зайти за Тужловым, он собирался вместе со мной...

– Пойдемте, посмотрим.

Дошли до двери Тужлова, ключа в дверях не было, она была закрыта.

– Наверное, на улице дожидается, – сказал я.

Павел рассмеялся:

– Вы первый раз сталкиваетесь с ним?

– Да, конечно, я не знал его раньше.

– Сто против одного, что он уже на полпути к главному зданию.

– Но он же сказал, что будет ждать.

– Сколько минут?

– Семь...

– Вот он и ждал ровно семь минут!

Я засмеялся, Павел вторил мне более тонко и заливисто.

Сказал:

– Ладно, поедим без него, я приглашаю вас на чашку кофе, не возражаете? В конце соседнего с нами парка есть прекрасное маленькое кафе с тортиками, пирожными, салатами. А главное, кофе делают отличный. Да и по парку пройдемся, подышим зеленью, разомнемся. Хотите?

– Спасибо, Павел. И давайте перейдем на «ты»...

– Это как получится. Я не очень храбрый на такие поступки. Буду привыкать.

Зелень уже устала от лета и жары. Но стояли еще зелеными липы, шумел листвой старый тополь, покрытый гигантскими серебристыми наслоениями вместо коры. То ли помесь южного тополя, пирамидального, с тополем из среднерусской полосы, то ли юннаты вывели новый сорт, я не знал. А дерево было громадным, под ним когда-то располагалась танцевальная площадка, обустроенная сейчас по – современному: детская песочница, ближе к забору приютилось небольшое кафе с семью столиками. Павел кивнул пробегающей официантке, та, на ходу, спросила:

– Как обычно?

– Да, – сказал Павел, – только нас двое...

Сели за столик рядом с детской песочницей, в которой копались трое малышей. Они были настолько малы, что даже не могли еще членораздельно объясняться друг с другом. Мычали, вскрикивали, колошматили друг друга пластмассовыми лопатами, падали, теряя равновесие. По периметру пе-

сочницы сидели три мамыши, совсем молодые девочки, красиво одетые, держали в руках по чашечке кофе. Они не обращали внимания на своих чад, о чем-то живо беседовали.

– Я люблю этот уголок, – сказал Павел, – чем-то детство напоминает, своих детей вспоминаешь. Приятно становится. Я не прав?

– Прав...

– Я заказал салат «Цезарь», он такой большой, что и первое, и второе заменит. По чашке кофе и по кусочку торта «Прага». Сойдет для первого раза?

Я кивнул в знак согласия. И без перехода спросил:

– В Госдуме Черемшин при тебе работал?

– Еще бы, он и сейчас командует парадом...

– У меня с ним был преинтересный случай? Хочешь, расскажу?

– Извините, не хочу. Я не хочу о нем слышать...

– Приехали, извини, Павел...

– Лучше о другом поговорим. Вам надо продумать систему поведения. Здесь нельзя командовать людьми, нельзя накричать на кого-то, резко отказать в какой-то просьбе человеку из другого подразделения. Здесь все невероятно взаимосвязано. Вот в нашем медпункте, просто шикарном, оборудованном лучше многих спецполиклиник, работает, например, моя жена. И я рад, что она туда попала, не без моего, конечно, участия.

– Да, я уже в курсе. Мне сказали, почему так подолгу дер-

жат вакансии. На всякий случай...

– Ха-хи-хихи, – тоненько засмеялся Павел. – Вы, действительно, уже в курсе. Вы одну из любимых фраз Клемашина только что сказали: «Так, на всякий случай...»

– Значит, и ты здесь человек не случайный?

– Да, мы несколько лет работали вместе с нашим начальником управления. В начале 90-х даже пытались создать свой бизнес. К счастью, не получилось. Я не умею, точнее, не создан для бизнеса... А партнер, предельно осторожный человек, не захотел никому доверить дело после моего ухода... Так вот и «спала» структура несколько лет, пока сама по себе не умерла. – Павел помолчал, посмотрел на детей, которых одна из мамаш энергично растащила друг от друга. Иначе бы уже образовалась куча мала. И без перехода:

– А я вас помню. Вы тогда в Совмине работали и, насколько я знаю, помогли нашему информбюро с арендой помещения на площадях госструктуры за копейки. И начальник вас помнит... Но это другая история. Он вас очень боится, это прощу между нами. Он просто потерял покой...

– Понимаешь, его ошибка в том, что он, не имея опыта, не достигнув соответствующего должностного уровня, не понимает, как проходят самые верхние линии связи. А неверная оценка ситуации порождает неправильное поведение, – я посмотрел на Павла, увидел в его глазах не только непонимание, нежелание меня слушать, но и страх... Я замолчал, сделал вид, что показалась официанта. Она и точно вышла

из подсобного помещения с подносом, но прошла к другому столику. Тогда я быстро закончил неприятный и непонятный для моего собеседника разговор:

– Конечно, я помогу ему, обещаю, это никак не отразится на его карьере. У меня другие задачи и планы...

Я знал, что сказал Павлу самое главное, и что эта информация сегодня же дойдет до нашего молодого начальника. «Ну, и хорошо, и слава Богу. Без теорий и подходов, прямо и в лоб». Спросил:

– У тебя сколько детей?

– К сожалению, один мальчик... Так получилось. Хотя я думал, что у меня будет, минимум, трое-четверо. Мои родственники почти все эмигрировали, у них по пять и даже по шесть детей. А у вас?

– Двое. У старшего сына к концу зимы будет ребенок, внук или внучка, пока рано говорить, не знаю.

– У вас все будет хорошо. Я завидую ребятам, которые будут работать с вами. Но я, думаю, что вы недолго будете в этом отделе...

И тут пришел наш «Цезарь». Официантка ловко расставила огромные тарелки из светлой необожженной глины, флакончики с оливковым маслом, винным уксусом, баночку с красным перцем, разложила ножи и вилки, на плетеную хлебницу положила буквально дымящийся лаваш. В конце выставила перед каждым по стакану питьевой воды. Спросила:

– Кофе со сливками? – и посмотрела на меня.

«Значит, Павел пьет кофе без сливок, – подумал я. – Поддержу товарища». Сказал:

– Без сливок и крепкий, можно большую чашку.

Официантка убежала, а Павел, отломив себе пол-лаваша, заметил, улыбаясь:

– Наугад действовали или знали про кофе?

– Интуиция помогла.

Поели сытно, кофе был замечательный, торт, к сожалению, суховатым оказался. О работе не говорили больше ни слова. Павел рассказывал о полиграфии: какое это интересное и важное дело. У памятника Великому русскому доктору присели на скамейку и минут пять посидели практически молча. Переваривали пищу. Павел чуть не задремал. Я был благодарен ему за умение держать паузы.

Глава – 6.

Не успел включить компьютер, как раздался телефонный звонок:

– Андрей Юрьевич, еще раз здравствуйте. Это Келин побеспокоил. Вы успели пообедать? Очень хорошо. Хотел бы вас попросить подойти ко мне. Через полчаса у меня будет встреча с очень важным человеком, он организует работу с нужными СМИ, ну, и многое другое.

Я не стал включать компьютер, сел в будто костяное, узкое

и страшно неудобное кресло, посмотрел на Нинель Иосифовну. Она тут же встала из-за стола и направилась ко мне.

– Что случилось, я могу чем-то помочь?

– Останетесь за меня. Это, во-первых. Во-вторых, я не успел поговорить с остальными сотрудниками. А встречу с начальником уже не перенесешь. Да я и не хочу откладывать кадровый разговор на долго. Скажите, как они, тянут? И сколько у нас вакансий?

– Вакансий – одна, ставка консультанта, хорошая ставка, для человека со стажем – это приличные деньги, можно по классному чину вытянуть на госсоветника 3 класса. Но вы знаете, что такими ставками мы, как правило, не распоряжаемся. Это резерв главного командования... Ну, а сотрудники – наши люди, все прошли школу нашего аппарата, грамотные, знают редактуру, корректуру...

– За всеми кто-то стоит?

– Да, за всеми. И они молоды, у них хорошая обучаемость.

– Текст напишут? Заметку в газету, журнал?

– Видите ли, до вашего прихода такой задачи не ставилось. Но если вы дадите им «рыбу», подготовленную вами или любым подразделением нашего комитета, они отредактируют, хоть для заграницы сделают материал. Можно не беспокоиться и не перепроверять.

– И на том спасибо, что не безнадежно. Разложите, пожалуйста, мне в папку все личные дела сотрудников по принципу профессиональной пригодности. А я пока сформули-

рую вопросы для разговора.

Мы углубились в работу. В блокнот я записывал вопрос за вопросом, которые предполагал задать человеку, якобы могущему организовать тесные контакты с нужными нам СМИ. Кадровый состав отдела сейчас меня интересовал меньше всего. Надо готовить разговор о пресс-службе, ее структуре, штатной численности, персональном составе. И вводить эту структуру надо приказом, так, чтобы каждого из старых сотрудников призвать поучаствовать в собеседовании, чтобы они поняли, потянут на новом месте или им лучше перебраться в другое подразделение.

Нинель Иосифовна сидела, молча, положив руки на застегнутую папку, смотрела на меня.

– Все готово? – спросил я, заканчивая с вопросником.

– Илья Михайлович Келин не любит спешить, особенно с кадровыми вопросами... Не спешите, Андрей Юрьевич, и вы. Я бы вообще сегодня не открывала бы эту папку, на вашем месте. Поговорим обо всем позже...

– Ладно, я, кажется, понял вас, спасибо. Но папку все-таки я возьму с собой, на всякий случай. Пожелайте мне ни пуха...

– Ни пуха, – сказала Нинель Иосифовна и тут же поплевала через левое плечо.

– Кстати, а сколько лет Келину?

– Тридцать четвертый пошёл...

– Боже мой, – концовку моей речи Нинель Иосифовна

уже не слышала. Я ее бормотал, двигаясь по коридору. Ступеньки, затем по ходу движения – подобие самого нелепого на этом месте фонтана, потом кажется, порожек, за который я уже успел запнуться сегодня пару раз, охрана и улица. Опять ступеньки, но уже на лестнице под мрамор: что-то будет здесь дождливой осенью или по перволёдку. Ни решеток не выложили, ни рельефа не выбили на мраморе.

По всей улице расположились корпуса мединститута. Старые, обшарпанные, они наводили на меня ужас. Кафедра такая-то или такая-то, длиннющие коридоры, окна открыты, в палатах лежат больные. Их не просто лечат, на них учат студентов.

«Веселая жизнь, не дай Господи, – думал я о больных, вместо того, чтобы думать о встрече с начальством... – Где-то здесь глазной институт, в который по скорой помощи попал один мой молодой сотрудник: умудрился промыть линзы техническим лосьоном и засунуть их в глаза. Как же ему было плохо, как больно, как он это все выдержал... Зрачки у него были красные, а белки – желто-зеленые. Я не мог на него смотреть, он напоминал мне инопланетянина...

Так, катафалк, люди в черном... Видимо, вот здесь и располагается морг, о котором меня спрашивал разведчик Тужлов. Все до кучи... И какой дурак разместил пиар – подразделение именно в этом месте!? Очень удобное местечко для приема журналистов. Чтобы не забывались, не расхолаживались, помнили о брэнности... И всем наплевать, никто не

восстал, не прорвался к руководителю, не доказал... А, может, он и не знает, может, и доказывать-то ничего не надо было... Опа, остановка, кажется, подходит троллейбус, хоть одну остановку да проеду, сэкономлю время»...

Илья Михайлович сидел на представительском этаже, если так можно выразиться, только с другой стороны от входа в приемную председателя Комитета. Там тоже была дверь, видимо, ею могли воспользоваться начальники подразделений, чьи кабинеты не имели прямого выхода на приемную руководителя...

Просторная комната, два стола, красивая девушка за одним из них, брюнетка, похожая на диктора первого канала ТВ. В стене – дверь, закрыта, за ней – кабинет нашего начальника.

– Вас как зовут? – спросил я первым сотрудницу приемной.

– А вы – новый...

– Новый, новый... Приглашен на совещание.

– Посидите, вас пригласят... А звать меня – Лена. У нас нет приемной, это такой же кабинет сотрудников управления, как и везде. А за дверью работает наш начальник, Илья Михайлович...

Дверь открылась, наполовину показалось тело моего старого знакомого по ресторану с горилкой. Он высунул голову, кивнул мне и скрылся в глубине кабинета. Я встал и пошел за ним.

– Знакомьтесь. Наш новый начальник пиар – отдела Андрей Юрьевич. А это, – Келин показал рукой на единственного гостя, развалившегося на пол дивана, – хозяин самого известного агентства в стране – Михаил Константинович Школьник...

Он не то, чтобы постарел, он как будто выцвел и поизносился за эти десять лет, что мы с ним не встречались. Одет по моде – в джинсах, мятых, с бахромой, пиджак от «Валентино», но такой жеваный, что на него смотреть было неприятно. Но это – одежда, не главное. Главное, он сильно располнел, стал шире в полтора раза. Глаза ему будто искусственно раскрыли и зафиксировали в этом неудобном для него положении. Темные мешки под глазами, – видимо, есть проблемы с почками. Таким предстал передо мной Миша Школьник, тихой сапой уведший в последний год перестройки информационную ленту с Гостелерадио. Он с парой журналистов стал «наяривать» информацию по всем телефонным факсам контор, кооперативов, офисов нуворишей... Поначалу эта мазня шла бесплатно, но, надо отдать должное, совершенствовалась, потом помощники-секретари приемных стали ее подкладывать в папки к начальству. А через год некоторые начальники сами стали просить информацию. А им говорят: – Подписка... За информацию теперь надо платить.

И платили, подписывались. В столице тогда, навскидку, несколько тысяч заметных контор держали офисы, более половины – представительства провинциальных компаний.

Ничего не скажешь: на хорошую жилу напал Миша.

Был он и у меня в Совмине в самом начале своей лихой карьеры. Просил помочь с помещением, с деньжатами. В общем, не знаю почему, но помощь я ему организовал: получил он и ведро нефти, и ведро угля... И вот сейчас он – один из богатейших людей медиасообщества, как его представляют в кулуарах, владеет коммуникационными каналами, говорят, что участвует на самом верху в выработке информационной политики. Ну, и деньги зарабатывает. Вот, наверное, поэтому и здесь, в комитете, очутился.

– Мы знакомы? – спросил он меня. – Где-то я видел ваше лицо... Хотя, столько тусовок, встреч, столько знакомств мимолетных... Вот только что с Вадиком обедали, невозможно поесть спокойно!

– Вы с Вадимом Ивановичем ездили на обед? Он обычно здесь принимает, в его зале..., – замялся Келин.

– Я ему сделал предложение, от которого он не смог отказаться, ха-ха-хё-х, – засмеялся Школьник, колышась всем телом. – Мы были у моего друга в галерее, у художника Церетели. Полтора часа хохм, воспоминаний, смеха... А вино! Настоящее грузинское. Мы обо всем договорились, он не стал отпускать меня, сказал, чтобы я сразу заехал к тебе, Илья, и порешал все вопросы. Так что большого собрания не стоило сейчас собирать... Все мы обговорили, обо всем договорились, дорогой, как вас?

– Андрей Юрьевич, – торопливо подсказал Келин. – Но

мне был звонок от Вадима Ивановича, он предупредил о разговоре с вами, Михаил Константинович, и дал команду на встречу позвать Ермолова, то бишь, Андрея Юрьевича...

– О чем речь, команды шефа надо исполнять, – сказал я и сразу сел в приставное кресло. – Миша торопит события, ему некогда старые годы шевелить... Но сейчас не конец перестройки, не Кравченко на Гостелерадио, да и мы, как и десять лет назад, не частная лавочка...

– Да, да, что-то припоминаю... Но и я, слава Богу, и в администрации поработал, в двух государственных выборных компаниях поучаствовал... Меня в медиамире знают... Меня Блумберг запросто принимает. А с Вадимом Ивановичем мы просто старые друзья... Вы же знаете, Андрей Юрьевич, как это у нас бывает!?

– Знаю, Михаил Константинович... Только давайте послушаем для начала Илью, потом я выскажу свои соображения... А потом вас слушаем, ваши предложения. Вадим Иванович вот с этого молодого человека спросит, – показал я головой на Келина, – если что. А он, запросто, спросит с меня. Это так, на всякий случай, наша страховка. О ней мы не должны забывать. Кстати, если вопрос с нашим руководителем принципиально решен, а вам уже некогда, присылайте своего заместителя, встретимся и все обсудим...

– Вот теперь я, действительно, вспомнил вас... Вы бы позвонили, что ли, зашли бы, обговорили ситуацию... Ну, не начальником же отдела, дорогой Андрей Юрьевич... Ваше

положение, да и возраст... Господи, что иногда жизнь делает с людьми!?!.. А идея с замом – синхронно пришла нам в голову. Я – в офис сейчас, отдохну после обеда немного... А тебе, Илья, позвонит мой зам, Воскресенский, ты его должен знать. Вот обо всем и договоритесь...

– Хорошо, – постарался опередить меня Келин, – только вы напрасно так, Михаил Константинович... Вадим Иванович просил Андрея Юрьевича принять участие...

– Он, в отличие от некоторых, помнит, что..., – начал я, теряя контроль.

– Все-все, друзья мои... Чао-чао! Пока-пока..., – заторопился Школьник, перебивая меня. – Всё с заместителями. Руководители, в принципе, договорились... Теперь очередь помощников...

Он уже выходил из кабинета, когда я сказал:

– Блумберг начинал не в стоптанных ботинках... Не забывай об этом.

Келин пошел его провожать, слов моих не понял, успел сказать:

– Подождите меня минутку.

Заглянула «дикторша» с первого канала ТВ:

– Вам кофе сделать? Крепкий?

– Да, с коньяком, – пошутил я. Получилось пошло. – Спасибо, Лена...

– Круто вы его... Поставили на место... Какой он жутко неприятный человек!

Не дождавшись от меня ответа, Лена удалилась. Я встал, подошел к окну, стал смотреть на внутренний двор: десятки окон, яркая подсветка кабинетов и кабинетиков, люди копошатся, разговаривают друг с другом, как в немом кино. «Ладно, плюнь, не заводись, не бери в голову. Ты сам помог, тебе команду никто не давал... Сейчас что, завидуешь? Да ты бы мог десяток таких агентств, газет, журналов создать... Что не создавал? Государев человек, хренов... Нет, я бы не выдержал. Ни холуйского поведения на первых порах, когда Школьник и ему подобные, ходили по приемным высоким чиновников и вымаливали «крохи», ни нынешнего их положения с миллионами долларов, когда они опять холуи перед высокопоставленными и хамы с подчиненными. Вот кто истинное быдло, а не народ, обманутый ими. Это все от психологии нуворишей, отсутствия культуры, образованности: быдло даже с миллионами остаётся им...»

– Ваш кофе, – девушка поставила чашку с блюдцем на приставной столик у дивана, помогла мне вернуться в привычную рабочую обстановку. – Вы так серьезны, что просто страшно... А вы знаете, что я числюсь в вашем отделе?

– А вы созданы для нашего отдела-то? Уж больно вы красивая, такие журналистки чаще всего становятся дикторами на ТВ, ведут какие-то программы...

– Спасибо, но я, во-первых, не журналистка, а выпускница инъяза. Во-вторых, действительно, спасибо вам за комплимент. Как приятно общаться со зрелым человеком: все-

то он видит, все замечает, понимает...

– Возвращайтесь к нам на выселки, будем вместе работать. Хватит кофе подавать... Я не хочу вас обидеть, хочу разбудить в вас филолога – профессионала.

– Я не обиделась, вы правы... Только с начальником старого отдела невозможно было работать...

– Вы подумайте, – сказал я и отпил глоток крепчайшего, сваренного в машине, напитка. – Боже, какая прелесть! Это вы сами, без буфета?

– Вы сходите в наш буфет, почувствуете разницу... Можно я к вам, как вы сказали, на выселки, буду приходить...

– Вы моя сотрудница?

– Ваша.

– Искренне ваш, Шурик. Помните у Улицкой?

– Помню...

– Как бы всю жизнь не проплыть по поверхности, а, Ленок?

– Только Келину пока не говорите, обидится...

– Мы ему подберем другую, такую девочку, которая подходит для этой роли во всех отношениях. И, думаю, совсем не обязательно ей знать два языка...

– Лена, никого не пускайте ко мне, – это в кабинет стремительно вошел Келин. – Андрей Юрьевич, ну, вы даете... Это же Школьник! Он же может позвонить Вадиму Ивановичу, оболъет вас грязью. Что тогда будем делать?

– Ни-че-го... Он не позвонит, его лимит на сегодня и бли-

жайшие дни уже исчерпан. Видели, как он ретировался? Все перевел на зама? Так что, дождемся звонка Воскресенского или кого там он обяжет, будем спокойно работать. А это были «понты», и вы знаете об этом лучше меня. Поскольку я не общаюсь с этой категорией людей уже долгие годы.

– Господи, как вы правы! По дороге я встретил своего товарища, помощника Вадима Ивановича. Вы знаете, что он сказал? – Келин смотрел на меня расширенными зрачками. В глазах были и страх, и озорство. – Он сказал, что они обедали в комнате приемов Вадима Ивановича!

– Еще одно подтверждение о «понтах». Он прекрасно знает, что вам и в голову бы не пришла мысль уточнять, а где, на самом деле, они обедали. А тут я вас спровоцировал задать этот вопрос...

– И правильно сделали... Я специально уточнил у помощника, где был Школьник. Своих партнеров надо знать.

– Вы бы спросили, и я бы вам рассказал его биографию с 90-х годов до наших дней...

– Не знал. А что, на будущее, можно я буду вас спрашивать?

– Милости прошу, дорогой Илья Михайлович...

– Премного вам благодарен, дорогой Андрей Юрьевич... Что Школьник нес про вас... За пять минут – водопад дерьма. Только что вы – не сталинист и не левая рука председателя КПРФ.

– Надо всегда быть осторожнее с людьми, если ты когда-то

оказал им помощь...

– Это и мне уже знакомо... Здраваться иной раз забываю... А ведь к Вадиму Ивановичу попали только благодаря мне... Порешали все свои вопросы и чихать на тебя хотели.

«И не поделились с тобой, не сработала система отката, – съехидничал я про себя, думая о том, как надо вести себя с этим молодым человеком. – Это хорошо, мой мальчик, что жизнь чему-то и тебя учит. Я приближу тебя, научу брать ответственность на себя, помогу с карьерным ростом. Ты будешь ставить перед высоким начальством большие проблемы. Тебе понравится решать большие вопросы. Но первое – мы попробуем срочно создать хорошую пресс-службу. И ее возглавлю я. Хотя, на первых порах, она будет входить в твою сферу влияния. А там «будем посмотреть»

– Лена, а мне кофе? – Голос обижен, палец сильно давит на кнопку внутренней связи телефона.

В это самое время открывается дверь, и Лена входит с подносом, на котором две чашки, горкой лежит печенье и большая плитка горького шоколада. Я смотрю на нее с недоумением.

– Вам помягче, побольше и со сливками, – говорит Лена только мне. – А вам, Илья Михайлович, как всегда, крепчайший.

Глава – 7.

Три стола накрыли на территории издателей. У них свободного пространства больше, можно усесться всему коллективу управления. Я отдал деньги, все остальное сделали Нинель Иосифовна и женская половина отдела. Красиво, вкусно, даже о консервах «Шпроты» не забыли. А так на столе и икра, и рыба дорогая, и овощи, и соленья, и фрукты, и даже два торта к чаю запасли. Так принято: надо познакомиться с новым сотрудником, тем более, что он, хоть и небольшой, но начальник.

Женщины принарядились, похорошели. Юлия Владимировна – просто роскошной женщиной предстала, так оделась, что, мне тихонько рассказали, ей моя заместительница выговор учинила, мол, ты ставишь в неудобное положение тех, у кого нет такой возможности шиковать. Сама Нинель Иосифовна была в красивом, но рабочем платье, к столу она вышла в накинутой на плечи прекрасного меха горжетке: белый песок выглядел буквально живым, даже коготочки были слегка розовыми.

Предпоследней около шести часов вечера пришла Елена и сразу объявила, что начальник просил начинать без него. Он подойдет чуть позже, как только освободится от совещания у руководителя аппарата комитета. Лена брала своей молодостью, окинула всех смелым взглядом, на Юлии споткнулась, но, видимо, вспомнив, что она моложе её на целых пять лет, успокоилась и пригласила соперницу покурить.

– Ты же знаешь, зараза молодая, что я бросила курить.

И все равно меня провоцируешь! Вот полюбуйтесь, Андрей Юрьевич, что молодежь творит? А она, между прочим, ваша сотрудница, за пиар – отделом числится...

– Так, девочки, прекращайте! – Вполне серьезно сказала Нинель Иосифовна. – Что подумает о нас наш непосредственный начальник? Хватит ходить, ждать, времени без пяти минут шесть, думаю, можно рассаживаться. Андрей Юрьевич, у вас замечательный галстук... Проходите к Павлу Александровичу в голову стола. Третий стул там оставим для Ильи Михайловича...

Все стали рассаживаться за составленными буквой «Г» столами. По-другому площадь кабинета не позволяла разместить больше десяти человек. Получилось, что мы с Павлом Саксом оказались в президиуме, только как бы удаленными от всех в правую сторону. Я сказал Павлу, что мне лучше с девчатами сесть, прямо в середину стола. Тот закивал головой, приготовился пересесть на мое место, поближе к народу.

– Нинель Иосифовна, а не позволите ли вы мне пересесть к женщинам, прямо в середину стола?

– То есть вы хотите поменяться со мной местами? – Нинель Иосифовна прямо-таки смутилась, даже слегка покраснела. Румянец ей шел, угловатые черты лица сгладились, она заметно помолодела. – Но это же место начальства?!

– И вы – начальник... Кто будет спорить?

– Правильно, ее в президиум, – зашумели женщины.

– Вот и я не буду как в малиннике, – сказал Сергей Иванович Щеголев, который оказался прямо напротив меня по другую сторону стола. На нем сегодня был костюм стального цвета и темно-серая рубашка с голубоватым галстуком. Ярковато немного, но красиво и празднично он выглядел.

Когда все расселись по своим местам, Павел встал и сказал:

– Налейте, пожалуйста, себе, кто что любит. Есть вино на любой вкус. – Он выждал паузу и продолжил:

– Мы сегодня принимаем в свою, если можно так выразиться, семью нового для нас человека. Но не для журналистского корпуса, не для наших чиновников... Потому что Андрей Юрьевич известный во многих кругах человек. Я его статью в «Комсомолке» о шабашниках читал еще будучи студентом. Блестящий материал, говорю без подхалимажа. И детектив, и экономика, и демография, и трудовая занятость – все проблемы в одной публикации. Не оторваться. Ремарка: надо бы о сборнике подумать, да-да собственном, Андрей Юрьевич. Для нас вы та планка, которую нам теперь предстоит преодолевать, в профессиональном смысле. Но это и замечательно, что ж на середнячка-то равняться. Я выражу, наверное, общее мнение, если скажу: милости просим. Мы рады пополнению. Как-то спокойнее начинаешь себя чувствовать, когда появляются такие люди.

Павел пригубил фужер с грузинским домашним вином, которое принесла его сотрудница Тамара, та самая привет-

ливая грузинка, угостившая нас чаем. Все стали чокаться со мной, у всех были фужеры с домашним вином. Кроме Юлии: она протянула ко мне коньячную рюмку, хитровато улыбалась, проговорила:

– Поддержу союз мужчин, а то Сергей Иванович и вы неуютно себя чувствуете в бабском коллективе...

– А мне так хотелось попробовать домашнего грузинского вина, – сказал я.

– Это мы еще успеем в конце мероприятия. Как говорится, отполируем употребленное...

– Юля-Юля, я все вижу и слышу, – сказала, не глядя на нее, Нинель Иосифовна. Она смотрела на меня, глаза выражали извинение за непутевую сотрудницу. – Девочки, давайте помнить по какому поводу мы здесь...

– А что повод не позволяет познакомиться поближе со зрелым и интересным мужчиной? – Юля продолжала эпатировать публику. Все засмеялись, смотрели на меня, ждали реакции.

– Спасибо Юлия Владимировна, за комплимент... «Зрелый» давайте поправим на... «несколько перезрелый». А за «интересного», спасибо, постараюсь оправдать ваши ожидания...

«Господи, прости, что я буровлю здесь? – подумал я. – Они все годятся мне в дочери и сыновья. Пятьдесят лет скоро, дураку, стукнет, пять-де-сят...». Мне вдруг стало так невыносимо грустно и тоскливо, так захотелось, чтобы меня

кто-то пожалел, приласкал... Чтобы скрыть свое состояние, я налил, кроме стоящего возле меня фужера с вином, еще и рюмку водки. Чокнулся персонально с Юлей и залпом выпил «Смирновской», упакованной в красивую бутылку с ручкой. Ел долго, с аппетитом, пряча в свою пластмассовую тарелку и грусть, и тоску, и смутивший вдруг меня комплимент, сказанный молодой и красивой женщиной.

«Так недолго и пропасть, – я снова приобрел функцию думать. Водка разлилась теплом по всему телу, немного затуманила мозг, разгладила черты лица. Захотелось улыбаться, нравиться женщинам, говорить что-то новое, умное. Но я не был тамадой и не мог эту обязанность отнять у Павла. Здесь тамаду не назначали и не выбирали, им становился старший по должности. – Интересно, как выкрутится в этой ситуации Павел? Он же меня не знает, как будет делать подводки под тосты?»

– Вы все знаете Нинель Иосифовну: почти ветеран, почти с основания нашего подразделения работает. – Павел говорил, уже сидя за столом, не вставая. Голос у него был тихим, доверительным. Все замолчали, перестали шептаться, закусывать, жевать. Слушали продолжение:

– ...И все время заместителем, то есть, простите, рабочей лошадью. Но ей повезло, что начальники у нее не менялись, как перчатки. Надо отдать должное: ушедший на пенсию начальник – был профессионал. Просто он был плохой администратор и организатор. Одно слово – журналист... Но

хороший. – Все заулыбались, кто-то засмеялся, вспоминая ушедшее время и прошедшие мероприятия. Павел утихомирил стол и продолжил:

– Вам предстоит сегодня работать, дорогая Нинель Иосифовна, не только с хорошим журналистом, но и крупным администратором. Работу пресс-центров международных мероприятий с участием Президента и Премьер – министра страны, которую организовывал Андрей Юрьевич, я видел всего один раз, в Хаммеровском центре. Это был уровень, я вам скажу. Конечно, у нас этого ничего не надо делать, просто смешно даже о таком уровне мечтать. Но опять же, планка есть и на нее надо равняться. Вот в такой обстановке вам предстоит не только работать, но и произносить тосты, дорогая Нинель Иосифовна. Вам слово.

Она смутилась, хотя знала, что именно ей, как присутствующему здесь начальнику, придется говорить речь. Наверное, она даже подготовила какую-то болванку на этот случай. Но она также понимала, что банальностью уже не отделаешься. Даже Павел сегодня был в ударе: ему нравилось вместо Ильи вести стол, говорить с людьми неформально и, в то же время, не нарушая традиции чиновничьего застолья...

Щеки ее опять зарумянились, глаза загорелись, и, помедлив, она встала, сняла горжетку и аккуратно положила на спинку стула. Заговорила несколько сипловатым голосом:

– Спасибо, Павел Александрович, за теплые слова, сказанные в мой адрес. Я понимаю, что я-то здесь ни при чем!

Что сегодня мы просто все становимся лучше в лучах такого человека, как Андрей Юрьевич... Как вы сюда попали, простите? Что вы тут забыли? – Присутствующие сжались. Кто-то наклонил голову к тарелке, кто-то полез за водой, чтобы промочить горло. – ...Но так, видимо, предначертано судьбой, чтобы вы, Андрей Юрьевич, какое-то время поработали с нами, помогли нам почувствовать себя выше, значительнее, авторитетнее... Видите, сколько надежд мы возлагаем на вас?... – Она перевела дух и продолжила:

– Хотя мы неплохо работаем. На последнем мероприятии Юле удалось более полусотни журналистов аккредитовать: пять телевизионных камер российских, две – иностранные, четыре – региональные, десятки газет рассказали о нас, все информационные агентства два дня цитировали нашего руководителя. Но главная наша ценность – это наш коллектив. Он уважает себя, он понимает, где работает, с кем, на каком острие находится. Это – патриоты не только комитета, но и именно нашего подразделения. И мы все рады встрече с вами. За вас, за ваше здоровье, за вашу семью, за ваше творческое и человеческое долголетие!

Нинель Иосифовна красиво, не спеша, пила рубинового цвета вино. Фужер поставила на стол, поклонилась в сторону Андрея Юрьевича, давая понять, как она уважает и этот коллектив, и нового человека, пришедшего к ним на работу. Сотрудники не удержались, раздались хлопки, потом – аплодисменты. Люди присоединились к словам и женщины, и

руководителя, сумевшей так сжато и емко выразить их мысли и чувства. Павел подал реплику:

– Я так понимаю, что застолье можно заканчивать... Вот вы всегда так, мудрая Нинель Иосифовна. В следующий раз я буду давать вам слово последней или предпоследней, перед заключительным словом виновника торжества.

Снова все заулыбались, по-доброму, искренне, так показалось мне. Я с удовольствием выпил полный фужер Тамариного вина, посмотрел в ее сторону, поднял большой палец, кивнул в знак благодарности. Тамара тоже заулыбалась и тоже легким кивком головы ответила мне. «Боже, какая красивая женщина... Я только сейчас сумел разглядеть ее, – думал я, все еще чувствуя смущение от тоста своего заместителя. – Если так пойдет дело, то я обречен хорошо работать здесь... Но, но... Не спеши... А то надерешься».

Все ели, от холодных закусок перешли к цыплятам – табака, правда, тоже холодноватым, но от этого не менее вкусным. Тем более, что и время ужина подобралось к биологическим часам почти всех чиновников, живущим от 9 до 18 с перерывом на обед. Время было – домашнего ужина. Вино стали пить без тостов, под хорошую закуску, для того, чтобы запить мясо или овощи с фруктами. Две трехлитровые бутылки с вином быстро опустели. Я посмотрел в сторону Нинель Иосифовны. Она моментально перехватила мой взгляд, поняла, что меня забеспокоило, кивнула, заулыбалась. Поднятая ладонь говорила, что все в порядке, запас есть не только

на столах...

Входная дверь открылась, осторожно вошел Сергей Сергеевич. Сразу сказал:

– Я – на минуту... Сейчас заедет машина, с «биг боссом» уезжаю на презентацию книги одного очень большого автора. Знаю, что вы, Андрей Юрьевич, проставляетесь, выпить пока не могу, но хочу засвидетельствовать вам свое почтение и полное к вам уважение. Обращаю внимание всех: его очень хорошо знает наш «биг босс»...

– Сергей Сергеевич, дорогой, сядь, поешь, еще есть пара минут до твоей машины, – это Юля подвинула к себе свободный стул и буквально усадила Тужлова за стол. – А так как ты все равно едешь на фуршет, то никакого греха не будет, если ты осчастливишься фужером замечательного вина нашей царицы Тамары. Из ее собственных подвалов...

Она налила в чистый фужер остатки вина из последней домашней бутылки, передала Тужлову со словами:

– Если с начальником будешь так бегать от нас, то, неровен час, вообще останешься не только без вина, но и без коллектива...

– Критику принимаю и признаю....

– Еще бы!

– Но и вы должны понять...

– Сергей Сергеевич, только без «понтов» о своей занятости и т.д. Времени – скоро семь часов. К семье пора, к внучке...

– Ничего не скажешь, – признался в своем поражении Тужлов. – Люблю таких смелых и справедливых. Тогда буквально два слова, – он встал в стойку оратора, заговорил каким-то лекторским голосом:

– Друзья, я сегодня поплотнее познакомился с новым сотрудником нашего подразделения. Он достоин того, чтобы работать у нас. Со всей нашей спецификой, невзирая на то, что он – сугубо гражданский человек среди бывших и действующих военных, которые заполонили комитет... Что делать, берешь того, с кем работал или служил... С ним мы не служили, но он – наш! Потому что мы все сейчас в новом положении, в великом классе чиновников. А здесь, Андрей, (можно в кампании вас, а лучше тебя, так называть?) – профессионал. Легкого тебе вхождения в коллектив, дорогой, любви и признания коллег, поскольку у нас в управлении восемьдесят процентов сотрудников – женщины! За тебя.

– Сергей Сергеевич, слов нет! Особенно про любовь! Можно с этого места поподробнее? – Юля смеялась, причем делала это совершенно искренне. Рот у нее был прекрасен, зубы – настолько ослепительно белые, что даже казалось невероятным, как можно достичь такой белизны. Я невольно сглотнул слюну, и этот жест она заметила, поняла мое состояние, увидела, наверное, восхищение в глазах, наклонилась и только для меня сказала:

– Пойдемте, втихаря, покурим, но выходим по одному... И, встав из-за стола, пошла, успев что-то шепнуть соседке

Тамаре.

Я почувствовал дискомфорт, мысли полезли нехорошие о том, что все – на виду, что, выйди я сейчас, и все поймут, что зарождается интрижка. «Может, с Тужловым выйти, под видом его проводов, уточнения какой-то непонятной позиции», – подумал я. Но разведчик, похоже, пока не собирался заканчивать застолье: он налил себе коньяку, положил на хлеб несколько шпротин и два кусочка лимона. Выпил медленно, красиво, заел виноградом, и уже только потом стал с аппетитом поедать рыбный сэндвич.

Из-за стола поднялась Тамара, вынула из сумочки сигареты и стала пробираться к выходу. «Ох, какая умница, Юлька... И здесь все предусмотрела, – я невольно заулыбался, восхищенный ею, – я могу попросить у Тамары сигарету, выйти вместе с ней. Но насколько это опасно лично для меня? Справлюсь ли я с этой молодой, избалованной, богатой и своенравной кобылицей? А, будь что будет, в конце концов, я иду с Тамарой, и Юлии с нами нет».

В коридор мы вышли вместе с красивой грузинкой. Она потрянула густыми смоляными волосами, улыбнулась, протянула мне пачку сигарет, сказала с легким акцентом:

– Не можете бросить курить?

– Что вы, Тамара, я курю только в кампаниях. Потом – все, ни похмелий, ни сигарет не должно быть.

– И никогда?

– Никогда! До обеда следующего дня – никогда! Железное

правило, еще с журналистской работы принято. Иначе подведешь людей, о которых собираешься писать. Знаете, сколько случаев я могу рассказать, когда застолье оборачивалось скандалом на страницах газеты.

– Да, я представляю, сама работала в газете, но маленькой, городской.

– Значит, мы коллеги? А если...

– Андрей Юрьевич, будьте любезны, достаньте мне сигарету... Может, вы все-таки дойдете до курительной комнаты, – это уже капризный голос Юлии. Она стояла у открытой двери в тупичке коридора.

Тамара протянула мне пачку сигарет и зажигалку, кивнула в сторону двери, где, видимо, располагался и туалет, и курилка. Сказала, не глядя на меня:

– Надо подождать Сергея Сергеевича, согласовать с ним один вопрос, конфиденциальный... Вы идите, я вас догоню. Здесь строго: в коридоре, на лестницах – курить категорически запрещено. Так что, только в курилке.

Я пошел, чувствуя, как ноги становятся слегка ватными. «Ну, что ты запсиховал, – лихорадочно забилося в моей голове, – ведь ничего же еще не происходит. Ты знаешь ее пять минут. Ну, познакомишься поближе, об отце поговори-те. Все, пока, трус... Должен родиться «мачо»! И курилка уже рядом».

Открыл дверь, зашел в приличный вестибюль на 5-6 человек: две раковины с зеркалами и модной сантехникой, две

хромированные металлические круглые урны, приспособленные для сбора окурков, еще две внутренних двери, ведущие, видимо, непосредственно в туалет. Юля смотрела в зеркало, стояла спиной ко мне. Не оборачиваясь:

– Вас посылать только за смертью!

– Я, честно говоря, никаких команд не получал...

– Мы же договорились, что выйдем покурить?

– Да, помню, виноват, перехватили люди, популярность вскружила голову...

– Андрей. Не дурачься. Я очень хочу познакомиться с тобой поближе...

– Юля, ты и я... Отец и дочь.

– Ты о чем? У меня все нормально, дорогой. У меня прекрасный муж, банкир. Козел, конечно, тупой. Но есть прекрасный сын, скоро пойдем в школу. Я о другом, – она оттолкнулась от зеркала, развернулась и сделала несколько шагов ко мне. Гигантские каблуки на туфлях делали ее немного выше меня. Платье каскадом спадало с плеч к коленям, закручиваясь по спирали вокруг ее тела. Что за фасон, непонятно, но красивый. Она так сильно пахла женщиной, что у меня закружилась голова. Мне ничего не оставалось, как протянуть руки и обнять ее. Она нервно облизала мои губы, будто ей не терпелось почувствовать их влажность, языком прошла сквозь зубы и стала буквально всасывать мой язык себе в рот. Господи, какое счастье, что у меня никогда не было особых проблем с зубами!

Я, кажется, терял сознание: так давно не чувствовал такой страсти, такой силы, такой податливости всего женского тела. Проходили минута, вторая, мы не могли оторваться друг от друга. Я руками нащупал ее груди, большие, твердые, не зажатые лифчиком или корсетом. «Боже, прости меня, я не виноват, – взмолился я про себя, – я не хотел, но это испытание – выше моих сил. Так, спустимся ниже... Так и знал: она без трусиков, – мысли скакали, как взбесившиеся рысачки, – что делать? Остановиться? Глупо, сил не хватит на такую подлость по отношению и к ней, и к себе... Но сюда в любую минуту могут войти».

Она буквально оторвала свои губы от моих, глубоко и прерывисто дыша, сказала:

– Тамара... Она знает, что у нас личный разговор. Мне тоже не хочется здесь. И мы это сделаем в шикарной постели, позже. А сейчас... Нет! Я не могу остановиться, – и она открыла одну из дверей туалета, – господь простит нас... Мы ни в чем не виноваты, это природа. Мы даже не можем изменить своим родным.

Я, по-моему, сделал это, как в лучшие свои годы, не молодые, именно, в зрелые, когда уже точно знал, как ублажить женщину. Юлия, по моим ощущениям, просто умерла, стала тихой, нежной и женственной. Куда делась та необузданная капризная кобылица? Она выводила меня из туалета, сказав на прощанье, что я – второй мужчина, который создан для нее.

– А кто первый?

– Как-нибудь расскажу... Это пятидесятилетний ассириец, любовник из далекой молодости, который чуть не зарезал меня.

В коридоре у раскрытой двери в кабинет стояли Тамара и Сергей Сергеевич, о чем-то энергично разговаривали. Я подошел к ним, со словами благодарности вернул пачку сигарет хозяйке, оставив себе одну сигарету, прошел к лестнице, ведущей на улицу. На вахте попросил огонька у милиционера и вышел на воздух. Постоял, сильно затягиваясь дымом, потом спустился по лестнице, прошел к окнам нашего большущего кабинета. Они располагались на высоте человеческого роста, и я мог беспрепятственно заглянуть во внутрь. Застолье не расстроилось, люди ели, пили, но уже больше разговаривая друг с другом. Меня заметила Нинель Иосифовна, помахала рукой, незаметно показала головой на мой пустующий стул. Я тоже кивнул, показал сигарету, дал понять, что сейчас вернусь.

У выхода столкнулся с Тужловым. Он спросил:

– Черную «Волгу» не видел?

– Стоит какая-то с торца дома...

– Вот, придурки, здесь официальная стоянка, а они все хотят спрятаться. Как партизаны.

И без перехода:

– Спасибо за стол, шикарный, от души выпил классного коньячку... Не обижайся, надо ехать. Но мы ведь не послед-

ний раз собрались. Скоро мой день рождения, гульнем.

И он побежал к торцу дома. А я, не спеша, зашел по мраморной лестнице, спустился к нам в коридор и открыл дверь в кабинет. На меня почти никто не обратил внимания. Юля и Тамара сидели на своих местах. Я аккуратно пролез к своему пустующему стулу, налил водки и снова посмотрел на Нинель Иосифовну. Она наклонилась к Павлу, который вдруг сказал громко:

– Что-то молодежь у нас молчит! А ну-ка, Леночка, скажите тост от имени молодого поколения нашего подразделения...

Лена тут же встала, посмотрела на присутствующих, персонально на меня и сказала:

– Не вижу молодого поколения... Я от себя скажу. Андрей Юрьевич, будьте с нами долго, не бросайте нас, полюбите нас. Мы, молодые, очень благодарная публика... Горы свернем за любую ласку. А вы это прекрасно умеете делать. Я это сегодня поняла, когда вы были у нас на этаже. Будьте здоровы и счастливы! Аминь!

Опять хлопки, однако, не перерастающие в аплодисменты. И голос:

– Вот, зараза, молодая... Все ей мало своих сопляков, – это Юлия в пол голоса комментировала тост Елены.

– Юль, слышат ведь, – тихо-тихо сказала Тамара.

– Ну, и что... У меня давно равнодушие к зрелым мужчинам. Все это знают. Так, девчата? – и она опять засмеялась,

показывая свой прекрасный рот, не слишком яркие розовые губы и белые зубы. Она специально не смотрела на меня, но все поняли, о ком идет речь, заулыбались, посмотрели на меня.

– Поскольку Юля меня совсем не знает, будем думать, что она имеет виду Сергея Сергеевича Тужлова...

Стол взорвался хохотом.

– Это подло, Андрей Юрьевич, так издеваться над молодой женщиной...

– Юля, я постараюсь завоевать ваше доверие в самое ближайшее время и докажу вам, что, кроме Тужлова, у вас может появиться еще один вздохатель...

Присутствующие, принявшие эту пошловатую игру, опять захохотали. А я взглянул на Юлю и с ужасом подумал: «Боже мой, я пропал. Она смотрит на меня влюбленными глазами... Эта чистота ребенка и эта порочность зрелой красивой женщины собраны в ее взгляде. Что будем делать? Умирать? Или жить?»

Тост свой последний я скомкал. Этого и следовало ожидать. Все, что произошло со мной за эти полтора часа, могло бы уложиться в целую жизнь. «Таких темпов можно и не выдержать, – подумал я. – Но без паники и бичевания... Пока это просто секс, биологическая данность. Я люблю свою жену, детей, не собираюсь ни перед кем отчитываться за то, что произошло. Даже перед этой женщиной, которая так сильно и, похоже, взаимно, меня зацепила. Но я еще не ее плен-

ник...»

На метро шли гурьбой, человек пять-шесть. У пешеходной бровки подземки стояла машина с затененными окнами, черного цвета, похожая на лимузины «братков». Юлия расцеловалась со всеми, подошла ко мне, протянула руку, сказала.

– Спасибо за подаренное счастье... В машине мой придурок. Он намного моложе тебя. Но в подметки тебе не годится. Ничего не бойся... Таких женщин, как я, ты еще не встречал... Пока-пока...

И, открыв дверцу, быстро шмыгнула в машину. Муж так и не вышел, не помог жене сесть в машину.

Глава – 8.

Выходя из кабинета, я успел позвонить жене, сказать, что все нормально, все довольны, что выдвигаюсь домой. В вагоне метро было полупусто, время – десятый час – уже глухое для нашей ветки: спальные районы успели поглотить не только рабочих, но и служащих, начинающих и в 9, и даже в 10 часов утра трудовую деятельность. Я уселся на сиденье, думал о жене. Последние годы, связанные с ее болезнями, сблизили нас еще сильнее. Моя «мамочка» вошла в неприятный период возраста женщины, когда жар сменяется холодом, тоска и депрессия – несоизмеряемой кипучей деятельностью и беспричинным весельем. Дети знали об этом, даже младший сын стал жить самостоятельной жизнью с од-

нокурсницей по университету, снимая однокомнатную квартиру за мой счет. Да и я приноровился, а проще, не обращал внимания на эти приливы-отливы. Делал все так, как мы жили и десять, и двадцать лет назад.

«Кстати, – подумал я, – скоро 30–летие со дня свадьбы, тридцать лет супружеской жизни... Только надо встретить юбилей без сюрпризов... Без сюрпризов!». Я прекрасно понимал, что и кого я имел ввиду. Но мне не хотелось вспоминать пережитое сегодня, я специально отгонял от себя образ этой женщины. «Что, разве мало красивых женщин? Думай о Тамаре... Просто классика, и мужу никогда не изменит. А Нинель? 40-45, разведена, предана как собака, немного холодновата, угловата, но, смотри, когда ее раскочегаришь, какая красавица становится... И нема, как рыба.

Господи, какую чушь я несу! Ведь скоро и мой ю-би-лей... 50 лет. Вершина горы! Все остальное будет уже с горы... Пока ты на колеснице! Ко-лес-ни-це! И на все это осталось чуть-чуть месяцев. Остальное – умирание... А жена? Ей – 55... Официальный рубеж для выхода на пенсию... Боже мой, надо все спрятать, завуалировать... Она этого не вынесет, не переживет... Я уже лет пять чувствую приближение наших дней рождения по ее самочувствию, настроению, даже умело маскируемому поведению».

...С женой я познакомился, учась на втором курсе вуза, когда уже думал, что все знаю, всех, кого хотел, поймел, когда мое личное окружение не переставало восхищаться мо-

ими заметками, опубликованными в областной молодежной газете. У меня даже было красненькое удостоверение внештатного корреспондента официального печатного органа с моим фото, печатью и подписью главного редактора.

На посиделки к старшекурсникам меня вытащил мой сосед по комнате в общежитии, подводник, весельчак и балагур, который, естественно, в силу возраста (старше нас на пять лет), мало общался с младшекурсниками. Его все звали Леха, а, вообще-то, по паспорту, он был Леонид. И я всегда при всех подчеркнуто называл его Леонидом Ивановичем. При всем при том, ему это нравилось. Ведь он не салага какой-нибудь, а моряк-подводник.

Он сказал, что вот этот парень, показывая на меня, хороший журналист, печатается, пришел с ним и принес бутылку «Рояля».

– Закуска – за вами... Девоньки, как, примем моего товарища, зовут его Андрей? Не смотрите, что он молодо выглядит, он умный и может быть молчаливым и час, и два, и сколько надо...

– А повод-то, какой спирт хлестать? – Спросила моя будущая жена по имени Мила и посмотрела мне прямо в глаза, как следователь на допросе.

– Повод элементарный, – сказал с пафосом подводник Леха, – День Парижской коммуны, как историк – гарантирую, ни одна проверка ни слова не скажет. А потом – выход нового фильма о подводниках... Это моя профессиональная гор-

дость и принадлежность.

– Лёночка, у тебя нюх собачий... Мы молчали, никого из мужиков не хотели звать, но ты пришел, и тебе мы не можем отказать: вчера у Светки был юбилей. Она, естественно, смоталась на день к маме с папой, а вот сегодня – накрыла стол. Так что ваш «Рояль», надо понимать, будет подарком на 25-летие Светланы Константиновны!

– Дура ты, Милка, – сказала красивая высокая девушка с копной черных кудрявых волос. – Всё готова разболтать, даже о моих 25 проболталась...

– Светик, тебе только 25... И ты совсем скоро заканчиваешь вуз, и уедешь по распределению, и станешь абсолютно самостоятельным человеком. А тебе – всего-то 25! Так что, кто из нас дура? Мне вот уже 18, и ничего, не дергаюсь по поводу того, что закончу институт почти в 26...

Раздался дружный смех. Я ничегошеньки не понял с их возрастaми. Усвоил только одно: вот этой красивой статной черноволосой женщине вчера исполнилось 25. Это плохо, потому что мне – 19, и они, все пять женщин, собравшихся здесь, скорее всего, вышибут меня отсюда как малолетку...

– Андрей, насколько я помню, ты стихи пишешь? – Спросила опять Мила.

– Нет, я об этом никогда не говорил. У меня лучше заметки получаются...

– Пока, суть да дело, почитай...

– Нет, я лучше Окуджаву почитаю, можно?

– Его мы и без тебя почитаем, – вставила Светлана Константиновна. – Ты вот умудрись своими понравиться.

– Ну, хорошо... Только не обижайтесь, если что.

И я начал читать, подражая, а, может, и, сдирая, у кого-то из символистов: «Эта черная ночь,/Словно черная кошка./А черная кошка,/Как черная ночь./До счастья осталось совсем немножко,/Лишь черную кошку в душе превозмочь...»

Воцарилась гробовая тишина. Все смотрели на меня. Лень начал ежиться: я знал, что он любит стихи, читает их по пьянке часами, причем, в аудитории не нуждается. Нередко слушателем становился я дин, и он мог всего Есенина до полуночи читать. Видимо, он раздумывал, как меня спасти.

– А еще? – попросила девушка, имя которой я не знал, но где-то видел ее в коридорах вуза.

– Да, Андрей, пожалуйста, почитай еще, – сказали сразу несколько девушек.

– Ну, хорошо, – сказал я, – это мой товарищ написал, еще в Москве, куда я случайно попал... Ну, – это неважно. И без перехода: «Я иду по глубокой сини,/Закатав штаны до колен./Улыбаются кровью осины,/Где-то дальний костер догорел...»

В дверь громко постучали. Я умолк, машинально подвинулся к окну. Стук повторился и требовательный голос:

– Девочки откройте, комендант!

– Не закрыто, – как-то грубо и с пренебрежением крикнула Светлана.

В комнату вошла женщина в очках и с большими белыми оголенными руками, в платье с вырезом до пышных грудей и букетом цветов.

– Господи, Наталья Семеновна, ну, вы как всегда! – Сказала мягко, пытаясь, видимо, сгладить Светкину грубость, Мила. – Только командирским голосом Вы можете общаться с нами...

– Нет, это шутка... Я вас люблю как выпускников... Вы – моя опора и надежда вот перед такими сопляками, – комендант показала на меня рукой.

– Ну, что вы так огульно, Наталья Семеновна, – встрял Леонид, – это наш писатель, признанный журналист, его девочки сегодня специально пригласили на свое мероприятие...

– Ладно, балабол! – Сказала комендант. – С тобой у меня будет официальный разговор, но только не сегодня. Не будем Светочке праздник портить. С днем рождения, тебя, дорогая ты наша красавица, активиста, моя помощница по наведению порядка и дисциплины. Вот сразу чувствуется, что человек из военной семьи!

Она на удивление быстро вручила цветы, расцеловала Светлану, категорически отказалась сесть за пока еще не до конца накрытый стол и удалилась, сказав на прощанье:

– Приглядывайте за этими, смотрите, чтоб не надрались... Спирт – коварная штука: когда мы с вина, которого, естественно, не хватило, все-таки перешли на спирт, то ско-

ро-скоро стали без конца говорить друг-другу: «А ты меня уважаешь?». Мужиков в кампании не прибавилось, и поэтому Леха, как абсолютно здоровый и потребный человек, шел на ура. Мне, который соблюдал рамки приличия по праву варяга, и которого могли выгнать в любую минуту, было видно гораздо больше, чем остальному подвыпившему обществу. Леха, минимум, уже дважды выходил то с одной, то с другой девушками, отсутствовал минут по 10-15 минут. Курили, нет в этом ничего предосудительного. Но такую же операцию и я проводил не раз, только у себя, на младших курсах. За эти 10-15 минут мы такое вытворяли в конце длинного коридора, в комнатах, которые назывались душевыми, что черту бы там было страшно появиться. Света, Мила и еще одна девушка, которую, кажется, звали Нина, сидели за столом и тихонько пели задушевыми голосами. Песни лились грустные, как правило, о неразделенной любви и все такое прочее.

Я маялся без дела, без понимания и поддержки, без выпивки, которую одному принимать не хотелось. Наконец, на дальней тумбочке, я нашел проигрыватель, покрутил-повертел его, выбрал пластинку, поставил фокстрот и включил. Да так громко получилось с непривычки, что все вздрогнули.

– Вот, молодежь, не даст вздремнуть! – сказала Нина. – А ну-ка, идем танцевать..., – и потащила меня за руку. Мы станцевали на «пять», легко, «слившись в едином экстазе». Это не мои слова, классика цитировали девочки-филологи.

За Ниной потанцевать захотелось Миле. Нам с ней выпал «Маленький цветок». Она до того расчувствовалась, что в конце вообще положила мне голосу на плечо. Свете танцевать не хотелось, она демонстративно не выходила из-за стола. Потом еще зазвучал медленный танец, и нам, волей-неволей, пришлось снова идти с Милой, потому что Нину стал обрабатывать освободившийся к этому времени Леонид. Я чувствовал, принимал все ее тело, почему-то вздрагивающее при каждом прикосновении моих рук к ее груди. Стал прижиматься покрепче, почувствовал упругость грудей, живота, спины. «Ничего, – думал я, – девочка вполне стройненькая и упругая, наверное, спортом занимается». Спросил:

– В секцию ходишь?

– Да, еще со школы лыжами занимаюсь, по первому разряду бегаю...

– Ни фига себе!

– А ты?

– Говорят, в армию могу загреметь. Военную кафедру аннулировали, не знаю, что теперь делать...

– Скоро?

– Не дожидаясь зимней сессии.

– Грустишь?

– Ужасно...

– Девушка есть? Переживает?

– Какая дура будет ждать столько времени. Сейчас все проще. Сошлись, контакт есть, значит, и секс пойдет. Пожи-

ли, пока не надоест, и разбежались. Без проблем и претензий.

– А Леня – твой друг? Он же служил, скажет, что нужно делать...

– Он сосед по комнате, хороший мужик, но зачем его парить чужими проблемами. А ты – с парнем? Почему одна сегодня?

– Все осталось на малой родине. Забыли друг друга... В общем длинная история, не в мою пользу.

– Пойдем покурим?

– Я не курю. Но с тобой выйду проветриться. Пока Леня здесь спирт уговаривает, курилка свободна, – она хитро посмотрела не меня, первой пошла к выходу.

Я абсолютно точно почувствовал, что она сейчас будет моей. Что-то во взгляде у нее было такое: и желание, и бесшабашность, и женская притягательность. Нельзя сказать, что она была красавицей. Но все было при ней: рост, груди, ноги, лицо с чуточку курносый носом. В общем, на первый взгляд, вполне приличная девушка. Я первым поцеловал ее, когда мы зашли в царство белого кафеля душевых комнат. Она ответила, спокойно, без надрыва и страсти. «Наверное, опыта нет», – подумал я и решил ей преподать урок. На второй-третий поцелуй она вдруг стала реагировать, обхватила мою голову, стала тихо постанывать, когда я касался ее языка.

– Поверни ключ, – только чудом расслышал я эти слова. Я вскочил, запер дверь в комнату и тут же вернулся к ней на

жесткую лавку.

– Я не хочу ложиться на эти доски, – сказала она.

– Встань и стой спокойно. Я все сделаю сам...

Нет, ничего подобного: она сама сняла блузку, расстегнула лифчик, сбросила юбку и осталась в маленьких белых трусиках. У неё было прекрасное тело, ноги, правда, чуточку коротковаты, но какие груди, бедра..., втянутый живот состоял из одних мышц. Я уже тоже стоял голый, обнял ее, прижался к ней. Мне было страшно неудобно из-за нашего примерно одинакового роста. Тогда Мила сняла трусики и поставила ногу на лавку.

...Обратный процесс одевания я не видел. Очухался, когда мы уже выходили из душевых комнат. Мила была невозмутимой, лишь глаза выдавали то счастье, которое накопилось в них за эти 15 минут. Прошлись до конца коридора, вернулись назад к их комнате, встали. И она сказала:

– А теперь иди и думай до завтра, стоит ли тебе возвращаться сюда. Я не шучу. Скоро я заканчиваю институт. Надо обо всем крепко подумать.

... Я пришел к ней и сказал, что не могу больше без нее, и будет ли она ждать меня из армии. Мила ответила, чтобы я посоветовался с родителями, поухаживал за ней, хотя бы немного. «Я должна привыкнуть к тебе, – сказала она. – А там примем решение». Но эта показная холодность разбивалась о наши жаркие встречи в постели. Мне никогда, ни с кем не было так хорошо, уютно, страстно. И я полностью за-

хватил ее своей неумемной, ненасытной энергией. Она уже не могла без меня, моих ласк и поцелуев, без стонов и, чтобы не разбудить соседей по общежитским комнатам, без сдавленных криков. Я все чаще стал провожать Леню в ночную лабораторию НИИ «Стройконструкция»: ему всегда были нужны деньги, и он с удовольствием перехватывал мои дежурства. Третья койка в комнате, на наше счастье, была свободной.

Служить в армию я пошел женатым: моя жена Людмила Константиновна Ермолова (в девичестве – Гусева) к этому времени была на четвертом месяце беременности. Вот так естественно и просто все разрешилось. Старший сын родился, когда я уже получил звание младшего сержанта. Приехал на побывку, дали мне из-за малости моей службы всего пять дней. «Ну, два выходных еще прихвати. Но в понедельник, к 8-00, как штык!», – сказал миролюбиво старшина роты. – Я с ротным договорился. Поцелуй сына от имени всей нашей роты. Ты – молодец, сержант! Вот так надо служить».

Мила была замотанная, но вся светилась. Она любила меня, наверное, больше, чем я ее. Хотя я так ее любил, что на первых порах в армии не находил себе места. Она металась между мной и сыном, ночью, когда малыш спал, мы разговаривали. Я говорил, что пойду сразу в газету, буду зарабатывать, а с институтом год-другой потянем, успею закончить. Она была категорически против: только учеба. В этом ее поддерживали родители. А моя мама говорила:

– Ничего, сообща – вытянем и сына, и учебу. Работай вне-

штатно, зарабатывай гонорар...

Потом я гладил ее белое, мягкое, ставшее после родов округлое тело и не мог налюбоваться женственностью, которую оно приобрело. По сравнению с ней, я так и оставался пацаном, на чью голову вдруг свалилось отцовство. Нет, конечно, сына я любил, просто обожал, но через пять..., четыре..., три и т.д. дней мне надо было возвращаться в часть. И прощай моя молодая семья еще на два года. Я думал, что от этой мысли сойду с ума.

Опять помогла жена, вернула мне силы, а, главное, надежду, когда твердо сказала, что если вырвешься в отпуск к моменту окончания ее проблем и женских запретов, то с рождением второго ребенка меня отпустят домой. Я не смог вырваться домой. Тогда Мила приехала ко мне всего на сутки: малыша нельзя было надолго оставлять без матери. Сняла дом в деревне, и мы любили друг друга, страшно вспомнить, сколько раз, и не предохранялись, и бесконечно «улетали». Но тогда Господь не дал нам ребенка. В дальнейшей нашей жизни это счастье случилось только через пять лет.

Так вот и набралось 30 лет супружеской жизни, перевалили серебряный юбилей. «Людмила–Мила–Милка (как у Толстого в повести о породистой красавице – охотничьей собаке Милке). Что я тебе скажу сегодня? – думал я, трясясь на рельсовых стыках линии метро. – Скажу, что очень люблю тебя. И что мы никогда не расстанемся до самой смерти. Ни при каких обстоятельствах... Сейчас я наведу ванную с отва-

рами, возьму тебя маленькую, с большими ножками и отнесу в это лекарственное царство... Потом насухо вытру полотенцем и снова понесу на руках в постель... А потом ты будешь моя, любимая женщина... Пропади пропадом эти ревматизмы! Вот же гадость: на машине ездить может, ходить, передвигаться – нет...»

Гнусавый голос объявил мою остановку следующей. Я скомандовал себе: «Все, встал, собрался, домой! К больной, старой, но моей любимой жене!...».

Глава – 9.

Мы обеспечили тылы, нашли алиби и встретились с Юлией на скамейке у памятника Великому доктору. В парк нельзя было идти: слишком излюбленное место прогулок нашего брата – чиновничества из комитета. Пошли по тихим улочкам. Концовка жаркого лета напугала горожан несколькими прохладными дождливыми днями, и вот сразу упало на их головы теплое, ласковое Бабье лето. Мы даже не успели переодеться в осенние одежды для холодов.

Юля несла пыльник на руке, на ладони болтался ремешок небольшой сумочки. Походка «от бедра», опять легкое шелковое платье светло-вишневого цвета, косынка папирусного оттенка и туфли на неизменных высоких каблуках. Только сегодня они были под цвет платья – темно-вишневыми.

Я – в том же костюме в полоску, как и в тот памятный пер-

вый рабочий день, хороших разношенных ботинках, дорогой рубашке из «Стокмана», купленной, по случаю, за полцены. Галстук снял и спрятал в карман пиджака. Несколько дней Юлия старалась меня не замечать, мимоходом здоровалась, вместе со всеми внимательно слушала мои речи на утренних планерках, не выпячивалась, вопросов не задавала. Всю мелочевку решала с Нинель Иосифовной. «Вот это школа, – невольно восхищался я ее поведением. – Да, таких женщин у меня еще не было. Это, наверное, своеобразный карантин, что ли, пауза, взятая для раздумий. А, может, все гораздо проще: справила потребность, успокоила любопытство, подвесила на крючок, на всякий случай, и пока...»

В таких раздумьях я пребывал несколько дней. Но потом успокоился, закрутилась колесо подошедших дел и мероприятий на публику, забывать даже стал девушку. С удовольствием встречался с Леной в предбаннике начальника, пил кофе, дышал ее молодым телом. Тогда же почему-то впервые подумал: «Как же мерзко, наверное, смотрится старый козел рядом с такой молодой и свежей девочкой, как Елена?! Мысль не новая, где-то я уже такое не раз читал, не помню, тогда меня это не зацепило. Наверное, был помоложе. А вот теперь зацепило, вспомнил... И даже не знаешь, как себя вести. Не обращать на нее внимания – глупо, мы один коллектив. Лезть с разговорами – сочтут за старческий маразм или, того хуже, пошлое кокетство»

Меня это волновало по чисто прикладному и шкурному

интересу: все это я мысленно переносил на Юлию. Ведь там тоже разница – почти двадцать лет. Но на четвертый-пятый день я смирился: переосмыслил свое значение в нашем бурном знакомстве. Интерес прошел, надо выстраивать наши обычные отношения, как и со всеми. И вперед. «А прощальные слова? – Не унимался я. – А глаза влюбленной женщины, а мой страх, чего стоил...? Жаль, чисто по мужски, жаль совсем потерять такую женщину...»

Потом был звонок по телефону, причем, когда Нинель Иосифовна ушла в главный корпус. Почти шепотом:

– Я хочу встретиться... Знаешь памятник Великому доктору?

Я, зная, что она меня видит, молча и машинально кивнул.

– Ты меня отправил на встречу в информагентство, хорошо? Сам иди другой дорогой... Встретимся там через полчаса...

Посмотрел на Павла, он, как всегда, склонился над бумажным вариантом верстки бюллетеня. Я «усыпил» компьютер, подошел к Павлу:

– Паша, я на часок смотаюсь, пока все тихо, к стоматологу? Что-то пломба зашалила...

– Ты на Сивцев Вражек? Не успел еще прикрепиться?

– Выбирают не поликлинику, а стоматолога... Помнишь?

– Да-да, нет проблем. Я не меньше 3-4 часов просижу с версткой. Так что, не волнуйся.

Сразу вышел на улицу, Юлия оставалась за столом. При-

шлось сделать круг почти до Набережной, пройти всеми закоулками, чтобы нагнать время, но и не опоздать на встречу. Она, приближаясь к скамейке, конечно, заметила восхищение в моих глазах, заулыбалась:

– А я уже думала, что кремень не сломать... Ну, и выдержка у тебя, милый! Неужели жалеешь о чем-то, неужели не для тебя я?

– Эгоистка ты, конечно, законченная...

– Как все женщины. Я такая же, не хуже и не лучше...

– Погуляем или в кафе зайдем?

– Пойдем, я сегодня буду командовать парадом.

– Только без алкоголя. У меня еще встреча с аудитором для интервью...

– Сам будешь писать?

– Да, конечно.

– Наконец-то, слава Богу! Как же я устала искать стрингеров на эти статьи, интервью, беседы...

– Не переживай, теперь у тебя будут только журналисты, лучшие из лучших, приглашаемые на пресс-конференции и неформальные встречи с командиром.

– Как хорошо с тобой работать и жить, наверное. Ты все заранее знаешь, вернее, ты знаешь, чего тебе надо и что ты хочешь. Как я это люблю! Мне все и, папа даже, говорили, что мне надо было родиться мужчиной. А я вот такую грудь отрастила, а за ней и задницу... Или наоборот.

– Дурочка, ты моя, это твое бесценное богатство... А муж-

скую логику, работоспособность надо просто компенсировать...

– Как?

– Просто. Вот случай с тобой. Знаешь, что надо сделать? У командира нет пресс-секретаря. Ты – идеальная кандидатура. Какая женщина, глаз не оторвать! Хватка мужская – это для организации работы. Английский знаешь – это для общения с иностранными журналистами. Короче, если бы я был Вадимом Ивановичем, то я не только сделал бы тебя пресс-секретарем, но и своей любимой женщиной...

– Ты хочешь сказать любовницей... Как правильно ты все говоришь. Не обижаешь, мудр, осторожен, хитер... Что ты задумал?

– Во-первых, много–много–много-много... раз любить тебя... Потому что ты – бесподобна. Во-вторых, найти кафе и выпить хороший кофе, в-третьих, за неимением условий, хотя бы поддержать твою руку, целуя ее каждую минуту...

– Ты меня заводишь... Я уже очень хочу тебя. А здесь нет гостиниц?

– Девочка моя, здесь – дыра, бывшая и сегодняшняя окраина, хотя я плохо знаю столицу, особенно этот район.

– Хорошо, за углом – знакомое мне кафе, мы уже пришли.

– Кофе и натуральный сок, – сказала она с порога. Я сдал ее пыльник в малюсенький гардероб. Полутемное помещение разбито на несколько секций, так что посетители практически не видят друг друга. Она раскрыла сумочку, посмот-

рела расческу, собралась в туалетную комнату. И вдруг сказала:

– Дай пятьсот рублей гардеробщику и, ничего не говоря, иди следом за мной...

Я все так и сделал. Гардеробщик, он же и администратор, кивнул: то ли спасибо сказал, то ли дал понять, что ему все понятно. Юля ждала в небольшом предбаннике туалетной комнаты, переоборудованном под курилку и закрывающемся изнутри. Щелчок замка, и ее руки обхватили мою шею:

– Милый мой, как я соскучилась... Я ждала, кто первый не выдержит... Я сдаюсь... Я не смогла больше без тебя... Поцелуй меня, обними меня крепко-крепко, не отпускай меня... Я умираю без тебя...

Я легонько обхватил ладонями ее голову, оторвал от себя, посмотрел в глаза. В них – любовь, почему-то слезы... Я заговорил, не зная, что хотел сказать:

– Что же нам делать?... Я боюсь своей скорой старости... Это ужасно: видеть себя старым рядом с молодой, изумительно красивой женщиной. Пощади... Скоро приемся я тебе, как все в этой жизни... Правда, бросить меня будет легко и просто... Но давай попробуем без особых изменений в нашей жизни. Видимся мы и так, слава Богу, каждый день...

Она закрыла мне рот рукой:

– Молчи...

Теперь я уже закрыл ей рот поцелуем, сильным, до потери дыхания. Она нащупала мой ремень, ловко расстегнула

его, затем молнию на брюках, и я остался в одних трусах. Я повернул ее спиной, платье с легким шелестом заструилось вверх. Рот ее, чтобы заглушить крики, я зажимал ладонью.

...– Ты просто богиня, – сказал я, отдышавшись. – Я ни разу не видел такого прекрасного пропорционального тела. С ума можно сойти. Ты знаешь об этом? У меня опять готовность номер один...

– Не сейчас, не в этих условиях... Я люблю с ванной, на худой конец – с душем... Пойдем по одному на выход, надо попить кофе.

И она, открыв защелку, вышла в зал, а я пошел в дверь напротив.

...Кофе был замечательный, я такой пил только раз на пляже в Гаграх, когда закончился безумный летний и бархатный сезоны, и мы с женой вдвоем, оставив сыновей на маму, приехали туда на полторы недели. Заведение скромно именовалось «Буфет», кофе назывался «По-восточному» (без дефиса), легких турок на разметанном на плите песке стояло пять или шесть штук, узорчатых, ярко-бронзовых, но в межсезонье хозяин обходился, максимум, двумя.

Мы сели за столик, внизу от нас, в двадцати метрах, шевелилось и вздыхало море. Было тепло, солнце сегодня милостиво баловало редких отдыхающих своим теплом. За соседним столиком несколько абхазцев играли в нарды, пили чай, все слушали неторопливый рассказ аксакала в войлочной шляпе с короткими полями. Он сам не играл, похоже,

плохо видел, но был живым участником всего этого действа. Они говорили на местном языке, но я обратил внимание, что несколько раз упоминалось имя Бэлы Ахмадулиной.

– Послушайте, – спросил я хозяина, который сам принес нам по стакану холодной воды, – ваши гости говорят о поэтессе Бэле Ахмадулиной?

– Да, шумливые люди... Она сегодня утром пила здесь кофе. Вечером выступает с чтением стихов в зеленом театре. Это в парке, недалеко отсюда. Если не будет билетов, приходите за полчаса к служебному входу, я вас проведу...

– Вот так, запросто?

– Я вижу дорогих гостей, знаю, из какого пансионата вы пришли... Кофе – угощаю вас за счет заведения... Приходите каждый день...

– Ну, спасибо. Надеюсь, завтра вы все-таки возьмете с нас за прекрасный кофе и за удовольствие, которое вы нам доставили?

– Будет день, будет, что? Пицца...

...Я улыбался. Юлия смотрела на меня, не понимая причины хорошего настроения. Спросила:

– Ты чему улыбаешься?

– Гагры вспомнил, кофе, пляж в октябре, концерт Бэлы Ахмадулиной...

– У тебя жена инвалид, не ходит?

Я сжался. Она увидела реакцию на лице, затормозила:

– Ну, прости, прости... Я не хотела. Просто об этом в кол-

лективе знают. Тебе надо быть готовым и к таким вопросам. Прости...

Она взяла со стола мою руку, приложила к губам, стала целовать. Заговорила после паузы:

– Я все в этой жизни делаю назло или вопреки. Все подружки курят, я – бросила... Мама нашла студента МГИМО для меня, я – стала любовницей пятидесятилетнего ассирийца, мафиози... А мне-то – всего двадцать, студенткой была. Родители еле-еле спасли меня от него. Охотился сам, его люди за мной гонялись, говорил, что убьет не из пистолета... Зарежет, чтоб умирала мучительной смертью. Но, честно скажу, я такого любовника в беспутной своей жизни еще не встречала...

– Юль...

– Поняла... Но я знаю, что ты не ревнуешь к прошлому, да? Просто такие вещи не принято в твоем кругу, среди твоих друзей, обсуждать, да? Принимаю. Я же говорила, что мне надо было родиться мужиком... Точно, мы бы с тобой подружились!

– Если бы не работали в одном отделе...

– Какая разница, дружить можно и между начальником и подчиненным. Смотри, что я напридумывала за эти дни, пока ты меня игнорировал.

– Девочка, моя...

– Да-да, довел, можно сказать, до унижения. Я еще никому не позволяла...

Я вынул свою руку из ее ладоней и осторожно прикрыл ей рот. Она выпучила глаза, хотела, видимо, укусить мои пальцы, но, в последний момент, передумала, стала целовать еще более страстно тыльную сторону ладони.

– Ты не перебивай, послушай меня... Это все очень серьезно и важно. И меня распирает гордость, что до всего этого додумалась я сама... Ну, еще немного папа помог... И еще я внимательно слушала тебя... Итак, ты разрабатываешь весь пакет документов по созданию в Комитете собственной пресс-службы с правами полноценного департамента. Ты был прав: в такой форме в нее не надо вводить понятия управления и т.п. Пресс-служба, состоящая из трех-четырёх отделов, включая свой собственный оборудованный пресс-центр для встреч журналистов с Вадимом Ивановичем и аудиторами, отдел телерадиокоммуникаций (мы еще забабахаем собственное кабельное телевидение), по работе со СМИ, анализа и мониторинга информации и, наконец, издательский отдел, но расширенный, с правом выпуска продукции из собственной мини-типографии «Макинтош»... А, как ково? Ценишь?

– Аналитик, ты мой, доморощенный... Все это ты наслушалась... А проект уже готов, на дискету и на бумагу заведен. Вопрос в одном, как документам дать ход? После решения – об этом придется и с Келиным, и с Тужловым, и с Пашей да и с другими очень серьезно говорить. Вот на что надо обратить внимание...

– Знаешь, что? Это их проблемы. Они бы с тобой не стали церемониться! А то, что ты мне рассказал, умница, но ты годы бы искал союзников.

– Значит, с волками...? Мы – в капитализме?

– Да, именно так. А бумаги давай сюда. Я знаю, что мы сделаем. Их папа передаст Вадиму, попросит его лично ознакомиться, пригласить тебя, а ты все, что надо, разжуешь ему.

Юля помолчала, но по глазам я понял, что она что-то очень важное не договаривает. Так и есть: то ли поняла, что я жду от неё окончания тирады, то ли спешила все высказать, чтобы не забыть, она без подходов сказала:

– Только не забудь девушку, которая сейчас сидит рядом с тобой. Я хочу... быть твоим заместителем. Одним из двух. А второго выберешь сам...

– А я бы совсем не возражал! Представляю, какую веселую жизнь ты устроишь бедным сотрудникам... Но это все – пойдет на пользу и им, и, главное, делу.

– Ты правду говоришь? Значит, ты веришь в меня?

– Ты – прелесть, я буду пахать на тебе, в прямом и переносном смысле этого слова, 24 часа в сутки...

– А папа сказал, что ты, со своими принципами и характером, никогда не пойдешь на такой шаг... Он продумал еще один вариант: сделать тебя руководителем аппарата у аудитора Ленского Григория Ивановича (у него несколько месяцев вакансия), а это – статус, между прочим, действительно государственного советника. А через полгода–год – пере-

течь в директора департамента.

– Да, ласточка моя, с тобой не соскучишься... А ты тогда руководителем пресс-службы сразу пойдешь. Не боишься?

– Ты будешь рядом... Я тебя очень-очень люблю. С тобой мне ничего не страшно.

– А муж? А семья...

– Это мои проблемы! Замуж я вышла назло папе... За его охранника. Под два метра, самбист, институт физкультуры заочно окончил. Потом я его переучила на бухгалтера, папа помог в банк устроить. Сейчас он член правления. Ему так хорошо и комфортно, что он на все согласен, лишь бы не изменился его статус. А сын у нас отличный, здоровый, сообразительный, умом – в меня, здоровьем – в него.

– Скоро подковы начнет гнуть?

– Не смешно... Сам про жену запретил рот открывать, а меня же физкультурником дразнишь...

– Прости, это отсутствие культуры. Торжественно обещаю... Я буду только обожать тебя и твоего сына... Давай-ка, не будем мудрить, я выйду на Ленскова, благо, я его хорошо знаю еще по Совмину.

– Никуда не лезь, ни во что не вмешивайся. Я все должна проговаривать с папой. Наберись терпения и жди.

Глава – 10.

В контору я возвращался опять один. Раздумывал, не спе-

ша. Первое и главное: было радостно оттого, что на меня свалилась такая женщина. Она, конечно, была бесподобной любовницей... Но сколько здесь возникало вопросов? Меня уже сегодня мучил один из них: похоже, в это кафе она заходила не первый раз... И этот низкий диванчик со спинкой, видимо, она хорошо знает. Как, сколько, с кем, какой я по счету? Вопросы терзали меня, и терзала обида...

Я реально понимал, что наша близость может закончиться в любую минуту. И я буду бессилён, что-либо сделать. Вывод: не втягивайся, не пускай глубоко, до сердца. Она поймет? Конечно. Думаю, что и ее сейчас посещают такие же мысли. Должно произойти какое-то чудо, чтобы девочка смогла перенести любовь со своего отца на чужого стареющего человека. Да и отцу, видимо, это дерьмо совсем будет не по нутру: он старше меня лишь на 5-7 лет, не больше. Поэтому с этой темой все ясно и понятно: сколько времени отведено сверху, стольким и воспользуемся.

Второе. Уйти сразу к аудитору не получится: хоть и знает меня Ленсков, но я месяц всего проработал в отделе. Для чего тогда увольняли старого профессионального начальника? Под мой приход, ежу понятно. Значит, придется сколько-то времени работать и хорошо работать. Ну, ладно, это для меня не причина для беспокойства, как-нибудь справимся.

Другой вариант: ее отец расчистит поле для создания полноценной пресс-службы, поможет ее сформировать, пробьет меня руководителем... Вот тогда его чадо, амбициозное и не

глупое, и даже, ой-ей-ей, как умеющее работать, покажет и себя, и кузькину мать. Она, конечно, через год, максимум, и меня вышвырнет из начальников. Но год-то я все-таки буду рядом с этой женщиной...

Значит, надо исподволь прокачивать вариант с аудитором, чтобы он потянул с закрытием вакансии, чтобы очень захотел меня заполучить. Ведь, он тоже, как все они, амбициозный, ему тоже нужен не просто руководитель его административного аппарата. Ему и пресс-секретарь нужен, и ньюсмейкер, и спичрайтер. Вот это то, что надо.

Теперь о семье. Уже знают про жену. Ну, что делать, это жизнь! Поликлиника у нас одна, а меня там знавали не только начальником отдела в Комитете. Поэтому мои перемещения не вверх, а по горизонтали и вниз развязывают языки... Люди чувствуют меньше ответственности, если в них меньше, чего... страха. Надо придумать краткий треп, типа: сейчас, к сожалению, ухудшение здоровья, надо лечить серьезно, ездить, как минимум, два раза в год на грязи и т.д., и т.п. Поэтому в Комитете проще, чем в Совмине, помочь жене. И ей так спокойнее, когда я не в командировках по 100 дней в году.

«А, в общем-то, я могу и послать всех! Очень даже далеко. Моя семья никак не сказывается на моей работе? Нет. Что еще и кому надо? – Я вдруг так явственно представил лицо жены, что мне стало невыносимо жалко ее, стало так больно за нее, что на глазах чуть не выступили слезы. – Ми-

ла-Милка, когда все стало плохо? У классной спортсменки – лыжницы стала так стремительно и ужасно развиваться болезнь ног, что по 2-3 месяца весной и осенью она практически не ходит.

Я возил ее не только в поликлинику на процедуры. Я, практически, закончил с ней по второму разу автошколу, купил вполне приличную, хоть и подержанную, машину «Гольф», и она стала ездить. Ходила даже на костылях плохо, а ездила прекрасно. Думаю, что лучше меня, потому что последние 15-17 лет, с маленькими перерывами, у меня всегда была персональная машина.

Меня мучила семейная ситуация, но, отнюдь, не тяготила. Я никогда ни о чем не жалел, тем более, о женитьбе. До сих пор, как-только вспоминаю, как мучается моя жена, готов носить ее на руках... И ношу, даже с удовольствием. Делаю ванны с травами, несу голую жену из спальни, целую ее груди... Она искренне рада, смеется... Сажаю ее в ванную, регулирую воду, усаживаюсь сам на маленькую табуретку рядом и начинаю читать вслух. Этот месяц я читал Гюнтера Грасса. До него – южноафриканца Кутзею. Причем, жена это все уже прочитала, тихонько подложила эти книги мне на тумбочку у кровати.

Она – прирожденный «слуховой» редактор. Вранье дикторов радио или телевидения, небрежность, более того, неграмотность молодых продвинутых авторов в своих нетленках, вызывает у нее профессиональную аллергию. И, надо же, ка-

кая несправедливость, она больная сидит дома, лишь изредка подруги из издательства привозят ей 1-2 книги на редактирование. Но она счастлива даже маленькой толике: это работа – ощущение того, что ты еще кому-то нужен. Во-вторых, это заработок к пенсии. А сейчас, когда я получаю как младший начальствующий чиновник, – в этом есть вопрос. Но самое главное, конечно, в другом: жена при деле.

На детей пока мало надежды, они сами только-только начали вставать на ноги: старший преподает в вузе, младший – в этом году закончил университет. Но мы, собственно, не денег, не материальной помощи ждем от них. У меня кое-какие проценты набегают от старых накоплений в банке, примерно, пол оклада в месяц получается. Жена это знает, я внушил ей, что это Господь посылает ей на лекарства. И она перестала нервничать и дергаться. Это ее заработок (лишь бы наши волки снова не разрушили мирную жизнь, не разворовали все, не довели страну до нового дефолта). Дети не понимают другого: внимание, чуткость, забота – лечат не хуже лекарств. Они редко заезжают к нам, даже звонят нерегулярно... Жаль, считаю, что в этом есть и моя вина тоже...»

Так, размышляя, я дошел до родных пенатов. Павел собирался на обед, помахал мне рукой, кивнул, будто спросил: «Ну, как с зубом?». Я кивнул в ответ: мол, все в порядке.

– На обед тебе нельзя, так? – сказал Павел, подходя к моему столу. Тогда попозже попей чаю из нашего агрегата. Тамара все приготовит, – и он направился на выход.

– Спасибо, Паша, ты – настоящий товарищ!

– А я? – Спросила Тамара, остановившись у моего стола.

– Что бы я без вас делал, серьезно...

– Хорошо, расплатитесь позже, за все сразу... А сейчас слушайте. На кофе-брейках бывали?

Я кивнул утвердительно, за щеку не держался, послеоперационную зубную боль не изображал. Думаю, что этого и не надо было делать. Я был уверен, что Тамара посвящена во многие тайны Юлии, иначе той нелегко бы пришлось проворачивать свои похождения, в том числе, и любовные.

– Тогда чай в термосе, сахар, печенье и т.д. в шкафу, увидите напротив моего стола... Не хворайте и приятного чаепития.

Тамара быстро вышла, видимо, боясь отстать от женщин, уже отправившихся в столовую. Я сел за компьютер, включил его, вставил дискету и стал снова читать документы: положение о пресс-службе, положение о пресс-центре, структуру и т.п., в общем, всю бумажную тягомотину. Все было грамотно, выверено до последней запятой. Особняком держался файл с текстом письма на имя председателя Комитета: ровно на страничку, с обоснованием этого решения, а также с просьбой дать поручение на исполнение соответствующим подразделениям.

Первая скрипка здесь – у финансистов, бюджет – это святое. Потом юристы, кадры, хозяйственники, секретариат председателя... Не факт! Это было бы идеально, если бы по-

ручение пошло от секретариата председателя. А если от руководителя аппарата? Беда... Не согласовав с ним, с его заместителями? Сразу на стол председателю?! Боже, что здесь начнется... Пусть сами головы ломают, откуда у председателя появилась эта бумага. Лишь бы отцу Юлии удалось переговорить с нашим руководителем.

...Мосеева Владимира Викторовича я знал с девяностых годов: он вместе с председателем Правительства пришел в аппарат Совмина. Не просто было мне, советнику, отвечающему за СМИ, обходить этого консервативного, осторожно-го и сумасбродного человека. До ругани дело доходило:

– На ф... нам нужен твой пиар, если нас костерят в любой вшивой газетенке!– Орал он в присутствии других советников-помощников.

– А на ф... нам столько командиров в аппарате, которые вылезают с комментариями, не только не зная сути дела, но и не понимая, о чем идет речь! Газетчику этот зас...ц из аппарата и не нужен! Ему надо зафиксировать разговор, хоть с табуреткой из кабинета Премьера, чтобы потом написать: «Вот такое мнение бытует в окружении Премьера...». Неужели это не понятно? – Почти также шумно пытался я объяснить ситуацию.

Все обмерли: что-то будет? Так с Мосеевым еще ни один советник-помощник, директор департамента не разговаривал, чтобы орать друг на друга. Пораздувал ноздри Владимир Викторович, но вспомнив, наверное, что в статье нет

прямого упоминания пресс-секретаря, руководителя аппарата или его заместителей, нет ссылки на пресс-службу Совмина, промолчал. Сказал уже спокойно:

– Подготовьте предложения, как обычно..., – и быстро ушел с импровизированной планерки.

Надо отдать должное Мосееву: он не раз перечитывал ту или иную раздражившую Премьера статью в газете, находил упоминание о каком-то высокопоставленном источнике в аппарате и немедленно проводил расследование. При мне он однажды сказал директору департамента социальной политики Монблиту:

– Когда собаке делать нечего, она знаешь, что делает? З... лижет... Лежит и лижет. Вот и ты, чтобы зуда не было, лижи. Еще раз, Гриша, вылезешь – выгоню в тот же день! Ты меня знаешь...

Был Мосеев когда-то хорошим строителем, не одной гигантской стройкой пометил карту нашей Родины. И семья моталась за ним по тайге да степям. Но вот утвердили его секретарем большущего обкома партии. Юля уже помнила это время, как-то мне сказала в разговоре: мы с младшеклассников чувствовали свою особость... Потом столица, ЦК партии, замминистра... И понеслось. А поскольку Юля помнит их семейный уклад с обкома партии, то всю жизнь она и чувствует себя избранной. Нет, она – не жлоб, последнюю рубашку отдаст подруге. Она, по большому счету, лишь беспардонная и капризная. Ей ничего не стоит обидеть мало-

знакомого человека каким-то нелепым замечание по поводу бедности его одежды. Она считает, что вот у нее это есть, а человек просто не хочет прилично, тем более, со вкусом одеваться. Уж даже я за этот месяц – другой работы как-то ей рубанул: «Ты поживи на одну зарплату, с ребенком, без мужа... Тогда мозги у тебя будут включаться вовремя»

Промолчала, поняла, наверное. Но главное, что ее смутило – это моя достаточно резкая реакция. Представляю, что было бы, если бы ей также резко заявили Паша, Тужлов или Келин?

– Не обижай меня больше так, особенно, при людях... Я расплачусь, как маленькая девочка... Перестану тебя любить...

– Юль, не дури, и я не буду реагировать, особенно при людях. Ты нередко ведешь себя с людьми, как барыня со служанками... А в остальном, я так тебя хочу, что твоя любовь просто меркнет перед моей...

Эти наши реплики были при мимолетных встречах, переходах из кабинета в столовую или курилку. Буквально минута-две оставались нам без свидетелей. Это днем, во время работы. Вечером же – я бежал домой, надо было много чего сделать и для жены, и по дому. А ее охранник-банкир почему-то стал приезжать на нашу улицу, а не к метро. Она громко прощалась со всеми, будто мы не увидим ее месяца 2-3, шмыгала в машину, и с места рвали колесные шины, будто за четой Мишиных гналась мафиозная группировка.

...Попил чаю из термоса, съел несколько пряников и печений. «Как все у Тамары аккуратно, все убрано, разложено, чисто, – думал я. – Вот уж точно не скажешь такого о Юльке. Видимо, всю жизнь живет с домработницей, няней и т.д., и т.п.» Нет, я совсем не осуждал ее: трудно представить Юлию с тряпкой в руках и ведром грязной воды. Поэтому мне было страшно подумать о том, что мы, вдруг, стали бы жить вместе с ней в большой (да и любой) квартире, где не было бы домработницы, няньки...

...Мой приятель, главный редактор и хозяин крупной частной газеты, пригласил меня на Пасху в гости. Я приехал один, днем, как мы и договаривались (у моей жены было обострение болезни). Шикарная четырехкомнатная квартира с кухней в 24 метра, огромными, как сад, лоджиями, прихожей, в которой можно играть в футбол, вся была заставлена пепельницами, полными окурков. Я их насчитал не меньше 15. По столам и стульям, диванам и креслам бегали кошки всевозможных пород. Мы расцеловались.

– Дорогая, к нам приехал Андрюша, – сказал редактор.

– Иду..., – голос трубный, прокуренный, немного раздраженный.

Мы сбросили с дивана какие-то майки, трусы, пижаму хозяина, осторожно сняли со спинки две пепельницы с окурками, поставили их на журнальный столик, на котором уже стояла пепельница, битком набитая окурками.

– Сейчас, дорогой, не обращай внимания на небольшой

беспорядок: на Пасху пришлось отпустить домработницу в деревню... Вот ее уже трое суток нет. Жена не справляет нашу Пасху, она живет по другому календарю... Да, вот так. Ну, да хер с ними, со всеми... Давай по граммულке виски выпьем... А для этого нам лучше перейти на кухню.

Мы пошли на кухню. Хозяин первый застыл в дверях, я даже не смог войти туда. Он повернулся ко мне и сказал:

– Картина Репина – «Не ждали»...

Я заглянул в дверной проем и остолбенел: на столе сидели две кошки, они что-то дожевывали, мирно, не ссорясь. По моему, это была пасхальная кутья, да пусть простит меня Господь. Я думаю, что сердобольная домработница все-таки приготовила православному христианину – редактору кутью, которую сегодня с утра жена выставила на угощение кошкам.

– Пойдем в мой кабинет, друг. Там у меня кое-что есть... Без кухни обойдемся...

В кабинете был относительный порядок, кроме письменного стола, сплошь заваленного бумагами. А так даже пыли не было видно.

– Сюда я стараюсь никого не пускать, даже кошек и жену. Вот мой барчик, вот мои рюмочки, вот мой коньячок и вискарик. Но я знаю, что ты любишь водочку. И таковая есть, только теплая немного. Но закусывать придется галетами...

– Ничего, – сказал я, – вот тебе подарок от моей половины, просила передать – «Христос Воскрес», – и протянул красивый тряпочный мешочек с пятью крашеными яичками. –

Это и под виски подойдет, и под водочку. Тем более, у тебя, шикарные сигары. – Я специально подбросил ему леща: редко у кого в Москве видел настоящие кубинские сигары.

– Тогда садимся, наливаем и за дело...

Мы обсуждали материал к интервью Премьера, который должен был выйти накануне заседания Правительства. Благо, под сигары у моего приятеля были свои пепельницы, их, видимо, домработница тоже успела очистить накануне. Примерно через полчаса после слова «Иду...» раскрылись обе створки кабинетных дверей, и к нам вкатилось нечто кругло-квадратное. Я не знал жены моего приятеля. Встал следом за редактором, заулыбался.

– Андрюша, познакомься, – сказал редактор, – это моя жена Фира...

– Не Фира, а Эсфирь! Сколько раз, дорогой, тебе нужно говорить!

– А это советник Премьер-министра Андрей Ермолов, он же – пресс-секретарь...

Лицо жены, закрашенное косметикой, расплылось, надо думать, в улыбке, маленькое тело заколыхалось, ручки вскинулись вверх:

– Боже мой, какая жалость! Я должна уехать... Прямо сейчас. Но вы – не скучайте. Жора, займи гостя, чтобы у него от нашей встречи не осталось неприятного осадка... Чмоки-чмоки, пока-пока!

Она повернулась вокруг своей оси, откинула голову на-

зад, подняла ножку, скрытую какими-то оборками, и дернула ею в знак прощания. Она выкатилась из кабинета, не закрыв двери. Мы с полчаса еще гонялись за кошками, чтобы выпроводить их из кабинета хозяина.

...Думаю, что и у Юлии такой же, наверное, стиль жизни. Впрочем, я, как стопроцентный домостроенец, могу и ошибаться. Дай-то Бог.

– Ты один? – Юлия была легка на помине. – Я вместе с девчонками поела в столовой, но, сославшись на срочный звонок, первой помчалась сюда... Чтобы увидеть тебя... Без свидетелей... Я успела позвонить папе... Он все принял. Сказал, не поверишь, что хочет с тобой встретиться.

– Где, когда? О чем будет разговор?

– Заберешь все бумаги и к нему в холдинг. Вот телефон, завтра, перед выездом, позвонишь. Он закажет пропуск. Кроме обеда, он весь день будет в кабинете. Ну, умница я? Целуй меня...

– Юль, сейчас войдут сотрудники... Двое-трое вообще не ходят на обед, просто гуляют этот час, а так пьют чай с сухарями... Но я с удовольствием тебя расцелую в нашем местечке...

– Нет-нет-нет, больше никаких уголков! – И она достала из сумочки ключи. – Только на квартире, цивилизовано... Вот, смотри, какая я умница... – И уже другим тоном, другим голосом, другой интонацией:

– Сделай все, чтобы папа не заподозрил наши отношения.

Он мне голову оторвет...

Дверь открылась, вошел Щеголев. И с порога:

– Здравствуйте, Андрей Юрьевич! Как ваш зуб?

Юля недоуменно посмотрела на меня, пошла к своему рабочему столу.

Глава -11.

Почти три года мы спим в разных постелях и в разных комнатах. Спальню с огромной двух с половиной метровой кроватью я отдал жене. Хотя она сопротивлялась, говорила, что ей на разборном диване удобнее, особенно днем, когда я на работе, он жестче, ниже, ей легче встать и добираться до туалета. От памперсов, био- и прочей дребедени она отказывалась наотрез:

– Еще не время... Хотя, я чувствую, боюсь и умираю от того, что это время приходит.

– Давай поедem к берберам, – шутил я, – они вообще не знают, что такое болезнь суставов и прочая хренотень. Вот, я был у туркмен, у них – 330 дней в году – солнце, влаги – граммы, никакого ревматизма...

Я, конечно, лукавил: уже знал, что дело не в ревматизме, что у жены тяжелая болезнь костей... И, она, естественно, знала об этом. Но мы старались не касаться этой темы, Во всяком случае, она молчала после посещения врачей на дому, даже после ЦКБ (Центральная клиническая больница).

И я не говорил об этом, стараясь не травмировать ее лишним раз. В поликлинике, по моей инициативе, много чего рассказали о болезни моей жены. Возраст, нагрузки, перенесенные в молодости, поздние роды второго ребенка, крайне тяжелые и опасные, – все это способствовало развитию болезни. Сейчас дело обстоит лучше: вот здесь геронтология играет свою положительную роль: процессы как бы замирают, останавливаются. Мне сказали, что у некоторых пожилых людей, у тех, кому под 70, раковый процесс без особых осложнений тянется 15-20 лет. Его только нельзя провоцировать. У жены, слава Богу, не рак. Для нее, конечно, лучше было бы поменять климат на сухой и жаркий.

Я приценивался к Анапскому району Кубани, там более 300 солнечных дней. Не потянул на дачу, на дом с участком, тем более. Цены зашкаливают за 200 тысяч у.е. Есть халупы, но как-то не хочется превращаться в приморских бомжей. Говорил со старыми товарищами, которые обосновались там при бывших пионерских лагерях, превращенных в дома отдыха с посуточным расчетом. Это стал их бизнес, доходное место. Они готовы забирать жену с апреля по октябрь за очень умеренную плату. Мила – ни в какую. Говорит, что я, именно я, а не она, без нее пропаду. Наверное, она права. Я страшно домашний и привыкающий к близким людям человек. Стал бы дергаться, мучиться, звонить без конца, писать письма, срывать на самолет или поезд и мчаться туда, к ней. Это точно, не ходи к гадалке...

Ужинали мы вместе из того, что я накануне вечером готовил на обед. Мила, как правило, без меня не обедала. Я ставил ей на приставную тумбочку «брейковский» термос с вечно горячим чаем, варенье, постное печенье, сухарики, мармелад, мед, много всяких орешков. На второй тумбочке, стало быть моей, лежали книги, журналы, газеты. И, если приваливало такое счастье, то бумажные варианты верстки из издательства. Интересно тогда вела себя моя половина: она надевала очки, явно к моему приходу брала листочки верстки, на меня почти не обращала внимания, говорила:

– Я поужинаю попозже, срочная, безотлагательная работа...

Тогда я заваливался прямо в костюме к ней в постель, стараясь не задеть гибкие пластмассовые растяжки, надетые на ее ноги, снимал с нее очки и начинал целовать глаза, губы, раздвигал ажурные кружева под халатом и целовал груди, прекрасно сохранившие форму. Она возмущалась, старалась отодвинуть меня, говоря, что я помну бумажные листочки:

– А это работа, милый мой...

– К черту работу, я хочу свою жену, мою любимую девочку! – урчал я, не отрываясь от ее груди.

И она сдавалась, убирала листочки, укладывала мою голову на свою грудь, начинала целовать меня осторожно, будто боясь притронуться, будто ожидая какого-то подвоха, будто не веря, что мужчина еще может ее любить, восхищаться ее грудью, животом, бедрами. Несколько раз она пережила

близость со мной, но для этого ей приходилось испытывать такие неудобства и такие сложности, что уже мне казалось, что я зря затевал все это. Потом я шел в ванную, разводил настой из трав с примесью лекарств, возвращался в спальню, видел ее с аккуратно уложенными волосами, пахнущую весенними духами из нашей молодости, которые когда-то выпускала рижская парфюмерная фабрика. К этому времени Мила уже снимала все свои гибкие и не очень оковы с ног, и я, отбросив одеяло, легко брал ее на руки. Мы шли вместе, я, шутя, несколько раз имитировал ее падение из рук, она смеялась счастливым смехом и спрашивала где-то на подходе к дверям ванной:

– Ты, правда, еще любишь меня?

– Да, я люблю тебя, мою первую и единственную любовь...

Мать моих сыновей-гигантов, мою первопроезду лыжных трасс, мою заболевшую девочку... Не болей сильно... Держись! Ты моё все...

Она не могла сдерживать слез, тихонько билась головой о мою грудь и плакала, словно ребенок. Я сам рыдал, только не подавал вида. Но она, замечая потом, когда уже лежала в ванной, что глаза у меня красные, говорила:

– Не расстраивайся так... Ты должен жить за нас двоих.

Я даже не буду ревновать тебя, если ты найдешь для своих физических потребностей...

Я зажимал ей рот рукой, говорил:

– Сейчас нет проблем... И справку покажут, и презерва-

тив любой наденут... А вот ты точно об этом не должна думать... Не должна! И точка... Давай подумаем лучше, что мы будем делать завтра, ведь суббота грядет.

– Мне жалко тебя, но уже подошло время пылесосить, протереть все влажной тряпкой... Зато обед тебе сегодня не надо варить, завтра наварим опять на 2-3 дня. Квитанции в прачечную на комод, получишь белье, когда в магазин пойдешь... Зря ты не используешь стиральную машину, это элементарно, так просто...

– Пусть рабы на меня поработают. Хоть в чем-то я должен испытывать удовлетворение. А то все сам!

– Господи, какой ты у меня мальчик, глупенький... Ведь это лишние деньги, расходы.

– Ма, я хочу котлет, настоящих, каких ты делала из рыбы, из мяса. Толстых, сочных, мясных, а не хлебных.

– Не могу же я приглашать невестку только для этой процедуры... Давай мы сделаем по-другому. Бери лист бумаги и записывай...

Она скрупулезно, по пунктам диктовала, что нужно сделать, чтобы приготовить настоящие домашние котлеты. Я начинал творить на кухне, конечно, то и дело бегал к ней в спальню за советами. Она не выдерживала, просила посадить ее в кресло и приезжала на кухню. Одна беда: ей минимально разрешалось сидеть и в кресле. Но котлеты мы все-таки успевали закончить, борщ вегетарианский доходил под толстым ватным одеялом, а по части картофельного пюре я

был таким специалистом, что даже взрослые сыновья, когда приходили к нам в гости, иногда просили меня сделать пюре.

Мы обедали вдвоем. В тяжелые дни обострений болезни я устраивал обед на закрепленном подносе, когда жена была зажата до самого подбородка и не могла мухлевать, подкладывая мне лучшие куски со своей тарелки. Когда, слава Богу, все было спокойно, я подкатывал переносной столик, и мы могли даже выпить по рюмочке: я водки, она полусладкого грузинского вина. Благо, друзей на Кавказе у меня оставалось много, и они, приезжая в Москву, обязательно звонили, приходили в гости, привозили домашнее или фирменное вино и даже чачу.

Потом – сон. Я брал книгу, читал несколько минут и засыпал. Как жена радовалась этим минутам: я ложился к ней в ноги, сворачивался калачиком и спал у нее на глазах по часу-полтора без пробуждений. «Здоровый человек, крепко спит, совесть у него спокойная», – говорила жена.

Полдник устраивали на лоджии. Я придумал специальное кресло с подъемным сиденьем, сажал в него жену, на журнальном столике разворачивал термос-варенье-выпечку-(ватрушки с творогом)-коричневый кубинский сахар и горький шоколад. Незатейливо, но мы к этому привыкли и не собирались менять свои провинциальные вкусы. Жене можно было свободно смотреть на улицу с нашего четвертого этажа, кресло позволяло даже облокотиться на подоконник.

Она уставала все быстрее, чем бы ей хотелось. Вида не

подавала, говорила:

– Что-то сквознячком потянуло. Мне не хватало еще и воспаление легких подхватить.

Я знал, что воспаление легких – это шаг к финишу. Подхватывал ее на руки и уносил в кровать. Так было спокойнее, хотя на улице, нередко, бывало за 25 с плюсом. Мы читали: она в кровати, я – за письменным столом. Интернет включал редко, если уж вдруг услышу по радио какую-то с ног сшибательную новость. Писал много, но по работе, по улучшению, совершенствованию пиар и рекламы. Слава Богу, что приучил многочисленных журналистов не звонить по выходным: если надо будет, сообщим, бросим пресс-релиз на выпуск их агентствам.

А то бывало и так:

– Андрей Юрьевич, вас побеспокоила политический обозреватель газеты «Ширли мырли» Барахолова. Меня Анжелика зовут... Не Анд-желика, а Анжелика...

– Вы уже говорили мне об этом, правда, звоня на работу, а не домой...

– Ах, может быть... Столько звонков, столько людей... Извините, что дома побеспокоила. Вопрос срочный. Я в этом ничего не понимаю, и вот хотелось бы от вас услышать комментарий...

– Раз вы в этом ничего не понимаете, зачем беретесь за такое гиблое дело?

– Больше никому не могу доверить новость... Суть вот в

чем. Ваш шеф поссорился с аудитором Ленковым, тот обвинил его в пособничестве по укрытию от налогов фирмы «Мырли ширли». Что вы можете сказать?

– Ничего! И до понедельника компетентно вам заявляю, что комментарий вы не получите. И не надо было звонить по домашнему телефону... Если вам кто-то даст, кроме, конечно, самого председателя Госконтроля, комментарий, говорю вам, как коллега, это будет туфта. Можете крепко подставиться...

– Ой, спасибо, спасибо... Вот сразу все встало на свои места... Вы уж простите, я вас записала. Может придется ссылочку сделать... У нас начальство такое нетерпеливое! А в понедельник газета выходит...

С Богом, пусть уж лучше на меня сошлются, чем на какого-нибудь придурка из инспекций с упоминанием: «как сказал компетентный источник, близкий к руководству Комитета...»

– Дышать пойдем на лоджию? – Спрашиваю жену. Вижу, что она вся серая... – Тебе плохо?

– Да, спасу нет...

– Что же ты молчишь?!

– Ты был занят... С кем-то по телефону говорил...

– Крикнула бы, я бы послал этих придурков... Сейчас я все приготовлю... Сама сделаешь укол?

– Боюсь, что нет, время ушло, сил уже не осталось...

Заряжаю разовый шприц, открываю одеяло, вижу две ху-

деньские ноги, от колен по бедрам скованных эластичными пластинами. Это вполне еще ноги, но какие-то они утомленные, вялые, что ли... Она смотрит на меня и видит, что я разглядываю ее ноги. Спрашивает:

– Что, страшненькие?

– Мил, прекрати! – Уже просто хамлю я. – Обычные ноги, только ты перестала сопротивляться. Давай массаж делать, двигаться, давай на солнце поедем?

– Давай... Только ты ведь знаешь мою болезнь... Что здесь я могу поделать?

– Тогда не терзай себя... Я ведь не могу делать укол через твой халат... Ну-ка, быстро повернись на живот! Вот так. Сейчас мы тебе впендюрим в попу под самую завязку...

– Хулиган, просто бандит с большой дороги...

Укол сделан, я чувствую по ее голосу, что она немного успокоилась. Сейчас боль отступит, и она уснет. А что делать мне? Времени-то восьми нет. Хоть бы выпить с кем немного, что ли. А впереди еще воскресенье... «Так, – размышляю, – надо приготовить еще один шприц, проснется она не раньше 2-3 часов ночи. Сделаю опять укол, пусть поспит до утра...»

Приглушенный звонок телефона: громкость я почти снял полностью. Старший сын:

– Здравствуй, па. Давно не виделись, вот решил позвонить... Как вы, как мама?

– Спит, только что укол я сделал... Также, сын...

– А у нас хорошая новость: Алка была у врача... К Новому

году ждем мальчика!

– Что, уже и пол определили!? – Буквально крикнул в трубку и осекся, зашептал:

– Поздравляю! Вот это новость так новость. Обрадовал сынок... А ты рад?

– Еще бы! Ты даже не представляешь, как я рад... Это что-то фантастическое. Ты порадуй маму, а завтра созвонимся.

– Ты бы, сын, приезжал завтра с женой к нам. Вот бы сами маму и порадовали. Я, конечно, скажу маме, но уже утром...

– Нет, мы приехать не сможем, приезжает ее мама с Алкиным отчимом, будет застолье...

– Ладно, понял... Поздравь и поцелуй от меня Аллу. Скажи, что будущий дед просто безумно рад...

Положил трубку, посмотрел, как ровно дышит жена, спит безмятежно, значит, боли отступили. Оставил включенным ночник на тумбочке и пошел на кухню. В холодильнике стояла начатая бутылка водки, достал, налил треть стакана, выпил залпом, не закусывая, налил еще – и снова выпил залпом, правда, уже поздравил себя с будущим внуком. Поел холодца с черным хлебом, запил минералкой вкус чеснока и пошел читать. Вспомнил, что надо не проспять пробуждение жены, завел самый тихий будильник на 2 часа ночи и лег на диван-кровать. Скоро от водки меня разморило так сильно, что я, едва успев выключить лампу, крепко уснул.

Будильник я не услышал, проснулся от легкого покашливания жены. Включил лампу, обомлел: скоро 5 часов утра.

Значит, Мила мается третий час, а, может, и больше. Пробе-
гая в туалет, я крикнул из коридора:

– Потерпи чуток, сейчас глаза прямою и прибегу...

Почистил зубы: от водки и чесночного холодца во рту
была помойка, ополоснул лицо, хорошо вытерся и бегом в
спальню.

– Глупыш, не надо было так далеко убирать шприц и ле-
карство. Я бы сама все сделала...

– Забыл, заснул будильник... Сейчас все поправим...

Делал укол и рассказывал о звонке сына. Жена лежала
расслабленной, мышцы отпустило: похоже, новость о внуке
действовала не хуже лекарства. Я помог ей перевернуться,
удивился умиротворенности, которая была на лице.

– Я чувствовала, что будет мальчик... Ты так ждал наслед-
ника.

– А ты тайно ждала девчонку!? Я знаю ваш женский род...

– Почему ты так думаешь?

– Мне сын сказал, что и Алла, и ты хотели бы девочку. И
я бы с радостью принял ее. Честно говоря, я устал от наших
обалдуев...

– Ладно, привирать-то... Они вон как тебя любят! А мне
даже важнее, как они тебя уважают!

– Все-все, без комплиментов... Уж кого они любят и ува-
жают, я бы сказал, боготворят, так это тебя.

– Да, я знаю. Потому что я их так люблю, что это дает мне
силы жить... Но в этом и твоя огромная заслуга. Они у тебя

учились отношению к женщине. Даже в сексуальном смысле этого слова...

– Ма, ну, поехала в философию...

– Они бы простили тебе небольшие интрижки, зная, в каком я состоянии... А ты человек живой, эмоциональный, честолюбивый, почти тщеславный... Лидер!

– Мил, не мучай себя... У нас, у меня – все нормально. Даже переспав с молодой особой, я ей на прощанье скажу, что коммунизм мы все-таки построим. И приду к тебе... Потому что я люблю тебя... Я не знаю, что такое любовь... Но я знаю, что без тебя я могу находиться всего несколько часов. И тут же начинаю умирать... Вот такие, жена, пироги. Можно я посплю еще у тебя в постели, ведь сегодня – воскресенье.

Я снял халат, забросил его в ноги кровати, подлез под одеяло с левой стороны, там, где на тумбочке лежали книги, включил ночную лампу и стал читать «Департамент» Дины Рубиной. Жена после укола уснула быстро, буквально через пять минут. А я хохотал над текстом книги умницы Дины и думал: вот бы к старости вдруг начать также писать, как пишет она.

Проснулся от лучей солнца: опять забыл занавесить шторы. Вечно у меня с мелочами проблемы. Это потому, что не живу в этой комнате. Значит, надо представлять себя на месте больной жены. Мне-то ничего не стоит вскочить, задернуть шторы на окне и снова завалиться спать. А жене? Я все

так и сделал, только не быстро, чтобы не разбудить жену, а с чувством, с толком, с расстановками.

Глянул на часы – скоро десять. Классно! И жена спит. Значит, сегодня день пройдет нормально. Двух уколов практически хватает на полтора-два дня спокойной жизни в будущем. Это, правда, без учета сна. Значит, очередной укол – вечером в понедельник, помни, лучше в это время не задерживаться. Хотя я все приготовлю, и жена сама может сделать инъекцию. Но, все равно, лучше, если это сделаю я сам.

Решил вставать. Халат оставил на кровати, натянул трусы и бегом, через туалет, за палкой. Пыхтел, сопел, поглядывая телевизор в своей комнате. Все упражнения на уход от ревматизма и на работу сердца. Аппарат, слава Богу, пока практически не подводил. Так, иногда, чувствовал, что есть скачок давления. Но знакомый кардиолог из ЦКБ посоветовал пол таблетки «Капотена», лучше без воды, как нитроглицерин под язык. Облегчение наступало быстро. И снова вперед, нас ждут великие дела.

Пошел на кухню, заглянул к Миле. Она проснулась, но стеснялась показаться после такого глубокого и многочасового сна.

– Готовься, ма, сейчас пойдём в ванную, а уж потом – завтрак...

Она помахала рукой, почти не вынимая ее из-под одеяла. Я закрутился в своем обычном ритме. Когда нес ее в ванную, спросил:

– Ты помнишь, что я тебе рассказал ночью?

– Во-первых, не ночью, а утром, около шести часов. Во-вторых, от таких новостей вырастают крылья... Поэтому мы поедем сегодня кататься на машине!

– О, кей... Как я рад! Хоть покатаешь меня по городу. А то метро-работа, работа-метро... Жизни городской не вижу. Заодно в магазин забегу, хлеба надо.

После всех приготовлений, где-то уже после двенадцати, я вывел «Гольфик» из пенала, подогнал почти к подъезду, побежал за женой. Она решила обойтись без коляски. Это – прогресс! Действительно, насчет крыльев она не шутила. Взяла уверенно костыли и пошла. Дошла до лифта, пока я закрывал двери, держала кнопку задержки аппарата.

– С Богом, в добрый путь, – сказал я, и мы очутились на улице. Мила прошла сама пять ступенек внутри подъезда и пяток – на улице. Обошла машину, села на водительское кресло, костыли передала мне. Я притулил их в проеме первого и второго сидений. Легко завела машину, спросила, не поворачивая головы назад:

– Пристегнулся?

И легко, красиво тронулась с места. Поворотник щелкал, скорость то падала, то бралась разгоном с места. Это было красиво.

– Как красиво, мне бы так водить!

– Учись, парнишка, – радостным смехом отозвалась жена.

– Но и не зазнавайся, соблюдай правила. Все-таки Дей-

ствительного государственного советника I класса везешь! Моя голова высоко ценится...

– Не бойся, я слишком люблю тебя, чтобы вот так просто взять и потерять тебя...

Мы не только заезжали в магазины, были в «Шоколаднице», где жена с удовольствием выпила горячий шоколад. На рынке я купил картошки и фруктов... В общем, вернулись домой часа через три.

– Так можно жить? – спросила жена.

– Запросто! – Сказал я. – Я даже не заметил, что ты с костылями...

– И я – тоже! Давай на выходные будем делать такие вылазки?

– Согласен! Но в будни, без меня, ты тоже будешь выходить во двор... Мил, от кого ты прячешься? Плюнь, семья с тобой... А тетки – скоро привыкнут...

– Я постараюсь... Но без тебя мне страшно.

– А ты выходи вечером и жди меня на скамейке или прогуливайся по дорожке у остановки. Я выскочу из автобуса, как схвачу тебя и потащу в дремучие леса.

– Ха-ха-ха-хи-ии, – смеется жена. – Вот и выходной пролетел, – оборвала она смех. – Опять я буду целый день одна... Буду ждать тебя. Господи, что со мной творится такое? Я по-прежнему люблю тебя... Как 30 лет назад. Ведь уже пенсионерка по возрасту, а люблю тебя, как девочка...

– И я уже с колесницы, поднимавшейся вверх, слетел: все,

родная моя, 50 лет – это уже с горы. Красивая золотая колесница проскочила мимо и оставила меня на обочине... Вот и пойдем дальше, неважно куда... К детям, внукам, к здоровью, творчеству... Главное, что мы будем вместе столько, сколько нам Господь отведет.

Я поцеловал глаза, щеки, губы жены, погасил вторую, кроме ночника, яркую лампу и пошел к себе на диван.

– Андрюш, – едва услышал из-за двери, – посиди со мной... Чуть-чуть... Дай я подержу твою руку...

Вернулся к кровати, сел на половине, на которой горел ночник, взял руки жены в свои и стал их гладить. Слезы душили меня. Я больше не мог видеть не только Юлию, но и вообще всех женщин.

Глава – 12.

На такси проехал «Дворянское гнездо», где получали, в свое время, прекрасное жилье мои коллеги по Совмину, того, старого, который имел аббревиатуру «СССР». Но это была все-таки не наша епархия – ЦК КПСС. У нас – все скромнее, правда, на Фрунзенской набережной построили несколько домов. Короткую улочку, соединяющую две крупнейшие магистрали, – улицу Профсоюзную и Ленинский проспект – выбрала для своего монстра – офиса крупнейшая в стране корпорация, куда спокойно перетек после отставки из Совмина Мосеев. VIP-этаж, картины на стенах, похоже,

дорогие, в приемной несколько девочек, просто красавиц. Ко мне никакого интереса: не заказал номер на проезд машины (приперся пешком), их шеф не дал команду на коньяк и т.п. Значит, гость, в лучшем случае, обойдется чаем или кофе.

Я сел напротив плазменной доски: признаюсь, первый раз видел такое телевизионное чудо. Держал в руках японский подарок: папку из крокодиловой кожи с ремешком, которую мне подарил Ватанаба – пресс-секретарь Премьер-министра Японии. Вот на это они тут же обратили внимание: «Боже, какая красота, из крокодила, какая расцветка!», – щебетали, крутя в руках заморское чудо. А я думал: «Что-то долго не принимает меня Владимир Викторович. Неужели еще помнит обиды? Ерунда, кто я для него был – так, мальчишка-выскачка, без роду-племени, без капитала, связей и поддержки...»

Рядом со мной процветали сын личного фотографа премьера, именовавшийся спичрайтером, но делавший почему-то четыре ошибки в слове «впрочем», было несколько старших офицеров федеральной службы безопасности, наглых, вороватых, тут же начинающих справлять свой интерес, создавать бизнес – структуры, особенно, совместные с иностранцами. Владелец конезаводов и других сельхозструктур (типа, ёгуртовых заводиков), став советником премьера, все передал своей жене. Один известный медиамагнат, посмотрев, как я кручусь, словно белка в колесе, на пресс-службе, пожелал идти сразу на должность министра печати. Не без

участия Владимира Викторовича стал им. Думаю, что не за большие заслуги перед отечеством...

– Может, вам чайку-кофейку, пока Владимир Викторович занят? – Это уже ко мне подошла длинноногая секретарша. Я отказался, хотел сказать, что так в приличных домах не поступают. Но промолчал.

– А вы сказали ему, что я пришел?

– Да, он знает, но просто у него еще остались люди после совещания...

«Смотри-ка, она симпатизирует мне... Ерунда, наверное, видела меня в Совмине. Тем более, она выглядит старше своих подруг по цеху», – стал я думать об этой миловидной девушке.

– А я вас знаю по Совмину. Я в приемной Мосеева работала дежурным секретарем...

– А сейчас вы кто?

– Заведующая приемной, референт Владимира Викторовича...

– Поздравляю с повышением!

– Вы не обижайтесь... На Мосееве практически все хозяйство. Он раньше 10-11 часов ночи с работы не уходит...

– Наверное, много получает тогда?

Она искренне улыбнулась, тихо сказала:

– Да уж, с Совмином не сравнить...

– Может, меня пристроите тогда, я работоспособный и обучаемый... Секретарь по личным вопросам приемной Мо-

сеева...

Она заразительно засмеялась, сказала:

– А я почему-то была уверена, что вы идете на работу к Владимиру Викторовичу... Ему, по-моему, как раз и не хватает пресс-секретаря или писарчука для докладов.

– Спичрайтера, – поправил я.

– Точно, спичрайтера.

...Открылись сразу две широченные двери, из них вышло три человека. Чуть-чуть сзади, за ними, шел Мосеев. Он попрощался за руку с гостями и направился ко мне. Я поднялся с дивана, низкого, неудобного, еле распрямил спину.

– Лена, последний раз говорю: замените диван! Вы что – глухая?

Протянул мне руку, кивнул, ни слова не сказал, повел как-то боком к себе в кабинет. Это было нечто! Прошли в сектор, назовем его так: левого заднего ряда. Там стоял журнальный столик и четыре полноценных кресла. Столик по размерам был как малый бильярдный стол.

– Что будешь? Я уже нахлебался всего, хочу рюмку чистой водки...

– Чай, лучше бы зеленый...

Он пошел в комнату отдыха, шел долго, у огромного письменного стола остановился, нажал кнопку, сказал:

– Лена, зайди, обслужи своего любимчика, – и скрылся за дверь в стене. Лена вошла с пылающими щеками, зачем-то надела очки в модной оправе. Подошла ко мне.

– Я не ослышался?

– Нет.

– И давно я у вас в любимчиках?

– Давно...

– Это, видимо, на фоне тех уродов, которые бродили возле вашей приемной...

– Нет, я вас знаю давно, видела в доме отдыха с семьей, в бассейне, в буфете с журналистами...

– Вот, черт, Леночка, а я вас не помню, простите...

– Вы, правда, работать к нам идете?

– Нет, меня никто не приглашал...

– Как жаль... Вот мои телефоны, позвоните... В общем, надо поговорить... Я уже кое что могу предпринять...

– Спасибо, вы так добры...

Вышел Мосеев в другой рубашке и новом галстуке, в руке он держал тонкий стакан со льдом. Видимо, это и была водка.

– Ну, заказал свой чай? Бегом Елена, неча глазеть на свою неразделенную любовь...

Елена буквально выбежала из кабинета.

– Что, старый хрен, ты, наверное, и не знал, что такие молоденькие могут тебя еще любить?

– Да, будет, вам. Разыгрываете!

– Нет, дорогой... Я по своей Юльке понял, что в тебя еще можно втюриться... А ей всего-то 31, сын скоро в школу пойдет, мужа сама себе выбрала, говорила, что по любви... А я-то вижу, что он просто дебил... Но хороший дебил, охран-

ником у меня был... Тебе уже сколько?

– 50...

– Я так и думал, что ты младше меня почти на 10 лет. Но суть – не в этом. Суть в том, что она теперь, на какое-то время, как кошка прилипнет к тебе... Сиди и молчи. Я все это проходил, все видел. Но тогда проще было: не надо было сына и внука к школе готовить... Что думаешь?

– Юля – честолюбивый и перспективный человек. На фоне наших гигантов, в кавычках, она имеет полное право возглавить новое настоящее пиаровское подразделение. Я об этом искренне и честно говорю. Даже готов быть у нее заместителем и всячески помогать ей. Она такой пробивной силы, что потянет такую же пресс-службу, какая у нас была в Совмине...

– А на хера ей это нужно? Ну, подумай сам! Семья, худо-бедно у нее есть, деньги – тоже, квартира такая – тебе и не снилась, свой загородный дом, со временем, я ей передам... Ну, подумай, зачем ей пресс-служба? А, может, ты хитришь, зажег, девку, на «фу-фу», а она на меня набросилась: «Помогай!». А это ты, на самом деле, свои интересы справляешь? Знаешь, что Клемашин никогда не поставит тебя руководителем самостоятельного структурного подразделения, вот и решил сделать обходный маневр...

– Владимир Викторович, я сейчас уйду... Меня в Комитет привел Пал Палыч, поручился за меня. Мы с Бородой не только прятались в Чутне в охраняемых гостиницах... Мы –

работали...

– Ладно, прости... Как мне, отцу, поступить? Ведь все может рухнуть у моей дочери...

– Не бойтесь... У меня, вы знаете, больная жена, я ее люблю, за нее отвечаю... Ну, а если тридцатилетняя женщина захочет совершить акт сближение, то никакой отец...

– Да, знаю, не трави душу... Одно утешение, что ты – свой, гарантированный, чистый... Может, даже благородный. А то, что ее не возможно остановить, я это знаю, по этому, долбанному, ассирийцу помню! Не знаешь эту историю?

Я отрицательно покачал головой.

Он пил водку маленькими глотками, думал. Я молчал. Что я ему скажу? Что сам мечусь между обязательствами и природой, которая, нередко, берет свое. Что никогда, ни при каких обстоятельствах я не брошу свою жену. Он это знает, наверное.

– Ты бросил курить? – Спросил он меня. – А мне иногда так хочется сигаретой подымить...

В это время в дверь вошла Елена с подносом, аккуратно расставила на столе приборы, чашки, заварной чайник.

– Ленюк, принеси-ка мне сигарету..., – бросил Мосеев тоном, не терпящим возражения. – Одну, только мне...

– Сами нальете чаю? – Спросила она меня.

Я кивнул и сразу стал разливать зеленый чай. Налил в чашку треть светло-зеленой жидкости, покачал ее из стороны в сторону и снова вылил в чайник.

– Что ты там колдуешь? – Спросил Мосеев.

– Во всесоюзной газете отвечал за Среднюю Азию, четыре года не вылезал оттуда из командировок. Научился всякий чай заваривать...

– Уважаю тебя за творчество, читал твои заметки. На хрена ты полез на госслужбу-то. Писал бы да писал, главным редактором стал бы...

– И стал, и был, и новую газету экономическую создавал... Но уж так получилось... Тебе делают предложение, от которого нельзя отказаться.

Лена принесла сигарету, зажигалку, отдала все Мосееву, подошла ко мне:

– Налить?

– Что ты его обхаживаешь? Хоть бы меня спросила: «Не хотите ли чайку, дорогой Владимир Викторович?»

– У вас другой чаек...

– Спасибо, Лена, я уже наливаю чай повторно, спасибо, – сказал я.

Она пошла к двери, улыбаясь, как ребенок, ожидавший, что пройдет секунда, еще немного и его оставят в комнате рядом со взрослыми гостями.

– Вот что я предлагаю, – сказал Мосеев, и в голосе его зазвучали прорабские нотки. – О пресс-службе я Клемашину скажу. Это раз. Но пойдет с твоими документами к нему Юлька, пусть сгорит, дура! А если не сгорит, то он сделает ее заместителем, а туда поставит своего разведчика...

– Это мрак, Владимир Викторович...

– Ничего-ничего... Он старше тебя намного, пенсионер уже, помучает годик, максимум, народ и уйдет. Вот тогда, может быть, и Юлия Мишина подрастет, а?

– Реально, так может быть. А мне, уходить?

– А ты иди-ка к Грише Ленскову... Он чудик, конечно, но работать с ним можно. Он глотку перегрызет за своего человека. Любому начальнику. Но ты должен пахать, реально помочь ему с аппаратными делами. Он буквально, насколько я знаю, зашивается. Тетеньки в секретариате не успевают, потому что их мало, четыре инспекции, все «наполеоны-гиганты», на козе не подъедешь... Не боишься финансистов-инспекторов?

– Я давно уже никого не боюсь... Я – журналист, без куска хлеба не останусь.

– Это хорошо, даже отлично! И с Юлькой я тебя разведу, и новую должность приобретем... Ну-ну, опять нос начал воротить? Я же любя и для твоего блага. Нельзя же падать так, как вы с Бородой е..., уровень надо держать! Он, мудрила, генерал армии, а его сопляки – засранцы схарчевали в два приема.

– Не его одного. Вашего шефа тоже проглотили эти ребята и не поморщились. А уж, куда выше, премьером был. Вы – рядом, с таким-то опытом! Макиавелли...

– Ладно, язва... Ты принимаешь такую конфигурацию? Тогда я звоню прямо сейчас Грише Ленскову...

Он прошел за письменный стол, через минуту оттуда до-неслось:

– Гриш, привет! Да, это я... Меня вот тут один посетитель Макиавелли обозвал... Даже не знаю: обижаться или радоваться? Андрюха Ермолов, не помнишь его? В Совмине, да, с Бородой служил в Чутне... Вот хочу его порекомендовать тебе руководителем аппарата, а? Да, ругался я с ним... Дак, ведь с дураком и ругаться-то не будешь... Не знает он, конечно, финансы! Я что, знал ваши долбанные финансы и экономику. Надо было, освоил в пределах. Руководить надо! У тебя сколько народу? Вот видишь, а ты один. Нет, дорогой, начальник инспекции – не проводник твоей непосредственной политики, он – исполнитель. А вот, чтобы до него довести эту политику, идеологию и т.д. – нужен руководитель аппарата. Он же и спросит за исполнение твоих поручений и твоей политики... Вот и хорошо, я знаю, что ты не отрицаешь роль аппаратной работы. Ты мне еще спасибо скажешь!

Они еще долго говорили о поездке в Европу, о туре с постоянной визой, о внуках, о каких-то литрах выпитого на юбилее. Наконец, расцеловались. Стукнув рычажком массивного телефонного аппарата, Мосеев встал и направился ко мне.

– Что, брат, он помнит тебя, уважает за Палыча-Бороду, за то, что ты остался с ним до конца, не спрыгнул с подножки... Он возьмет тебя к себе. Но запомни две вещи... Прошу тебя. Он зануда и говнюк, каких свет не видел. Но должность у

него – Действительный государственный советник, на нее не стыдно идти. Это первое. Второе – постарайся тихонько уйти от Юльки. Она закрутится, завертится, сама забудет, редко будет тебя видеть, все пройдет. Ты можешь мне дать слово?

– Могу, если это не унизит мое достоинство. Вообще, я стараюсь достоинство блюсти...

– Дай руку! Григорию Ивановичу Ленскову позвонишь сам... Юлии скажешь, что к Клемашину со всеми бумагами пойдет она сама... Скажешь, так надо, так папа, то есть, я сказал. Научи ее всему, чтобы от зубов отскакивало... Ну, а теперь иди, огорчи свою вздыхательницу в приемной. Она почему-то уверена была, что я заберу тебя к себе... А, кстати, пошел бы? У нас – раз в десять больше получают сотрудники.

– К вам – нет. А так, почему бы не рассмотреть, как вариант на будущее. Но мне приглянулся вариант с Григорием Ивановичем, теперь уже о пенсии пора подумать, с армией – почти 15 лет госслужбы, жалко терять. Вы-то свою пенсию успели оформить?

– Тютелька в тютельку...

– Небось, тысяч в 25?

– Бери больше, но не скажу, говорят плохая примета, я еще ни одной пенсии не получил, первую жду.

– Да зарабатываете тысяч 500 в месяц сейчас?

– Бери больше, больше, брат... Вот если бы у тебя все это было, я бы еще подумал, не разменять ли мне Юльку на те-

бя...

– Пошляк вы, сударь...

– Иди, а то опять поругаемся...

Я вышел в приемную, увидел глаза Лены, наполненные радостью.

– Договорились? – Спросила она.

– Да, но в другом месте...

– Как мне не везет...

– Проводите меня..., – я попытался заговорить ее, чтобы она не расплакалась прямо в приемной. – Знаете, мы отлично поговорили, но есть обстоятельства, стаж госслужбы..., который никак не решишь в ваших родных пенатах. Что же мне делать, Лена?

– Конечно, ничего: Владимир Викторович дурного не посоветует... Значит, вы будете в Комитете?

– Мы говорили о возможности перебраться к вам, но после выработки стажа..., – стояли лицом к лицу: один кивок головы и наши губы встретятся.

– Лен, у меня старший сын – ваш ровесник... Я – скоро дедом буду... Вы думаете, что я везде такой, как на людях, с журналистами... Господи, девочка, прости меня, я такую чушь несу...

– Это потому что вы меня совсем не знаете. Но я не обижаюсь... Вы для меня как герой с красивой открытки... Я даже на журфаке учусь, чтобы как-нибудь сказать вам об этом...

– Вот и сказала... А я не закончил журфак, не получилось,

армия, женитьба, дети, то да се... Пришлось учителем становиться.

– Приходите к нам на кинопросмотры, лучшие фильмы сначала идут у нас... Я буду заказывать и на вас пропуск, а?

– Интересно, вы даже говорить стали, как Владимир Викторович...

– С кем поведешься... Но он – хороший человек, какой семьянин... И о вас несколько раз нечаянно заходил разговор: он говорил, что в Чутне вы не раз были на волоске от смерти... Но не бросали людей, с кем работали... Я вас заговорила. Андрей Юрьевич, телефоны мои у вас, машину я заказала, ждет внизу на стоянке «Тайота», номер 444.

– У вас и транспорт?

– Да, как референт и завприемной Мосеева, я заказываю машины по своему усмотрению.

– Лен, вы просто девочка еще... И все так серьезно... Сколько вам, простите, лет?

– Двадцать шесть, я не замужем, журфак – это второе образование, по первому – я юрист. Плюс курсы иныза при МИДе РФ, свободно владею английским, учу итальянский...

– Можно я поскорее удалюсь... Вы – просто из какого-то другого измерения... Так не бывает в жизни...

– А вам и не нужно другое, наше, измерение. Живите с семьей, работайте на здоровье и иногда радуйте меня своим присутствием.

– Это жизненная философия другого поколения!? Лен, да

я умер бы от боли, горя и обиды, если бы узнал, что моя любовь, любимый человек, с кем-то другим... Что я чем-то недотягиваю до ее любви, что я стал неинтересен ей... Господи, я свихнусь сейчас оттого, что меня переполняет. Неужели твое поколение этого не понимает?

– Думаю, что нет... Оно, как раз, все наоборот понимает... Есть целая теория, обосновывающая легкость связей, общения, соответствие сексуальных возможностей и т.д. Я все это знаю, могу так поступать, но не могу так жить. Поэтому-то вы... и симпатичны мне...

– Тогда ты точно напридумывала. Нашла ископаемого мамонта и изучаешь его... До встречи, мне очень хочется продолжить этот разговор.

Она промолчала, нажала кнопку скоростного лифта, стояла, чуть наклонив голову, чтобы я не видел ее глаз. Кабина подошла пустая. Видимо, только убедившись в этом, Лена осмелилась поцеловала меня в щеку. И уж потом, буквально очумевшего, легонько подтолкнула в кабину. Сказала совсем тихо:

– Нажмите «Ц», там стоянка машин...

Нажал, слетел вниз, очутился в огромном, с футбольное поле, навверное, гараже. У дверей – будка, спросил у дежурного о стоянке разъездных автомашин. Он махнул рукой направо. Не прошел и десяти метров, как увидел машину с зажженными фарами, идущую прямо на меня. Номер – «444».

До Комитета я домчался с комфортом, водитель в галсту-

ке и приличном костюме промолчал всю дорогу. Это так напомнило мое недавнее прошлое, что я кашлял всю дорогу, чтобы скрыть свои растрепанные чувства...

Глава – 13.

Павел посмотрел в мою сторону, махнул приветственно рукой, давая, одновременно, понять, что в конторе все по-прежнему, мною никто не интересовался, работа идет нормально. Нинель Иосифовна дожидалась, когда я настрою компьютер, чтобы сразу примчаться к столу. Свершилось, я кивнул, мы уселись рядышком. Она спросила:

– Чаю сделать? Нет, вижу, что лучше кофе подойдет... Вы выглядите очень грустным и усталым. Что-то не получается, неприятности?

– Нет, дорогая Нинель Иосифовна, можно сказать, сдрейфил перед молодой красивой женщиной... Все в прошлом...

– Да, ладно вам, все шутите... Вы и струсили? Ерунда... Под пыткой не поверю... Ха-ха-ха-хии, – искренне и заразительно засмеялась моя заместительница.

Я рассказал ей о консультациях, которые, якобы, проводил по функционированию пресс-центра (специально не упомянул слово «пресс-служба»), о затратности и выгодах этого мероприятия, о его возможностях вплоть до использования аутсорсинга.

– Вот, смотрите: «Аргументы и факты» имеют свой ши-

карный пресс-центр, тираж издания – миллионы. Мы, только это обязательно надо понять, работая в режиме собственно-го пресс-центра, объединяемся с ними и устраиваем пресс-конференцию на их территории. То есть, мы готовим шефа, предварительные вопросы, ориентировочные, сами оповещаем группу изданий, в которых мы особо заинтересованы (финансовые издания) и все это передаем в «АиФ». Они, со своей стороны, имеют аккредитованных журналистов, издания, ТВ и радио, которые специально кормятся от них. Представляете, какую мощь мы объединяем. Ну, и сами «АиФ» дают заметку о прошедшей у них пресс-конференции. Каково?

Она молчала, сидела почти с раскрытым ртом. Выдохнула, наконец:

– По-тря-са-юще... Костик Першин всегда говорил, что вы работаете на грани таланта! Но, простите, пресс-центр надо создавать?

– Да, – слукавил я, – и на базе нашего отдела... Но только со своими кино-и фотокамерами... У нас пока ничего нет: журналисты зажимают нашего дорогого шефа где-нибудь в углу, нацеливают на него объективы... И только потом в вышедшем на ТВ сюжете мы видим, что он стоит ровным счетом у туалета и еще не полностью успел застегнуть ширинку.

– Господи, ну, что вы такое говорите!?! Срам-то, какой! Неужели такое бывало?

– Пока нет, но в Совмине бывало, сам видел, и самому

попадало за подобное.

– Что мне прикажете в этой связи делать?

– Пока думать, как из нашего штата выкроить и на пресс-центр, и на работу с аудиторами, и с аппаратом Комитета... Думайте, прикидывайте, заодно, начинайте искать фотографа и оператора...

– Все поняла, Андрей Юрьевич! Можно я вкратце доложу по готовности освещения в СМИ совещания контрольных органов страны?

Она говорила как настоящий офицер штаба, четко по пунктам утвержденного плана. Пару раз просила подключиться для оказания помощи: нажать на Келина, а может, и выше... Я обещал сегодня же выправить ситуацию. Пожаловалась на Юлию: с аккредитацией СМИ хуже, чем всегда.

– Это ее личная недоработка: с прохладцей, с какой-то мечтательностью стала работать. Это недопустимо, нам Вадим Иванович не простит!

– Да, вы, как всегда, правы, – сказал я, – немедленно переговорю с Мишиной. Кстати, а где она?

– Видите ли, на улице, вышли подышать... Позвать ее?

– Ну, это бывает, давление, духота... Сама сейчас придет. И я с ней разберусь.

– Так я сделаю кофе?

– Большое спасибо, буду с нетерпением ждать...

Я оглядел все столы, Юлин пустовал единственный, значит, она вышла без Тамары. «Где мне проводить с ней ин-

структаж, готовить на встречу с Клемашиным? – Думал я, дожидаясь кофе, которого мне вдруг так захотелось выпить. – Здесь не получится. На сторону теперь не уйдешь... Все кончиться, знаем чем... Ха, у нас есть шикарный читальный зал при библиотеке. Загруженность его минимальная, я там уже успел несколько раз побывать, поработать с подсобными материалами. Пойдем туда. Дискеты ей ни к чему, по бумагам можно понять все не хуже, чем на компьютере... Ну, где же кофе? – я посмотрел на Нинель Иосифовну. Она не спускала с меня глаз, закивала, показала палец, типа: дайте еще минуту. – Что буду говорить о встрече с ее отцом? Ни слова о том, что он обо всем знает. Но мне при встрече с ним было бы глупо отрицать, он-то знает свою дочь! Обо всем другом – только суть, выжимка, телеграфным стилем. Да ей и не нужна эта информация. Так, идет кофе...».

– Спасибо, дорогая Нинель Иосифовна. Вы, как всегда, вовремя: несете живительную влагу путнику в пустыню...

– Андрей Юрьевич, если бы я вас не знала, то могла бы обидеться... Но, самое удивительное, что вы говорите...

Я вставил:

– Эту пошлость...

Она продолжила:

– ...Так красиво и даже почти искренне... Как вас жена терпит, другие женщины? Но я вам признаюсь: все равно – это чрезвычайно приятно слушать.

– А уж мне-то как приятно, что вам приятно... Тем бо-

лее, я, действительно, не умею по-другому с женщинами говорить. Разве это плохо?

– Нет, даже слишком хорошо... Как бы не было последствий?

– А вот с этого места, как говорят у нас в отделе некоторые молодые сотрудники, вы мне расскажете поподробнее... Но позже. Все, пью кофе или умираю... Вы хотите, чтобы я умер?

«Нинель ушла, но Нинель озадачила своими намеками. Что еще ей стало известно? – Я обжигался горячим кофе, но не пить не мог, потому глотал его маленькими глоточками. – Надеюсь, это не про Юлию? (Скорее, хотелось сказать: «Надеюсь, это не про нас с Юлией?»). Нет-нет, еще рано, мы еще так осторожны, так чутки к чужим глазам, так бережем свой покой и накатанный образ жизни, что ничего предосудительного еще нет в нашем поведении. Кто же мог подумать, что в первые дни моего прихода сюда, я стану обладателем самой женственной и красивой сотрудницы, пожалуй, всей конторы? Тамара, конечно, может кое-что знать... Но это же Тамара – царица. У них другие мерки и понятия о дружбе, об отношениях мужчины и женщины... И она просто любит Юльку!»

Разложив бумаги на столе, я стал проигрывать варианты инструктажа с Юлией. Вот – главный документ, письмо на имя Клемашина. Его не надо пересказывать, надо добиться того, чтобы эту страничку шеф обязательно пробе-

жал, хотя бы по диагонали. Тогда суть проблемы до него будет доведена, он поймет, о чем идет речь. Дальше от него могут последовать вопросы. А, может, и нет: лишь бы он сразу не передал бумагу кому-то из помощников и на этом временно, а, может быть, и навсегда закрыл проблему. Значит, надо успеть показать «Положение», затем «Структуру» и, наконец, «Штатную численность Пресс-службы». Обоснования более подробные будут во всех этих документах. Их (документы) надо изучить так, чтобы отскакивало от зубов. Другой возможности рассказать шефу о затратных проектах кратчайшим способом не появится...

«Поймет ли это неумное дитя, что от нее требуется, что в этой проклятой жизни от нее зависит почти все? – Тихо ругал я себя, обстоятельства, Юльку, контору, которой ничегошеньки не надо: живут, как в пятидесятые годы прошлого столетия, и все довольны, никаких проблем. – Да и мадам забивать себе голову то же не слишком хочется... Она бы с огромным желанием выскочила ко мне в замы и работала бы в свое удовольствие. Но это уже не исправишь. Мне надо переключаться на Григория Ивановича.

Лен-сков, Лен-сков, – я могу повторять эту фамилию сто раз, ничего родиться не может. – Я его плохо знаю... Может, посмотреть в Интернете? Это мысль... Боже мой, сколько здесь всего. Так, о первой отсидке в сизо – пустое... Это было еще при мне. Не дал, символически, конечно, бюджетных денег на предвыборную компанию президента... Схло-

потал девять месяцев СИЗО. Формулировка – потрясающая: типа, его сын взял взятку старым автомобилем, о которой знал отец. Потом – федеральный налоговый орган, сразу первый зам, далее – руководитель... Стон пошел по всей Руси Великой.

Олигархи быстро его скovyрнули, власть упрятала аудитором в Госконтроль. Работает второй срок, утвержден Парламентом страны, имеет ранг министра, исполнительной власти не подчинен. Но, так как он был все-таки министром финансов, можно себе представить, что он знает об этих «фигли-мигли»!? У него интересное направление – доходная и расходная части федерального бюджета. Все, ребята, он вас уел в любое время дня и ночи: у него налоговые поступления...

Скандалов у него, фактически, нет, хотя высказывания в адрес отдельных крупнейших фирм настолько остры, что впору открывать уголовные дела. Видимо, в этом весь Ленсков. И его не сломали ни застенки, ни падения «мордой в грязь».

«Как же быть? – Думал я. – Ведь мне, если все сложиться у него со мной, придется разгребать все его завалы, улаживать с прессой и не только с ней обострения и т.д. Он явно попросит связей со СМИ, так? Отказать я ему не смогу. Но и защитить я его в полной мере не смогу... Он никому не дает денег. Никогда, ни копейки. Это его официальная позиция, как министра финансов или любого другого федерального

начальника, какую бы должность он ни занимал. А, может, вранье все это? Припрет, последнее отдашь. Такое сделают предложение, что не сможешь отказаться... Да мало ли чего бывает...

Стоп, парень. У тебя есть выбор?! Ты что, не говорил с Макиавелли? Значит, вылетишь, в принципе... Тем более, он все сделает, чтобы обезопасить свое чадо. Тебя в этих схемах просто нет... А может, не дергаться, оставить все так, как есть. Худо-бедно есть отдел, укрепить его созданным пресс-центром, собрать с миру по нитке еще пару-тройку вакансий и жить спокойно, как все живут... Нет, добра все равно не будет: Юлька – это во всех отношениях смертельная опасность. Главное в том, что я ей буду нужен еще месяц – полтора. Потом она найдет «другого члена политбюро»... Да, мало ли, что она найдет.

У Ленскова все надежнее: статус, зарплата... Я, думаю, у него в направлении она повыше будет раза в три. И остается всего-то пол шага до директора департамента, должности, которую он уже больше года держит вакантной... Вот тогда можно говорить, что ты, брат, восстановил почти все, что потерял после отставки с генералом Бородой и на госслужбе до него, в большом Совмине. Нет, я ни о чем не жалею... Я проработал почти два страшных, нервных, напряженных, но замечательных года. Мы с Бородой многое успели сделать, нам Господь сохранил жизни. Это опыт, который не пропьешь, это школа, которая дорогого стоит... Значит, я звоню прямо

сейчас».

Нашел в справочнике приемную аудитора, набрал номер. Приятный женский голос:

– Приемная Ленскова...

– Скажите, Григорий Иванович на месте?

– Да.

– И с ним можно переговорить?

– Запросто... Как вас представить?

– Ермолов, Андрей Юрьевич... Начальник отдела по работе со СМИ...

– Минуту...

Через пять-семь секунд раздался голос с явно московским яканьем и хрипотцой:

– Привет, Андрей Юрьевич... Мне говорил Мосеев, я в курсе... Но надо повидаться... Сейчас я гляну, когда лучше это сделать... Слушай, а можешь прямо сейчас заглянуть? У меня как раз окошко образовалось, не пришел тут один товарищ...

– Григорий Иванович, я ведь на высылках, пока доберусь, минут двадцать пройдет...

– Это не страшно, готов? Я приемную предупрежу... До встречи.

И в это самое время в наш кабинет вошла Юлия. Я, наверное, имел вид человека, которого поймали на какой-то лжи. Даже покраснел, слегка. «Великая актриса» прошествовала мимо меня, поздоровавшись кивком головы. Сняла плащ,

стала вешать его в шкаф. Она так красиво тянулась к высоко прибитой перекладине, что все ее тело превратилось в тонкую лозу. И, что удивительно, она знала, что делает, что за ней наблюдают и что она прекрасно выглядит в этой естественной позе.

Я дал ей возможность разместиться на рабочем месте, включить компьютер, привести волосы в порядок. Она не поднимала на меня головы: знала, что моя заместительница наблюдает и за ней, и за мной. А мне надо было перебраться с ней хоть парой фраз: я уже почти собрал папку для встречи с Ленсковым и готов был убежать. Встал, подошел к ее столу, сказал:

– Юлия Владимировна, нам надо сегодня переговорить... Но сейчас у меня встреча. Через час–полтора я вернусь, приготовьте отчет по аккредитации СМИ на совещание...

– Хорошо, Андрей Юрьевич, все готово, буду вас ждать с нетерпением...

Нинель Иосифовна одобрительно кивнула, давая мне понять, что я все правильно делаю: манера общения, тон, постановка задачи. Без перехода сказал, повернувшись к ней:

– Нинель Иосифовна, насчет прогулок – поговорите сами. Это не возбраняется, но только не в ущерб работе... Если что, я на встрече, связь через приемную Ленскова.

Опять коридорчик, ступеньки... Я замер: вот что напоминает мне это сооружение в конце ступенек – колесницу. Не фонтан, ни что-то другое, а именно колесницу. Одну из тех,

на которых военачальники древних времен выезжали на бой. Раненому персидскому царю колесница спасла жизнь: кони вынесли его живым, и он еще долго воевал со своими врагами. Я даже постоял у перил лестницы, чтобы получше рассмотреть еще недавно казавшееся мне нелепым сооружение – «фонтан с кольцами».

«Моя колесница оказалась не нужной мне в Чутне, – усмехнулся я про себя, – Бог миловал. Хорошо бы не понадобилась она и сейчас: ни в плохом, ни в хорошем смысле своего значения... Как-нибудь постараемся обойтись без литавр, лишь бы не было смертельных ранений...»

...– Я хорошо знал твоего да и моего начальника, Премьер-министра. – Ленсков мало изменился внешне: только морщинки разбежались по всему лицу да чуточку отвис подбородок. – Бузотер был, но профессионал. Не было у нас в правительстве такого финансиста да и экономиста, пожалуй. Но сначала, финансиста, особенно ценовика... Понимаешь, о чем я говорю?

– Смысл понятен, частности, увы...

– Это хорошо, что честно говоришь... У нас сколько угодно засранцев в министрах, на департаментах сидят, ни хрена не понимают, но щеки надувают... Ермолов? Как вы с Бородой подходили друг к другу в Чутне! Но только твою фамилию надо было ему отдать...

И без перехода:

– Я плохо знаю твой участок работы. Но мне казалось, что

и премьера, и генерала ты прикрывал достойно...

– И главное – без денежных вложений...

– А что, это необходимый атрибут?

– Один министр, вы его знаете, сто тысяч у.е. платил в месяц самой известной газете только за то, чтобы в негативе не упоминалось его имя...

– Все, пи..., приехали! Неужели так? Назови фамилию...

– В...-в, информация от первых лиц... – Подонок!

Но это на него похоже, я что-то слышал о его делишках... Ну, у меня, во-первых, денег нет. Во-вторых, я бы даже под ружьем ни копейки все равно бы не дал.

– Я знаю, в журналистских кругах об этом вашем качестве ходят легенды.

– Значит, ты меня не сможешь защитить?

– Я ведь сказал, что и с премьером, и с Бородой мы работали без копейки денек...

– А как тогда?

– Во-первых, пресловутый административный ресурс...

Но главное, на интересе, на срочной живой информации, даже на скандале. Никуда журналисты не денутся: интерес, сенсация для них – прежде всего. Вы – носитель информации, у вас немало «громких» проверок... Можно так все это раскрутить...

– Что-то улавливаю, но до конца понять не могу. Но это твоя епархия. Я – верю тебе, твоему профессионализму...

Но ты понимаешь, что это только пятая часть того, на что ты идешь: аппарат аудитора. У меня около сотни инспекторов, четыре начальника инспекций, у них по два зама у каждого. Все спецы, все с гонором, со стажем, с именами, заслугами... Хотя, что я тебя пугаю? Год уже скоро – нет руководителя, зашиваюсь я. Ничего: потихоньку, оба вместе и наведем порядок, а? В приемной – секретариате очень хорошие женщины работают, помогут; инспекция анализа и прогноза – практически в твоём распоряжении будет по составлению бумаг. Остальным скажу: шаг влево, вправо – расстрел, без права помилования... Разберемся! Справки-отчеты будем делать по образцу и прецеденту. Я тебя не напугал? Уж больно мне не хочется своего человека терять. А то ведь навяжут какого-нибудь чудака на букву «М», жизни не рад будешь.

– Когда приступать?

– В приемной Ириша даст тебе прецедентный вариант представления на имя председателя. Поспроси у нее узнать максимальный должностной оклад по вилке и впиши его туда же... Далее: делаешь представление за моей подписью, не выходя из приемной, чтобы тебе не бегать туда-сюда, подписываем, и я сразу иду к Клемашину, лично получу у него резолюцию: «В приказ». А ты спокойно работаешь и ждешь выхода документа. Вот такие наши действия будут... Да, в свободную минуту можешь почитать «Налоговый кодекс РФ», все положения и инструкции по нашему направлению, должностные обязанности и т.п.

– А если Клемашин...

– Я ведь беру руководителя своего, подчеркиваю, своего аппарата, а не начальника инспекции, где он может что-то сказать, возразить... Фактически я выбрал себе советника. Мое это дело, не дергайся. Наберись терпения и не развязывай язык. Друзей у тебя в кавычках, тоже, видимо, хватает... Извини, что кофе-чаем не угощаю: столько работы, что мне страшно даже произносить слова: «Давай попьем или выпьем...»

В течение получаса мы в приемной подготовили представление, девчата отпечатали его и заслали меня снова к Ленскому. Он пробежал листок буквально по диагонали, сказал:

– Хороший слог у тебя. Вижу, что уже творчески поработал... Это хорошо, а то финансисты такие грамотеи, что умрешь – не встанешь. Я иду, жму тебе руку, договорись в приемной, чтобы тебя срочно известили по выходе бумаги...

«Вот и все? – Хотелось мне сказать утвердительно. – Но я суеверный... В отделе проработал всего-то ничего. И вдруг – перевод с новым назначением, с таким явным повышением, с отрывом и от Тужлова, и от Келина... А они вхожи, он (Клемашин) может их спросить, как это произошло? Хотя вряд ли: что они ему скажут, что они знают? Работаю я хорошо, коллектив меня принял. Остальное все происходит под ковром. Вот если бы Мосеев ему позвонит и сказал, что он передумал рекомендовать меня Ленскому. Но это уже фантазии... Хотя, Юльке – ни слова, что может родиться в ее го-

ловке, одному Богу известно», – так я размышлял, проходя по дороге в обратном порядке корпуса мединститута, морг, наш тихий и уютный дворик.

В кабинете душно, солнце берет свое от бабьего лета, которое ничем не отличается от жарких деньков августа. Кондиционеров нет, и это стало проблемой, которую из-за временного нашего месторасположения никто не хочет решать. Да и глупо было бы сейчас тратить деньги на установку кондиционеров, если к зиме обещают нас переселить в новый корпус. Хотя подтверждаю на своей личной практике: ничего нет более постоянного, чем временное решение любого вопроса.

...Юлия сразу подходит ко мне, наклоняется между компьютером и шатким столбиком, собранным из раздвижных пластмассовых папок, показывая, что ее крупные тугие груди сохраняют форму даже без лифчика. Шепчу ей:

– Почему лифчик сняла?

– А я и трусики сняла... Жарко, товарищ начальник, кондиционеров нет, в обморок можно грохнуться...

– Надо сходить в читальный зал, – продолжаю шепотом, – там я расскажу все, что касается встречи и беседы с Клемашиным по Пресс-службе, покажу все бумаги, разжую, с чего начинать, чем закончить...

– Я знаю, чем надо заканчивать... Но я умру от такой духоты... Я тебе нужна мертвая? – Тоже шепчет она. – К черту читальный зал. Вечером мы можем встретиться на моей

старой квартире. Помнишь, я ключи показывала? Там хоть душ можно принять...

– А сын, муж с машиной?

– Все – на даче, до вечера воскресенья включительно. А я сослалась на срочные дела по совещанию, приеду к ним только завтра, после работы, что вполне логично. Не могу же я в четверг рвать когти с работы!? Кстати, муж, чтоб ты не дергался, про эту однокомнатную квартиру даже не знает... Так папа захотел и сделал. Мы там никого не принимаем, кроме его самых близких друзей...

– Ну, все, – довольно громко сказал я. – Если так будем работать, нас всех разгонят... Есть еще неделя, давайте я подключусь, солидные издания приглашу... А, главное, нужны телеканалы. – Я посмотрел на Нинель Иосифовну. Она буквально трепетала, сочувствуя мне и понимая, о чем я пекусь.

– Хо-ро-шо..., – включилась в игру Юля, – я все поняла! Дайте мне еще три дня, можно, я доложу во вторник...

– Сергей Иванович, если надо, подключитесь, помогите Юлии Владимировне, – сказал я, обернувшись к столу Щеголева.

– Нет проблем, Андрей Юрьевич! Только у Юли это всегда так здорово получалось...

– Помогите, – отрезал я, дав понять, что разговор закончен. И тихо спросил:

– Как мы встретимся?

Юля положила бумажку на край стола, встала, и, махнув

подолом еще летнего платья и специально оголив почти всю попу, пошла к своему рабочему месту. По дороге она остановилась у стола Нинель Иосифовны и достаточно громко спросила:

– Не хотите покурить, Нинель Иосифовна?

Та закивала головой, достала пачку сигарет, зажигалку, поднялась, и они уже вдвоем направились к выходу. После их ухода я открыл лист бумаги, прочитал текст: «На скамейке у Великого доктора встретились двое. Вы бывали здесь раньше? Да, но чуть позже 18. Так же много народу? В эти часы всегда много народу, особенно студентов. Что же делать? Сидеть на скамейке и есть мороженое. Я люблю мороженое, особенно вафельное...»

Я невольно заулыбался, подумал: «Какой же она еще ребенок... Но смелая, когда любит, когда хочет, чтобы кто-то принадлежал ей... Надо позвонить домой, пока дамочки ушли в курилку». Набрал номер домашнего телефона:

– Привет, ты пару часов обойдешься без меня? – Спросил я жену. – Только, пожалуйста, ничего не предпринимай, хорошо? Памперсы есть? Ванную я сделаю, когда приду... Не скучай, пей чай и жди ужина, я все приготовлю. Целую тебя и люблю. – Этого слова я давненько не говорил жене. Надо подготовиться к вопросу. «Нет, ничего она не спросит... Она будет просто рада моему приходу. Она просто любит и счастлива этим». – Я материл себя, и, чтобы отвлечься от черных мыслей, стал собирать папку с бумагами для Юлии:

их надо было передать ей вечером.

Глава -14.

На этой улице всегда, сколько я себя помню, было одностороннее движение. Старые гигантские тополя по обеим сторонам дороги ураганы вырывали с корнем, на их место подсаживали новые деревья и поэтому казалось, что улица всегда зеленая, тихая, окраинная, хотя и находилась в десяти минутах езды от центральной магистрали города. Давным-давно здесь облюбовали местечко члены коллегии МВД страны, построили свой кирпичный дом и жили, имея квартиры в других концах города, как на запасном аэродроме: на случай ругани с супругой, небольшого промежуточного запоя среди рабочей недели и т.п. Их черные «Волги» не часто сновали по утрам, но уж если на работу двигалась какая-нибудь машина с номерами от «00-04 до 00-13», то все дело принимало серьезный оборот. На перекрестках застывали машины ГАИ, регулировщики, неведь откуда появляющиеся там, вытягивались по стойке «смирно». Весь местный машинный мусор разбежался в разные стороны ровно до той поры, пока промчатся «нули».

В остальном, жить здесь было просто замечательно: рядом Лосиный Остров, его лесной массив плавно переходил в ближнее Подмосковье. Соколиной охотой гордились еще первые московские цари: можно себе представить, ка-

кие здесь были естественные леса. Мне несколько раз предлагали обмен в разных районах столицы, даже на большую жилплощадь. Я отказывался наотрез: привык, столько лет прошло, протопал вместе с пацанами все тропки-дорожки в этом лесу. Мои мальчишки закончили школу, институты, обрели свои семьи. Но сюда приезжают всегда с огромным желанием.

Здесь жена стала чувствовать свое недомогание: всё списывали на ревматизм и прочие «измы». Я пахал, как папа Карла, не до ее здоровья, честно говоря, было. Когда возвращался из командировок, Мила держалась молодцом, лицо ее светилось неподдельным счастьем. Дом полон гостей (родители ее, моя мама приезжала, коллеги по работе, старые друзья-журналисты), она все сама делает: готовит, всех угощает, поет и танцует. И только раз, случайно проснувшись ночью, я не увидел ее в постели, встал, добрел до ванной комнаты, услышал сдавленный плач. Постучал в дверь, оттуда донеслось: «Открыто». Она не могла больше терпеть боли, сидела на маленькой табуретке в середине ванной, ноги держала в воде и плакала. Я наклонился к ногам, увидел безобразно разбухшие коленные суставы, лодыжки голени. Увеличенные водой, они походили на студень.

– Ну, и что ты молчала, не разбудила меня, глупышка? Почему я только сейчас узнаю, что тебе так плохо. Что плохо, в принципе... Прости, прости меня, Мил... Давай-ка, я заверну тебя в простынь и отнесу в кровать.

– Ничего не изменится, будет еще хуже... Здесь хоть вода отвлекает, как-то снимает боль... Ты прости, что разбудила тебя, что досаждаю своими болячками.

– Так, давай договоримся сейчас и на будущее: нет твоих болячек, есть наши с тобой проблемы, наши... Они связаны с твоим здоровьем, так? Их надо решать! Давай серьезно займемся здоровьем! А сейчас я пригоню этих умельцев из поликлиники, чтобы они при мне все сделали, чтобы снять боли...

– Не стоит, Андрюш, глубокая ночь на дворе, людям тоже поспать надо...

– Это – их работа. Закрывай ноги простыней и прыгай ко мне на руки.

Мила пыталась вылезти из ванной, вытереть ноги она не смогла. Я обернул ее в простыню и понес в постель. Насухо вытер, она дала мне какой-то крем, которым я натер ее ноги – от стопы до самого паха. Сказал:

– Лежи тихо, постарайся уснуть...

– Это бесполезно.

– Хорошо, прими снотворное...

– Я уже скоро буду лекарственной наркоманкой.

– Звоню в «срочную помощь на дому», не встречай и ничему не удивляйся...

Набрал номер, указанный в моем пропуске в поликлинику президента РФ. Соединился почти тут же. Поздоровался, представился, сказал, что жене очень плохо. Что это давняя

история, у которой, к сожалению, нет хорошего конца.

– А мы можем с вашей супругой поговорить?

– Можете, но лучше будет, если вы приедете к нам и снимите боли...

– Вот мы и хотим уточнить, что за боли...

– Хорошо, – я отдал телефонную трубку Миле.

Она долго слушала, что ей говорят по телефону, сказала, что она это уже не раз делала, но боли большие и не проходят... Потом уже совсем отрешенно:

– Хорошо, я попробую еще раз, – и положила трубку на рычажки телефона.

– Что, что ты согласилась сделать еще раз, если это тебе уже не помогает!? – Буквально заорал я.

– Не кричи... Они говорили, что нужно лекарство, по-моему, кетонов, но в другой концентрации, что его у них пока нет, будет только на днях, что можно перейти на вольтарен, но для инъекции. У меня такого нет. Они сказали, чтобы я купила в аптеке утром и сделала себе инъекцию... Тогда легче будет.

– Так, молчание... Ни слова! – Я снова набрал, но уже «Скорую помощь» при поликлинике, спросил:

– Вы сейчас разговаривали с моей женой? А кто? Дайте тогда мне старшего по смене, пожалуйста. Ага, значит, и вы разговаривали, да, с Ермоловой Людмилой Ивановной..., – на том конце трубки мне что-то пытались объяснить: утро вечера мудренее, что можно вызвать кого-то из группы леча-

щих врачей (запись с 7-30 утра)... – Послушайте, доктор, – сказал я вдруг совершенно спокойно, – если вы дорожите своей должностью, то вы немедленно отправите по моему адресу бригаду для оказания срочной медпомощи. Я вам говорю последний раз и на самом полном серьезе!

Машина приехала минут через 40. В квартиру первой зашла женщина-врач в белом халате, высокий плотный молодой человек в синем халате и шапочке заявил эдаким баском:

– Кто это тут нас пугает?

– Больная в спальней комнате. Займитесь делом..., – сказал я.

Женщина-врач буквально толкнула молодого бодрячка в спальню. Потом они по одному выходили, просили полотенце и воду, снова уходили к Миле. Я собрал все силы, подошел к двери и встал, как часовой на посту. Осмотр, щупают ногу, поднимают ее вверх и снова опускают вниз, вторую – та же процедура. Вскрики жены... Они отходят к дверям открытой лоджии, долго о чем-то шепчутся, поворачиваются ко мне:

– Вы не медик? – Спросила женщина-врач. Я отрицательно покачал головой. – Мы решили снять боли новым очень сильным препаратом, хотя, по истории болезни, нам бы этого не стоило делать. Мы говорим с вами попроще, чтобы было понятно... Нам показалось, что здесь уже не только ревматизм и все прочее... Короче, мы предлагаем вашу супругу госпитализировать.

Я посмотрел на Милу, по ее щекам бежали слезы. Сказал: – Ничего, прорвемся... Это, видимо, действительно, надо...

– Хорошо, что вы настояли на нашем приезде..., – заключила врач, – мы, из «Скорой», более решительные и агрессивные специалисты, что ли. А с вашей супругой надо разбираться в стационаре...

Она постояла в какой-то нерешительности, раздумчивости, сказала, не обращая ни на кого внимания:

– Инъекция сейчас подействует, больная уснет, проспит долго, часов 12-14... Давайте тогда так поступим: я запишу для ее лечащего врача свои соображения... Вы пригласите лечащего врача домой, у вас это получится, учитывая ваше упорство и смелость. Посмотрит она, посоветуетесь, приготовитесь к госпитализации и, не спеша, в ЦКБ. Там будет намного лучше! Ну что, принимаем такой план? Если что-то, вдруг, немедленно вызывайте снова нас, тогда мы сами госпитализируем Людмилу Ивановну. Укол сами сделаете? Хорошо, вольгарен поможет на промежуточном этапе. Вот вам ампулы.

Когда мы прощались, Марина Валерьевна Хилтунен, так звали врача, сказала, что я молодец, но пугать так не надо, дежурные врачи на телефоне, как правило, сами не ездят по скорой, они и призваны успокоить, дать советы, помочь в чем-то разобраться... У нас ведь скорую вызывают даже тогда, когда больные плохо чистят уши, забывая их серными

пробками.

– Вы предупреждайте, когда работаете на «наркоз», – сказал я, – тогда и разговор будет другим. Вы бы видели боли моей жены...

– Я представляю... До встречи в ЦКБ. Приготовьте супругу и обязательно приезжайте вместе с ней, сопроводите ее. Ведь это в первый раз?

– Если не считать родов...

Плотного телосложения молодой врач молчал все время пребывания в квартире: похоже, доктор Хилтунен что-то ему сказала, отбив желание совершать наезды на больную и ее семью.

...Я почему-то именно об этом думал, вспоминал, когда в машине Юлии ехал на свою заветную улицу. «Инструктаж» прошел достаточно быстро, но успешно. Она дергалась, думая, что именно отец позвонит и не на ее мобильный телефон, а на домашний, и, не застав ее дома, сделает определенные выводы. Но Юлька не была бы такой, если бы поступила иначе. Она ничего не стала отменять: встретились мы у памятника Великому доктору. Я замешкался, забыв, что девушка ездит на настоящем американце – «Форд-Мондео» черного цвета. Она потрянула меня в буквальном смысле этого слова, приподняв со скамейки, головой показала на стоящую у тротуара машину.

– А мороженое, с вафлями? – Спросил я, прикидываясь идиотом.

– Это мы успеем обсудить позже, в другой обстановке...

– Гоните лошадей? – Первым сказал я выигрышную фразу, про себя подумав, что она, также как и я, спешит, что проволочек и задержек с нашим свиданием не должно случиться. «Хотя, хотя..., как пойдет, все может быть, – подумал я. – Этот вихрь, ураган, как удержишь?»

Ехали недолго, где-то на берегу реки буквально вползли в уютный дворик старого кирпичного дома на четыре подъезда. Как-только она открыла дверь однокомнатной, но довольно большой по размеру квартиры, в разные стороны полетели все ее причиндалы. Она осталась голой, просто, в чем мать родила.

– Ты часом не нудиста? – Спросил я, не отводя глаз от ее тела. Оно было прекрасным, на него нельзя было наглядеться. Глаза горят, блеск расширенных зрачков делал ее чуточку шальной. Черные без краски волосы спадали на спину и груди, такие крупные и тугие, что просто удивляешься, как можно обойтись здесь без хирурга и силикона. Шторы она не стала открывать, включила по всей комнате три нижних бра. Мебели было немного, треть площади занимала кровать, два кресла, низкий небольшой журнальный столик, буфет-стенка. Всё. Оставалось даже приличное пространство, где моя партнерша, как девочка, бегала на носочках, изображая маленького лебедя из классического балета.

Она подскочила ко мне и ловким движением рук сорвала с меня трусы. Я смутился, промычал:

– Девочка моя, я не совсем готов... Мы так мало еще общались...

– О чем речь? Секс не должен смущать, никого и никогда...

Что она вытворяла в следующие 10-15 минут, нормальному, по моим меркам, человеку трудно передать словами. Но я точно понял: она осталась очень довольна тем, как вел себя немаловажный орган моего организма.

Потом мы голыми лежали поверх одеяла на кровати, и я, как последний чудака на букву «М» (по Шукшину и Ленскову), инструктировал ее для встречи и беседы с Клемашиным. Из наших разговоров я понял, что руководить пресс-службой она не собирается, это, несмотря на всё ее тщеславие, слишком обременительно. Поэтому лидером она признала меня. То, что идет на встречу она, а не я, у нее не вызвало вопросов: Клемашин меня бы не принял. Но назначить руководителем готов, потому что за меня попросил ее папа. Вот такая у девочки простая логика. Я передал ей разложенные в папке в нужной последовательности все бумаги, увидел, как она небрежно бросила эту папку на кресло, как расстегнулся замок, и часть бумаг вывалилась на пол. Я был готов прибить ее, но лишь спросил:

– Вопросов у тебя больше не будет?

– Нет, мой строгий и милый учитель. Давай поиграем с перекатом на спинку...

Еще «играли» минут 15... Я почувствовал, что она выды-

хается, скорее, можно сказать, что она уже выдохлась.

Я спросил:

– Останешься здесь?

– Нет, что ты! Я собираюсь еще и тебя до дома подбросить... Расскажешь о дороге?

Собирались молча и быстро. Всё мероприятие вместе с инструктажем заняло у нас меньше двух часов. «Если она меня подбросит хотя бы до микрорайона, – думал я, – то я почти уложусь в два часа. Успею накормить, помыть и уложить спать своего малыша».

Когда ехали в машине, я спросил:

– Почему ты не предохранялась после первого раза?

– Я и на первом могла не предохраняться. Это твоя перестраховка – презерватив. Отстаеете, сударь... Вы с современной девушкой имеете дело. Это на предмет забеременеть. А по тебе, дорогой, в поликлинике все известно: не был, не участвовал, чист... У меня подруга работает в терапевтическом...

– На этой откровенно звенящей ноте мы и будем прощаться... – опять пошлостью закончил я наше свидание. Машину она остановила на углу моего дома.

– Ты напрасно рефлектируешь... Все, что надо, я сделаю. Я признаюсь тебе: за тебя я была бы готова выйти замуж. Но папа, 20 лет разницы... Он меня убьет...

– Вопросов больше нет, комплексов тоже, рефлекс..., – она мне закрыла рот рукой, дождалась, когда я умолкну, от-

няла свою руку от моего рта и поцеловала меня так, что у меня закружилась голова.

– Хреновый у тебя дом, хреновый микрорайон... Но не это главное. Я, кажется, влюбилась... Вот это главное... Я уже по тебе скучаю, хотя мы еще и не простились.

...Дверь открыл тихонько, почему-то мне хотелось, чтобы Мила спала. Разулся, не зажигая света в прихожей, напоминающей вытянутую кишку с дверями сразу во все три комнаты. Подошел к спальне: горел ночник, жена читала, повесив новые модные очки на кончик носа.

– Привет, жена...

– Поцелуй меня...

– Сейчас умоюсь и приду.

– Нет, прямо сейчас поцелуй, а то я чуть не умерла от тоски по тебе.

Подошел к изголовью постели, наклонился, обнял за плечи, нашел ее сухие горячие губы и стал их нежно заглатывать своим ртом. Жена не сопротивлялась, я лишь почувствовал, как напряглась ее спина. Поцелуя не получилось, во всяком случае, такого, как это было недавно, в машине.

Присел на край кровати, спросил:

– Как дела? Давай-ка памперс снимай, выброшу заодно. Что хочешь на ужин? С какой травой навести ванную? Знаешь, я соскучился по тебе, всю дорогу о тебе думал, почему-то вспомнил, как «Скорую» первый раз ночью вызывал, а потом полдня спал в кабинете, делая вид, что внимательно

работаю с Интернетом. Как в больницу мы...

– Ты пахнешь очень дорогими духами... Ты не обижайся, я так это спрашиваю, не имею права даже задавать тебе такие вопросы: «У тебя появилась женщина?». – Она молчала минуту-две. Я тоже молчал. Наверное, мой вид настолько напугал ее, что она не знала, что делать, что говорить, как поступить в создавшейся ситуации. Я сказал:

– Да... Появилась.

Опять растерянное молчание: она снимает очки, механически приглаживает седые патлы на висках, лицо ее скукоживается, сморщивается, но это не от слез. Слез на глазах нет. Я понял, что Мила не скажет больше ни слова. Сказал я:

– Прости, я снял в эскорте сопровождения, грубо говоря, женщину для услуг. Лучше бы тебе об этом не знать. Но ты спросила, я сказал, как есть...

Она легче, легко задышала, на глазах появились живые искорки, губы заулыбались. Спросила:

– Молодая?

– Да, лет под тридцать...

– Ты ее видел в постели?

– Да, это было в номере отеля, бронированном на переговоры. Она – молодая, стройная и красивая девушка вот с такой необычной профессией и прекрасным иностранным языком.

– Господи, – сказала жена, – что за жизнь? Каждый выживает, как может, бедные люди...

– Не волнуйся, мы больше не встретимся: просто она мне не по карману. Особенно сейчас, когда я попал в такую ма-
разматическую ситуацию... Кстати, боюсь взглянуть, но у ме-
ня на службе могут произойти изменения...

– Как это?

– С повышением зарплаты и должности...

– Милый, дай-то Бог, мне страшно смотреть на тебя, как
ты мучаешься...

– Да, ладно, ма, не говори не дело-то, работа как работа.
Люди, вон, всю жизнь в консультантах сидят. И ничего. Что
ж делать, дорогая и любимая, моя жена?

– Скажи еще раз...

– Моя любимая жена, девушка моя, мой единственный,
немножко больной ребенок... Я очень тебя люблю. Можно я
первым схожу в душ, чтобы смыть с себя кое-что, так непри-
ятное тебе?

– Я буду ждать тебя всегда... И любить всегда, мой един-
ственный и преданный мужчина... Несмотря ни на что, ни
на какую чисто физическую... – она не договорила: я зажал
ей рот ладонью, которую она стала целовать, измазав слюной
и слезами.

Глава – 15.

Приказ о моем назначении к Ленскому вышел в понедель-
ник. Позвонила Ирина из приемной моего нового шефа и

первой поздравила:

– Вы теперь наш непосредственный начальник. Дождитесь вызова в кадры, распишитесь под приказом, получите копию на хранение, сдайте дела своему непосредственному начальнику и приходите к нам... Так слово в слово просил вам передать Григорий Иванович... Он у нас такой, пунктуальный. Стараются всё за всех предусмотреть.

Я несколько растерялся, но поблагодарил за информацию: меня никто никуда не вызывал, никто со мной не оформлял документов, наконец, мною даже не поинтересовались в кадрах. Это – первое. Второе: встречи Юлии с Клемашиным так и не произошло ни в пятницу, чего она, практически, гарантированно ожидала, ни в понедельник. Хотя времени сегодня было всего-то начало двенадцатого дня.

«Что делать? – Задал я себе вопрос и пока не находил на него ответа. – Молчать и ничего не говорить Юльке – нельзя. Отец, ей, видимо, о наших договоренностях ничего, подлец, не сказал. Он, тем самым, уже заложил мину в наши с ней отношения. Хитер, ничего не скажешь! С Келиным – проще, я просто освобожу его от «трясучки» за его кресло. С Тужловым – выпьем виски, специально куплю приличную бутылку: Сергей Сергеевич настолько равнодушен ко всему, что не касается его взаимоотношений с «биг боссом», что даже не заметит моих проблем. С коллективом? Нинель неплохо бы посадить в кресло начальника отдела, она заслужила. Я ей так и скажу: спросят, буду рекомендовать только ее. За-

ма пусть выбирает сама. Итак, мне надо начать разговор с Юлией...»

Я набрал номер ее мобильного телефона, спросил шепотом: может ли она выйти на улицу. Она посмотрела в мою сторону, кивнула утвердительно. На улице было также тепло. только в воскресенье прошел небольшой дождь, стало чуть-чуть свежее. Я не надел плаща, пошел на выход. У своеобразного памятника – колесницы остановился, подумал: возьмет ли она сегодня меня или нет, помчит дальше по тернистой карьерной дороге или свалит, к чертовой матери, в кювет... С другой стороны, нового-то ничего нет. Уже все было в моей жизни: так высоко взлетал и так больно падал, что только Господь, наверное, уберегал меня от чего-то худшего.

На улице легкий ветерок шумел густо и однотонно в тополях. В это занудное однообразие вмешивалось более тонкое шелестение кустов сирени и акации, которые уже готовы были сбросить листву, да вот теплынь бабьего лета не позволяла им так скоро оголиться до будущей весны. Я зашел за угол здания, встал на солнце, подставив лицо под его нежные уже нежаркие лучи.

– Я в курсе твоих перемен... Мы с папой обо всем переговорили на даче. – Юля стояла рядом, облокотясь на ступеньки пожарной лестницы.

– Ты как Сергей Сергеевич – юная разведчица: неслышно ходим, негласно рулим, неочевидно любим...

– Вот с этого места...

Я перебил ее:

– Значит, ты все знала, но молчала? Я не в обиде... В конце – концов, Владимиру Викторовичу виднее, где, кого и как использовать... Я ему благодарен хотя бы за то, что он увел меня от этого маразма с Келиным-Тужловым. Но мы не будем и с тобой вместе тянуть ляжку... И это тоже правильно. Я уверен, что ты ни с кем не сможешь делить власть. Я так и сказал твоему отцу. Видимо, он со мной согласился. Что остается в сухом остатке: ты невероятная любовница, женщина, от которой можно сойти с ума... Но ты все это знаешь, и я тебя ничем не удивил...

– Напротив, очень даже удивил... Переговорил с папой и молчок. Согласна, папа мог дать команду молчать, а с ним не забалуешь... Скорее всего, так и было. Он нас развел как двух медведей, готовых угодить в одну берлогу...

Я не выдержал серьезности ее тона, заулыбался. Сказал:

– Ты еще маленький медвежонок... В берлоге, по неосторожности, я мог бы тебя раздавить. Поэтому все, что сделал твой незабвенный папа, правильно... Но я иногда так тебя хочу, что на время теряю сознание. Что это, любовь? Ты считаешь, что нет... Наверное, я опять соглашусь с тобой, что это – влечение, что человек нашел идеального партнера: все винтики в их организмах оказались идеально подогнанными. Давай пока на этом остановимся...

– Я думала, что ты специально бросил меня на карьере, чтобы освободиться навсегда... Сыграл на моем честолю-

бии. А я не смогу без тебя... Пока. Я буду стараться, потому что дала слово папе... Но сейчас – только ты, все только для тебя... Я хочу гордиться тобой... Хочу любоваться тобой, когда ты в зените славы... Все поменяй: костюмы, обувь, галстуки, духи, манеры, речь... У тебя все это было, когда ты был там, далеко, у премьера. Я мечтала о таком мужчине. И я тебя нашла! И гораздо раньше, чем Ленка из приемной моего папы... Учти, она – робот. Выстраивает схемы и идет к их реализации, несмотря ни на что. И у нее только одно преимущество передо мной – возраст, молодость... Но я женщина, а она – робот с дырками, красивыми ногами и руками... Запомни: ей не нужны ни семья, ни дети.

...– И у меня есть проблемы, обязательства... И я дал себе слово, что это все будет пока... Пока не выздоровеет жена. Мы не трогаем наши семьи, наши обязательства и помним о слове «пока». Так, да?

– Я больше не могу... Я уйду, – совсем тихо сказала Юлия.

Я первым пошел к лазейке в заборе... Проходом с соседней улицы пользовались многие сотрудники конторы, но сегодня, на наше счастье, никого не было. Я прошел узкими переулками, миновал несколько дворов и очутился в парке. Недалеко шумел кроной ставший мне родным белый тополь, скамейка под ним была пустой, и я уселся на нее, чувствуя, как сильно бьется мое сердце. Надо было крепко подумать.

«Главное для меня: насколько я предаю свою жену? То, что я ее люблю, нет сомнений. К этому добавилась моя от-

ветственность перед ней, ее здоровьем: она год от года становится все беспомощнее. На фоне всего этого, как мне относиться к Юле? Мне бы хотелось считать ее счастливым случаем... Гнусно, цинично, но, если трезво смотреть на вещи, она не моя любимая женщина. Двадцать лет разницы в возрасте... Что будет со мной через 10-15 лет? Она бросит меня, не раздумывая, как только я надоем ей. Вот это точно может обернуться для меня трагедией... Она никогда не будет моей, никогда не бросит семью, своего папу. Я никогда, об этом даже глупо и смешно думать, не разобью ее любящее сердце». – Вот так телеграфно я излагал самому себе соображения. Они были для меня грустными.

«Да, я должен признаться себе, что, видимо, только секс влечет меня к этой юной, изумительно красивой, но до предела порочной, развращенной и страшной женщине... Предаю ли я ее? Думаю, что нет. У нас все получается предельно гнусно, но по обоюдной договоренности. Использую ли я ее в своих целях? Да... Но и здесь есть цена вопроса: я отдал ей весь свой багаж, опыт, знания, научил ее быть грамотным лидером... Это сейчас бесценный товар. Все остальное – за ее отцом. Он легко продумывал варианты, я соглашался и реализовывал их. Без торга, ибо проигравших здесь не должно было быть: мы оба могли выкинуть такие финты, что, мама дорогая, мало никому не покажется...

И последнее, что мне надо как-то отладить с женой: хоть иногда иметь полноценный секс. Половой жизни у нас тре-

тий год практически нет. Она как-то спокойно говорила о моей возможной физической разгрузке. Ну, что-то типа того, чтобы заказывать себе женщину на час-два. Я отмолчался, второй раз – отшутился. Теперь вот пришлось сказать о женщине из эскорта... Конечно, это ужасно, в моей ситуации – тем более. Но это – единственный шанс: хоть изредка, хоть раз в полгода-год бывать вместе с Юлькой. Все остальное – полная херня: новая должность, новые галстуки, гордость... За что? За то, чтобы где-нибудь в компании шепнуть:

– Это – мой протеже.

Я знал новых мультимиллионеров, хозяев масс-медиа, которые, бывая на приеме среди самого высшего круга чиновников, говорили, глядя в телевизор:

– Сейчас ведущий скажет, что Милославский – козел, что он у государства (народа) наворовал кучу бабок, но он их скоро так же легко потеряет, – и залиvisto ржали, ожидая реакции присутствующих у телевизора вицмундиров.

И, действительно, известный аналитик, приближенный к Кремлю политтехнолог, через пару минут говорил, что Милославский – козел, что он наворовал кучу денег... Только в более мягких выражениях. Медиумагнат платил самому свободомыслящему политологу страны 50 тысяч у.е. в месяц. За такие деньги, по нынешним временам, и не то скажешь.

Вот на этом давай, мой дорогой назначенец, и поставим точку. Пора идти в контору, ждать вызовов, расшаркиваться, играть свою нынешнюю роль...»

Я встал, посмотрел на гигантскую крону моего любимца, и прошел к стойке бармена в кафе.

– Виски! – сказал уверенным тоном молодой элегантный человек.

– Не угадали, «Хеннесси»...

Сделал пару глотков, постоял, мысленно поздравив себя с новым назначением, допил рюмку коньяку и, расплатившись, пошел по алее парка. Тепло проникало в кровь, на душе было легко.

...В кабинете стоял небольшой переполох: Нинель Иосифовна заламывала руки, то и дело куда-то звонила.

– Вас ищет начкадров! – Вскрикнула моя заместительница.

– Ну, и что из того?

– Дважды уже звонил...

– Зачем?

– Просил вас явиться незамедлительно к нему в кабинет.

– Нинель Иосифовна, вы в армии служили? Нет, ну, так что же вы играете по их лекалам... У нас что, штаб военной обороны? Да мало ли какому полковнику в отставке вздумается тряхнуть стариной, придет в голову бредовая идея построить всех нас! И вы побежите строиться?

Нинель Иосифовна смутилась: для нее любой начальник из аппарата – немедленная стойка «смирно» и «чего изволисте?». И вдруг от меня она слышит такую крамолу.

– Вам передали, вы скажите, что, как увидите человека,

обязательно скажете ему. Меньше эмоций...

Я набрал по телефону номер действительно полковника МВД в отставке, Кучера С.Т.:

– Станислав Тихонович! Горячо и сердечно приветствует вас капитан запаса Ермолов! ... Да, я понимаю, что для такой фамилии лучше бы быть генералом. Не получилось, сугубо штатский человек, да еще и журналист...

С другого конца трубки звучал трубный голос:

– Лично хотел вас поздравить с высоким назначением! Приказ имеется в наличии, зачитать?

– Мне Григорий Иванович уже сказал...

– Ах, вам уже Ленсков передал... Ну да, ну да, мы ему уже послали копию... Но, тем не менее, еще раз прими... те мои поздравления... Как говорится, с вас магарыч, чтобы звездочки обмыть... Зайдите к Наине Израилевне Фрумкиной, начотделом по кадрам аппарата, надо копию получить, расписаться...

– Хорошо, Станислав Тихонович, магарыч с меня, спасибо за заботу и поздравление... Служу Отечеству!

Положил трубку, все сотрудники отдела смотрели на меня.

– Что смотрите в недоумении? Сам недоумеваю, что все так быстро произошло... Вот объявили, что вышел приказ о моем назначении руководителем аппарата аудитора Ленскова, с сегодняшнего дня... Велено прибыть к новому месту службы...

– Я так и знал, – сказал в сердцах Сергей Щеголев, – невозможно поработать с нормальным человеком...

– Нам надо поговорить, Андрей Юрьевич, – это Нинель Иосифовна. Она вдруг стала собирать какие-то бумаги со своего стола, будто это она намылилась куда-то переходить.

– Братцы мои, работаем без нервов. Нинель Иосифовна на хозяйстве, отдел не должен ни на миллиметр допустить сбоя в работе. Впереди такие крупные мероприятия... Соберитесь, и я пока с вами.

Из-за перегородки вышел Павел Сакс:

– Перекурим это дело на пару минут?

– Конечно, Паша... Хотя я стараюсь не курить, пойдем выйдем. – Прошли в курилку, стояли друг против друга без сигарет, не было желания закуривать.

– Я чувствовал, что это вот-вот произойдет... Правда, думал, что ты примешь наше управление. При всем моем уважении к Келину... Ну, что сейчас говорить? Собачья должность у вас будет, сэр! Сто горлохватов, бесконечные командировки доводят людей до бешенства по любому поводу... Правда, аудитор-класс, безупречный профессионал и авторитет. Ему даже голос не надо повышать. Он туфту видит, не открывая отчета о проверке... Пишет ужасно тяжело, по изложению, но сколько проблем, примеров, анализа, выводов! Я с огромным удовольствием работаю с его отчетами при публикации после коллегии. А теперь, надеюсь, мне будет полегче, ты все-таки часть редакции возьмешь на се-

бя...

– Паша, возьму, если не утону в течучке, если впишусь в коллектив и т.п. Ты не дави на меня сразу, дай мне оглядеться, а?

– Да, не психуй ты, все будет хорошо, через месяц-два мы тебя не узнаем: приемная, секретарь, машина к подъезду...

– Не слышал анекдот про «машину к подъезду»? Мне его в «Комсомолке» Гена Бочаров рассказал, замечательный журналист, писатель. Начальника все повышают и повышают. Сменил квартиру, завел любовницу-секретаршу, естественно, молодую, костюмы от «Валентино», галстуки из Лондона ему везут. Машина ему, машина для обслуживания семьи во главе с женой. Домработница кормит завтраком. Он поел, набрал номер по телефону:

– Машину к подъезду! (Длинная пауза). Как идите на фуй?...

– Ха-ха-ха-ххии, – смеется Павел, он не может остановиться, достает носовой платок, вытирает слезы. – Поучительный анекдот, ничего не скажешь... Ну, я, думаю, ты переживешь, без газеты не останешься, на хлеб всегда зарабатываешь... Тебе хочу сказать спасибо за то, что, зная все о нас с Келиным, первым протянул мне руку... Я даже как-то отвык от такой открытости. Отплачу тем же: заходи, звони в любое время. У меня главврач ЦКБ в родственниках, есть хирурги, другие спецы в больницах... Не дай тебе Бог попасться, но помни о нашем разговоре, хорошо?

– У меня жена...

– Я слышал, правда, краем уха... Давай, встанешь на ноги и встретимся с кем надо, поговорим. – Он, на удивление, крепко обнял меня и затем тут же вышел из курилки.

«Вот тебе и друг Келина, вот тебе и Сакс... Ай, да Пашка, – мне так захотелось закурить, но сигарет не было, а в нашей курилке не принято мешать начальству вести разговоры. Так что ближайший куряка может появиться здесь минут через 5-10. – Ладно, обойдемся без отравы. Надо идти, кадры ждут...»

Нинель Иосифовна сидела на стуле у моего стола. Я посмотрел на нее ласковым взглядом, сказал:

– Если спросят, обязательно буду рекомендовать вас на место начотдела... Только вас! Заместителя тогда подберете сами, но мужика, обещайте мне...

– Господи, о чем вы? Никогда этого не будет... Но дело не в этом... Что мне теперь делать, что делать? Я только успокоилась, я почувствовала свободу, вкус к работе... Я стала отдыхать, хорошо спать... Что теперь будет?

– Я не знаю, честно скажу... Мое мнение такое: если у меня будет возможность, я вас обязательно заберу к себе... Более надежного зама, чем вы, у меня не было... Вру, были, но это в газетах, журналисты были... А вы – просто идеальный зам по чиновничьей линии...

– Мне вам что-то доложить, какие-то цифры...

Я покачал головой:

– Все в прошлом, дорогая Нинель Иосифовна... Кому теперь нужны наши цифры по аккредитации журналистов, по количеству написанных и опубликованных статей... Ленскову? Кучеру или Наине Израилевне Фрумкиной?

– Ну, да, вы правы... Господи, береги вас... Пусть у вас все получится... Не забывайте нас, приходите к нам хоть иногда... Разрешите нам хоть изредка забегать к вам...

– В столовой будем видеться...

– Что вы, у начальства своя столовая...

– Что вы говорите, не знал. Тогда в парке будем встречаться, на прогулке... Мне пора идти, простите, до обеда надо успеть закончить процедуру...

Я поднял голову, посмотрел на Юлию. Она работала на компьютере, сосредоточенно, даже увлеченно. Только левая рука иногда энергичнее, чем обычно, старалась отбросить упрямую прядь волос, спадающую на лицо. Нинель тихо брела к своему столу. Щеглов раскладывал сигареты в портсигар, в который была вмонтирована зажигалка. Соседки слева и справа от него (три дамы бальзаковского возраста) смотрели на меня: кроме любопытства их глаза ничего не выражали. Я помахал им рукой и вышел из кабинета.

Глава – 16.

Двое начальников инспекций приняли меня нормально: они оказались старше по возрасту, у них были персональные

машины, собственные приемные, получали они «за вредность» больше меня... Третий и четвертый – «выкаблучивались»: им особенно не нравилось, когда в отсутствие аудитора, я раздавал указания по контрольным поручениям высшего руководства Комитета. Нет, они понимали, что проигнорировать установленный в документе срок они не имеет права. Тут аудитор так задницу надерет, что мало не покажется. Но задать вопрос: «А почему Ермолов дает мне поручения?» – сколько угодно.

Я пришел к Федору Ивановичу, третьему, самому шумливому начальнику инспекции, после очередной его бурной реакции на очередную бумагу, о которой мне только что рассказала Ирина. Правда, перед этим референт аудитора, Любовь Даниловна, милая и простоватая хохлушка, сказала:

– Я вас умоляю! Всем известно, что он гамнюк... Не берите в голову, не портите свои нервы!

Застал я его врасплох: он только что покурил в кабинете, приоткрыл фрамугу и пытался выгнать дым. Это был смертельный грех: курение разрешалось только в одном, отведенном на первом этаже здания, месте. Увидел меня, в глазах – недоумение, даже испуг. Не выдержал, поднялся с кресла, пожал мою руку.

– Хорошо, что фрамуга открывается, – сказал я, – у меня – забита наглухо, уже не покуришь... Не угостите сигаретой?

Он достал из стола пачку сигарет, зажигалку. Я с наслаждением затянулся сигаретой, мечтательно произнес:

– Еще бы рюмку коньяку и можно умереть от блаженства...

– Запросто, сейчас сообразим...

Достал дорогой коньяк, две рюмки граммов по 50, не больше, умело разлил буроватого цвета жидкость из начатой бутылки.

– Ну, что, со знакомством, дорогой Федор Иванович! Продолжение за мной, но в другое время и в другом месте, чтобы не было мучительно больно нашим подчиненным...

Мы чокнулись, я смаковал прекрасный коньяк. Он наблюдал за мной, потом залпом опрокинул рюмку, достал из стола шоколадку. Закусили, я докуривал сигарету.

– Можно, я за кампанию еще одну выкурю? – Спросил он.

– Вы хозяин дома, это я у вас просил разрешения...

– Вы за аудитором – второй хозяин... По старшинству, так сказать, и спрашиваю...

– Звонил Григорий Иванович, просил особо по бумаге с Карелией отработать. Его смущают сроки, кажется мы заявили не очень реальную дату окончания проверки... И, если аппарат Комитета поставит ее в план рассмотрения на коллегии, нам уже не уйти от скандала...

– Он мне звонил, уже влил! Мой промах... Не волнуйся... Мы – на «ты»? – Я кивнул головой. – Мы все поправим...

– Спасибо, Федор Иваныч, за понимание, за угощение, за «ты», за все...

– Нам надо держаться крепко вместе... С Ленковым

непростая ситуация... Если он упрется, а это уже было несколько раз, беда! Как бык идет напролом, председателя посылает, только так... Я понимаю, что ты – его человек, хотя и не финансист. Буду помогать, приходи в любое время...

– Как сейчас?

– Да, брат, обезоружил ты меня... Вижу, что не пацан, не козел залетный... Я с Григорием – около 20 лет рядом, в основном, по министерствам, членом коллегии у него был... Все порушили, поломали в 91-м, козлы... Чуть в тюрьму с ним не угодил, но, Господь милостив, отстояли мы его... Ни один наш сотрудник не дал на него показания, как ни пытались говнюки из генпрокуратуры давить на них... Вот такие, брат, дела.

Я понял, что легкое опьянение от выпитого уже прошло, что пора ретироваться. Встал, пожал руку самому непокорному начинспекции и вышел в проходной кабинет, который был рядом с его уютным, небольшим кабинетом, и служил ему приемной. Женщина – координатор поручений начинспекции, т.е. не секретарша, а полноценный сотрудник инспекции, сказала:

– Как он? Буянил? Вроде бы у вас все было тихо...

Я заулыбался следом за ней, показал большой палец и вышел в коридор. Это была моя такая большая победа, что мне хотелось петь и прыгать. Шел к себе в закуток необычайно легкой и упругой походкой. Я отказался от огромного кабинета, расположенного рядом с приемной аудитора, в котором

сидели Ирина, Любовь Даниловна, еще два профильных советника Григория Ивановича.

Куда эту «кучу малу» было выселять: у них одних цветов хватило бы на целый коридор, шкафы с архивом, папками, канцтоварами, чайники-кипяtilьники и т.д., и т.п. Поэтому я занял скромный кабинет в конце коридора, подальше от глаз начальства, «поближе к народу». Единственное, что плохо, долго устанавливали правительственную связь. Я уже потерял всякую надежду звонить шефу напрямую по массивному телефону из слоновой кости с гербом РФ. Зато, в отместку, он дал мне номера всех своих телефонов: домашний, дачный, два мобильных номера (один у водителя) и самый закрытый, о котором знала только семья.

...Не успел я оглянуться – сентябрь уже пролетел. В сутолоке событий, в которые я попал как новичок, в незнании сотрудников, в нервном состоянии «духа и тела» блекло и незаметно прошел мой юбилей. Банкета не было, кто хотел, приходил ко мне в кабинет: рюмку чего-нибудь крепкого я всегда мог налить не в ущерб трудовой дисциплине, не в нарушение субординации, поскольку она еще не народилась. Видели многие, что бегают по коридору какой-то «хрен в очках», носится с какими-то папками и бумагами... Все сам, никого не вызывает, приемной нет, в столовую высшего начсостава не ходит.

Вот таким «недотепой» представлял я самое крупное в Комитете направление деятельности аудитора Ленского.

Григорий Иванович, я чувствовал, был доволен: ничего не прошу, до всего стараюсь дойти сам, ошибаюсь, но не вру, не выкручиваюсь перед ним, честно говорю, что «проколотся», прошу его научить, как сделать то-то и то-то или как поступить правильно.

После двух недель вступления в должность он вызвал меня на чашку чая. Сели мы с ним в комнате отдыха, задней части его большущего кабинета. Там, за перегородкой с отдельным входом, размещались современная душевая кабина с туалетом, тренажерные кресла и велосипед, нагреватели чая, кофеварки, шкаф с приличным количеством чайных и кофейных сервизов и диван, на котором Ленсков нередко мог всхрапнуть после обеда. Естественно, куча правительственных телефонов, запараллеленных с его рабочим столом. Вставал он не позже пяти утра, а к семи уже приезжал на работу.

– Как? Трудно? – спросил он на полном серьезе.

– Да, – ответил я.

– Не паникуешь, не жалеешь, что перешел ко мне?

– Нет... Хотя не мешало бы провести разъяснительную работу с начсоставом: пришел новый человек, не финансист... Но это – не беда: за финансы и результаты проверок у вас есть, с кого спросить... А вот за организацию работы четырех инспекций, планирование, командировочную эпопею, когда в отъездах в месяц бывает до 30 человек и т.п., неплохо бы напоминать и начальникам инспекций, и их замам, и

всем остальным. И сказать, что спрашивать теперь с них будет этот новый человек...

– Ты все сейчас взял на себя ... Я это почувствовал. Ты уже разгрузил меня на добрую половину дел, особенно бумажных, особенно бездарно-отчетных. Это прекрасно. Но зачем идем дублируем? Зачем ты запрашиваешь отчеты по проверкам? Я же их веду, черкаю, заставляю дотягивать, наконец, подписываю, как вы, издатели, говорите, в печать. И ты туда же... Это раздражает начинспекций.

– А как я еще узнаю, как ведется отчет, какова процедура его прохождения? Ведь сейчас аппарат Комитета звонит уже не вам, а мне. Они с меня спрашивают сдачу материалов по графику... И это правильно. Раньше глупо было: начальники инспекций и так затраханые, а им звонит департамент подготовки коллегий и «срочно требует» представить материалы... А они, эти бумаги, еще у вас на столе, или у советников ваших, или в приемной запурхались девчата, а им некому дать по одному месту, подсказать, что главное, что – второстепенное... И забегали десятки людей с выпученными глазами. Систему надо отработать. Все должно соответствовать процедуре: инструкции по делопроизводству, другим основополагающим бумагам. А у нас – полный бардак, разброд и шатания. У вас времени нет, ваши приемная и секретариат еще не доросли до принятия решений такого уровня. В итоге, мы – худшие, срываем сроки, готовим материалы в спешке. В общем, несерьезно все это! Вот такие

мои соображения.

– Да, ты во многом прав... Жилка аппаратчика у тебя, пожалуй, даже лучше, чем у меня выработана. И то правильно: школа того, еще Большого Совмина СССР... Ты как с Премьером-то уживался?

– Вполне нормально...

– А меня он не долюблял... Считал занудой, бумажным червем. Но работал я хорошо, придрататься было не к чему, и он отправил меня на повышение, вдруг сделал министром финансов РСФСР, из замминистра финансов СССР отправил на республику. Это, в принципе, хорошо, столица, свое здание министерства, статус... В общем, я поначалу-то обиделся... А потом, так ему был благодарен.

Я слушал, молчал, но уже вполне понимал, что сегодня он объявит меня полноправным хозяином коллектива не только на время его отсутствия или, не дай Бог, болезни... Он даст 10 дней на то, чтобы мы вместе с начинспекций поработали процедуру и т.п., и т.д. Так и получилось: Григорий Иванович нажал кнопку на рабочем телефоне:

– Любовь Даниловна, настал ваш час... Зовите всех начальников инспекций и их замов ко мне... Сама приходите с бумагой для ведения протокола, чтобы потом я подписал Распоряжение на исполнение...

И без перехода, ко мне:

– Одна просьба: ты сегодня сиди и молчи. Я все скажу сам, хорошо? Только не обижайся, что буду торговать твои-

ми идеями... И, второе, Андрюш, не пыжься: зачем эти модные ботинки, галстуки, сорочки за тыщи рублей... Финансисты – народ страшно консервативный и скупой! Хрен они тебе купят рубашку за три тыщи, если рядом лежит такая же за тыщу...

– Я – журналист, у нас было так: или джинсовая рванина, или все от Дольче Габбана... Я ваше пожелание принимаю, наверное, за годы работы в Совмине я тоже уже стал "вицмундиром".

Мы допили чай, посидели еще минуту в комнате отдыха, и тут дверь приоткрылась, просунулась голова милой хохлушки:

– Хлопци у сборе... Григорий Ваныч, чаем будем их поить?

– Нет, сегодня серьезное совещание, не будем расслабляться.

Следом за Любовью Даниловной Григорий Иванович, а за ним и я, вышли из комнаты отдыха. В кабинете за большим столом собралось вместе с советниками около 15 человек. Все напоминало интересную восточную церемонию. Перед двухметровыми часами, стоящими прямо за креслом начальника, уселся аудитор. По стенке справа от него расселись четверо начальников инспекций: я понял, что здесь главенствует чисто возрастной принцип. Слева от Григория Ивановича – пустое кресло, потом восседали советники, Любовь Даниловна, трое малознакомых мне молодых людей,

видимо, заместители начальников инспекций. Все остальные (человек 8-10) сидели на стульях, близко расставленных у стола. Я стоял рядом с аудитором, не смея занять пустующее кресло.

– Друзья мои, поздравляю вас с окончанием бюрократических пыток и мук! Вот представляю вам Ермолова Андрея Юрьевича, который две недели назад был утвержден моим заместителем, руководителем нашего аппарата. Я специально выждал такую длинную паузу: думал, что не выдержит человек, сбежит от нас... Нет, выдержал, еще и принес свои идеи «как нам реорганизовать рабкрин» (помните такую знаменитую работу классика?). Прошу любить и жаловать. А вас, Андрей Юрьевич, прошу сесть по левую руку от меня.

Я плюхнулся в кресло, смотрел на молодые и старые лица, заметил, что совсем мало женщин-руководителей. Любовь подсунула мне новенький блокнот и шариковую ручку.

– Поехали! – Сказал Ленсков. – Прошу в течение 10 дней представить Ермолову графики прохождения материалов после окончания проверок. Отчеты он будет представлять мне лично, но только в установленные им сроки... Никакой суеты, беготни, хлопанья дверями... Все вопросы по взаимоотношению с аппаратом Комитета и региональными властями, где проходили проверки, – решает Андрей Юрьевич... Не вы, начальники инспекций, а Ермолов! Это – закон. Вы – аппарат, исполнители, он отвечает головой передо мной... А я – выше и перед Господом Богом!

И понеслось... С примерами, ярко, образно, с рассказами и пересказами разговоров с руководителями регионов и акционерных обществ, попавших под контрольные проверки, Григорий Иванович вел рассказ о том, как мы теперь будем работать. Все писали, блокноты разбухали от мыслей, которые излагал аудитор. Сидел, не открыв блокнота, один Федор Иванович.

– Что, мой лучший друг, Ушаков, дорогой Федор Иванович, ты все как всегда знаешь лучше всех? Избавляйся...

– Григорий Иванович, палец сбил, видите ноготь мертвый, не могу ручкой писать... А вот ноутбуки вы нам не покупаете, между прочим...

– Кстати, это не ко мне! Это теперь к Андрею Юрьевичу... Ха-ха-ха-хёёх, – засмеялся Григорий Иванович. – Как хорошо, есть теперь на кого свалить! Подождите, у меня... Созрею, через полгода – расконсервирую должность и директора департамента нашего направления. Вот тогда заживу: кум – королю, сват – министру...

Были прения, выступили все начинспекций, радовались, что, наконец-то, закончится бардак с этим чертовым аппаратом Комитета. Как саранча ведут себя, наглые, только даты и сроки в глазах, только премиальными научились пугать... Вот пусть теперь Андрей Юрьевич и расхлебывает с ними эту кашу, ставит их на место...

Аудитор посмотрел на меня, заулыбался, дал понять, чтобы я и здесь промолчал, не выступал. Одна из замначинспек-

ции, красивая худенькая и элегантная женщина средних лет, сказала, что у нее молодые сотрудники-инспектора составили «простыню», где на 23 позиции расписали все их дела на целый квартал...

– Поимённо! – Подчеркнула она, сделав ударение на букве «ё». – Приходите к нам в инспекцию, Андрей Юрьевич, мы вам все покажем... Только быстрее, с понедельника я улетаю на три недели вместе с пятью сотрудниками.

– Вот, видишь, уже персонально красивые женщины приглашают, – сказал Ленсков. – А мне ни слова не сказала, как я ее не пытал. Так, Анжела Михайловна?

– Вам бесполезно голову забивать...

– Ну, и на том спасибо, – подытожил аудитор. – А теперь серьезно... Пишите, Любовь Даниловна. Это будет оформлено Распоряжением, с контрольными сроками исполнения. Первое: оборудовать кабинет Ермолова А.Ю. в комнате номер... Это будет рядом с вами со всеми. Не дело держать его на выселках. Передать ему двух моих советников, приемную с секретариатом и выделить двух сотрудников из инспекции анализа и прогнозирования (на уровне ведущих инспекторов). Но вы должны помнить, что это – минимальный аппарат лично Ермолова, его глаза, руки и уши. А так он дает поручение любой инспекции... И на исполнение! О другом я уже не говорю...

Глянул я на начинспекции анализа и прогнозирования, молчит тот, вида не подает, что-то рисует в блокноте.

– А знаешь, Константин, почему отбираю у тебя две ставки? – спросил аудитор.

– Да, знаю, – сказал Константин Петрович Михеев, начальник инспекции. – Вы попробуйте найдите хорошего аналитика на наши государственные зарплаты... Сейчас в банке аналитик получает в пять раз больше, чем у нас.

– Хорошо, пусть Ермолов поищет среди молодых!

– А что, я уже старый? – С вызовом спросил Михеев.

– Нет, засидевшийся, тряхнуть тебя надо. Съездить тебе в командировку надо, вина попить, с женщинами пофлиртовать... Все-все, шучу, не обижайся.

Любовь Даниловна еще раньше успела шепнуть мне, что у Михеева больная жена, она не выходит из дома уже несколько лет.

– Второе, – аудитор хорошо подготовился к этому совещанию. Вот только почему-то даже не сказал мне, что собирает людей. – Не будем делать панацеей от всех бед бумаготворчество. Но инструкции, делопроизводство – надо знать. Организовать учебу, принять зачеты, завести дневники на каждого сотрудника. Это – на исполнение начинспекций с докладом Ермолову. Будут закавыки, он мне доложит. Так? Это серьезное дело, оно у председателя стоит на контроле. Два дня назад он такой раздолбон устроил, в том числе и мне, мало не покажется.

Было третье, седьмое, десятое, – все заговорили, у многих накопело. Командировки сотрудников сопровождаются

плохо, бюрократы аппарата Комитета замучили: по целому дню тратит человек, чтобы оформить элементарную командировку. С летним отдыхом – в дома отдыха не прорваться. Надо свой пансионат откупать и содержать на наши возвращенные государству деньги. Но больше всех шумел Федор Иванович: он хорошо помнил систему социальной защиты сотрудников в Совмине и поэтому постоянно спрашивал, почему там можно было организовать, а у нас – нет.

Я выходил из кабинета предпоследним. Оставалась только Любовь Даниловна со своими вопросами по оформлению протокола и подготовки Распоряжения. Ленсков увидел меня уже у дверей, почти крикнул:

– Ну, как? Вот такой у меня народ. С ним можно горы свернуть... Я освобожусь, позову тебя еще на пару слов, побудь на месте...

– А куда народ переселим из объявленного для меня кабинета? – Успел спросить я.

– Часть – в твой, туда четыре стола запросто войдут. А одного- найдем куда, не волнуйся... Все остальное – там пусто, вселяйся, делай себе приемную, рассаживай ребят и за работу.

Я закрыл дверь, вышел в приемную.

– Андрей Юрьевич, есть горячий чай, – сказала Ириша, – жду вас – не дождусь...

– А кофе?

– Опа, а мне сказали, что вы любите только чай... Конеч-

но, садитесь в кресло, отдохните, через секунду будет крепчайший кофе.

Я буквально плюхнулся в глубокое необъятное кресло для гостей приемной, и чуть не задремал, ожидая эти минуты, пока мне варили кофе. «С началом тебя, с крещением!», – успел я все-таки подумать о главном, о том, что произошло на моих глазах.

Глава – 17.

С Юлией мы не виделись больше двух недель. Я буквально наткнулся на нее, опоздав на какое-то совещание, которое проводил руководитель аппарата Комитета, маленький, плотный человечек с такой бурной биографией в недавнем прошлом, что, не дай тебе Господь, попасться ему в зубы несколько лет назад. Он уверял всех, что это он писал новую Конституцию демократической России, что был советником первого президента и готовил развал «империи зла» в Беловежской Пуще.

Бог ему судья: я знал демократа первой волны, который спал с деревянными транспарантами в обнимку и ходил на все митинги и демонстрации. И все для того, чтобы видеть секретаря одного Уральского обкома КПСС – глубоко больного человека – первым президентом свободной (от кого?) страны. Прошло немного времени после 91-го года, и мой знакомый с транспарантами готов был собственными рука-

ми передуть всю новую власть: его закрытое КБ передали под совместное предприятие консультантам из Штатов, зарплату он не получал годами, и чтобы не умерла с голоду его большая еврейская семья, он конструировал «умные замки» и продавал их на рынке. Доктор технических наук, начальник лаборатории, милейший человек и талантливый конструктор суперсистем, мы ездим с ним на рыбалку, до сих пор любит говорить:

– Кто бы знал истинную цену вопроса?

Так почему не может быть суперсоветником первого президента никому неизвестный юрист университета, наш нынешний руководитель аппарата?

Видимо, Юля тоже опоздала на совещание, сидела в конце небольшого зала, на последнем ряду, держа рядом, будто для меня, свободное место. Я положил ее руку на свое колено, стал нежно гладить, прикрывшись от назойливых глаз соседей тетрадкой для записей.

– Поздравляю... Приказ читал, даже копию снял, на память. А кто стал начальником пресс-службы, не знаю, – зашептал я одними губами, повернув к ней голову.

– Это ставленник Вадима Ивановича, хозяин крупнейшего ИТ-агентства по рекламе... Все, дорогой мой, уходим в интернет, в новые технологии пиара и рекламы...

– Ну и молодцы, что можно сказать... Ты будешь одна заместителем или второй предусмотрен?

– Пока – одна, но ставка второго заложена... В общем, все,

как у тебя в положении, структуре и штатном расписании... Только с акцентом на ИТ, на интернет.

– Какая ты умница, проломила все одна, осталась без Келина и Тужлова...

– И даже без тебя... Видела, как ты садился в служебную машину... Хорошо, смиренно. Только вот в старом костюме?

– Ленсков сказал, чтобы я не выпендривался, вел себя скромнее, а то народ не поймет, примет меня за «голубого», – я беззвучно рассмеялся.

Юля тоже прыснула:

– Ну и нравы у вас!?! Бедный мой, даже здесь нет свободы... Но, все равно, ты посвежел, помолодел, весь – порыв... Я думала, что ты сметешь меня с этого сиденья, так бросился ко мне.

– Я, правда, соскучился, что тут скрывать... Заходи ко мне, посмотришь новый кабинет. Ленсков распорядился переоборудовать две смежных комнаты, забросил ко мне советников, свободных дежурных по приемной, в общем, весь секретариат...

– Да знаю я все о тебе: работает у вас моя подруга... На Анжелу – не западай, это креатура высшего руководства. Увидишь высокую стройную красавицу-блондинку в инспекции Михеева – это племянница жены аудитора, будь бдителен, ибо она без мужа, но с ребенком. Остальные, по обстоятельствам...

– Спасибо, мой ангел-хранитель... Когда мы увидимся?

– Жди, скажу... Пока столько работы, что не продохнуть... Этот придурок из агентства ничего в нашем деле не понимает... Набрал таких же придурков из своих... Только курят и жрут без конца: то кофе, то пирожки, то буфет, то столовая. Гоняю их целыми днями.

– А где наш-то отдел?

– В стадии переоформления... Учла твою просьбу, Нинель Иосифовну сделала начальником отдела... Келин будет уходить в секретариат председателя, про Тужлова – пока не знаю, якобы пишет книгу Вадиму Ивановичу.

– Молодчина, спасибо, Нинель не подведет

– Да, уж, если будет сдавать, то со всеми потрохами. Хотя о тебе – только хорошее... Как ты умеешь женщин бальзамовского возраста умасливать? Ведь знают, что от тебя, как от козла, они ничего не получают, но любят тебя, надеются на что-то...

– Любая женщина остается женщиной. А ласковое слово...

– Молодые люди, как ваша беседа проходит? Не хотите поделиться с нами?

Мы сразу поняли, что это обращаются к нам. Но вида не подали, головами не крутили, как сидели, облокотившись на кресла, так и продолжали сидеть. Оратор несколько растерялся, что-то хотел сказать, но промолчал. Напряжение в зале не проходило, и тут мы увидели, что один из заместителей

руководителя, припадая, как инвалид, на оба колена, пошел по проходу в нашу сторону. Он не стал вступать с нами в разговор, сел с краю на последнее в ряду свободное место и уставился на своего начальника.

Тот продолжил рассказ о прошедшем совещании в Минюсте. Так это было для нас важно и интересно, что там юристы хотят сделать с поправками в какое-то законодательство. Да им Госдума башку оторвет еще на стадии обсуждения этих предложений. Только она, Госдума, и никто больше, должна разрабатывать, вносить и утверждать какие-то кардинальные поправки в любое важное для страны законодательство. Вот это я знал точно, поэтому сидел на своем месте, рядом с красивой, но уже не моей женщиной, и вдыхал запах ее духов.

После совещания Юлия сказала: «Пока, пока» и, не глядя на меня, направилась к выходу. Зам, пришедший к нам на полусогнутых ногах, хотел прицепиться к ней, но, видимо, не посмел, повернулся в мою сторону и сказал:

– Серьезное совещание требует серьезного и ответственного отношения...

– Вы абсолютно правы, – сказал я на полном серьезе, – я вот пол альбома исписал. Столько мыслей почерпнул...

– Издеваетесь? Ну-ну... Вы из какого подразделения?

– Я-то, от аудитора Ленского...

– Новичок, значит. Хотел бы вам сказать...

– Все, что нужно, мне говорит Григорий Иванович. Вот он мне говорил, что не надо идти на это совещание, а я, по

собственной инициативе, пошел... Теперь он меня накажет. Желая всего доброго...

И я пошел к дверям, пробираясь через узкий проход между рядами. Вижу, что на выходе непременно столкнусь с этим маленьким человечком, который вел совещание. Так и получилось.

– Вы с кем так мило беседовали? – Спросил он меня.

– Вы о моей соседке? Не знаю. Я мало, кого еще знаю...

– А я-то думал, что вы меня познакомите с ней... Хороша, ничего не скажешь. Как Григорий Иванович поживает?

– Слава Богу, пока все хорошо...

– А теперь вы на наши совещания, я так понимаю, будете приходиться?

– Всегда, видимо, не получится, но есть четыре начальника инспекций, замы, секретариат, советники, кому придти, Григорий Иванович решит...

– Ну да, ну да... Желая здравствовать на новом месте! – Сказал резко, даже раздраженно.

Вышел из зала, направился к себе, но не успел сделать пять-шесть шагов, как меня за руку взяла Любовь Даниловна:

– Григорий Ваныч звонил, сказал, чтобы вы больше не ходили на эти гаменные совещания... Нечего их баловать, выполнять им план мероприятий. Он сейчас на ученом совете в университете, освободится к 12 часам дня, просил позвонить... Да, еще просил прочитать сообщение про Комитет в

агентствах.

«Так, что-то цапануло, старика, – думал я, направляясь в свой кабинет. – Хорошо, что интернет не выключил, а то бы сейчас просидел в ожидании связи». По дороге заглянул в приемную, увидел Ирину, поздоровался, на ее молчаливый вопрос сказал, что Любовь видел, звонок сделаю, а вот кофе – хотел бы попросить сделать.

– Конечно, Андрей Юрьевич. Но вы помните, теперь у вас в собственной приемной несколько человек. Хорошо варит кофе Любовь Даниловна, Люда Спирина, Нина – советники Григория Ивановича, а теперь и ваши советники.

– Но вы, Ира, варите замечательный кофе...

– Придется нести его к вам по коридору, остынет...

Вбежал к себе: сначала шла большая комната с шестью рабочими столами. За пятью из них уже работали люди. Потом шла перегородка и за ней – дверь во второй кабинет. Чтобы усилить звукоизоляцию, дверь была обита темно-коричневым дерматином. Кабинет был ровно наполовину меньше первой комнаты, но какая мебель стояла в нем! Особенно меня впечатлил кожаный диван с приставным столиком и двумя креслами к нему. Это – гостевой отсек. Рабочий стол широкий, из дубового шпона, теплый на ощупь. Кресло, тумбы и прочая канцелярщина были, как везде, стандартные. Правительственная связь работала с самого начала, без длительной замены номера на нового хозяина. Это хорошо и удобно.

Интернет мне выдал несколько информации о том, что на ближайшем заседании коллегии Комитета будут рассмотрены итоги проверки группы компаний Евроазиатхолдинг по соблюдению налогового законодательства. Приводятся слова Ленскова, что следует ожидать больших неприятностей по налоговым отчислениям группы. Суммы приведены – громадные: только за период прошлого года десятки миллионов долларов были сокрыты от налоговых органов. А проверке подверглись все фирмы группы за последние 3-4 года.

«Так, видимо, Ленскова достали журналисты перед заседанием ученого совета, – размышлял я, – и он, душа – тряпичкин, похвастался, что и мы чего-то значим, вот, ждите сенсации... В этом, конечно, нет ничего страшного, тем более, материалы уже все сданы на коллегию, включая проект решения... Так, кстати, а что там, в решении?»

Я позвонил замначинспекции, ведущему эту проверку:

– Саша, прочитай мне проект решения по холдингу, пожалуйста.

– В какой части?

– Предлагаете передать документы в МВД или прокуратуру?

– Да, именно, вносим предложение: направить материалы проверки в Генеральную прокуратуру РФ...

– Пока держится это предложение, не дают?

– Пока тихо...

– Ну, теперь, держись! Прочитай интернет – новости, вы-

сказывание Ленского, и, если что, всех отправляй ко мне, всех: представителей фирм, холдинга, журналистов, наших комитетских начальников и т.п. Понял меня, Саша? Никаких комментариев, никаких пыков-мыков... Есть начальство, все вопросы к нему.

– Понял! Спасибо, Андрей Юрьевич, а то я с этой братвой не очень-то себя чувствую...

– Ничего, Саша, прорвемся! Только не влезай ни в какие комментарии.

Позвонил Ленскому ровно в 12 часов дня. Тот сразу в карьер:

– Никаких комментариев по поводу Евразияхолдинга! Коллегии еще не было, а утечка информации уже пошла...

– Так, это не вы сказали журналистам?

– В том-то и дело! Они меня стали терзать, будто прочитали, как минимум, постановляющую часть документа. Знают все цифры недоимок, говорят, что это мое личное мнение, что коллегия еще не факт, что поддержит такое решение...

– Кто особенно усердствовал?

– По-моему, агентство «Интерфакс», Аля, забыл фамилию...

– Шерстобитова?

– Точно! Так неприлично себя вела...

– Все беру на себя, Григорий Иванович, больше ни с кем не соединяйтесь... Вы свой мобильный раздавали налево и направо, это хорошо, конечно, самый открытый аудитор и

прочее. Но это и плохо: вам же не дают работать... Тем более, я носом чувствую, что идет чернуха, заказ на то, чтобы отмыть Евразияхолдинг.

– Так что мне-то делать, Андрюш?

– Отдайте этот самый ходовой мобильник водителю... А он пусть переадресовывает всех на меня или на приемную. Я буду рядом.

Звонков было не так уж и много. Бум новостной ленты прошел, звонили уже из газет – «Ведомости», «Коммерсант», журнал «Деньги» (поскольку он еженедельный) и другие издания. Я всем говорил, что завтра (только завтра) заседание коллегии, будет рассмотрен вопрос о Евразияхолдинге, выдадим пресс-релизы, а Ленсков будет комментировать решение коллегии. Обстановка утихла сама по себе, я позвонил Юле, рассказал по сути вопроса. Она была чем-то занята, слушала меня в пол уха, спросила в конце разговора:

– Что от меня-то надо?

– Слив ты не уловила: из нашего аппарата идет утечка информации. Коллегия только завтра, а журналисты целенаправленно возбудились уже сегодня, заметь, до 12 часов дня. А второе, вот это и есть твоя работа: разруливать, гасить пожарные ситуации...

– Ну, ты и бюрократ...

– Нет, Люлёк, представь, что я бы был с ним на заседании ученого совета, нас нет. А десятки звонков журналистов, кем-то организованных, есть. Где выход? В пресс-службе....

Далее, по тексту, в зависимости от твоих организаторских способностей...

– Нет, ты, конечно, прав, – напирала Юля, – спасибо, что включился, разрулил, прикрыл нас (я уже не могу спокойно смотреть на этих новых придурков). Господи, хоть бы скорее переоформили Нинель и всех остальных наших ребят...

– Я, если ты не возражаешь, сам подготовлю пресс-релиз по Евроазияхолдингу, согласую его с Ленсковым и перебросаю вам на рассылку. Только прошу: никакой отсебятины, никаких комментариев! Там такое начнется, что мало не покажется. Всех отсылай к нам, ко мне. Хорошо?

– Да, милый, ты, как всегда, прав. Но я ничего не поняла...

– Расскажу потом, когда закончится эпопея с холдингом...

Мы временно расстались, потому что я чувствовал, что, в итоге, на коллегии достанется и пресс-службе, и нашему аудиту, а это, значит, и мне. А уже через час раздался звонок: не через приемную, не по мобильному – по правительственной связи. Я еще подумал, что Ленсков уже приехал, напрямую решил переговорить со мной.

– Это вас Евроазияхолдинг побеспокоил..., – нервный женский голос в трубке.

– Здравствуйте, – я представился, как положено: все-таки женщина на проводе.

– Не можем господина Ленскова разыскать! Все отправляют к вам...

– Давайте попробуем спокойно во всем разобраться, – сказал я. – Григорий Иванович на ученом совете, освободится не ранее 14 часов. Мобильные они, по договоренности, отключают. Говорите, что бы вы хотели, я первым передам ему вашу информацию...

– Я (Масина-Насина, не расслышал точно фамилию) – вице – президент холдинга по внешним и корпоративным связям... Мы с первым вице-президентом компании хотели бы встретиться с господином Ленсковым. Прямо в ближайший час – полтора. Наш президент разговаривал с Вадимом Ивановичем и тот сказал, что проблем со встречей с Ленсковым не будет...

– Ну, раз вам так сказали, тогда, конечно, не будет. Как только он вернется из финансовой академии при Правительстве РФ, ему тут же доложат, он примет решение и с вами свяжутся. Скажите, как вам позвонить по правительственной связи?

– Это... не то, то есть это то, но это из кабинета моего папы... Запишите лучше мой мобильный телефон...

...Короче, проломилась эта парочка к Григорию Ивановичу. Я не пошел на их разговор, сел за подготовку пресс-релиза. Закончил его ровно за минуту до окончания встречи, спросил в приемной:

– Шуму много?

– Нет, – сказала Ирина, – но ни кофе, ни чаем Григорий Иванович их не угощал...

– Да, это-симптом!

Дверь в кабинет Ленскова открылась, первой вышла худая рыжеватая женщина в очках из платиновой оправы. Одета была в строгий черный костюм, белую блузку и мужской галстук. Под блузкой – ноль грудей. Нет, я понимаю: когда девочке 18 лет и под блузкой у нее ноль грудей – это, по признанию большинства мужчин, сильно возбуждает. Но когда женщине под 40 и у нее такая впалая грудь, то, думаю, это сильно огорчает. Она узнала меня, сложив из старых встреч и обрывков наших разговоров, представление обо мне. Протянула визитку, ждет ответную бумажку от меня. Я говорю:

– Еще не успел... Вот, можно старую пока использую? – И передаю ей фантастически дорогую, сделанную в Швейцарии, визитку: «Вице-президент ВБРР», вписываю туда свой новый номер телефона. Она отпадает:

– Вы были вице-президентом ВБРР?

– Да, так уж получилось, а до этого – вице-президентом холдинга «FF» и т.д. Времена были тяжелые, не без работы же сидеть?

– Тогда вы, – она посмотрела на визитку, – Андрей Юрьевич, поймете нас, внесете свою лепту в реабилитацию нашего холдинга... Мы ведь только на благо Родины стремимся работать...

– Да, да, – сказал я, увидев, как из кабинета аудитора выплывает какой—то шкет лет 30 от роду. Талант? Дай-то, Бог. Но, скорее всего, чей-то сын, зять, брат... Моя собеседница

посмотрела на него: он едва заметно покачал головой из стороны в сторону. «Так, – подумал я, – сломать им Ленского не удалось... Но ведь есть же еще ее папа с правительственной связью? А сам Вадим Иванович, на что?»

– Андрей Юрьевич, – раздалось из кабинета аудитора, – зайдите ко мне! Я зашел в кабинет, оторопел: Григорий Иванович метался от окна к стене и обратно, как разъяренный лев. Правда, старый, с полным ртом белых и красивых имплантатов. – Помните, после совещания я просил вас далеко не уходить от меня? Я хотел сказать тогда, что вам всегда надо присутствовать при моих подобных встречах и беседах... Вы знаете, что они мне предложили? Вот только что? Как только эта сучка ушла... Миллион долларов... Сопляки! Говнюки! Ты знаешь, что она – родня бывшего министра... Еще и через него пыталась...

Я молча положил на стол пресс-релиз, большой, на полторы страницы текста, правда, через полтора интервала. Там было все, спокойно, обстоятельно: как, где, сколько уводили финансов, и что им грозит при разборе дела Генеральной прокуратурой. Ленсков смотрел на меня, долго думал о чем-то, потом сказал:

– Господи, и все! И никаких нервов... Ай да, молодец, ай да, информационщик! Придерись, теперь? Все поставлено на свои места. Ты меня просто спас. Не просто прикрываешь, а спасаешь!

– Мы с Сашей, замначинспекции, взяли документы, под-

готовленные на коллегию, и сделали пресс-релиз. И все! Кому-то не нравится, например, Вадиму Ивановичу, делайте сами. Но только – под свою личную ответственность! Вот так теперь будет... – сказал я совершенно спокойным голосом.

– Ира, – заорал по телефонной связи Ленсков, – сделайте нам, пожалуйста, два кофе! – И уже мне:

– Пошли в комнату отдыха, там поспокойнее...

– Те же микрофоны, так же слушают и пишут...

– Да, пошли они все... Смотри, что получается? Они увели у государства по серым схемам несколько сот миллионов долларов... Это не грабеж среди бела дня. Это воровство интеллектуальное... Надо придумать эти схемы, воплотить их в жизнь, но конечная сумма стоит того. Холдинг – на подъеме, дает прибыль, его знает СНГ, заграница. Владелец его – друг-товарищ и брат, сам понимаешь, кого... Но нам-то от этого не легче! Как я буду смотреть в глаза тому же Сашке, другим членам бригады, а там были подключены и местные комитеты государственного контроля? Вот что стыд и позор-то вызывает... Ей Богу, хоть в отставку иди...

Я молчал, думал: «Проверяет на мне реакцию на свое поражение? Вряд ли? Кто я для него? Пешка, молодой сотрудник, который никогда не докопается и до пяти процентов всех тайн его аудиторской жизни. Значит, что? Засобирался уходить? Предупреждает меня, что все, мол, может случиться. Я и сам знаю, что все может случиться. И от меня люди уходили в никуда, кстати, как и я сам...». Дверь приоткры-

лась, прошло какое-то время, и только потом вошла Ирина. Расставила чашки с кофе, печенье, откуда-то появилось два кусочка торта. Я кивнул на торт.

– У Нели Наумовой день рождения, просила вам передать...

– Надо график завести, – сказал я, – будем с утра, если вы на месте, поздравлять сотрудников с днем рождения. Если вас не будет, подхватчу эстафету я. Можно?

– Нужно, мы что-то делали, но спонтанно, нерегулярно, куда-то меня водили в инспекции...

– Нет ничего проще: в 9-00 в вашем кабинете собирается та или иная инспекция, 2 минуты на поздравление и вручение общего подарка и все, все свободны, – выпалила завприемной.

Ирина сует мне в руки листочек бумаги. Я начинаю читать, Ленсков говорит ей, что ему надо бы посмотреть отпечатанную главу нового учебника по налоговому законодательству к пятнице. Реально? Та кивает головой. А у меня начинают холодеть руки: читаю информационное сообщение агентства и сначала ничего не понимаю. Текст рваный, невразумительный, но суть вот в чем: только что состоялась встреча первого вице-президента Евроазиатхолдинга Семена Свирского с аудитором Госконтроля Григорием Ленсковым, на которой обсуждались материалы проверки, проведенной в ряде компаний холдинга. Примечательно, что настрой встречи был весьма дружелюбным и конструктивным,

несмотря на ряд выявленных недостатков в работе холдинга. Учитывая, что все это носит предварительный характер, у Евразхолдинга еще есть достаточно времени, чтобы устранить все недочеты в налоговых проблемах. В информации было две «закавыченные ссылки» на текст пресс-релиза, подготовленного пресс-службой Комитета. Все! Приехали!

Кладу листок перед Ленковым. Он молча прочитывает, похоже, все понимает: руководство Комитета поставило его на место как мальчишку. Благодарит Ирину за кофе, берет кусок торта и начинает его есть. Крем просачивается через пальцы, падает кусочками на тарелку. Ирина бежит в приемную, через секунду приносит кучу салфеток. Ленков не обращает на нее внимания. Ирина уходит. Я тоже поднимаюсь, пытаюсь незаметно выйти из комнаты отдыха.

– Посиди, – говорит он. Пауза, настолько длинная, что я начинаю волноваться: надо, наверное, что-то сказать, как-то откомментировать это ЧП? – Представляешь, сколько они дали руководству, если мне обещали миллион долларов? Давай вот что сделаем: собери мне всю информацию по агентствам, рассортируй по времени поступления, приложи наши предложения для Генеральной прокуратуры, и я пойду к шефу на встречу...

– Я сделаю в двух экземплярах, можно? И позвоню Таисии Никитской в газету «Коммерсант». Она меня хорошо знает, верит, как себе... Подписание номера – в 21 час. Поэтому все переговоры надо закончить, максимум, до 21 часа. Кстати,

можете Вадиму Ивановичу сказать, что газета заинтересовалась: как это можно умудриться, чтобы накануне заседания коллегии провести встречу с руководством засветившегося холдинга? И что Таисия будет ждать комментария до 21 часа. А лучше, ничего об этом ему не надо говорить. Это будет наш запасной козырной туз! Вы будете готовы дать комментарий по телефону?

– Конечно, если меня не...

– Но я же здесь остаюсь, все знаю.

– Хорошо, принеси мне материалы через полчаса, успеешь?

– Да без проблем! Хочу еще позвонить замруководителя пресс-службы, узнать, как и кто готовил текст пресс-релиза... Тем более, мы с ней договорились, что я завизирую наш текст у вас и переброшу ей для опубликования в день проведения коллегии Комитета.

Я выходил из помещения, а Ленсков разговаривал с приемной председателя:

– ...И что, его сегодня уже не будет? А телефон он взял с собой? У помощника? Хорошо, спасибо...

Концовки разговора я уже не слышал.

Глава – 18.

И снова умытый весенними грозами в парке зашумел листвой мой любимец белый тополь. Прошел почти год на-

шей совместной работы с Григорием Ивановичем. Евразияхолдинг мы все-таки «уели», скандал был не в их пользу. Правда, пока до суда дело не дошло. Но это уже епархия нашего юридического департамента и самой Генпрокуратуры. Всю бумажно-административную, а потом и представительскую функции я потихоньку перевел на себя. Григорий Иванович ходил только в Парламент, на ученые советы, на коллегиию и совещания у председателя. О других местах, где проводились совещания, я рассказывал ему по мере необходимости.

Он успокоился, немного даже располнел, все внимание сосредоточил на подготовке бумаг по итогам проверок с внесением их точно по графику на рассмотрение коллегии Комитета и на написание нового учебника для вузов по налогообложению в РФ. За всеми графиками и прохождением документов по планам работы неусыпно следил я вместе с советниками и помощниками. Нас уже не раз хвалили комитетский департамент документооборота, ставил в пример другим.

К лету мы стали втягиваться в огромную проверку таможенных органов, в частности, на авиатранспорте. Народу было задействовано немало, если учесть, что к нам подключились сотрудники нескольких силовых структур. Планово вышли на проверку одной крупной авиакомпании, работающей по схеме авиализинга. Начальник инспекции, четвертый по счету, сторонившийся меня и избегающий контактов, кури-

ровал проверку грамотно, но был молодым и назначенным на должность сравнительно недавно. Он вдруг пришел ко мне с разговором. Я тут же понял, что он уже был у Ленскова и тот, видимо, отправил его ко мне. Ему было трудно скрыть некоторое раздражение:

– Понимаете, там десятки, может быть, даже сотни миллионов долларов осели на их счетах...

– Я понимаю, – спокойно сказал я. – Федор Федорович, не злитесь. Ну, подумаешь, велика обида, что аудитор отправил вас ко мне... Мы с вами должны понять сейчас одно: надо продлевать сроки работы над проверкой или нет. Вы уверены, что справитесь к утвержденному коллегией сроку, вовремя внесете документы?

– Да, вы правы, об этом я как-то и не подумал...

– Вот и хорошо, теперь подумаем вместе. А пока расскажите коротенько, чтобы не отнимать у вас драгоценное время, что вы там накопили?

Федор уже совершенно спокойно и даже с некоторым азартом стал рассказывать об этой авиакомпании. Оказалось, что создана она была для сына одного из министров, работавшего еще в большом союзе. Сделала это мама владельца нынешней компании, которая, как рассказывают, сделала, в свое время, и своего мужа министром. Я ее хорошо знал, здоровались, правда, без личных встреч и контактов. Так, хорошие знакомые, тем более, что она занимала пост руководителя одной небольшой федеральной структуры.

Деньги оседали на счетах компании несколько лет из-за неразберихи в законодательстве, потом становились живым неучтенным товаром. С одной стороны, ей были разрешены льготы по ввозу иностранной техники. С другой, – все это проходило по каким-то другим каналам, фирмам и фирмочкам в оффшорных зонах. В общем, государство, в итоге, недополучило несколько сот миллионов долларов от неуплаты таможенных пошлин. Так уверяли аудитора наши инспектора и их начальник Федор Охоткин.

– Как реагирует Ленсков? – Спросил я.

– Напрягся, думает пока. Потом вот к вам направил... Теперь я понял для чего. Подготовлю записку с обоснованием продления сроков проверки и принесу вам, Андрей Юрьевич... И, пожалуйста, не обижайтесь на меня за горячность... Может, как-нибудь съездим вечером настоящего немецкого пивка попьем в «Келье» на Сивцевом Вражке? Я приглашаю и угощаю. За знакомство...

– С удовольствием, мне очень нравятся их сосиски и сардельки с капустой...

«Так было и будет, – рассуждал я после ухода Охоткина. – Свою независимость никто не хочет терять. Но, радуйся, Федор был последним из всех начальников инспекций и их заместителей, который до последнего старался игнорировать тебя». На душе стало спокойно, и я в хорошем настроении набрал внутренний телефон зама руководителя пресс-службы Юлии Владимировны.

– Здрасти! Андрей Юрьевич, если вы будете так «часто» звонить, то я совсем скоро забуду ваш родной голос...

– Вы, как большущий начальник, работаете с определителем на телефоне. А я вот все боюсь помешать, оторвать вас от важных дел... Но зато я вас вижу через день по ЦТ. Нет, честно скажу, молодцы, пробивная сила у вас есть, и сюжеты идут не мусорные...

– Рада слышать голос и оценку профессионала. Когда на чашку кофе зайдете? Или теперь у вас в приемной другие варят кофе... И интересы другие?

– Интересы не меняем, но они остаются не востребова-
нными...

– Вот такая жизнь проклятушая у меня, и кипучая, хариз-
матическая жизнь у самого большого начальства.

– Приучайте его к тому, что могут быть и подмены, не только же вам ездить с ним везде. Интернетчика своего на-
прягайте...

– Я тебя умоляю! Пробовала. Безднадежно! Как говорят, хочешь дело завалить...

– Ну, слава Богу, мы перешли на «ты»... Мне надо по-
советоваться по одному очень важному делу. Я согласую с
Ленсковым и прибегу на пару минут. Выработаем позиции
по одной авиакомпании...

– Я уже слышала. Начинается накат... Знаешь что, пока
не лезь никуда, будь осторожен. Это о-че-нь серьезное дело!
Это все, что я могу сказать...

– И на том спасибо, – первой трубку положила она, не попросившись. «К чему бы это? – Подумал я. – Может, начальник вошел или еще кто-то. В общем, мне эта история начинает не нравиться с самого начала. Надо поговорить с инспекторами, узнать, как у них настрой и самочувствие. Потом уже – к Григорию Ивановичу, нашему дорогому отцу-хранителю, наведаться...».

Невиданное дело: он зашел ко мне в кабинет сам. Похвалил обстановку, «есть вкус», сказал, и сразу, как всегда, к делу:

– Ты извини, я перехватил инициативу по авиаторам, сам вынужден заниматься с Охоткиным... Ты пока подготовь все бумаги на продление работы по проверке: от двух месяцев до неопределенного времени, несколько вариантов. Понимаешь?

Показал на потолок, стены.

– Да чисто, мелок для них я...

– На меня идет такой прессинг! Евразияхолдинг – это семечки, детсад. Уже дошло до того, что нечаянно упавшим на голову кирпичом пугают. И это говорит мне депутат Парламента... Наш председатель пока занимает нейтральную позицию, но я чувствую, что это только пока.

– А что хотят-то?

– От снятия с проверки компании, но она уже проверена, и материалы на второй стадии доработки. До перенесения этого вопроса на неопределенное время в связи с выяснени-

ем всех расхождений в законодательстве.

– Насколько я понимаю, они и так могут опротестовать наше решение в любом суде вплоть до Конституционного...

– В том-то и дело, что правы мы! Деньги уже ушли, их нет! Сейчас они готовы бросить десятки миллионов долларов, чтобы обрубить концы, замылить, забыть это дело. Это страшная сила – деньги, они всех перемелют на своем пути... А главное, я не вижу поддержки со стороны председателя...

– А он знает об угрозах в ваш адрес?

– Естественно, я ему с глазу на глаз об этом доложил. Он просил не спешить, работать пока с бумагами на коллегию. И готовиться как-то незаметно перейти на перенос вопроса с рассмотрением на коллегии в июне – июле месяце... Пока временно, а потом будет видно.

– Считаю, что это разумно, к нему надо прислушаться...

– Господи, и ты туда же! Ты понимаешь, сколько денег уведено у государства, у трудящихся?!

– Григорий Иванович, если вы останетесь один, вас сломают. Это страшная машина, заряженная колоссальными деньгами. Они ни перед чем не остановятся... Я это проходил у Пал Палыча Бороды...

– Да, я знаю, но я им хрен сдамся. Я не допущу повторения середины 90-х годов, когда меня можно было вот так за просто посадить в тюрьму...

– Можно это сделать и сейчас, не дай Бог, конечно...

Он не хотел меня слушать, куда-то ездил, с кем-то советовался. Потом он принес мне рукописный вариант обращения к Генеральному прокурору РФ. Это произошло на вторую неделю после нашего с ним разговора.

– Я прошу тебя отпечатать. Доверять я никому не могу... Все отслеживается, все пишется... Постарайся сегодня сделать. Это будет моей подстраховкой. Я теперь не такой вахлак, как в тот, первый раз...

– Письмо – это гарант надежности, пусть по экземпляру, мне кажется, держат и ваши родственники, и адвокатура...

Пять страничек убористого текста я печатал около полутора часов, делал кое-какие поправки, согласовывал с ним, забегая к нему в кабинет, потом все стер из памяти. Естественно, своего компьютера, не больше... До сих пор не знаю, когда он передал этот документ первому заместителю генерального прокурора. Точно помню лишь, как буквально на следующий день к нему в приемную пришли три следователя из прокуратуры. Их привел руководитель секретариата председателя, большой, по чиновным меркам, начальник, а, самое главное, доверенный человек Клемашина. Это был не обыск, это была процедура выемки документов у независимого аудитора, которого назначал Парламент страны.

Обыски были в тот же день в кабинетах Охоткина, которого арестовали сразу после предъявления ордера. Следом за ним также арестовали пока только двоих его сотрудников. Их столы и шкафы опечатали, но бумаги не трогали. Здесь

уже сопровождающим со следователями был вынужден идти я.

Информантства наперегонки сообщали об арестах в Комитете. Многие уже успели сообщить и об аресте Ленскова. Суть обвинения сводилась к следующему: несколько дней назад было предъявлено обвинение одному из депутатов Парламента за вымогательство взятки у руководителя авиакомпании, которую аудитор Ленсков готовил к рассмотрению на коллегии Госконтроля. Значит, сделали вывод правоохранительные органы, аудитор через своих сотрудников был в сговоре с вымогателем, не захотел встречаться с владельцем бизнес-структуры, не разрешал перенести рассмотрение вопроса на коллегии до выяснения новых обстоятельств и фактов, которые предоставила авиакомпания.

...Сотрудники бродили, где угодно, пили, особенно в конце рабочего дня. Дело с авиакомпанией получило слишком громкую огласку.

– Ту управляешь ситуацией? – Спросил, позвонив по мобильнику на мой рабочий телефон, Ленсков.

– А вы где, до сих пор не знаю точно? Я в полном неведении? Что делать, куда двигаться... Пока держу все под контролем. Но сотрудники далеко не всё делают с пониманием...

– Хорошо, подумаем... Я в больнице. Я дозвонюсь до председателя и постараюсь убедить его в том, чтобы все полномочия передать тебе... Короче, я расконсервирую долж-

ность директора департамента нашего направления и все сделаю, чтобы до моего выхода из больницы ты вел все дела вместо меня...

...В приемную председателя меня не вызывали, хотя ска-зали, чтобы я был рядом, в предбаннике. По телефону шли переговоры... Наконец, меня притащили в приемную. На среднем (нейтрально-рабочем) столе в приемной председа-теля лежала бумага: такой-то, тогда-то приступает к испол-нению обязанностей директора департамента направления аудитора Ленского (и далее по тексту). То есть, выходило, что я замещаю аудитора Ленского на время его отсутствия.

...Я уже знал, что Ленсков в закрытой правительствен-ной больнице, о своей болезни он, видимо, не захотел гово-рить мне по телефону. Мои женщины вопили, что Григорий Иванович почти при смерти и что тогда всем нам делать в этой ситуации? Я набрал приемную главного врача больни-цы и, как и.о. директора департамента, строго по-чиновно-му, переговорил с заместителем главного врача, выяснил, на-конец-то, что у Григория Ивановича был микроинфаркт...

– Чем и плоха эта зараза, – сказал врач, – от него ждешь одного, а он может любую подлость выкинуть.

...Наконец-то, всех сотрудников собрали в самой боль-шой комнате нашего департамента, пришли гости. Как-то неудобно, скомкано получилось с моим представлением: из уст руководителя аппарата Комитета прозвучало, что вот, мол, теперь за административно-распорядительную часть

аудиторского направления мы будем спокойны... А с кого же спрашивать за проверки, организацию их процесса? К этому времени меня уже хорошо знали почти все сотрудники, и они просто в недоумении пожимали плечами: что, другим аудиторам будем отдавать бумаги на «подмахивание». Так и получилось: должна срабатывать система взаимозамещения аудиторов. Наш куратор теперь – аудитор Пустовойт. Бумаги на коллегиям будет подписывать он, естественно, с визой директора департамента, то бишь, меня.

Когда начальники ушли, я, как мог, успокоил народ, сказал, что все уляжется и что мне, почему-то кажется, что пройдет немного времени, и мы услышим, как он любил лично постукивать в дверь: «Тук-тук, лично от Григория Ивановича...».

Из больницы Ленсков вышел довольно быстро, в самом начале июля, но его рабочий кабинет пустовал до конца октября. Четыре месяца. Он часто звонил мне, просил присылать самые сложные бумаги, готовящиеся на коллегиям. Их вносили на рассмотрение, но докладывал на коллегиям аудитор Пустовойт. Я пытался как-то влиять на ход дела, защищать своих сотрудников, но к осени понял, что моя карьера закончилась.

В самом начале октября планировался на рассмотрение верхней палаты Парламента вопрос об освобождении Ленскова Г.И. от должности аудитора (по собственному желанию). Но не сложилось, перенесли на вторую половину ок-

тября. Обо всем этом мне на бегу рассказала Юля, видимо, со слов своего папы. Меня уволили на следующий день после освобождения Ленскова от своих обязанностей. Приказ на меня лежал заготовленным уже несколько дней назад.

Я опять проиграл, потому что никогда даже не слышал о таких деньгах, которые фигурировали в этой истории. Время мое ушло? Понимал это, но перестраиваться на деньги не хотел. Поэтому у меня оставалось единственное из недавнего прошлого: иногда видеть по телевидению знакомую красивую женщину из Комитета.

...Колесница, слава Богу, не раздавила меня. Видимо, Юлия со своим папой в самый последний момент чуть притормозили лошадей на полном, захватывающем красотой бега, ходу. Только для того, чтобы я успел более-менее благополучно спрыгнуть.

Встречал я Юлию всего дважды. Первый раз, когда она представляла свой собственный журнал. Я как-то робко подлез к ней, чокнулись шампанским. На ее вопрос:

– Ты где?

Я ответил:

– Где-где, в Караганде... В газете «Дача». Правда, почти своей...

Второй эпизод требует вина, чтобы помянуть мою жену. Я до сих пор так люблю ее, что мне трудно дышать при одном

воспоминании о том, что она умерла. Я был в командировке на Севере, в гостиничном номере за тысячи километров от дома я узнал от сыновей, что мамы не стало...

В этой же суперсовременной северной гостинице была и Юлия. Встретились мы случайно в аэропорту. Я сказал ей о смерти жены. Прощаясь, мы пожали друг другу руки. Она отвела меня в сторонку от сопровождающих:

– Мне сказали, что ты стал выпивать... Это нехорошо, но поправимо. Когда будут деньги и будет, что терять, вино уйдет... В Москве найди меня, – она вложила мне в руку визитку, – эх, если бы ты, хотя бы наполовину, любил меня так же, как свою жену...

**(Все совпадения с ФИО, местами работы и жительства, с должностями и эпизодами*

биографий героев повести являются случайными)